

СТАРИНА И НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА ШЕСТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лив., 28.

1903

СТАРИНА И НОВИЗНА.

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель Графъ С. Шереметевъ.

СТАРИНА И НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА ШЕСТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1903

3323

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Письмо Цесаревича Александра Александровича <i>А. Н. Стюрлеру</i> .	1
Выписки изъ писемъ Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа къ Императору Николаю I-му о Пушкинѣ. Въ переводѣ графини Ек. П. Шереметевой. Съ предисловіемъ и примѣчаніями <i>Н. П. Барсукова</i> .	2
Къ портретамъ Н. В. Гоголя. <i>С. А. Рачинскаго</i>	22
Письмо Н. В. Гоголя къ Пелагеѣ Егоровнѣ Капнистѣ. Съ примѣчаніями <i>С. А. Рачинскаго</i> .	24
Письма Митрополита Московскаго Филарета къ Оберъ Прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому. Съ препроводительнымъ письмомъ Е. Вытропскаго и примѣчаніями <i>С. Т. Филиппова</i> .	26
Письма Императора Николая I къ князю П. М. Волконскому. Сообщила графиня <i>В. Б. Перовская</i> .	35
Письма Императора Николая I къ графу Б. А. Перовскому. Сообщила графиня <i>В. Б. Перовская</i>	37
Отвѣтъ графа Б. А. Перовскаго Императору Николаю I. Сообщила графиня <i>В. Б. Перовская</i>	38
Письмо Великаго князя Михаила Павловича къ князю П. М. Волконскому	39
Мои воспоминанія. 1845—1846 гг. Князя А. М. Дондукова-Корсакова. Часть II. Съ приложеніемъ приказовъ по отдѣльному кавказскому и 5-му пѣхотному корпусамъ.	41
Къ вопросу объ Арсеніи Мацѣевичѣ. Чтеніе <i>Т. И. Филиппова</i>	216
Матеріалы для біографіи А. П. Волинскаго	243
Извѣстія Донъ-Хуана-де-Персіа, направленныя къ Его Католическому Величеству Донъ Филиппу III, королю Испаніи и нашему государю. Переводъ съ испанскаго. Съ приложеніемъ снимка съ заглавнаго листа книги Донъ-Хуана-де-Персіа	293

	СТРАН.
Разсказъ Лопухина	313
Изъ семейной старины. По бумагамъ Остафьевскаго Архива князей Вяземскихъ. Съ приложеніемъ купчей на село Жарки. Гр. С. III.	315
Краткій очеркъ словъ моихъ Государю Наслѣднику Цесаревичу 1-го іюня 1865 года, въ началѣ приговорительныхъ нашихъ бесѣдъ къ присягѣ	344
Письмо А. А. Арапова къ графу С. Д. Шереметеву	347
Указатель	351

Въ VI кн. Старины и Новизны помѣщены два портрета Н. В. Гоголя между стр. 22 и 23 и снимокъ съ подорожной Урюмову съ собственноручной подписью Императора Петра I между стр. 40—41.

О П Е Ч А Т К И.

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
43	8 сверху	65 года	45 года
75	10 "	Жаргинской	Даргинской
76	9 "	Едминскій	Едлинскій
76	12 "	Микквинцъ	Минквицъ
176	25 "	boulevards	boulevards
176	31 "	nt	et
225	22 "	Святѣишихъ	Святѣйшихъ

ПИСЬМО

ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА
А. Н. СТЮРЛЕРУ.

Я прочелъ письма Гагенмейстера, и если вы будете ему отвѣчать, то напишите, что я вовсе не желаю большаго имѣнія, а тѣмъ болѣе доходнаго. Самое главное, чтобы можно было подходить на яхтѣ и чтобы якорная стоянка была хороша и безопасна. Я больше желалъ бы имѣніе на островѣ, чѣмъ на материкѣ, и въ живописной мѣстности. Далеко ли имѣніе отъ городовъ, это все равно и даже предпочтительнѣе, потому что спокойнѣе, а для провизіи и всего нужнаго есть маленькія яхты, которыя за этимъ будутъ ходить, куда нужно. Въ какомъ видѣ домъ, это тоже все равно, потому что, если нужно, можно выстроить и новый.

Вотъ главныя указанія, а потомъ, если онъ пріищеть что-нибудь въ этомъ родѣ, то я думаю передъ покупкою посмотрѣть самому имѣніе, если удастся на будущую весну пойти въ шкеры на яхтѣ Царевна.

Пожалуйста поблагодарите его очень за его хлопоты.

Вашъ А.

5 Ноября 1876 г.
Ц. С.

ВЫПИСКИ

ИЗЪ ПИСЕМЪ

Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа

къ

Императору Николаю I-му

о

Пушкинѣ.

Въ пятой книгѣ *Старины и Новизны* текущаго 1902 года (стр. 16—17), было напечатано письмо Пушкина (отъ 1-го Сентября 1828 года) къ князю П. А. Вяземскому, въ которомъ Пушкинъ отрицаетъ приписываемое ему авторство *Гавриліады*. Слѣдственное дѣло подтвердило это.

Вмѣстѣ съ симъ, Пушкинъ, въ слѣдственной комиссіи, въ присутствіи Графа П. А. Толстого, написалъ, по поводу *Гавриліады*, къ самому Императору Николаю I письмо, которое слѣдственная комиссія, „не раскрывая“, представила Государю.

Государю Императору благоугодно было приказать Завѣдующему Собственною Его Величества Библіотекою, Рихарду Александровичу Гриму, произвести розыски означеннаго письма въ своей библіотекѣ. Къ сожалѣнію, письма этого не было найдено; по Р. А. Гриммъ сдѣлалъ изъ пересмотрѣнныхъ имъ бумагъ графа А. Х. Бенкендорфа *Выписки объ А. С. Пушкинѣ*, которыя, по Высочайшему повелѣнію, были препровождены Графу С. Д. Шереметеву.

Хотя въ доставленныхъ *Выпискахъ* не находится искомаго письма Пушкина къ Императору Николаю I-му, тѣмъ не менѣе онѣ ярко рисуютъ отношенія Императора Николая I-го, въ лицѣ Пушкина, къ Русской Литературѣ и составляютъ умилительную страницу въ біографіи сего Великаго Государя, который выступилъ во всей красотѣ своего благородства и величія въ смертный тяжкій часъ кончины Пушкина.

С. М. Лукьяновъ въ своей книжкѣ — *О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина, съ медицинской точки зрѣнія* — пишетъ: „Мы должны засвидѣтельствовать, что Императоръ Николай Павловичъ оказался на высотѣ подлежащей ему задачи. Мы знаемъ, какое вѣское и задухевное слово сказали онъ своему поэту, — поэту всей Россіи и всего міра, и мы будемъ далеки отъ какого бы то ни было преувеличенія, если позволимъ себѣ утверждать, что наибольшую медицинскую помощь оказалъ на первыхъ же порахъ несчастному раненому не Арендтъ и не другой кто изъ врачей, а именно самъ Царь, слившій съ нимъ свою душу въ общемъ сознаніи братства передъ смертію и въ чувствѣ отвѣтственности передъ единымъ высшимъ нравственнымъ закономъ. Императоръ Николай Павловичъ, какъ бы ни относились историки къ общему направленію его вѣшной и внутренней политики, выступилъ передъ умирающимъ Пушкинымъ личностью въ высокой степени благородной и нравственно сильной. Онъ оцѣнилъ по достоинству все то высокое и чистое, что лежало въ основаніи поведенія Пушкина, и безъ малѣйшаго колебанія, по первому зову, предсталъ передъ нимъ съ тѣмъ нравственнымъ лѣкарствомъ, въ которомъ сраженный поэтъ такъ сильно нуждался“.

Весьма любопытны съ разсматриваемой точки зрѣнія слова Арендта: „Наша вся медицина ничего не сдѣлаетъ безъ Царя Небеснаго. Земной же Царь Русскій излилъ всю милость свою на страдальца и вниманіемъ своимъ помогаетъ Александру Сергѣевичу. Чего добраго, царскія слова совершаютъ чудо и возвращаютъ Россіи Пушкина“.

Николай Варсуковъ.

15 Іюля 1902 года.
С.-Петербургъ.

I.

Изъ записки Императора Николая I-го 1826 или 27 г.? *).

„Je suis charmé du style de la lettre de Pouschkin, et fort curieux de lire son oeuvre; faites en faire l'extrait par quelqu'un de sûr pour que la chose ne s'ébruite pas“.

Я очарованъ письмомъ Пушкина ¹⁾, и мнѣ очень любопытно прочесть его сочиненіе; велите сдѣлать выдержку кому-нибудь вѣрному, чтобы она не распространялась“.

II.

Изъ донесенія безъ даты (1826 или 1827 г.?) **):

„Ci-joint des remarques sur l'oeuvre de Pouschkin et l'extrait de cet oeuvre“.

Приписка Его Величества:

„Je garderai les notes“.

Продолженіе донесенія:

„Dans tous les cas cette pièce n'est pas à présenter sur le théâtre, mais avec quelque peu de modification elle peut être imprimée: si Votre Majesté l'ordonne je la lui renverrai en lui faisant part des observations signalées dans *l'extrait*, et en le prévenant que copie

„При семъ прилагаются замѣтки на сочиненія Пушкина и выписки изъ этого сочиненія“.

Приписка Его Величества:

„Замѣтки оставляю у себя“.

Продолженіе донесенія:

„Во всякомъ случаѣ это сочиненіе не годится для представленія на сценѣ, но съ немногими измѣненіями можно напечатать; если Ваше Величество прикажете, я его ему верну и сообщу замѣчанія, помѣченныя въ выпискѣ, и предупреду его, чтобы сохранилъ в

*) 1826 года. Н. Б.

**) 1826 года. II. Б.

est gardée, pour qu'il sache qu'il doit être sur ses gardes.

D'après la conversation que j'ai eue avec Pouschkin, par ordre de Votre Majesté, il vient de m'envoyer ses remarques sur l'éducation publique, que je joins ici. C'est déjà d'un homme qui revient à la raison“.

Приписка Его Величества:
„Je verrai ce que c'est“.

себя копию, и чтобы онъ зналъ, что онъ долженъ быть насторожѣ²⁾).

Вслѣдствие разговора, который у меня былъ, по приказанію Вашего Величества, съ Пушкинымъ, онъ мнѣ только что прислалъ свои замѣтки на общественное воспитаніе, которыя при семъ прилагаю. Замѣтки человѣка возвращающагося къ здравому смыслу“³⁾).

Приписка Его Величества:
„Посмотрю, что это такое“.

III.

Изъ донесенія безъ даты (1827? или 1826 г.) *):

„Pouschkin l'auteur est à Moscou; il parle dans toutes les sociétés avec reconnaissance et le plus grand dévouement de Votre Majesté Impériale; cependant on le surveille avec attention“.

Приписка Николая Павловича карандашомъ:

„Vous a-t-il répondu au sujet des remarques sur sa tragédie?“

„Пушкинъ авторъ въ Москвѣ и всюду говоритъ о Вашемъ Императорскомъ Велиествѣ съ благодарностью и глубочайшей преданностью; за нимъ все таки слѣдятъ внимательно“.

Приписка Николая Павловича карандашомъ:

„Отвѣтилъ ли онъ вамъ по поводу замѣтокъ на его трагедію?“⁴⁾).

IV.

Изъ донесенія, писаннаго въ Эстляндіи „Fall **), се 12 juillet 1827“:

*) 1826 года. Н. Б.

**) Фаль—близъ Ревеля. Н. Б.

„Le père du poète Pouschkin est ici; son fils va y arriver ces jours ci. Le jour de mon départ de Pétersbourg, celui-ci, après l'entrevue que j'ai eue avec lui, a parlé au cloub anglois avec enthousiasme de Votre Majesté Impériale, et a fait boire sa santé aux personnes qui dinoient avec lui. Il n'en est pas moins un bien mauvais garnement, mais si on peut diriger sa plume et ses propos, ce sera un avantage“.

„Отецъ поэта Пушкина здѣсь; его сынъ прїѣдетъ сюда на дняхъ. Въ день моего отъѣзда изъ Петербурга, этотъ послѣдній, послѣ свиданья со мной, говорилъ въ англійскомъ клубѣ съ восторгомъ о Вашемъ Величествѣ и заставилъ лицъ, обѣдавшихъ съ нимъ, пить здоровье Вашего Величества. Онъ все таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его рѣчи, то это будетъ выгодно“⁵⁾.

V.

Изъ докладной записки Императору Николаю Павловичу, безъ даты (1828—30 года?) *):

„Pouschkin demande la permission de réimprimer le Кавказскій плѣнникъ et Русланъ и Людмила, en y annexant les pièces ci-jointes“.

Приписка Императора карандашомъ:

„Je l'ai gardé“.

„Пушкинъ проситъ разрѣшенія перепечатать Кавказскій плѣнникъ и Руслана и Людмилу съ прибавленіемъ приложенныхъ при семъ статей“.

Приписка Императора карандашомъ.

„Оставилъ у себя“⁶⁾.

VI.

Изъ записки безъ даты (1830 года?) **):

„Votre Majesté Impériale ayant eu la bonté de me de-

„Такъ какъ вашему Величеству благоугодно было узнать,

*) 1828 года. II. Б.

**) 1830 года. II. Б.

mander ce qui me retenoit à la maison, je Lui dirai, que c'est la vilaine maladie de la Nèva, qui m'a surpris violemment *au bal de l'Ambassadeur de France*, et continue encore me tourmenter; j'espère cependant pouvoir sortir demain“.

Слова: „au bal de l'Ambassadeur de France“ подчеркнуты Николаемъ Павловичемъ и къ нимъ относится слѣдующая собственноручная его приписка:

„A propos de ce bal. Vous pourriez dire à Pouschkin, qu'il n'était pas convenable à lui d'être *seul* en frac, où nous nous trouvions tous en gala; et qu'il eut pour le moins se donner un uniforme de gouvernement, et qu'il le fasse dorénavant en cas pareil“.

почему я не могу выйти изъ дому, я скажу, что причиной тому несносная Невская болѣзнь, которая вдругъ сильно схватила меня *на балу у французскаго посланника* и продолжаетъ меня беспокоить; надѣюсь однако выйти завтра“.

Слова: „на балу у французскаго посланника“, подчеркнуты Государемъ и къ нимъ относится слѣдующая собственноручная его приписка:

„Кстати объ этомъ балѣ. Вы могли бы сказать Пушкину, что неприлично ему *одному* быть во фракѣ, когда мы всѣ были въ мундирахъ, и что онъ могъ бы завести себѣ по крайней мѣрѣ дворянскій мундиръ; впоследствии, въ подобномъ случаѣ пусть такъ и сдѣлаетъ“ 7).

VII.

Состенноручная записка Императора Николая, безъ даты, карандашомъ (1830 года?) *):

„J'oubliais de vous dire, mon cher ami, que dans le № d'aujourd'hui de la Пчела il y a de nouveau un article de plus plat et de plus injuste, dirigé contre Пушкинъ; cet article

„Я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ номерѣ Пчелы находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой

*) 1830 года. II. Б.

doit avoir une suite: je vous engage donc de faire venir Булгаринъ et de lui défendre dorénavant d'à la insérer telle critique que cela soit d'ouvrages littéraires; et s'il possible de défendre son journal".

статьѣ навѣрное будетъ продолженіе: по этому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія; и если возможно, запретите его журналъ".

VIII.

Изъ донесенія безъ даты, вѣроятно 1830 г. *):

„Les ordres de Votre Majesté Impériale sont exécutés; Boulgarin ne continuera pas sa critique sur Onégin.

Je l'ai lue, Sire, et je dois avouer, que je n'y ai trouvé rien de personnel contre Pouschkin; ces deux auteurs sont d'ailleurs depuis une couple d'années assez bien ensemble. La plume de Boulgarin toujours fidèle à l'autorité déplore que le voyage au delà des monts Caucases, et les grands évènements qui ont immortalisé ces dernières années, n'ayent pas donné un plus bel essor au génie de Pouschkin. Onégin est cruellement critiqué d'ailleurs par les journalistes de Moscou.

Je joins ici un article contre Димитрій Самозванецъ, pour

„Приказанія Вашего Величества исполнены: Булгаринъ не будетъ продолжать свою критику на Онѣгина.

Я прочелъ ее, Государь, и долженъ сознаться, что ничего личнаго противъ Пушкина не нашелъ; эти два автора, кромѣ того, вотъ уже года два въ довольно хорошихъ отношеніяхъ между собой. Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается надъ тѣмъ, что путешествіе за Кавказскими горами и великія событія, обезсмертившія послѣдніе года, не придали лучшаго полета гению Пушкина. Кромѣ того, Московскіе журналисты ожесточенно критикуютъ Онѣгина ⁸⁾.

Прилагаю при семъ статью противъ Дмитрія Самозванца,

*) 1830 года. Н. Б.

que Votre Majesté voye, comme on attaque Boulgarin. Si Votre Majesté a lu cet ouvrage, Elle y aura trouvé des choses très intéressantes, très monarchiques surtout, et le triomphe de la légitimité. Je désirerois que les auteurs qui attaquent cet ouvrage, écrivent dans le même esprit. Car c'est les écrits, qui sont la conscience des auteurs“.

Приписка Николая Павловича:

„Vous ne me dites rien sur vous même, mon cher ami, comment vous portez-vous?

J'ai lu avec attention la critique contre le *Самозванецъ*, et je dois vous avouer, que n'ayant encore pu lire que deux volumes et ayant seulement d'aujourd'hui commencé le troisième, j'ai fait *pour moi même* ou *en moi même* juste les mêmes réflexions. L'histoire, telle qu'elle, est plus qu'assez odieuse, pour ne pas la forcer de choses fabuleuses, atroces et inutiles pour l'intérêt de l'évènement principal. Aussi la critique sous ce rapport me paraît-elle juste. — Dans celle au contraire contre *Онегинъ*, il n'y a que du fait et fort peu de raison, quoique

чтобы Ваше Величество видѣли, какъ нападаютъ на Булгарина. Если бы Ваше Величество прочли это сочиненіе, то Вы нашли бы въ немъ много очень интереснаго и въ особенности монархическаго, а также побѣду легитимизма. Я бы желалъ, чтобы авторы, нападающіе на это сочиненіе, писали въ томъ же духѣ, такъ какъ сочиненія — это совесть писателей“.

Приписка Государя:

„Вы мнѣ ничего не говорите о себѣ, любезный другъ, какъ ваше здоровье?

Я внимательно прочелъ критику на Самозванца и долженъ вамъ сознаться, что такъ какъ я не могъ пока прочесть болѣе двухъ томовъ и только сегодня началъ третій, то *про себя* или *въ себя* размышлялъ точно также. Исторія эта, сама по себѣ, болѣе чѣмъ достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главнаго событія. А по тому, съ этой стороны критика, мнѣ кажется, справедлива.⁹⁾

Напротивъ того, въ критикѣ на Онегина только факты и очень мало смысла; хотя я со-

je ne défends nullement l'auteur qui eut bien mieux fait de ne pas s'adonner uniquement à ce genre fort amusant, mais bien moins noble, que celui de son *Полтава*. Au reste, si ce genre de critique dure, pour réciprocité je le défendrais partout".

всѣмъ не извиняю автора, который сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы, но гораздо менѣе благородному, нежели его *Полтава*. Впрочемъ, если критика эта будетъ продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее вездѣ".

IX.

Изъ докладной записки подъ № 3, безъ даты, вѣроятно 1834 года:

„Lettre de Pouschkin à moi, et une de lui à M-r Joukofsky. Puisqu'il avoue avoir fait tout simplement une bêtise, et qu'il aime mieux paraître inconséquent qu'ingrat (comme je n'ai pas encore notifié son congé du service, ni au prince Wolhonsky, ni au comte Nesselrode), je suppose que Votre Majesté daignera avoir la bonté de regarder sa première lettre, comme non avenue. Nous avons l'échelle de l'homme, et il vaut mieux qu'il soit au service que livré à soi même“.

Резолюція Его Величества:

„Je lui pardonne, mais vous

„Письмо Пушкина ко мнѣ и другое отъ него же къ Жуковскому. Такъ какъ онъ сознается въ томъ, что просто сдѣлалъ глупость, и предпочитаетъ казаться лучше непоследовательнымъ, нежели неблагодарнымъ (такъ какъ я еще не сообщалъ о его отставкѣ ни князю Волконскому, ни Графу Нессельроде), то я предполагаю, что Вашему Величеству благоудно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило чловѣка; лучше чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ“.

Резолюція Его Величества:

„Я ему прощаю, но позво-

le ferez venir pour lui expliquer une fois de plus toute la déraison de sa conduite et par où tout cela peut finir; et que ce qui pourrait être pardonnable pour un fou de 20 ans, cela ne peut l'être pour un homme de 35, mari et père de famille“.

вите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю бессмысленность его поведенія и чѣмъ все это можетъ кончиться; то, что можетъ быть простительно двадцатилѣтнему безумцу, не можетъ примѣняться къ человѣку тридцати пяти лѣтъ, мужу и отцу семейства ¹⁰⁾“.

X.

Записка Императора Николая Павловича 1837 г.:

„Pouschkin est mort; j'ai ordonné à Joukofsky de mettre son cachet sur le cabinet, et je vous invite à envoyer Doubelt chez Joukofsky, pour qu'il mette le cachet de la gendarmerie, pour plus de sécurité.“

Après huit jours, ce seront ceux deux qui leveront les cachets, et Joukofsky fera le triage des papiers“.

„Пушкинъ умеръ; я приказалъ Жуковскому приложить свою печать къ его кабинету и предлагаю вамъ послать Дубельта къ Жуковскому, чтобы онъ приложилъ жандармскую печать для большей сохранности.“

По истеченіи восьми дней эти два лица снимутъ печати и Жуковскій разберетъ бумаги“.

XI.

Докладная записка 1837 г.:

„Alexandre Stroganow sort de chez moi; son père me l'avait envoyé pour demander à Votre Majesté Impériale la permission que Danzas accompagne le corps

Александръ Строгановъ только что былъ у меня; его отецъ прислалъ его ко мнѣ, чтобы испросить разрѣшеніе Вашего Императорскаго Величества Дан-

de Pouschkin au gouvernement de Pskow où il doit être enterré.

Je crois que c'est difficile puisqu'il est déjà livré à la justice; mais peut être serait ce bien, de charger de cette commission un des amis du défunt.

De mon côté j'ai déjà fait choix depuis hier d'un officier de gend'armes, qui en facilitant le voyage aurait l'oeil sur tout ce, qui se passera dans la route.

A. Benckendorff.

Приписка Его Величества:

„J'ai déjà fait beaucoup en permettant qu'il reste en liberté jusqu'à l'enterrement; mais je ne puis faire plus sans être en contradiction avec moi même. Pourquoi Tourguénef, qui bat le pavé, ne l'accompagne-t-il pas?“

засу сопровождать тѣло Пушкина въ Псковскую губернію, гдѣ его хоронятъ.

Я думаю, что это трудно сдѣлать, такъ какъ онъ уже преданъ суду; но можетъ быть было бы хорошо возложить эту обязанность на одного изъ друзей покойнаго. Съ своей стороны, я уже избралъ вчера одного жандармскаго офицера, который, облегчая путешествіе, будетъ слѣдить за всѣмъ, что будетъ происходить во время пути.

A. Бенкендорфъ.

Приписка Его Величества:

„Я уже сдѣлалъ очень много, разрѣшивъ ему (Данзасу) свободу до похоронъ; я не могу сдѣлать больше, не входя въ противорѣчіе съ самимъ собою ¹¹⁾. Почему Тургеневъ, который обиваетъ пороги, не со-
проводитъ его ¹²⁾?“

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Пушкинъ написалъ Государю слѣдующее письмо: „Всемилющійся Государь. Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно атеизма, изложеннаго въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

Нынѣ съ надеждой на великодушіе Вашего Императорскаго Величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ я готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою.

Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуетъ постояннаго лѣченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края“.

10-го іюня 1826 года, Пушкинъ писалъ Князю П. А. Вяземскому: „Я уже писалъ Царю, тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ почтабныя ходятъ подъ именемъ Баркова“.

„Сердце не на мѣстѣ, писалъ Пушкинъ, 20 іюля 1826, къ барону Дельвигу,—но крѣпко надѣюсь на милость царскую“. (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887, VII, 177—178, 183).

2) Здѣсь рѣчь идетъ о трагедіи Пушкина *Борисъ Годуновъ*, которая была написана Пушкинымъ въ Михайловскомъ. Въ сентябрѣ 1825 года,

онъ писалъ Князю Вяземскому: „Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай-да Пушкинъ, ай-да!... Жуковский говоритъ, что Царь меня проститъ за трагедію. Наврядъ, мой милый, хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ“. (Сочиненія А. С. Пушкина. III, 79). 3 января 1827 года, Пушкинъ писалъ графу Бенкендорфу: „Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего превосходительства, увѣдомляющее меня о всемилоостивѣйшемъ отзывѣ Его Величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ Государь Императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное“. (*Русская Старина* 1899. Май, стр. 248—249).

3) Въ 1826 году, послѣ коронаціи, Императоръ Николай I вызвалъ Пушкина въ Москву изъ его Михайловскаго заточенія. Тотчасъ по прибытіи въ Москву, Пушкинъ имѣлъ счастье быть представленъ Государю.

Государь бесѣдовалъ съ Пушкинымъ о возмущеніи 14 декабря, о намѣреніяхъ своихъ дать прочное основаніе и направленіе воспитанію юношества (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1889. II, 41). Л. Н. Майковъ въ своей статьѣ—*Пушкинъ въ изображеніи барона М. А. Корфа* приводитъ слѣдующее мѣсто изъ записокъ Корфа: „Въ апрѣлѣ 1848 года я имѣлъ разъ счастье обѣдать у Государя. За столомъ рѣчь зашла о Лицеѣ и оттуда—о Пушкинѣ“.

„Я впервые увидѣлъ Пушкина“, рассказывалъ намъ Государь,— „послѣ коронаціи, въ Москвѣ, когда его привезли ко мнѣ изъ его заточенія, совсѣмъ больнаго и въ ранахъ... Что вы бы сдѣлали, еслибъ 14 декабря были въ Петербургѣ?—спросилъ я его между прочимъ.— Былъ бы въ рядахъ мятежниковъ, отвѣчалъ онъ не запинаясь. Когда потомъ я спрашивалъ его: переимѣнился ли его образъ мыслей, и даетъ ли онъ мнѣ слово думать и дѣйствовать впредь иначе, если я пушу его на волю, онъ очень долго колебался и только послѣ длиннаго молчанія протянулъ мнѣ руку, съ обѣщаніемъ сдѣлаться инымъ“ (*Русск. Старина* 1899. Августъ, стр. 310).

Бесѣда съ Императоромъ вдохновила Пушкина, и онъ написалъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни и проч.

Но эти стансы вызвали рѣзкія замѣчанія друзей Пушкина, и онъ отвѣчалъ имъ, своимъ *Друзьямъ*:

Нѣтъ я не льстецъ, когда Царю
Хвалу свободную слагаю...

Его я просто полюбилъ. .

— Не жестокъ въ немъ духъ державный.
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подаль—и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновение,
Освободилъ онъ мысль мою.
И я ль, въ сердечномъ умиленѣ,
Ему хвалы не воспою?

Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на Царя назоветъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничить.

...Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потуши очи долу.

И Пушкинъ до конца своей жизни любилъ Императора Николая І. 22 апрѣля 1834 года, онъ писалъ къ своей женѣ: „Къ наслѣднику (Александру Николаевичу) являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди, и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: Первый (Павелъ І) велѣлъ снять съ меня картузь, и пожурилъ за меня мою няньку; второй (Александръ І) меня не жаловалъ; третій (Николай І), хотъ и унекъ меня въ камеръ-нажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ“. (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887. VII, 343).

30 сентября 1826 года, изъ Москвы графъ Бенкендорфъ писалъ Пушкину: „Государь Императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вамъ въ столицу, но представляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія черезъ письмо... ..Его Величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами и о воспитаніи юношества... Предметъ сей долженъ представлять вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣд-

ствія ложной системы воспитанія“ (*ibid.* май, стр. 247). Записка Пушкина о народномъ воспитаніи написана имъ въ Михайловскомъ 15 ноября того же 1826 года и напечатана П. И. Бартеневымъ въ *Девятнадцатомъ Вѣкѣ* (М. 1872. II, 209—218).

4) Пушкинъ прожилъ въ Москвѣ съ 8 сентября до конца октября 1826 года. См. *Примѣчаніе* 2-е.

5) Пользуясь дозволеніемъ жить въ столицахъ, Пушкинъ въ іюлѣ 1827 года изъ Михайловскаго пріѣхалъ въ Петербургъ. Но поѣздка Пушкина въ Ревель, кажется, не состоялась. Въ своемъ посланіи, 14 іюля сего 1827 года къ Языкову, въ Дерптѣ, онъ писалъ:

Къ тебѣ сбирался я давно
Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
Тобой воспѣтое вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ...

Въ это время Пушкинъ вступилъ въ непріятное столкновение съ однимъ изъ чиновниковъ Бенкендорфа, Статскимъ Совѣтникомъ Ольдекопомъ, и по этому поводу, 20 іюля того же 1827 года, писалъ Бенкендорфу: „Въ 1824 году, г. Статскій Совѣтникъ Ольдекопъ, безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое *Кавказскій Пѣтунникъ*... Вслѣдствіе сего, родитель мой, Статскій Совѣтникъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Ольдекопъ перепечаталъ *Кавказскаго Пѣтунника* для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ; что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ, Статскій Совѣтникъ Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа томо развѣ, яко мошенника; на что не смѣлъ я согласиться, изъ уваженія къ его званію и опасаясь заплатить за безчестіе“. (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887, VI, 194).

6) Предисловіе ко второму изданію *Руслана и Людмилы* и *Кавказскаго Пѣтунника* подписано Пушкинымъ въ 1828 году.

7) 28 января 1830 года графъ Бенкендорфъ писалъ Пушкину: „Государь Императоръ замѣтитъ изволилъ, что вы находились на балѣ у французскаго посла во фракѣ, между тѣмъ, какъ всѣ прочіе, приглашенные въ сіе общество, были въ мундирахъ. Какъ всему дворянскому сословію присвоенъ мундиръ тѣхъ губерній, въ коихъ они имѣютъ помѣстья, или откуда родомъ, то Его Величество полагать изволить при-

личнѣ Русскому дворянству являться въ семь нарядѣ въ подобныя собранія". (*Русск. Старина* 1899. Май, стр. 251).

8) Въ 1830 году Пушкинъ издалъ отдѣльною книжкою VII-ю главу *Евгенія Онгина*. Кипящій жаждою мести, Булгаринъ воспользовался этимъ случаемъ и напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ* разборъ этого произведенія. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ разборѣ: „Въ *Московскомъ Телеграфѣ* сказано: „нынѣ требуютъ отъ писателей не одной подписи знаменитаго имени, но достоинства внутренняго и изящества внѣшняго“. Справедливо!... Холодный пріемъ, оказанный публикою поэмѣ *Полтава*, о которой такъ остроумно сказано было Надеждинымъ въ *Вѣстникѣ Европы*, служитъ явнымъ доказательствомъ, что очарованіе именъ исчезло. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать вниманіе публики къ такимъ произведеніямъ, какова, напримѣръ, глава VII-я *Евгенія Онгина*. Ни одной мысли въ этой водянистой VII-й главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія. Совершенное паденіе, chute complète! Итакъ, надежды наши исчезли! Мы думали, что авторъ *Руслана и Людмилы* устремился на Кавказъ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги Русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на Востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбуждаютъ геній нашихъ поэтовъ — и мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей поэзіи появился опять *Онгинъ*, блѣдный, слабый.. сердцу больно, когда взглянешь на эту безцвѣтную картину! Все содержаніе этой VII-й главы въ томъ, что Таю везутъ въ Москву изъ деревни... Всѣ описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобъ можно было печатать такія мелочи! Разумѣется, авторъ часто говоритъ о себѣ, о своей скукѣ, томленіи, о своей мертвой душѣ. Великій Байронъ ужъ такъ утомилъ насъ всѣми этими выходками, что мы сами чувствуемъ невольное *томленіе*, слыша безпрестанное повтореніе одного и того же“.

Союзниками Булгарина въ Москвѣ явились профессоръ Надеждинъ и журналистъ Полевой. Когда нѣкій Тлѣнскій принесъ отзывъ Булгарина профессору эстетики Надеждину, то сей послѣдній замѣтилъ: „Я зналъ давно, что этому когда-нибудь, а надо будетъ случиться! Равенъ, правда, немножко: ну—да нынѣ вѣкъ такой! Шагаемъ исподлински“... Къ этому замѣчанію профессоръ прибавилъ: „Талантъ—особенно не закупоренный печатью истиннаго образованія — скоро очень выдыхается“... Профессоръ эстетики глумится даже и надъ этими чудными стихами, находящимися въ той же VII-й главѣ *Онгина*:

Или не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ?

„Нѣтъ“!—восклицаетъ профессоръ,—„воля ваша, а Пушкинъ—не мастеръ мыслить!“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1890. III, 23—24).

9) *Дмитрій Самозванецъ* Булгарина и VII-я глава *Евгенія Онегина* Пушкина вышли въ свѣтъ одновременно. Очевидно графъ Бенкендорфъ представилъ Государю рецензію на *Дмитрія Самозванца*, написанную барономъ Дельвигомъ и напечатанную въ *Литературной Газетѣ* 1830 года. Въ этой рецензіи баронъ Дельвиго, между прочимъ, замѣтилъ: „Намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю; но чувство патріотизма заразительно, и мы бы еще съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ Русскимъ“ (№ 14, стр. 112—113).

10) Дѣйствительно, въ 1834 году у Пушкина явилась мысль кореннымъ образомъ измѣнить свой образъ жизни, совершенно не соотвѣтствующій состоянію его финансовъ. Въѣстъ съ тѣмъ, онъ вполнѣ сознавалъ, что „зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ, и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства“.

Желая приготовить къ мысли объ отставкѣ свою жену, Пушкинъ писалъ ей, отсутствующей изъ Петербурга:

15 мая 1834 года: „Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость; особенно, когда лѣтъ двадцать человекъ былъ независимъ“.

29 мая: „Съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстил моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять“...

8 іюня: „...Я недолженъ былъ вступать въ службу... Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ угодно.“

Опала легче презрѣнія“.

11 іюня: „Боже мой!“, восклицаетъ Пушкинъ, „кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ Петербургъ не заманили и Московскимъ калачемъ. Жилъ бы себѣ бариномъ. Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости, и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: „Hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal. ... Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ!“

Конецъ іюня: „Я вѣрно думаю объ отставкѣ...

2 іюля: „Пожалуйста, не требуй отъ меня нѣжныхъ, любовныхъ писемъ. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются въ полиціи, и такъ далѣе—охлаждаетъ меня, и я поневолѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна не будетъ“. (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887. VII, 349—350, 356—357, 359).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, еще въ іюнѣ того же 1834 года, Пушкинъ писалъ графу Бенкендорфу, что онъ „по обстоятельствамъ, для него интереснымъ, имѣетъ надобность отправиться въ Москву и долженъ оставить службу“; но просилъ дозволить ему продолжать посѣщеніе архивовъ. На это ему отвѣтили, что „Его Величество не желаетъ никого удерживать противъ воли; но что на посѣщеніе государственныхъ архивовъ Его Величество не изъявилъ соизволенія, такъ какъ право это можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства“. (*Русская Старина* 1874. X, 712).

Тогда Пушкинъ, 4 іюля 1834 года, написалъ графу Бенкендорфу слѣдующее:

...„Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностію и сопротивленіемъ волѣ того, кто дониндѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости“. Въ тотъ же день Пушкинъ писалъ Жуковскому: „Получилъ офиціальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получу, но что входъ въ архивы мнѣ будетъ запрещенъ. Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ. Подалъ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны; положеніе мое не весело; перемѣна жизни почти необходима. Изъяснить это все графу Бенкендорфу мнѣ не достало духа... Писать письмо прямо Государю, ей Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужъ и такъ много сдѣлалъ для меня“.

Въ другомъ письмѣ своемъ къ Жуковскому (6 іюля) Пушкинъ писалъ: „Я, право, самъ не понимаю, что со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего

моего семейства, собственное мое спокойствіе—какое тутъ преступленіе? Какая неблагодарность? Но Государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. Въ такомъ случаѣ, я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ... Въ глубинѣ сердца своего я чувствую себя правымъ предъ Государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ... Что мнѣ дѣлать? Просить прощенія? Да въ чемъ? Къ Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердцѣ "...

Наконецъ 13 іюля Пушкинъ писалъ своей женѣ: "...На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидь, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты и рада.. Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще двадцать пять; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, и что скажутъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили, какъ шута, и что ихъ маменька ужась какъ мила была на Аничковскихъ балахъ". (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887, VII, 360—362, 366).

Въ томъ же письмѣ Пушкинъ писалъ: „Я деньги мало люблю — но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости“.

Между тѣмъ, жизнь Пушкина нисколько не измѣнилась. Онъ не отказался ни отъ свѣта, ни отъ картъ, ни отъ разгула. Однимъ словомъ, продолжалъ жить выше средствъ; а безденежье было его неизлѣчимою болѣзнію.

Не даромъ онъ нѣкогда въ уста книгопродавца вложилъ слѣдующее:

Нашъ вѣкъ—торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзный
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата;
Копите злато до конца.

11) Въ *Приказъ по инженерному корпусу* мы читаемъ: „По военно-судному дѣлу, произведенному по Высочайшему повелѣнію, при Лейбъ-Гвардіи Конному Полку, состоящій при морской строительной части инженеръ-подполковникъ Данзасъ оказался виновнымъ въ противозаконномъ согласіи, по убѣжденію покойнаго камеръ-юнкера Пушкина, быть со стороны его секундантомъ при дуэли его съ поручикомъ Кавалергардскаго Ея Величества полка барономъ Геккереномъ, и въ принятіи всѣхъ зависящихъ мѣръ къ отвращеніи сей дуэли; за что генералъ аудиторіатъ, на основаніи законовъ, хотя и находитъ под-

полковника Данзаса, какъ участника совершившагося преступленія, подлежащимъ лишенію чиновъ, но принимая въ уваженіе немаловременную и усердную его службу, равно отличную нравственность, бытность въ походахъ и многократныхъ сраженіяхъ, полученную при штурмѣ крѣпости Браилова рану пулею въ лѣвое плечо на вылетъ, съ раздробленіемъ кости, и заслуженные имъ храбростію знаки отличія,—полагалъ: вмѣнивъ Данзасу въ наказаніе бытность подъ судомъ и арестомъ, выдержать сверхъ того подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ два мѣсяца, и послѣ того обратитъ попрежнему въ службу“. (*Русская Старина* 1899, Май, стр. 246).

Отецъ графовъ Александра и Сергѣя Григорьевичей Строгоновыхъ, графъ Григорій Александровичъ, по матери своей Елизаветѣ Александровнѣ Загряжской, былъ двоюроднымъ братомъ тещи Пушкина, Наталіи Ивановны Гончаровой.

12. Наканунѣ смерти Пушкина, 28 января 1837 года, А. И. Тургеневъ писалъ К. С. Сербиновичу: „Я спѣшу къ сосѣду моему Пушкину. Вчера раненъ онъ офицеромъ Кавалергардскаго полка Гекерномъ, своимъ beau-frère, смертельно, и вѣроятно сегодня Россія лишится великаго поэта“.

Когда Тургеневъ подошелъ къ умирающему Пушкину, то онъ, по свидѣтельству Жуковского, „посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: Карамзину!“ (*Сочиненія В. А. Жуковского*. Изд. 1878 г., VI, 14).

Извѣстно, что Тургеневъ, въ 1811 году, отвезъ Пушкина въ Царскосельскій Лицей, а въ 1837 году ему же пришлось провожать Пушкина до мѣста вѣчнаго его упокоенія въ Святогорскомъ монастырѣ.

„Тургеневъ“, писалъ князь П. А. Вяземскій, „отправился третьяго дня вечеромъ съ тѣломъ Пушкина и съ жандармскимъ капитаномъ для погребенія въ монастырь Святыхъ Горы. Не до смѣха было, а нельзя намъ было воздержаться отъ смѣха, глядя на Тургенева и на сборы его дорожные“. (*Русскій Архивъ* 1879. II, 247).

Къ портретамъ Н. В. Гоголя.

Прилагаемый при семъ офортъ, изображающій Гоголя въ гробѣ,—точный снимокъ съ нынѣ весьма рѣдкой литографіи, изданной нѣсколько дней послѣ смерти Гоголя.

Вотъ исторія этой литографіи.

Вскорѣ послѣ кончины Гоголя, тѣло его было положено во гробъ и перенесено въ церковь Московскаго Университета. Тутъ около гроба, до самого погребенія, постоянно дежурили студенты.

Въ одномъ изъ такихъ ночныхъ дежурствъ участвовалъ мой покойный братъ — Владиміръ Александровичъ Рачинскій, тогда студентъ 4-го курса юридическаго факультета. Обладая немалымъ талантомъ въ рисованіи и желая сохранить воспоминаніе объ этомъ скорбномъ и торжественномъ бдѣніи, онъ, во второмъ часу ночи, принялся рисовать профиль покойнаго, надѣясь, что успѣетъ окончить рисунокъ безъ свидѣтелей.

Но въ это время вошла въ церковь графиня Е. П. Растопчина, задрапированная по-испански въ черныя кружева, все еще прекрасная. Долго молилась она передъ гробомъ, а затѣмъ обратила вниманіе на рисующаго юношу, взглянула на его набросокъ и была поражена достигнутымъ сходствомъ и передачею печати важнаго покоя, лежавшаго на чертахъ усопшаго.

На другой день она рассказала о портретѣ Вл. Ив. Назимову, тогдашнему попечителю Московскаго Университета. Онъ такъ же пожелалъ на него взглянуть и настоялъ на томъ, чтобы онъ былъ воспроизведенъ и пущенъ въ продажу. Такъ и сдѣлали. Портретъ

Н. В. Гоголь.

Н. В. Гоголь въ гробу.

былъ налитографированъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и въ нѣсколько дней раскупленъ.

У меня сохранилась расписка, писанная рукою Степана Петровича Шевырева, въ полученіи отъ В. А. Рачинскаго 148 руб. на сооруженіе памятника Гоголю.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, какимъ то убогимъ рисовальщикомъ была пущена въ продажу плохая копія, въ уменьшенномъ видѣ, съ рисунка моего брата, съ прибавкою разныхъ безвкусныхъ эмблемъ.

Маленькій цвѣтной офортъ, изображающій Гоголя живымъ, снятъ съ наброска покойнаго моего зятя, Эммануила Александровича Димитріева-Мамонова:

Мало извѣстный, этотъ художникъ обладалъ изумительнымъ даромъ придавать разительное сходство самымъ бѣглымъ своимъ портретнымъ наброскамъ. Сохранился цѣлый альбомъ его портретныхъ очерковъ, сдѣланныхъ для покойной Авдотьи Петровны Елагиной въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка. Тутъ и Хомяковъ и Аксаковъ и Герценъ и Грановскій и Петръ Ивановичъ Бартеневъ, единственный нынѣ оставшійся въ живыхъ изъ блестящаго круга писателей, собиравшихся въ приснопамятномъ домѣ Елагиныхъ, и множество другихъ интересныхъ портретовъ. Вся эта галлерей, отличающаяся несравненною жизненностію, еще ждетъ достойнаго воспроизведенія. Одною изъ спеціальностей художника было рисованіе на память портретовъ, по сходству изумительныхъ. Прилагаемый очеркъ возникъ почти мгновенно, на моихъ глазахъ, на клочкѣ бумаги, на ряду съ другими набросками. Лицо Гоголя, коего художникъ видалъ очень часто, по близости своей къ Елагинымъ и Аксаковымъ, онъ изучилъ въ совершенствѣ.

Оба рисунка воспроизведены съ безусловно точностію искусною иглою Николая Захаровича Панова.

С. Рачинскій.

ПИСЬМО

Гоголя къ Пелагееъ Егоровнѣ Капнистѣ.

(Съ автографа, подареннаго гр. П. Н. Капнистомъ).

Окт. 3. Москва.

Отправившись изъ Москвы недѣлею послѣ васъ, я на дорогѣ заболѣлъ и долженъ былъ возвратиться вновь въ Москву. Нервы мои, расколебленные всякими тревогами, до того раздражились, что дороги и ѣзда, доселѣ всегда благотворно дѣйствовавшія на здоровье мое, теперь стали дѣйствовать совершенно напротивъ. Коляску, которую припасъ себѣ для ѣзды въ Крымъ, я рѣшился отправить вамъ въ Полтаву, съ тѣмъ, чтобы ее переслали Матускѣ, которая, буде коляска понадобится сестрѣ, передать ей, а не то оставить въ васильевкѣ. Коляска эта, не смотря на то, что не нова, очень покойна и легка, для поѣздокъ удобна, и по мнѣ людямъ, имѣющимъ двадцать душъ помѣстья, неприлично щеголять въ новой коляскѣ. Посылаю вамъ 50 рублей серебромъ, изъ которыхъ сорокъ прошу убѣдительно вручить доставящему ее извознику крестьянину Рахманову Ѳедоту Сергѣеву, буде все будетъ въ исправности и неизломано, а десять передать сестрѣ Ольгѣ на бѣдныхъ и больныхъ. Коляска имѣетъ форму кочь-каресы. Стекла такія, какъ и въ каретѣ, стало-быть, какъ желала сестра Елисавета. Прійти она должна около 10-го октября. Ключи отъ сундуковъ (два ключа наружн. и 3 внутр.) находятся въ боковомъ карманѣ, внутри коляски, что вверху.

Затѣмъ мысленно цѣлую Ваши ручки, за все вамъ благодарный.

Н. Гоголь.

Письмо это, по содержанію совершенно ничтожное, однако носить общую всѣмъ позднѣйшимъ письмамъ Гоголя печать мелочной морализаціи. Въ употребленіи буквъ прописныхъ и строчныхъ сохранено правописаніе подлинника.

Любопытно употребленіе причастія будущаго времени въ словѣ *доставящему*. Та же форма встрѣчается и въ одномъ изъ писемъ Гоголя къ Данилевскому:

„И какъ путешественникъ, который уложилъ всѣ свои вещи въ чемоданъ и усталый, но спокойный, ожидаетъ только подъѣзда кареты, *понесущей* его въ далекій, вѣрный, желанный путь,—такъ и я, претерпѣвъ урочное время своихъ испытаній, изготоясь внутреннею, удаленною отъ міра жизнію, покойно, неторопливо, по пути начертанному свыше, готовъ идти, укрѣпленный и мыслию и духомъ“.

Употреблялъ причастіе будущаго времени и Погодинъ. Въ письмѣ отъ 29 авг. 1858, къ кн. Вас. Андр. Долгорукову, описываетъ:

„Прошу Васъ возвратить мнѣ это письмо, которое я пишу прямо па бѣло, или приказать мнѣ прислать копію, *пойдушую* въ мою біографію“. (*Барсуковъ*. Погодинъ XV, 418).

Въ настоящее время весьма неудачно пользуется этою формою Г-жа Щепкина-Куперникъ:

То—ожиданіе, рои будущаго тѣней,
Туда *придутихъ* сновъ, тамъ *прозвучашихъ* словъ....

(Мои стихи. М. 1901).

С. Рачинскій.

ПИСЬМА

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ФИЛАРЕТА

къ

ОВЕРЪ ПРОКУРОРУ СВ. СИНОДА, ГРАФУ А. П. ТОЛСТОМУ.

Съ препроводительнымъ письмомъ Е. Вытроцкаго и примѣчаніями.

(Изъ архива Т. И. Филиппова).

Ваше Высокопревосходительство, многоуважаемый о Господѣ Тертіи Ивановичъ!

Въ Скитскомъ архивѣ, въ бумагахъ о. Климента, отыскалъ я два письма М. Филарета къ графу А. Толстому 1858/9 г., по Греко-Болгарскимъ дѣламъ, и еще записку (безъ подписки) съ отзывомъ о цензорѣ, пропустившемъ статьи въ Р. Вѣстникѣ и Бесѣдѣ, по тому же предмету.

Въ Собраніи писемъ, изданныхъ А. Саввой—(1888 г.), настоящихъ писемъ не помѣщено.

Мрежу свою закидывалъ я на счастье, послѣ такого архивнаго звѣря, какъ о. Леонидъ Кавелинъ, послѣ К. Леонтьева и др.

Съ благословенія о. Аватолія, рукописи эти представляю на Ваше распоряженіе.

Если рукописи эти приметъ Его Высокопревосходительство, какъ имянинный подарокъ, ради полустолѣтней любви (усерднѣйше поздравляю съ наступающимъ днемъ Ангела Вашего), то дерзаю ожидать за сіе мзду.

Имѣю вѣру, что случай этотъ устроилъ Великій старецъ о. Амвросій *), чтобы встати (а можетъ быть и не встати) напомнить Вамъ о томъ благодѣяніи, которое, по просьбѣ старца, обѣщали Вы оказать устроявшейся имъ (но неустроенной вполнѣ) Казанской Общинѣ—отводомъ казеннаго лѣса.

Неизвѣстно здѣсь, какъ относится Калужскій Владыка къ надѣленію Общины лѣсомъ, но за то Консисторія и его Преосвященство сочинили уставъ для Оптина, понуждая монаховъ „въ видѣніи восходъ“, и потребовали, чтобы Оптинскіе старцы написали уставъ для Казанской Женской Общины; предварительно же Консисторія спрашивала Настоятельницу, нельзя ли замѣнить старчество мірскимъ священникомъ, назначеннымъ въ Общину Консисторіей?

Прошу прощенія, что много отнял у Васъ времени, нужнаго для государственныхъ дѣлъ.

Съ чувствомъ искренней любви, какъ моему Аввѣ, имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства нижайшимъ послушникомъ.

Ерастъ Вытропскій ¹⁾).

27 декабря 1891 г.
Оптинскій скитъ.

Конфиденціально.

1.

Сіятељнѣйшій Графъ, Милостивый Государь!

25 дня послалъ я къ Вашему Сіятельству обстоятельную записку о протестѣ геронтовъ ²⁾). Желалъ бы, хотя письменно, для моего соображенія и наставленія мнѣ, знать, какъ разсуждаютъ о семъ у Васъ. Ибо здѣсь не имѣю удобства погѣрить мои мысли мыслями кого-либо другаго.

Государь Императоръ изволилъ говорить о семъ предметѣ, и я представилъ Его Величеству мои мысли, что, при недостаточности истиннаго и искреннаго единства въ Константинопольскомъ

*) Копіяна его была 10-го, а не 9-го октября, какъ напечатано въ Московскихъ Вѣдом.

патріархатѣ, намъ надобно идти въ срединѣ между патріархомъ и геронтами, между Еллинизмомъ и Болгаризмомъ, и стараться сводить крайности въ средину мира и согласія. Государь Императоръ благосклонно принялъ сію мысль.

У меня былъ камеръ-юнкеръ Неклюдовъ, знающій Востокъ и собирающій свѣдѣнія отъ возвращающихся оттуда. Онъ говоритъ, что въ Іерусалимѣ несогласіе епископа Мелитопольскаго и Консула Дорогобужскаго служитъ великимъ соблазномъ, и вредитъ намъ въ мнѣніи тамошнихъ; наши Богомольцы довольны Преосвященнымъ Кирилломъ. По его мнѣнію, надобно или Епископу быть тамъ начальствующимъ преимущественно предъ Консуломъ, или совсѣмъ не быть Епископу, а быть при консульствѣ церкви съ Архимандритомъ. Онъ также неодобряетъ, что деньги, назначенныя на христіанское благотвореніе на востокѣ, идутъ въ пароходную компанію. Пишу о семъ Вашему Сіятельству, полагая, что Вамъ нужно имѣть въ виду подобныя сужденія.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга Филаретъ Митрополитъ Московскій.

Августа 28.
1859.

2.

Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь!

Насъ посѣтилъ въ Лаврѣ возвратившійся изъ Константинополя Іеродіаконъ Александръ ³⁾, и былъ со мною въ праздникъ Преподобнаго Сергія въ священнослуженіи, и за соборнымъ столомъ, и въ моей келліи. Я радъ былъ принять члена Греческаго духовенства.—Онъ сказалъ мнѣ, что геронты хотятъ писать къ все-россійскому Синоду; а о патріархѣ ничего не говоритъ, какъ бы его не было.

Станнымъ кажется мнѣ, что все вниманіе обращается на неизвѣстный церковнымъ правиламъ классъ геронтовъ, а не на каноническаго вселенскаго патріарха. Мои вопросы заставили

Іеродіакона Александра отвѣчать о патріархѣ; и отвѣтъ былъ не одобрителный для уваженія къ сану.

На вопросъ о членахъ іерархіи, особенно сильныхъ разумѣніемъ и опытомъ, онъ пазвалъ митрополита Никомидійскаго, значительнѣйшаго изъ геронтовъ.

Я спросилъ: какъ онъ расположенъ къ патріарху? Отвѣтъ: „прежде былъ расположенъ, а теперь ненавидитъ“.

Пусть бы онъ былъ несогласенъ съ патріархомъ, и былъ противнаго мнѣнія: но онъ—*ненавидитъ*! Это ли отношеніе между старѣйшими іерархами? Можно ли дѣйствовать искренне съ такими расположеніями?

Наконецъ Іеродіаконъ при прощаніи крайне удивилъ меня, предложивъ мнѣ послѣдній вопросъ: что поручу я сказать Вашему Сіятельству, какъ Вамъ дѣйствовать въ настоящихъ обстоятельствахъ? Я отвѣчалъ, что не могу дать на сіе никакого отвѣта, то-есть не имѣю на сіе никакого права; мой долгъ управлять епархіею, мнѣ ввѣренной. Я долгомъ поставляю довести сіе до свѣденія Вашего Сіятельства, чтобы человекъ, который ставитъ себя въ высшее положеніе, не примѣчая того, также непримѣтно не передалъ Вашему Сіятельству словъ моихъ иначе, нежели мною они сказаны.

Знаю, что Ваше Сіятельство нѣкоторыя записки мои по дѣламъ сообщали Владыкѣ Новгородскому. Не зная, сообщите ли ему то, что я писалъ о низложеніи патріарха и о протестѣ геронтовъ, я отдѣлилъ отъ записки о первомъ изъ сихъ предметовъ первые пять пунктовъ, существеннѣе къ сему предмету относящихся, и ихъ и записку о протестѣ геронтовъ послалъ Владыкѣ, послѣ того, какъ услышалъ, что геронты будутъ писать въ Свят. Синодъ.

Отъ Пресвятыя Троицы и отъ Преподобнаго Сергія призывая Вамъ благословеніе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга Филаретъ, Митрополитъ Московскій.

Въ Геосиманскомъ свитѣ.

Сент. 30.
1859 г.

3.

Объясненіе цензора далеко выходитъ изъ предѣловъ приличія ⁴⁾).

Мысль его, что *Россія давно духовно отдѣлилась отъ Константинополя*, показываетъ крайнее незнаніе въ дѣлѣ вѣры.

Онъ хочетъ различить рѣчи противъ *Церкви* отъ рѣчей противъ *іерархіи*.

Но когда онъ говоритъ, что Фанариоты, или, что у него значить тоже, вся Греческая іерархія, въ которой заключаются всѣ патріархи, гонить христіанъ и служатъ Исламизму, то черезъ сіе онъ уничижаетъ Церковь. Есть-ли бы онъ въ предѣлахъ Западной Церкви написалъ, что папа гонитъ христіанъ и служитъ Исламизму, неужели не осудили бы его, какъ оскорбителя Церкви и вѣры? Не то же ли самое дѣлаетъ онъ въ Восточной Церкви.

Впрочемъ отвѣчать на его записку надо по сличеніи того, что было писано прежде цензуры ^{*)}).

Сент. 10.
1858 г.

^{*)} Р. S. Копія съ объясненія цензора есть въ скиту.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Вытропскій Ерастъ Кузьмичъ—товарищъ Т. И. Филиппова по Тверской гимназій. Прибыль вмѣстѣ съ нимъ и К. Н. Леонтьевымъ въ Оптину пустынь въ 1886 г. и вступилъ здѣсь въ число монастырской братіи. Находился неотлучно при о. Амвросіи до дня его кончины, ведя всю его переписку. Нынѣ еще здравствуетъ.

2) Въ письмахъ отъ 28 августа и 30 сентября 1859 года къ Оберъ-Прокурору Свят. Синода, Графу А. П. Толстому, Митрополитъ Московскій Филаретъ касается событій въ Константинопольской церкви, вызванныхъ изданіемъ Турецкимъ Правительствомъ „Хатти-Хумаюна“ (высочайшей грамоты) о преобразованіяхъ, касающихся внутренняго устройства Великой церкви и духовенства и обнимающихъ, между прочимъ, слѣдующіе предметы: избраніе и низложеніе Вселенскаго Патріарха, избраніе Архіереевъ, составъ Патріаршаго Синода, отношеніе Синода къ Патріарху, назначеніе жалованія духовенству *). Для составленія проекта церковныхъ преобразованій, было созвано при Константинопольскомъ Патріархатѣ Церковно-Народное Собраніе, состоявшее подъ предсѣтельствомъ Патріарха изъ 20 свѣтскихъ членовъ и 7 духовныхъ, причемъ въ число послѣднихъ не были допущены, по востановленію Высокой Порты, пожизненные члены синода-геронты, которымъ было предоставлено лишь право избранія духовныхъ членовъ собранія. Это обстоятельство дало поводъ геронтамъ усматривать въ дѣйствіяхъ Оттоманскаго Правительства желаніе уничтожить патріаршій синодъ и тѣмъ нарушить права и привилегіи Константинопольской церкви. Не удовлетворяясь объясненіемъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, даннымъ въ его тескере

*) Полный текстъ Хатти-Хумаюна напечатанъ на русскомъ языкѣ въ брошюрѣ проф. Гиргаса—„Права христіанъ на Востокъ по мусульманскимъ законамъ“. Спб. 1867.

къ Святѣйшему Патріарху, этой правительственной мѣры, которал, по словамъ Фуадъ-Паши, была принята единственно въ виду высокаго положенія геронтовъ, которое не позволяло имъ—старѣйшимъ и первенствующимъ по чести Архіереямъ, быть избираемыми въ члены Церковно-Народнаго Собранія младшими Архіереями, а также указаніемъ Министра, что право избирателей считается выше правъ избираемыхъ ими членовъ, геронты, во главѣ съ Никомидійскимъ Митрополитомъ, обратились съ просьбой о защитѣ ихъ правъ къ Императорской Русской Миссіи и Французскому Посольству и добивались низведенія Кирилла VII съ патріаршаго престола, изображая его человѣкомъ слабохарактернымъ, неспособнымъ отстаивать интересы церкви и подпавшимъ всецѣло подъ Турецкое вліяніе. Обращеніе это не имѣло успѣха, такъ какъ Русскій Посланникъ принялъ въ настоящемъ случаѣ сторону Патріарха.

Между тѣмъ, жалобы геронтовъ и ихъ возраженія на постановленія Церковно-Народнаго Собранія побудили Турецкое Правительство,—съ согласія Патріарха и рѣшенія Собранія,—издать повелѣніе объ удаленіи геронтовъ изъ Константинополя въ ихъ епархіи. Это требованіе было основано на томъ соображеніи, что столь долгое, невызываемое положеніемъ дѣлъ и даже противное каноническимъ правиламъ, пребываніе геронтовъ въ Константинополѣ дурно отражается на дѣлахъ низверженныхъ ихъ управленію епархій. Подчиняясь распоряженію Порты, объявленному Фуадъ-Пашой въ тескере (1275. Зулкадоре 18) Вселенскому Патріарху, геронты покинули Константинополь и передъ своимъ отбытіемъ въ епархіи вручили Патріарху Кириллу VII протестъ по поводу его безучастнаго отношенія къ дѣламъ Великой Церкви, а также противъ всѣхъ постановленій Церковно-Народнаго Собранія, которыя оказались бы несогласными съ соборными правилами и съ издревле существующимъ церковнымъ устройствомъ, считая подобныя постановленія недействительными. Протестъ этотъ былъ доставленъ Гр. А. П. Толстому и имъ препровожденъ на разсмотрѣніе Митрополиту Филарету.

По поводу удаленія геронтовъ, Русскій Посланникъ въ Константинополѣ Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій сообщаетъ Князю Горчакову въ конфиденціальной нотѣ отъ 17/29 окт. 1859 года, между прочимъ, слѣдующее: „удаленіе геронтовъ изъ Константинополя подало поводъ къ толкамъ, что Русское Посольство содѣйствовало осуществленію этой мѣры, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно только не препятствовало возвращенію геронтовъ въ ихъ епархіи, тѣмъ болѣе, что оно не могло въ этомъ случаѣ идти противъ Патріарха, духовенства, общественнаго мнѣнія и славянъ, угнетаемыхъ геронтами“. Что же касается до разсужденій о достоинствѣ и законности мѣры удаленія геронтовъ, то по этому предмету Князь Лобановъ объясняетъ: 1) что, кромѣ геронтовъ, все прочее духовенство греческое и міряне Великой Церкви ободряютъ

эту мѣру. 2) Геронтія не существовала до 1764 года и потому уничтоженіе ея ни мало не нарушаетъ правъ церкви, подтвержденныхъ султанами по завоеваніи. Уничтоженіе геронтіи исполнѣ согласно съ церковнымъ правиломъ, чтобы епископы не удалялись изъ епархій болѣе, чѣмъ на 6 мѣсяцевъ, исключая особенныхъ случаевъ. Напрасно также видятъ въ этомъ дѣлѣ неслыханное насиліе со стороны мусульманской власти: удаленіе геронтовъ сдѣлано по просьбѣ Патріарха, Народнаго Собранія и по повелѣнію султана, объявленному Фуадъ-Пашой Патріарху. Въ заключеніе кн. Лобановъ говоритъ, что только опытъ можетъ показать достоинства и недостатки принимаемыхъ мѣръ. Тотъ же опытъ показалъ уже несостоятельность системы геронтіи; послѣдствіями ея были: жалкое состояніе православной церкви въ Турціи, успѣхъ пропаганды и явный раздоръ паствы съ іерархіей.

3) Иеродіаконъ Александръ Ласкарисъ. О немъ упоминается въ письмахъ Гр. А. П. Толстого къ Митр. Филарету. „Воспользовавшись присутствіемъ здѣсь архидіакона Алекс. Ласкариса *),—пишетъ графъ А. П. Толстой,—я счелъ излишнимъ поручить ему изложить письменно все, что по частнымъ письмамъ, и получаемой здѣсь газетѣ „Византистъ“ ему извѣстно о ходѣ Константинопольскихъ дѣлъ. Составленную имъ записку имѣю честь при семъ препроводить къ Вамъ. Впрочемъ признаюсь, что хотя не могу сомнѣваться въ правдивости и благонамѣренности о. Александра, однако совершенно не знаю, имѣетъ ли записка его какія либо достоинства, и можетъ ли отъ нея быть какаго либо польза“ **). Въ свою очередь Митрополитъ Филаретъ пишетъ: „Иеродіаконъ Ласкарисъ не есть ли представитель воззрѣнія и мнѣнія геронтовъ и слѣдственно воззрѣнія и мнѣнія односторонняго въ дѣлѣ прекословномъ“ ***)?

4) Въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1858 г. (кн. 6 и 9) помѣщена статья, подписанная буквою Д.—„Турецкія дѣла“. Въ Русской Бесѣдѣ за тотъ же годъ (книга 2) тѣмъ же авторомъ помѣщена статья—„Возрожденіе Болгаръ“. Обѣ онѣ принадлежали перу болгарскаго уроженца—Даскалова и были пропущены къ печати цензоромъ фонъ-Крузе. Статьи эти своимъ содержаніемъ и тономъ, враждебнымъ греческой церкви, обратили вниманіе Оберъ-Прокурора Свят Синода, графа А. П. Толстого, по требованію котораго редакторы Русскаго Вѣстника—М. Н. Катковъ и Русской Бесѣды—И. С. Аксаковъ должны были написать и напечатать въ редактируемыхъ ими изданіяхъ отвѣтъ Даскалову. Отъ цензора

*) Ласкарисъ обучался въ то время въ Петерб. Дух. Академіи.

**) Собр. мнѣній и ота. М. Филарета по дѣламъ Прав. Церкви на Востоцѣ, стр. 16.

***) Ibid., стр. 193.

фонъ-Крузе потребовано было объясненіе. Въ письмѣ Министра Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго къ Московскому попечителю (отъ 15 сентября 1858 г.) относительно этого объясненія сказано: „оправданіе цензора фонъ-Крузе, наполненное неприличными выходками и дерзкими выраженіями, показываетъ непочтительность его къ начальству и къ Святѣйшему Синоду. Будучи вызванъ къ объясненію своихъ дѣйствій по цензурѣ, онъ принимаетъ, вмѣсто того, на себя роль обвинителя и судьи надъ Оберъ-Прокуроромъ Свят. Синода и другими властями. За такое нарушеніе служебной обязанности, фонъ-Крузе подлежалъ бы строгому взысканію, но желая быть, по возможности, снисходительнымъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство, возвративъ цензору фонъ-Крузе прилагаемое при семъ объясненіе его, внушить ему, что повтореніе подобнаго съ его стороны поступка будетъ имѣть для него самыя непріятныя послѣдствія“. (Подробности объ этомъ эпизодѣ можно читать въ сочиненіи Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды Погодина“, кн. XVI, стр. 261—283).

С. Филипповъ.

22-го іюля 1902 г.

ПИСЬМА

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I КЪ КНЯЗЮ П. М. ВОЛКОНСКОМУ.

(Изъ архива графа Б. А. Перовскаго. Сообщила графиня В. Б. Перовская).

1.

Любезный Петръ Михайловичъ! Кто лучше васъ понимаетъ то чувство, которымъ я вожу, когда ищу всѣми способами сохранить вездѣ и во всемъ, елико возможно, память нашего незабвеннаго Благодѣтеля. Исполнить же то, что онъ обѣщалъ, почитаю я святымъ долгомъ, и какъ бы Его мнѣ завѣщаніемъ; — сюда принадлежитъ и обѣщанная имъ медаль за взятіе Парижа; видно Провидѣнію не угодно было дать намъ счастье получить ее изъ рукъ Его; я старался замѣнить его, приказавъ освятить сію на Его гробъ. — Примите медаль сію въ память Того, при которомъ въ незабвенные сіи дни вы находились; и которому вы помогли исполнить то, чѣмъ на вѣки прославилъ себя и имя Русское.

Вамъ искренно доброжелательный

Николай.

С. П. 29-го марта. 1826.

Вверху письма помѣта: Получено 15 апрѣля 1826 въ Таганрогѣ.

2.

Князь Петръ Михайловичъ! Съ глубочайшимъ прискорбіемъ получилъ я горестное извѣстіе о внезапной кончинѣ Императрицы

3*

Елизаветы Алексѣевны, любезнѣйшей нашей невѣстки. Всевышній, взирая милосерднымъ окомъ на сердечное Ея страданіе о разлуцѣ съ незабвеннымъ нашимъ Благодѣтелемъ, исполнилъ скоро, къ общему нашему сожалѣнію, душевное Ея желаніе и лишилъ меня въ особенности счастья пещись о успокоеніи остатковъ дней Ея. Да будетъ воля Его святая. Я выполнѣ раздѣляю съ вами скорбное чувство, коимъ поражено сердце ваше симъ горестнымъ событіемъ.

По неограниченной и душевной преданности вашей къ покойнымъ Императору и Императрицѣ, я увѣренъ, что вы не захотите уступить кому либо право отдать послѣдній долгъ священному праху Ея и потому я вамъ поручаю сопровожденіе тѣла Ея до С.-Петербурга и на васъ возлагаю все устройство печальнаго шествія. Начальникъ Главнаго Штаба моего доставитъ вамъ всѣ распоряженія, до войскъ относящіяся, и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ тѣ, кои относятся до придворной части, равно какъ потребную на расходы по сему случаю сумму.

Съ искреннимъ благоволеніемъ пребываю на всегда Вамъ доброжелательный

Николай.

Въ С.-Петербургѣ. Мая 9-го дня, 1826-го года.

3.

Отправляясь на нѣкоторое время за границу, прошу васъ прислать ко мнѣ, съ *полученіемъ сего*, нѣсколько бриліантовыхъ вещей въ родѣ тѣхъ, которыя дарю женѣ и дѣтямъ къ Рождеству и Праздникамъ. Прошу также прислать вмѣстѣ съ тѣми вещами нѣсколько красивыхъ *новыхъ* вещей изъ Англійскаго магазина, *по ихъ* выбору, во вкусѣ того, что они знаютъ, что у нихъ люблю брать; что не выберу, пришлю назадъ; велите уложить все сіе бережно, дабы дорогой не испортилось. Фельдъ-егерь долженъ быть отправленъ ко мнѣ на другой день по полученію сего письма.

Н.

Чугуевъ. 18 сентября 1845 г.

ПИСЬМА

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I КЪ ГРАФУ Б. А. ПЕРОВСКОМУ.

(Изъ архива графа Б. А. Перовскаго. Сообщила графиня В. Б. Перовская).

1.

Вся Галиція въ огнѣ. Краковъ въ рукахъ мятежниковъ и австрійцы бросили Краковъ; многія мѣста и даже самый Лембергъ, по слухамъ, уже достались въ руки бунтовщиковъ: по симъ обстоятельствамъ необходимо Г. Бибикову и Мирковичу сейчасъ ѣхать въ свои мѣста; всѣмъ имъ выѣхать завтра же.

Н.

17 февр. 1846 г.

2.

31 декабря 1847 г.

Кн. Суворовъ кончилъ свои временныя порученія, которыя исполнилъ къ совершенному моему удовольствію; я сегодня назначилъ Костромскимъ военнымъ Губернаторомъ свиты моей Г. М. К. Васильчикова. Пришло мнѣ на мысль, что К. Суворовъ будетъ очень дѣятельный и надежный Ген. Губернаторъ вмѣсто Головина. Какъ вы думаете? Если вы согласны, то Головина назначу въ Совѣтъ, а Суворова на его мѣсто. Прошу отвѣта.

ОТВѢТЪ

ГР. Б. А. ПЕРОВСКАГО ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I.

Ваше Императорское Величество весьма справедливо изволили замѣтить, что кн. Суворовъ очень дѣятеленъ и надеженъ; посему онъ могъ бы съ пользою исполнить должность Начальника Губерніи; но смѣю думать, что въ обширнѣйшемъ кругу обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ Генер.-Губернатора, онъ не оправдаетъ Вашего выбора. Кн. Суворовъ, къ сожалѣнію, не имѣетъ должной твердости въ характерѣ и лишенъ всякой опытности въ дѣлахъ гражданской службы, почему и подпадетъ неминуемо вліянію подчиненныхъ; слѣдовательно въ новомъ Генер.-Губернаторѣ былъ бы тотъ же недостатокъ, въ которомъ не безъ основанія упрекаютъ нынѣшняго.

ПИСЬМО

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА

къ

князю П. М. Волконскому.

Князь Петръ Михайловичъ.

Начальникъ Штаба Моего, по управленію Военно-Учебными Заведеніями, донесъ Мнѣ, что Ваша Свѣтлость, принимая благосклонное участіе въ положеніи воспитанника Дворянскаго Полка Голостенова, внезапно лишившагося матери, умершей въ Петергофѣ отъ холеры, изволили составить сумму въ 450 рублей, въ пособіе ему и на обезпеченіе его при выпускѣ. вмѣстѣ съ симъ, къ особенному удовольствію моему, извѣстился я, что Ваша Свѣтлость изволите оказывать вообще къ Военно-Учебнымъ Заведеніямъ милостивое участіе, присутствуя на ихъ фронтовыхъ занятіяхъ и удостоивая иногда парадировать на ихъ флангъ.

За таковое вниманіе Ваше къ Высочайше ввѣреннымъ мнѣ Заведеніямъ, въ которыхъ и въ отдаленіи Я не перестаю принимать живѣйшее участіе, я вмѣняю въ пріятнѣйшій для себя долгъ принести Вашей Свѣтлости Мою искреннюю душевную благодарность, прося Васъ и впредь не оставлять Заведенія своимъ вниманіемъ.— Я увѣренъ, что всѣ чины и воспитанники Военно-Учебныхъ Заведеній чувствуютъ честь, воторую Вы имъ дѣлаете, и, видя передъ собою одного изъ достойнѣйшихъ представителей русскаго воинства,

40 ПИСЬМО ВЕЛ. КН. МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА КЪ КН. ВОЛКОНСКОМУ.

будутъ еще болѣе одушевлены уваженіемъ къ своему будущему поприщу и любовію къ Государю Императору, своему отцу и благодѣтелю.

Съ отличнымъ уваженіемъ пребываю Вашей Свѣтлости на всегда искренно доброжелательный.

Михаилъ.

Августа 1849 г. Г. Варшава.

По указу Великого Государя Царя, и Великого Князя ПЕТРА
Александровича Самодержца Всероссийскаго. отъ Москвитъ
ПЕТРА ПОПОВА ямобъ дашъ истребить урбмоль при канцеля
съ проводникомъ по указу, имая за пѣ подводы,
поверщенные дѣла по сго Царскаго Величества указу. Паче
Нашего

Державы

23 дня 1713 году

Маша

Урр

Затѣ

Подорожная Уррюмову
съ собственноручною подписью Императора Петра I.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

1845—1846 гг.

Князя А. М. Довдукова-Корсакова.

ЧАСТЬ II *).

Въ началѣ Мая мѣсяца 1845 года главная квартира собралась въ станицѣ Червленной на Терекѣ; вскорѣ прибылъ и Главнокомандующій для предстоящихъ военныхъ дѣйствій Дагестанскаго и Чеченскаго отрядовъ въ большой Чечнѣ. Предполагалось проникнуть въ самое убѣжище Шамиля, въ селеніе Дарго, куда доселѣ никогда не доходили русскія войска, и тѣмъ окончательно, какъ ошибочно предполагали, поколебать вліяніе Имама и Мюридизма, охватившаго большую часть непокорныхъ намъ племенъ Кавказа.

Предъ описаніемъ военныхъ дѣйствій уместно сказать нѣсколько словъ вообще о характерѣ войны того времени, или такъ называемыхъ „экспедицій“,—указать также на составъ дѣйствующихъ войскъ духъ ихъ, особенности Кавказской арміи, а также и главной квартиры и штаба Главнокомандующаго, только что прибывшаго на Кавказъ и окруженнаго обаяніемъ прежней его военной славы и административной послѣдней дѣятельности въ Одессѣ и Новороссійскомъ краѣ. Не лишнее также бу-

*) Часть I напечатана въ V кн. „Старины и Новизны“.

детъ упомянуть о ст. Червленной и казачьемъ населеніи лѣваго фланга Кавказской линіи, гдѣ впервые мнѣ пришлось столкнуться со всѣми особенностями боевой кавказской службы и со всѣми лицами, съ которыми такъ долго впослѣдствіи пришлось мнѣ дѣлать какъ свѣтлыя, такъ и грустныя впечатлѣнія моей продолжительной кавказской службы.

Я съ намѣреніемъ хочу въ началѣ записокъ этихъ коснуться всѣхъ этихъ подробностей, чтобы не возвращаться впослѣдствіи къ отступленіямъ, могущимъ повредить цѣльности моего разсказа.

ГЛАВА I.

Отношенія присылаемыхъ на Кавказъ гвардейскихъ офицеровъ къ Кавказцамъ. — Мѣры, принятыя противъ этого Гр. Воронцовымъ. — Веденіе войны на Кавказѣ. — Экспедиціи. — Приѣздъ Государя Николая Павловича на Кавказъ. — Введеніе административной реформы и пагубныя ея послѣдствія. — Давидъ Султанъ Елнсейскій. — Составленіе плановъ экспедицій въ С.-Петербургѣ. — Образъ дѣйствій на лѣвомъ и на правомъ флангахъ.

Въ то время Кавказъ еще считался для большей части русскаго общества „terra incognita“; объ немъ только знали по разговорамъ гвардейскихъ офицеровъ, командируемыхъ ежегодно для участвованія въ экспедиціяхъ, и изъ официальныхъ реляцій Кавказскаго Начальства и свѣдѣній военнаго Министерства. Кавказъ считался мѣстомъ ссылки всѣхъ почему-бы то ни было провинившихся не только офицеровъ, но даже нижнихъ чиновъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для центрального управленія военнаго Министерства представлялъ широкое поприще къ проявленію стратегическихъ, тактическихъ и военныхъ соображеній его. Для гвардейскихъ офицеровъ, которые посылались съ каждаго полка по одному, а также по одному изъ армейскихъ бригадъ, Кавказъ служилъ самымъ удобнымъ средствомъ для полученія повышеній, наградъ, большею частью въ ущербъ старымъ и постояннымъ кавказскимъ служилымъ. Тогда награды за экспедиціи раздавались весьма скудно и были достояніемъ только весьма немногихъ счастливыхъ; гвардейскіе офицеры, прибывающіе ежегодно на Кавказъ, при рекомендаціяхъ и протекціяхъ вліятельныхъ лицъ, а также по обще-

ственному положенію своему, обыкновенно при выступленіи отрядовъ, какъ старшіе въ чинахъ, получали въ командованіе отдѣльныя части, какъ-то: сотни, роты и даже баталіоны, которые отнимались у настоящихъ кавказскихъ заслуженныхъ начальниковъ частей. Это не мало возбуждало ропота и неудовольствія между Кавказскими офицерами, такъ какъ этимъ самымъ они устранились и отъ представленій къ наградамъ. Одно изъ первыхъ дѣйствій графа Воронцова — послѣ экспедиціи 65-го года, когда онъ ознакомился съ духомъ и съ составомъ кавказскихъ войскъ, было испрошеніе Высочайшаго повелѣнія на отмѣну присылки гвардейскихъ и другихъ офицеровъ на Кавказъ, какъ это дѣлалось доселѣ. Графъ Воронцовъ предлагалъ принимать всѣхъ желающихъ поступить изъ Гвардіи на Кавказъ только при переводѣ ихъ въ составъ полковъ Кавказскаго Корпуса. Мѣрой этой, съ одной стороны, кавказскія войска освѣжились новымъ прочнымъ элементомъ офицеровъ, которые смотрѣли на кавказскую службу не какъ на спекуляцію, а какъ на осуществленіе своихъ благородныхъ боевыхъ стремленій, а съ другой стороны мѣра эта пріобрѣла Главнокомандующему огромную популярность между Кавказцами. Его стали считать съ этой минуты своимъ роднымъ Кавказцемъ, чуждымъ вліянія Петербургской сферы, и самостоятельнымъ защитникомъ интересовъ Кавказскихъ войскъ.

Нужно отдать полную справедливость самоотверженію и храбрости въ дѣлахъ гвардейскихъ офицеровъ. Въ тяжелую эпоху 1843 года, когда мы лишились всѣхъ нашихъ укрѣпленныхъ позицій въ Аваріи, большая часть гвардейскихъ офицеровъ, подавая собою примѣръ неустрашимости, пали при исполненіи своего долга. Какъ въ этомъ году, такъ и во всѣхъ прочихъ экспедиціяхъ, пропентъ убили гвардейскихъ офицеровъ явно свидѣтельствовали о ихъ самоотверженіи. Но при незнаніи мѣстности, духа войска и характера непріятеля, ввѣрѣямыя имъ части несли ничѣмъ не оправданныя потери, и частію были совершенно уничтожены, вслѣдствіе неопытности и излишней запальчивости своихъ временныхъ начальниковъ. Но храбростью на Кавказѣ въ то время никого нельзя было удивить, а была другая сторона дѣла крайне несочувственная Кавказцамъ. Гвардейскіе офицеры мало сближались

со старыми Кавказцами, которые смотрѣли на нихъ всегда враждебно; во-первыхъ, потому, что видѣли въ нихъ людей, отнимающихъ отъ нихъ заслуженныя награды, а во-вторыхъ, гвардейцы по понятіямъ своимъ никакъ не подходили къ тогдашнимъ правамъ Кавказа. Но едва-ли не большій вредъ и неудобство отъ гвардейскихъ офицеровъ ощущало въ то время и само Кавказское начальство.

Петербургъ и военное Министерство распоряжались всѣми военными дѣйствіями, и составлялось понятіе объ этихъ дѣйствіяхъ и начальствующихъ въ нихъ лицахъ не столько по донесеніямъ главныхъ начальниковъ, сколько по рассказамъ юныхъ героевъ и флигель-адъютантовъ, возвращающихся въ С.-Петербургъ послѣ непродолжительнаго пребыванія въ отрядахъ. Такимъ образомъ составлялись репутаціи начальниковъ, офицеровъ и самая оцѣнка военныхъ дѣйствій. Весьма понятно, съ одной стороны, какую роль играли въ этихъ случаяхъ поставленные своими связями въ исключительное положеніе молодые люди изъ С.-Петербурга, а съ другой стороны, какъ и Кавказскіе начальники старались задобривать эти личности для поддержки о себѣ выгоднаго мнѣнія въ Петербургѣ. Ненормальное это положеніе тяжело отзывалось на всѣ отношенія какъ на Кавказѣ, такъ и въ Петербургѣ, и весьма понятно почему прозорливыя и самостоятельныя настоянія графа Воронцова объ отмѣнѣ существовавшаго до него порядка такъ восторженно были приняты на Кавказѣ.

Теперь слѣдуетъ сказать о способѣ въ то время веденія войны на Кавказѣ и характерѣ тогдашней экспедиціи. Прѣжнее веденіе войны на Кавказѣ, не говоря уже о временахъ Циціанова, Ртищева, но и во время командованія Кавказскимъ корпусомъ Ермолова и Розена, было почти вполне предоставлено на мѣстѣ самостоятельности начальствующихъ главныхъ лицъ, которыми вообще, въ виду болѣе серьезныхъ войнъ и заботъ правительства, мало интересовались. Кавказъ былъ для Петербурга докучливымъ бременемъ, для военныхъ мѣстомъ ссылки, — естественно сложилась особая жизнь, особый бытъ этихъ оторванныхъ отъ общей русской семьи труженниковъ на славу русскаго оружія и пользу отечества. Лишь нѣкоторые отдѣльныя событія, какъ, напримѣръ, взятіе въ

1831 г. барономъ Розеномъ аула Гимри и смерть перваго Дагестанскаго имама Кази-Мулы, а также взятіе въ 1839 году Ахульго, временно обратили вниманіе на Кавказъ.

Развитіе мюридизма, дальнѣйшіе успѣхи Шамиля, наконецъ, лишенія, нужды Кавказцевъ — все это было чуждо интересамъ С.-Петербурга, и общественное мнѣніе весьма мало заботилось о странѣ и участи заброшенныхъ на Кавказѣ войскъ, долженствующихъ вполнѣ обратитъ на себя такое усиленное и напряженное вниманіе правительства и общества. Приѣздъ покойнаго Государя Николая Павловича на Кавказъ можно считать эрою новаго взгляда на эту страну. Событіе это ознаменовалось свойственными характеру Государя рѣзкими и рѣшительными мѣрами, разжалованіемъ за безпорядки по полку флигель-адъютанта князя Дадьява, зятя тогдашняго корпуснаго Командира барона Розена, въ скоромъ времени и смѣною послѣдняго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приѣздъ Государя открылъ всю важность упроченія нашего владычества на этой окраинѣ государства и необходимость болѣе серьезнаго вниманія правительства къ дѣламъ Кавказа и благоустройству страны.

Полное незнаніе, при введеніи реформы, какъ военныхъ условій стороны, характера непріятели, такъ и бытовыхъ потребностей населенія имѣло для Кавказа и свои дурныя послѣдствія, искупленныя тяжкими ошибками и кровью нашихъ войскъ. — На Кавказъ назначенъ былъ корпуснымъ командиромъ Генералъ Головинъ, а въ 1840 году коммиссія, подъ предсѣдательствомъ сенатора Гана, была послана для введенія новой гражданской реформы по управленію краемъ.

Прежнее военное управленіе со своимъ произволомъ и суровостью, должно сказать и злоупотребленіями, но вполнѣ подходящее въ то время къ нравамъ и преданіямъ страны и, во всякомъ случаѣ, болѣе честное и добросовѣстное, чѣмъ управленіе хановъ, бековъ и грузинскихъ правителей, было замѣнено гражданскимъ устройствомъ, съ подраздѣленіемъ края на губерніи, уѣзды, участки и тому подобное. — Хотя большая часть Начальниковъ остались и военными, но престижъ военной власти и силы, столь необходимой въ то время въ сношеніяхъ съ азіатцами, былъ поколебленъ

гражданскими формами веденія дѣла и присущей этой формѣ, столь ненавистной для азіатцевъ, медленности.

Не входя въ подробности этой несвоевременной реформы и того пагубнаго впечатлѣнія, которое она произвела въ краѣ, укажу только на одинъ примѣръ несообразности Петербургскихъ кабинетныхъ воззрѣній съ живыми понятіями азіатскаго населенія на Кавказѣ.

На Лезгинской линіи Давидъ Султанъ Елисуійскій, въ чинѣ Генераль-Маіора Гродненскаго Гусарскаго полка, состоя на нашей службѣ, былъ полнымъ, почти неограниченнымъ, властелиномъ потомственныхъ своихъ владѣній, расположенныхъ на южномъ склонѣ Кавказскихъ горъ между Нухинской провинціей и Джарскимъ округомъ. Вліяніе его на населеніе было огромное, не только на своихъ подвластныхъ, но и на сосѣднія непокорныя намъ горскія племена. Онъ съ полною преданностію служилъ нашему правительству, исполняя всѣ его требованія, гордился своимъ чиномъ и особенно дорожилъ тѣмъ почетомъ и вниманіемъ, которымъ окружали его русскія власти, когда онъ пріѣзжалъ въ Тифлисъ. Личность его служила вѣрнымъ оплотомъ противъ вторженія горцевъ въ наши предѣлы и онъ замѣнялъ своею личностью и туземною милиціей цѣлыя отряды нашихъ войскъ. Какъ онъ управлялъ краемъ, — это другое дѣло, но народъ покорялся ему, какъ потомственному своему властелину и въ высшей степени былъ преданъ самому принципу управленія. Впрочемъ едва-ли впоследствии не болѣе страдалъ народъ, можетъ быть и теперь страдаетъ, отъ управленія какого-нибудь военнаго начальника или гражданскаго чиновника, при чемъ оскорбляются его религіозные обычаи и вѣковыя преданія. Давидъ Султанъ Елисуійскій, при новомъ преобразованіи сенатора Гана, взамѣнъ султанскихъ своихъ правъ, получилъ права участковаго засѣдателя своего уѣзда и подчиненъ былъ начальству Русскаго Штабъ-Офицера. Штабъ-Офицеръ этотъ былъ Маіоръ Пладъ-Бекъ-Какунъ, который своею безтактностью, незнаніемъ характера жителей, заносчивостью и другими качествами до того оскорблялъ достоинство Султана въ глазахъ ему подвластныхъ и раздражалъ его самолюбіе, что въ 1844 г. Давидъ Султанъ, со-

бравъ въ Джуму *) населеніе въ мечети, сорвалъ съ себя Генеральскіе эполеты и русскій мундиръ и поднялъ знамя возстанія, проповѣдуя *Казаватъ* **). Все Султанство Елисуйское, даже сосѣдніе съ нимъ жители, применили къ нему, и намъ пришлось потоками крови русскихъ солдатъ вновь завоевывать и удерживать за собой прежде покорное намъ населеніе. — Даниилъ Султанъ бѣжалъ въ горы къ Шамилю и до своей смерти былъ злѣйшимъ нашимъ врагомъ, и постоянно волновалъ своими набѣгами Лезгинскую кордонную линію, гдѣ, вслѣдствіе того, мы постоянно должны были держать значительное число войскъ и милиціи.

Но едва-ли не болѣе существенный вредъ дѣламъ Кавказа принесло открытіе этой страны Петербургомъ послѣ посѣщенія Грузіи и Кавказа покойнымъ Императоромъ.

Тогда явилась цѣлая система проектовъ военныхъ дѣйствій для завоеванія и покоренія Кавказа; все это разрабатывалось въ канцеляріяхъ военнаго Министерства, представляя обширное поле соображеніямъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, налетомъ бывшихъ на Кавказѣ. Наконецъ, составленный планъ военныхъ дѣйствій на каждый годъ, соображаясь со свѣдѣніями отъ мѣстнаго Кавказскаго Начальства, утверждался въ кабинетѣ Государя, и предписывался къ исполненію на мѣстѣ. Покойный Государь, при своей прозорливости и высокихъ дарованіяхъ, имѣлъ тоже слабость думать, что, разъ окинувъ своимъ орлинымъ взоромъ страну или какое либо дѣло, онъ проникалъ во всѣ подробности онаго и лучшимъ былъ судьей при рѣшеніи обсуждаемыхъ вопросовъ: при характерѣ Николая Павловича трудна была борьба съ его убѣжденіями. Такимъ образомъ составлялись ежегодно программы военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, гдѣ до мельчайшихъ подробностей даже назначались части войскъ въ составъ отрядовъ, имѣвшихъ принимать участіе въ экспедиціяхъ. Тогдашніе Корпусные Командиры, какъ Головинъ, а впослѣдствіи и достойный Александръ Ивановичъ Нейдгартъ, лишенные самостоятельности, подъ гнетомъ все-сильнаго въ то время военнаго Министра Александра Ивановича

*) Пятница. Магометапскій сженедѣльный праздникъ, соотвѣтствующій нашему Воскресенью.

**) Война противъ невѣрныхъ по законамъ мюридизма.

Чернышева, должны были слѣпо исполнять заданную программу. Рѣдко когда возраженія ихъ противъ того или другого неправильнаго дѣйствія были принимаемы въ уваженіе. На Кавказъ въ Главную Квартиру и въ отряды, во время экспедиціи, посылались облеченныя довѣріемъ Министерства лица, которыя столько же стѣсняли какъ корпуснаго Командира, такъ и Начальниковъ отрядовъ, сколько содѣйствовали ложнымъ взглядамъ военнаго Министерства на положеніе дѣлъ на Кавказѣ. Масса молодыхъ офицеровъ изъ Гвардіи, ежегодно участвующихъ въ экспедиціи, съ самонадѣянностью молодости судили, по возвращеніи въ Петербургъ, о положеніи края и дѣйствіяхъ начальниковъ, и на основаніи подобныхъ непрочныхъ данныхъ составлялись опять планы будущихъ дѣйствій. Главною руководящею мыслью въ Петербургѣ было мнѣніе, что при распространеніи мюридизма между горцами слѣдовало проникать въ укрѣпленные притоки горцевъ, разорять ихъ и тѣмъ наносить рѣшительные удары непріятелю. Затѣмъ строго наказывать прежде мирныхъ, а потомъ приставшихъ къ Шамилю жителей Кавказа и тѣмъ доказывать имъ, что мнимая неприступность ихъ убѣжищъ не можетъ укрыть ихъ отъ побѣдоноснаго штыка нашихъ войскъ. — Все рассчитывалось на нравственное вліяніе нашихъ дѣйствій на горцевъ, и зато какъ щедро злоупотребляли этими выраженіями въ официальныхъ реляціяхъ Кавказа того времени. — Всѣ эти предположенія должны были весьма естественно страдать отсутствіемъ всякой послѣдовательности и системы. Центры возстанія мѣнялись, войска наши, исполнявъ съ огромными потерями предписанную программу, возвращались обратно съ большимъ урономъ, преслѣдуемые непріятелемъ. Бѣжавшіе, при наступленіи нашихъ войскъ, жители вновь возвращались на прежнія мѣста подъ власть того же Шамиля, которую онъ умѣлъ поддерживать возбужденіемъ религіознаго фанатизма и строгими наказаціями, а наши кратковременныя движенія во внутрь страны никакъ не могли поколебать впечатлѣнія подобныхъ дѣйствій Имама.

Къ подобнымъ безцѣльнымъ, отчасти и пагубнымъ для нашего оружія и даже вліянія, экспедиціямъ можно отнести штурмъ Ахульго 1839 г., экспедицію Генерала Галафѣева въ Чечнѣ, бой при Валерикѣ въ 1841 г., неудачную экспедицію въ Ичкерію Генерала

Граббе въ 1842 г. и, наконецъ, ознаменованную столь тяжкими потерями и отсутствіемъ всякихъ результатовъ экспедицію графа Воронцова въ Дарго, предпринятую имъ по прежде составленному плану, въ исполненіе непреклонной воли Государя Николая Павловича, при незнаніи графомъ настоящаго положенія дѣлъ на Кавказѣ. Во всѣхъ этихъ экспедиціяхъ въ Чечнѣ и части Дагестана все рассчитывалось на нравственное вліяніе и на безсиліе Шамиля къ защитѣ горцевъ, признавшихъ его власть, но не могли понять того, что невозможность наша держаться въ пройденной нами странѣ и отступленіе (сопряженное обыкновенно съ значительными потерями нашими) возвышало духъ горцевъ и значеніе самого Шамиля. Оставленные нами мѣста немедленно занимались непріятелемъ, а раззореніе жителей возбуждало ихъ фанатизмъ, чѣмъ пользовался Шамиль. Это вызывало смѣлые набѣги горцевъ на наши линіи, которыя они постоянно держали въ тревогѣ, утомляя войска наши необходимыми передвиженіями. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Шамиль строго наказывалъ хотя временно покорныя намъ племена, которыхъ мы, по недостатку войскъ и отсутствію передовыхъ опорныхъ пунктовъ, не въ состояніи были защищать отъ раззоренія и казней Шамиля.

Другой образъ дѣйствій на Кавказѣ и, именно, въ Дагестанѣ, болѣе впрочемъ раціональный, состоялъ въ занятіи нѣкоторыхъ частей страны укрѣпленіями съ ностоянными гарнизонами — такъ было въ Аваріи. Разбросанные форты въ этой пересѣченной горной мѣстности были построены изъ находящагося подъ руками камня, связаннаго глиной, въ расчетѣ на недостатокъ артиллеріи у непріятеля. Отсутствіе всякаго правильнаго обезпеченнаго сообщенія ничтожныхъ командъ этихъ фортовъ съ нашими резервами и операціоннымъ базисомъ были причиною, при общемъ возстаніи горцевъ въ 1843 г., гибели всѣхъ нашихъ Аварскихъ гарнизоновъ. Геройское мужество Кавказскихъ войскъ во время тяжкихъ испытаній 1843 г. не могло удержать за нами Аваріи — мы должны были отступить въ Мехшудинское ханство, и во власть Шамиля, кромѣ взятыхъ орудій, значительнаго числа снарядовъ и боевыхъ припасовъ въ укрѣпленіяхъ, досталось на долго и обладаніе всѣмъ

горнымъ Дагестаномъ, чѣмъ значительно поколебалось наше вліяніе и на всю восточную часть Кавказа до самаго Каспія.

Болѣе послѣдовательный образъ дѣйствія былъ предпринятъ на восточномъ берегу Чернаго моря. При генералѣ Раевскомъ началось систематическое занятіе Черноморской береговой линіи фортами, и крейсерскія эскадры нашего Черноморскаго флота поддерживали нашу власть въ этой части Кавказа прекращеніемъ сношеній Черкесовъ съ Турціей. — Но здѣсь военныя цѣли были второстепенныя; слабые наши гарнизоны, изнуренные болѣзнями, лишены были всякой подвижности, и при страшныхъ лишеніяхъ и страданіяхъ охраняли только занимаемые ими пункты. Главною цѣлью нашихъ дѣйствій было прекращеніе торго невольниками съ Турціей и воспрепятствованіе доставленія Черкесамъ боевыхъ снарядовъ и соли. Надобно также сказать, что населеніе праваго фланга, отдѣленнаго нашими владѣніями и Кабардой отъ восточнаго Кавказа, было совершенно чуждо вліянію мюридизма, который къ нему нисколько не прививался; общей главы и руководителя между населеніемъ праваго фланга не было, отдѣльныя племена между собой не имѣли никакой солидарности. Образъ правленія въ этихъ обществахъ былъ совершенно различный: отъ аристократической формы правленія у Абазеховъ до республиканской Бжедуховъ. Со всѣми возможными оттѣнками всѣ образы правленія встрѣчались между горцами праваго фланга, безъ всякаго между ними единства. О военномъ положеніи этой части Кавказа, какъ и о прежнихъ экспедиціяхъ на правомъ флангѣ генерала Вельяминова, я не намѣренъ упоминать.

ГЛАВА II.

Характеристика Кавказскаго войска. — Отношеніе къ „Россійскимъ“. — Солдатское хозяйство. — Типъ Кавказскаго офицера. — Разжалованные. — Кавказскій солдатъ. — Отношенія между офицерами и солдатами. — Дисциплина. — Отношенія къ туземцамъ. — Положеніе семейныхъ офицеровъ. — Общественная жизнь. — Владикавказъ и Темиръ-Ханъ-Шура.

Въ экспедиціи 1845 г. въ первый разъ пришлось мнѣ столкнуться съ Кавказскимъ солдатомъ и офицеромъ, ознакомиться съ

понятіями и бытомъ этого славнаго типа Русскаго воина, со всѣми его доблестями и недостатками, и съ особенностями Кавказской жизни, съ которой я такъ сроднился, которую такъ полюбилъ и которая, несомнѣнно, составляетъ самую свѣтлую и дорогую воспоминаніями сторону моей военной служебной дѣятельности.

Особенный типъ Кавказскаго солдата и офицера былъ выработанъ тѣми условіями, въ которыхъ находился въ то время Кавказъ. Самыя темныя и даже предосудительныя стороны этого типа имѣли свою неизбѣжную причину въ обособленіи Кавказа, въ томъ отчужденіи, въ которомъ находились славные Кавказцы того времени отъ прочей военной русской семьи. Всѣ подвиги самоотверженія, всѣ лишенія, которымъ подвергались Кавказскія войска, неизвѣстны были Россіи. Скудныя награды за совершенные подвиги не могли служить поощреніемъ военныхъ доблестей: награды эти получались спустя годъ и даже болѣе послѣ представленія къ онымъ и весьма часто не заставляли уже въ живыхъ лицъ удостоиваемыхъ. — Что же могло поддерживать ту доблесть, тѣ чувства Кавказскаго корпуса, которыя составляли изъ Кавказскаго солдата положительно лучшее войско въ мірѣ, если не чувство той дружбы, той боевой связи, которыя соединяли Кавказскую армію въ одну сплоченную семью, гдѣ одобреніе товарищей и чувство исполненія священнаго долга передъ отечествомъ и мундиромъ, который считалъ каждый за счастье и особую честь носить, было единственнымъ побужденіемъ къ совершенію подвиговъ. Эти понятія были даже традиціонны въ Кавказской арміи: во времена Ермолова никакая награда не считалась выше благодарности любимаго и достойнаго этого начальника, изъясненной въ приказѣ по корпусу. Впрочемъ, въ то время рѣдко получались и награды; ежели въ послѣдствіи, при князѣ Паскевичѣ, щедрою рукою разсыпались награды за Турецкую и Персидскую войны, то съ отъѣздомъ его это вновь прекратилось, и только въ послѣдующія времена сдѣлалось явленіемъ обыкновеннымъ. Награды и повышенія въ мирное время получили теперь характеръ какаго-то бюрократическаго, какъ-бы законнаго права, за военныя же дѣйствія награды, бывшія одно время исключительно почти достояніемъ командируемыхъ изъ Пе-

тербурга лицъ, впослѣдствіи, при щедрости раздачи, потеряли прежнее свое значеніе въ глазахъ арміи, а въ послѣднее время открыли обширное, безконтрольное поприще интригамъ, гдѣ число наградъ означало не дѣйствительные подвиги или успѣхъ, а желаніе главнаго начальника дать большее или меньшее значеніе тому дѣлу, по которому дѣлалось представленіе.

Обращаюсь къ 1845 г. То обособленіе, въ которомъ находилась тогда Кавказская армія, заставляло Кавказцевъ, совершенно неосновательно и частью несправедливо, съ презрѣніемъ смотрѣть на всѣ войска, приходящія изъ Россіи, и на всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ Кавказской семьѣ и пріѣзжавшихъ временно въ Кавказскія экспедиціи. Неопытность войскъ, пришедшихъ изъ Россіи (въ то время командированъ былъ на усиленіе 5 корпусъ), незнаніе ими условій тогдашней войны и хозяйственнаго быта полковъ, а также характера туземцевъ, ставили войска эти въ самыя неблагопріятныя условія, подвергавшія ихъ несравненно большимъ лишеніямъ, чѣмъ обжившихся въ этомъ краѣ Кавказцевъ. Въ дѣлахъ военныхъ весьма понятная неопытность этихъ войскъ подвергала ихъ также потерямъ и неудачамъ, которыхъ Кавказскіе полки умѣли осторожно и ловко избѣгать. Все это обращалось къ несправедливому мнѣнію Кавказцевъ о достоинствахъ пришедшихъ войскъ. На мѣсто должнаго сочувствія, „россійскія войска“, какъ ихъ тогда называли, принимаемы были, ежели не враждебно, то во всякомъ случаѣ равнодушно и безучастно. Я былъ свидѣтелемъ во время Даргинской экспедиціи возмутительнаго факта. Раненный я пробирался по чащѣ лѣса 16 Іюля, при слѣдованіи изъ Дарго въ Герзель-аулъ нашего отряда, и видѣлъ, какъ одна рота Кабардинскаго полка бросилась въ чашу лѣса на вырубку Куринской цѣпи, предполагаемой въ этомъ мѣстѣ, на которую въ то время бросились въ шалки Чеченцы, и какъ Кабардинскій унтеръ-офицеръ, вскочивши на заваленное дерево въ лѣсу, закричалъ бѣжавшимъ въ гору утомленнымъ товарищамъ: „легче шагъ, ребята, это не наши родные Куринцы, а російскіе“. Въ то время въ цѣпи находилась случайно рота Замостскаго Егерскаго полка (5 корпуса), которую, впрочемъ, тутъ-же съ одушевленіемъ

выручили Кабардинцы. Весьма ясно, насколько это отчасти понятное, по никакъ не могущее быть оправданнымъ, отношеніе Кавказцевъ къ пришедшему изъ Россіи 5-му корпусу дѣйствовало на духъ этихъ войскъ, и насколько глубоко этимъ огорчался достойный командиръ 5 корпуса Генералъ-адъютантъ А. Н. Лидерсъ. Большая часть 5 корпуса въ 1846 году осталась на Кавказѣ и составила новыя дивизіи и полки Кавказскаго корпуса, одни кадры возвратились въ Россію.

Странно, что съ той минуты, какъ тѣ же люди и тѣ же офицеры надѣли Кавказскій мундиръ, они немедленно сошлись съ Кавказской военной семьей и пользовались, скажу, даже особою заботливостью и сочувствіемъ старыхъ Кавказцевъ, какъ старшихъ братьевъ своихъ. Надобно также сказать, что нѣкоторые начальники въ 5 корпусѣ, пропитанные ремешковымъ духомъ того времени въ Россіи, и корыстнымъ направленіемъ своимъ много способствовали лишеніямъ и даже упадку духа ввѣренныхъ имъ частей и дѣйствіями своими вліяли на то мнѣніе, которое сложилось между Кавказцами о російскихъ начальникахъ. Мнѣ памятенъ рапортъ Кавказскаго Генерала Лабинцова, временно начальствовавшего въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ въ 1846 году, къ Главнокомандующему князю Воронцову о двухъ командирахъ—Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ. Онъ писалъ въ официальной бумагѣ съ обычно ему рѣзкостью: „полковники Владиміровъ и Фонъ-Лейнъ ¹⁾, опасаясь скорого производства въ Генералъ-Маіоры, не отпускаютъ ни положеннаго провіанта, ни вещевого довольствія чинамъ своихъ полковъ, пришедшихъ въ положительную нищету“ и т. д. въ этомъ смыслѣ. По производствѣ дознанія, оба полковые командиры были отрѣшены кн. Воронцовымъ отъ командованія, что крайне непріятно отозвалось на отношеніяхъ его съ Генераломъ Лидерсомъ.

Для характеристики тогдашняго хозяйства Кавказскихъ солдатъ приведу слышанный мною оригинальный разговоръ въ Ташки-чу на квартирѣ, отведенной мнѣ у фельдфебеля. Мы сидѣли вечеромъ за ужиномъ съ хозяевами фельдфебелемъ и фельдфебельшей; вхо-

¹⁾ Старые полковники, ожидавшіе производства въ генералы и послѣдствія онаго—сдачи командуемыхъ ими полковъ.

дять въ сосѣдную комнату нѣсколько солдатъ, а съ ними армянинъ. Къ нимъ выходитъ за перегородку фельдфебель, и разговоръ идетъ о продажѣ ротнаго провіанта армянскому прикащику какого-то подрядчика. Сдѣлка совершается, только фельдфебель объявляетъ, что прежде надо доложить ротному командиру и спросить его согласія. Количество провіанта, сколько мнѣ помнится, было довольно значительно. По возвращеніи фельдфебеля къ ужину, спрашиваю я, какой это солдатскій провіантъ можетъ продаваться въ такомъ количествѣ, и чѣмъ же будутъ продовольствоваться солдаты?— „Это, Ваше Благородіе, провіантъ каноническій“,—отвѣчаетъ онъ.— „Какой каноническій?“,—спрашиваю я въ недоумѣніи, и получаю въ отвѣтъ: „Хульгинскій“. Дѣло въ томъ, что этотъ провіантъ требовался въ часть съ 1839 года на людей, убитыхъ въ Ахульго, и составлялъ экономическій запасъ роты, которая на вырученныя деньги улучшала свое продовольствіе и удовлетворяла своимъ другимъ хозяйственнымъ потребностямъ.

Какъ ни кажется безобразнымъ въ настоящее время подобное злоупотребленіе, но въ тѣ времена это явленіе вполне объяснялось. Скучное содержаніе, отпускаемое солдатамъ, неправильность и несвоевременность доставки, а иногда и недоброкачественность отпускаемаго провіанта съ одной стороны, а съ другой—непредвидѣнные расходы, сопряженные съ постоянными передвиженіями войскъ, необходимость держать большое количество ротныхъ лошадей, иногда и воловъ, для обработки ротныхъ огородовъ, возки дровъ и другихъ тяжестей, по необходимости заставляли пріискивать особые, не положенныя закономъ, средства для удовлетворенія этихъ неотложныхъ потребностей. Благодаря этимъ незаконнымъ мѣрамъ, хозяйственный бытъ кавказскихъ солдатъ положительно былъ несравненно лучше положенія солдатъ въ Россіи. Роты имѣли отличные огороды, всѣ хозяйственныя принадлежности, строили обыкновенно себѣ бани на свой счетъ, держали свиней—все это доставляло имъ возможность имѣть на мѣстѣ отличную пищу, улучшаемую, по-правдѣ сказать, иногда и мародерствомъ. Въ походахъ, особенно когда часть становилась лагеремъ на продолжительное время, при постройкѣ укрѣпленій, постовъ и станицъ,

роты изъ штабъ-квартиръ своими средствами привозили свѣжія овощи, сало, солонину, свиней и проч. „Каноническій“ провіантъ въ этихъ случаяхъ и служилъ главнымъ подспорьемъ солдатскаго хозяйства.

Страдала, разумѣется, казна, но странныя въ то время были понятія у кавказцевъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ. Надуть казну, а особенно интендантское и провіантское управленіе, такъ постоянно надувающихъ войска, считалось дѣломъ обыкновеннымъ, когда особенно это дѣлалось въ пользу солдата.

Вообще надобно сказать, что начальники частей и полковые командиры имѣли въ то время большіе доходы отъ полковъ; пріобрѣталось это неправильнымъ требованіемъ аммуниціи и провіанта, представленіемъ, по возможности, въ каждомъ дѣлѣ свидѣтельствъ на убитыхъ лошадей, пропавшую аммуницію, которыя въ сущности находились налицо. По такимъ свидѣтельствамъ и получались, сдѣлкою съ комиссаріатомъ, деньги на мнимо утерянныя вещи. Какъ часто, напримѣръ, получались квитанціи на утраченныя въ дѣлѣ ранцы или папахи, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно было, что въ походахъ ни ранцевъ, ни папахъ солдаты никогда не носили. Но по большей части всѣ получаемые полковыми командирами такими неправильными продѣлками доходы оставались въ полку; много шло на улучшеніе быта солдатскаго, жилось безпечно, широко, со дня на день, гостепримство было на самую широкую ногу. Полковой командиръ обыкновенно держалъ у себя столъ для возможно большаго числа офицеровъ. Считалось обычаемъ угощать проходившія черезъ штабъ-квартиры части другихъ полковъ; всѣ проѣзжіе по Кавказу, за пеимѣніемъ гостинницъ, останавливались въ домѣ старшаго Начальника укрѣпленія, никогда не спрашивая дома или нѣтъ хозяинъ.—Солдатамъ своимъ для зимнихъ экспедицій полковые командиры шили на свой счетъ полушубки, не говоря о другихъ болѣе мелкихъ пожертвованіяхъ къ улучшенію быта солдата.—Самыя же части, роты одного полка, вели дружбу (куначество) съ другимъ полкомъ, и ежели часть купавовъ проходила черезъ расположеніе другого полка, то обыкновенно каждая рота или эскадронъ угощали соотвѣтственную имъ часть: вы-

тапливали бани, кормили на свой счет артельных лошадей, иногда даже снабжали кунаковъ капустой, саломъ, лукомъ для предстоящаго похода. Эта отличительная черта обычаевъ кавказскихъ войскъ того времени долго еще сохранялась. Такъ, напримѣръ, Нижегородскіе драгуны имѣли кунаками Кабардинцевъ, Апшеронцевъ, Эриванцевъ, Ширванцевъ, а впослѣдствіи и Самурцевъ. Это куначество имѣло основаніемъ поддержку и услуги, оказанныя этими полками драгунамъ въ извѣстныхъ дѣлахъ и битвахъ. Такое боевое братство существовало и въ другихъ полкахъ и поддерживалось не только между нижними чинами, но и между офицерами этихъ полковъ; отношенія эти составляли одну изъ самыхъ дорогихъ и теплыхъ связей прежнихъ Кавказцевъ.

Въ продолженіе долготѣней моей Кавказской службы во всѣхъ родахъ войскъ я имѣлъ случай ближе ознакомиться, сродниться даже, со многими кавказскими понятіями и исполнѣ оцѣнить, несмотря на нѣкоторые недостатки, этотъ славный, особенный, въ настоящее время исчезающій, типъ Кавказскаго офицера. Постараюсь описать его въ настоящей главѣ, чтобы не возвращаться къ нему впослѣдствіи. Общій духъ, общій интересъ связывали между собою офицеровъ Кавказскаго корпуса; разнородныя понятія, воспитаніе—все это сглаживалось походною боевою жизнью, одинаковыми лишеніями, опасностями, которыя каждый испытывалъ наравнѣ съ прочими товарищами. Являлось чувство собственнаго довольства, сознанія достоинства при исполненіи труднаго долга во всевозможныхъ случаяхъ, гдѣ приходилось офицеру выказать свою смѣлость, свое самоотверженіе. Самый характеръ войны съ горцами, дѣйствія партизанскими командами, безпрестанныя стычки мелкихъ отрядовъ почти па каждомъ шагу, за предѣлами укрѣпленій, съ неуловимымъ непріателемъ,—все это заставляло мыслить, соображать, распоряжаться и вмѣстѣ съ тѣмъ развивало извѣстную удалъ въ офицерахъ, нерѣдко переходящую границы благоразумія. Особенно молодые офицеры заражались этимъ духомъ предпріимчивости, пренебреженія опасности; дальнѣйшая служба, сознаніе отвѣтственности при командованіи частями, умѣряла потомъ эти порывы молодости, и старые офицеры Кавказа отличались особымъ

хладнокровіємъ и осторожностію въ дѣлахъ, не предаваясь запальчивости, которая такъ часто вредила успѣху.

Опытъ боевой, ознакомивъ ихъ съ военными приѣмами хитраго и неуловимаго непріятеля, указывалъ, именно, когда слѣдовало жертвовать, и иногда цѣлою частью, для спасенія остальныхъ, и когда, не увлекаясь мнимымъ пораженіемъ непріятеля, избѣгать ловко устроенныхъ засадъ чеченцевъ. Вся обстановка, обуславливающая жизнь Кавказскихъ офицеровъ, не могла не налагать особую печать на ихъ нравы и понятія. Рѣзкость и грубость соединялись съ непритворнымъ гостепріимствомъ, добродушіемъ, чувство товарищества сильно развито было между офицерами, и являлась какая-то солидарность между военными всѣхъ оружій, при неумѣстномъ пренебреженіи ко всему, что не имѣло чести, принадлежать къ составу Кавказскаго корпуса.

Кавказъ, какъ мѣсто ссылки, былъ постоянно наводняемъ разжалованными изъ арміи офицерами. Количество таковыхъ было очень значительно; вообще къ нимъ относились чрезвычайно сочувственно, гуманно, помогали имъ въ нуждахъ; офицеры ихъ принимали во время походовъ и стоянокъ въ свои палатки, а начальники всегда старались давать этимъ лицамъ случай отличія и представляли къ возвращенію утраченнаго. Многія славныя личности выработались на Кавказѣ изъ разряда разжалованныхъ и именами ихъ съ справедливостію можетъ гордиться Кавказъ. Другія, болѣе безвѣстныя личности, дослужившись до офицерскаго чина, оставляли при первой возможности службу. Наконецъ, третьи, и такихъ было много, совершенно теряя свое достоинство, спивались съ кругу, впадали въ новыя преступленія и кончали свою жалкую жизнь, не пользуясь ни сочувствіемъ, ни даже сожалѣніемъ. Всѣ эти типы, вѣроятно, встрѣтятся въ разказахъ моихъ и я упомяну о нѣкоторыхъ въ свое время.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ о своеобразномъ и почтенномъ особенномъ типѣ Кавказскаго солдата того времени. Срокъ солдатской службы былъ 25-лѣтній вообще, а на Кавказѣ врядъ-ли кто раньше 28 лѣтъ получалъ отставку. Разставшись съ родиной и заброшенный службой на окраину Россіи

въ Азію—„Буссурманію“, какъ солдаты говорили, среди боевыхъ лишеній, въ новой для себя обстановкѣ, безъ всякихъ извѣстій съ родины, солдатъ скоро забывалъ свою деревню и семью. Всѣ чувства сосредоточивались въ родной военной семьѣ,—полкъ, баталіонъ, интересы, честь, боевая репутація части, къ которой онъ принадлежалъ, составляли гордость солдата; соревнованіе между полками было огромное, даже между частями одного и того же полка, доходившее иногда до непріязненныхъ отношеній. Часто слышны были попреки одной части другой въ томъ, что тогда-то 10, 15 лѣтъ назадъ не поддерживали въ время товарищей. Всѣ эти преданія, традиціи боевыхъ подвиговъ какъ частей, такъ и отдѣльныхъ личностей, передавались солдатамъ отъ старыхъ служивыхъ.

Въ каждомъ полку, въ каждой части были такіе живые памятники прежнихъ доблестей. Стариковъ этихъ можно было бы уподобить съ типомъ „vieux grognards“ Наполеоновской арміи, разумѣется съ особенностями русской натуры. Они пользовались особымъ уваженіемъ солдатъ и офицеровъ, которые берегли ихъ, относились къ нимъ съ почтеніемъ, старались облегчить часто непосильные, по ихъ лѣтамъ, труды походной жизни. Смерть такого солдата составляла истинное горе части. Я помню, какъ въ Андіи гр. Воронцовъ, гуляя по лагерю, подошелъ къ котлу Кабардинской роты, около котораго толпились солдаты, и ласково разговаривая съ однимъ изъ стариковъ о прежнихъ его походахъ, спросилъ, какъ его зовутъ. Солдатъ отвѣчалъ графу (только что прибывшему на Кавказъ): „какъ же Вы меня не знаете? Весь полкъ и весь Кавказъ знаютъ Бандуру“. Этотъ гордый отвѣтъ крайне понравился Воронцову, столь высоко цѣнившему военную доблесть и проявленіе военного духа въ арміи. Кавказская война своими особенностями естественно развивала въ солдатахъ смѣтливость, самостоятельность, чувство собственного достоинства, которое не забивалось фронтовыми, ремешковыми требованіями, и это также поддерживалось относительной свободой солдата по возвращеніи въ штабъ-квартиры, а главное тѣми семейными, товарищескими отношеніями, которыя созданы были постоянною опасностью и боевою солидарностію между офицерами и солдатами. Очень много солдатъ, по

полученіи отставки или за увѣчьями, ранами, не возвращались на родину, оставаясь навсегда на Кавказѣ, и составляли населеніе форштатовъ и слободокъ при укрѣпленіяхъ и штабъ-квартирахъ. Такому ветерану офицеры и рота помогали выстроить домъ, завести хозяйство и такимъ образомъ старики, не разлучаясь со своими частями, продолжали своими разсказами поддерживать духъ славнаго родного своего полка.

При послѣдующемъ изложеніи моихъ воспоминаній постараюсь въ своемъ мѣстѣ упомянуть о типахъ, болѣе характеризующихъ сказанное мною о Кавказскомъ солдатѣ того времени.

Отношенія между солдатами и офицерами выработались постоянною боевою службою, лишеніями, которыя всегда офицеры гордились раздѣлять съ солдатами, сочувствіемъ ихъ радостямъ и горю. Солдаты съ своей стороны любили и берегли большую часть своихъ офицеровъ и крайне ими гордились; всѣ недостатки, пороки даже многихъ изъ нихъ, прощались въ уваженіе храбрости, простоты въ обращеніи и какого-то задушевнаго товарищества съ солдатомъ при извѣстныхъ случаяхъ. Такъ, на примѣръ, на полковыхъ праздникахъ, кутежахъ, офицеры, обнявшись съ солдатами, раздѣляли общій разгулъ, пѣли въ хорахъ, плясали вмѣстѣ съ солдатами; даже старшіе начальники въ этомъ случаѣ подражали молодежи, и нравы эти должны были сильно поражать воспитанныхъ на ремешковой дисциплинѣ Петербургскихъ посѣтителей. Замѣчательно, что отношенія эти нисколько не вредили дисциплинѣ и смѣло можно сказать, что собственно въ смыслѣ строгой боевой дисциплины Кавказское войско представляло собой разительный примѣръ въ сравненіи съ остальною арміею въ Россіи. Никогда почти не было случая неисполненія приказанія и неисправности въ отправленіи службы; въ караулѣ, на пикетахъ стояли въ рубахахъ, офицеры иногда въ фантастическихъ костюмахъ, солдаты говорили съ офицеромъ, иногда не вынимая трубки изъ зубовъ, но всѣ проникнуты были чувствомъ долга и исполняли осмысленно, усердно и безпрекословно службу, довѣряя исполнѣ распоряженіямъ начальниковъ, заслуживавшихъ ихъ уваженія.

Разъ, помню я, при штурмѣ Дарго, когда мы подходили въ

завалу, въ нѣсколько рядовъ амфитеатромъ преграждавшему намъ дорогу и переполненному горцами, съ приготовленными противъ насъ ружьями, Генераль Лабинцовъ остановилъ на ружейный выстрѣлъ, сколько мнѣ помнится, 2-й баталіонъ Кабардинскаго полка, шедшій во главѣ колонны, и вызвалъ взводъ этого баталіона. Какъ теперь вижу молоденькаго офицера, имъ командовавшаго. Генераль приказалъ взводу, состоящему изъ нѣсколькихъ десятковъ чело-вѣкъ, штурмовать заваль. Офицеръ съ удивленіемъ выслушалъ это приказаніе. Лабинцевъ тогда сказалъ: „прохвость (любимое его выраженіе), молокосось, у тебя молоко на губахъ не обсохло, ты здѣшней войны не знаешь. Вы броситесь въ штыки штурмовать, эти дураки на васъ всѣ свои ружья разрядятъ, мы будемъ кричать ура и бросимся за вами, повуда они не успѣютъ вновь зарядить ружья—вся потеря одного только взвода“. Какъ офицеры, такъ и вся эта колонна, состоявшая изъ старыхъ кабардинцевъ, вполне одобрили это распоряженіе. Солдаты говорили: „старый песъ знаетъ свое дѣло“. Со словами: „съ Богомъ, маршъ“—бросился взводъ на завалы... Большая часть людей выбыла изъ строя, офицеръ убитъ, а вся колонна прошла безъ потери, какъ предполагалъ опытный Лабинцевъ.

Въ Кавказскихъ войскахъ того времени мало или почти не употреблялось тѣлесное наказаніе, столь щедро рассыпаемое въ то время въ Россіи на солдатскихъ спинахъ. Наказывали жестоко, но когда наказывали, то болѣе за воровство именно у товарищей. Снисходительно смотрѣли на мародерство, даже, къ сожалѣнію, на воровство въ другихъ не кунатскихъ частяхъ войскъ. За фронтъ и на ученіяхъ никогда не наказывали.

Помнится поручикъ Эссенъ Куринскаго полка, въ этомъ чинѣ нѣсколько разъ разжалованный (онъ былъ поручикомъ въ 1814 году въ Парижѣ); въ описываемое время онъ командовалъ ротой и просилъ, стоя на позиціи въ Мичикалѣ въ 1845 г., у командовавшаго баталіономъ полковника Флигель-адъютанта гр. Бенкендорфа (прибывшаго изъ С.-Петербурга) поставить засаду къ роднику въ оврагѣ, пользуясь весьма туманной ночью. Когда графъ спросилъ, съ какою цѣлью, то Эссенъ отвѣтилъ, что къ этому род-

нику ходять Апшеронцы, стоявшіе лагеремъ въ одномъ отрядѣ, и что въ прошломъ году они украли и съѣли быка его роты, и что за это слѣдуетъ ихъ проучить нѣсколькими пулями. Можно себѣ представить удивленіе Бенкендорфа. Таковы были нравы, таковы понятія этого времени.

Кулачная расправа дѣйствительно встрѣчалась, но и то скорѣе во время жаркаго дѣла, или при нетрезвомъ состояніи офицеровъ; но часто мнѣ случалось видѣть, что офицеръ, несправедливо ударившій солдата, тутъ же при всѣхъ обнималъ его, говоря: „виновать, заслужу тебѣ это въ первомъ дѣлѣ“, — такъ что этимъ никто не обижался. Ежели гдѣ тѣлесныя взысканія встрѣчались, то это въ новыхъ полкахъ, сформированныхъ изъ 5 корпуса, и офицеры, вновь переведенные изъ Россіи или долго служившіе въ Кавказа, позволяли себѣ пользоваться этимъ гнуснымъ правомъ.

Солдаты ихъ не любили; особенно они ненавидѣли манеру попрекать послѣ наказанія припоминаніемъ проступка и, вообще, мелочное, придирчивое къ нимъ отношеніе начальства. Болѣе всего офицеры изъ нѣмцевъ держались этой, столь ненавистной русскому духу, системы.

Бывали примѣры, что во время дѣла, въ цѣпи, въ лѣсахъ чеченскихъ, ожесточенные солдаты пускали пулю въ такихъ офицеровъ; никто, разумѣется, этого не могъ доказать, — но всѣ знали, что эти случаи бывали.

Но все это было исключеніе, — общая связь офицеровъ съ солдатами была самая теплая, самая трогательная даже. Упомяну объ одномъ примѣрѣ, такъ какъ примѣрами можно лучше всего характеризовать это время. — Я зналъ хорошо въ Мингрельскомъ полку извѣстнаго капитана Ветчея, командира I-й карабинерной роты. Это былъ старый уланскій офицеръ съ 1828 года, оставшійся отъ прежняго своего полка на Кавказѣ, не сдѣлавшій, какъ видно, карьеры, но любимый всѣми за свою удалъ, замѣчательную храбрость и добрѣйшее сердце; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ выпить и страшный былъ картежникъ. Во время упоминаемаго событія, онъ находился съ ротою въ штабъ-квартирѣ полка — въ Карабахѣ въ урочищѣ Ханкенды; онъ имѣлъ тамъ домъ, гдѣ помѣщалось довольно многочисленное семейство его, обыкновенное офицерское

хозяйство, и жилъ при тогдашнихъ условіяхъ въ достатѣхъ. Въ то время стояла также въ Ханкендѣ батарея артиллеріи и между офицерами велась сильная картежная игра. Ветчей въ одинъ вечеръ проигралъ свой домъ и свое достояніе; наконецъ, взялъ ротный ящикъ и проигралъ всѣ солдатскія деньги. Затѣмъ около 2-хъ часовъ ночи онъ пошелъ прямо въ казармы, поднялъ на ноги обожавшую его роту и разсказалъ о всемъ случившемся. „Утромъ, говорилъ онъ, отправлюсь къ командиру полка и предамъ себя суду, но прежде всего хочу покаяться передъ вами. Простите меня, ребята, я съ вами всегда дѣлилъ горе и радость, не откажите мнѣ въ милости, которую со слезами прошу у васъ: когда буду разжалованъ, не откажите меня принять въ ваши ряды солдатомъ, честною смертію предъ вами искуплю свой грѣхъ“. Солдаты, рыдая, бросились обнимать капитана, который, разстроганный этой сценой, въ волненіи вернулся домой и началъ уже писать рапортъ полковому командиру. Черезъ нѣсколько времени стучатся въ его дверь: входитъ фельдфебель. „Ваше благородіе, пришелъ отъ роты; больно жаль Васъ, собрали, что было у насъ, денегъ (при этомъ онъ даетъ мѣшокъ съ пятаками и мелочью), идите опять играть—Богъ поможетъ отыграться“. Тутъ непростительный поступокъ Ветчея: онъ бѣжитъ опять играть, отыгрываетъ все и, сколько мнѣ помнится, до 700 руб. чистаго выигрыша; на разсвѣтъ бѣжитъ опять въ казармы, гдѣ вся рота, не спавши, съ волненіемъ спрашиваетъ: „что, Ваше благородіе, помогъ-ли Богъ? А мы за Васъ все время молились“. Ветчей, обнимаясь съ солдатами, разсказываетъ о происшествіи, отдаетъ ротѣ выигранные 700 руб., и тутъ же рѣшено торжествовать это событіе. Неимоверный кутежъ и разгулъ продолжался, кажется, около двухъ дней, въ продолженіе которыхъ капитанъ не выходилъ изъ казармы, вслѣдствіе чего у Ветчея временно была отнята рота и онъ посаженъ былъ на гауптвахту.

Много, очень много могъ бы я привести подобныхъ случаевъ для характеристики тогдашнихъ отношеній офицеровъ съ солдатами.

Между Кавказскими солдатами и казаками существовалъ еще обычай, заимствованный изъ горскихъ нравовъ: считать самымъ большимъ позоромъ оставлять въ рукахъ горцевъ тѣла убитыхъ

товарищей (я не говорю уже о начальникахъ и офицерахъ). Благодаря этому обычаю, въ дѣлахъ нашихъ, въ лѣсахъ чеченскихъ и въ горахъ Дагестана, мы теряли всегда значительное число лишнихъ людей. Для того, чтобы вынести раненаго или трупъ убитаго, которыхъ оспаривали горцы, мы всегда теряли безъ нужды нѣсколько своихъ. Выходя изъ дѣла при значительной потерѣ, солдаты говорили: „зато ни одного изъ своихъ ему (Шамилю) не оставили“. И съ какимъ укоромъ встрѣчали они части, не выручившія своихъ убитыхъ или раненыхъ. Я помню, какъ молоденькій офицеръ Масловъ, первый разъ бывшій въ дѣлѣ, прикомандированный къ линейнымъ казакамъ, спросилъ у стараго урядника передъ атакой, что тутъ дѣлать? Урядникъ отвѣчалъ: „только смѣло идите съ нами, Ваше благородіе, а насчетъ того будьте покойны: коли убьютъ, тѣло приставимъ маменькѣ, куда прикажите; такого примѣра въ сотнѣ нашей не было, чтобы оставляли тѣла у горцевъ“. Дѣло однакожь обошлось совершенно благополучно для Маслова.

Въ 1850 г. въ зимней экспедиціи, подъ начальствомъ князя Барятинскаго, въ Малой Чечнѣ, въ верховьяхъ рѣчки Урусъ-Мартана и Рошни, атаманъ линейныхъ казаковъ, достойнѣйшій Генералъ Феликсъ Антоновичъ Крюковскій съ незначительною командою казаковъ своего конвоя неосторожно занесся въ лѣсъ при атакѣ какого-то аула. Онъ былъ окруженъ непріятелемъ и послѣ упорнаго боя раненъ и изрубленъ Чеченцами. При первомъ извѣстіи объ этомъ истинномъ несчастіи для Кавказской арміи, драгуны и пѣхота бросились къ мѣсту происшествія, завязался самый жаркій бой для обладанія остатками храбраго Крюковского и его казаковъ (весь конвой былъ изрубленъ, прикрывая тѣло своего любимаго начальника). При отступленіи съ значительною потерю кавказцы выносили всѣ трупы падшихъ товарищей. Двоюродный братъ мой Мстиславъ Корсаковъ, юноша, тоже палъ жертвой этого обычая: отступая съ ротою изъ лѣса въ 1851 г., кто-то закричалъ, что осталось тѣло убитаго или раненаго солдата. Рота немедленно бросилась въ штыки въ лѣсъ, выручила тѣло солдата, потерявъ нѣсколько своихъ и вынеся новую жертву—смертельно раненаго пулею въ грудь брата моего.

Вся эта исключительная жизнь Кавказцевъ, развивая военныя доблести и душевныя качества сердца, порождала также своего рода недостатки и пороки. Разгульная жизнь, кутежи и пьянство, картежная игра были послѣдствіемъ однообразныхъ стоянокъ въ лагерьъ и скучной жизни въ крѣпостяхъ, отдѣленныхъ отъ всего остального міра. Но опять таки надо замѣтить, что во время боя, или готовясь къ оному, никогда почти не видно было пьянаго: между кавказцами считалось срамомъ выпить передъ дѣломъ съ цѣлью возбудить въ себѣ храбрость.

Извѣстнаго рода между Кавказскими офицерами (особенно молодыми) ухарство, излишнее хвастовство, а иногда, нужно сказать, и шарлатанство встрѣчались нерѣдко, но послѣ нѣкотораго времени службы эти недостатки изглаживались, и истинно храбрые офицеры всегда отличались необыкновенною скромностью въ отношеніи себя. Зато гордость полка не имѣла предѣла, и каждый считалъ свой полкъ и свою часть лучшими на Кавказѣ. Это, впрочемъ, образовало и тотъ духъ, которымъ такъ отличались Кавказскіе полки.

Извѣстнаго рода грубость нравовъ выработывала такъ же эта Кавказская жизнь. Дуэли на Кавказѣ не были очень частымъ явленіемъ, но зато въ запальчивости раны, даже убійства товарища, случались часто. Впрочемъ, всѣ постоянно носили оружіе, азіатскіе кинжалы и пистолеты, за поясомъ. Какой-то офицеръ, возвращаясь изъ экспедиціи, пріѣхалъ вечеромъ въ Кизляръ и попалъ прямо на балъ; онъ тутъ же пригласилъ даму и сталъ танцовать кадрили. Его vis-a-vis, мѣстный засѣдатель суда, возбудилъ, не помню уже чѣмъ, его гнѣвъ, и офицеръ, не долго думая, схватилъ кинжалъ и распоролъ ему животъ. Засѣдателя убрали, пятно крови засыпали пескомъ и балъ продолжался, какъ ни въ чемъ не бывало, но офицера пришлось арестовать и предать суду. Комендантъ Кизляра, который мнѣ рассказывалъ этотъ случай, былъ собственно возмущенъ не самимъ фактомъ, а лишь запальчивостью молодого офицера, который вѣдь могъ же вызвать засѣдателя на улицу и тамъ кольнуть его, и дѣло кануло бы въ воду.

Ежели такъ дешево цѣнилась жизнь русскаго, то можно себѣ представить какую цѣну придавали жизни татарина.

Въ крѣпости Грозной сохранилось преданіе Ермоловскихъ временъ объ одномъ извѣстномъ и любимомъ имъ штабъ-офицерѣ, фамилію котораго я забылъ. Офицеръ этотъ былъ посланъ съ колонною для рубки лѣса въ Хонкальское ущелье; при этомъ случаѣ обыкновенно жители Грозной и всѣ мирные Чеченцы, подъ прикрытіемъ войскъ, запасались дровами. Непріятель сильно атаковалъ наши войска и Алексѣй Петровичъ, слыша перестрѣлку, стоя на бастіонѣ крѣпости, очень беспокоился объ участи колонны. Наконецъ получилъ онъ отъ начальника оной чрезъ латутчика записку, что все благополучно, непріятель отбитъ съ урономъ и оставилъ въ рукахъ нашихъ семь тѣлъ (въ то время былъ обычай приносить головы непріятеля, какъ трофеи). Наконецъ колонна показалась въ виду Грозной. Ермоловъ послалъ благодарить начальника, съ приказаніемъ немедленно къ нему явиться и принести трофеи. Но штабъ-офицеръ совралъ: было всего 4 головы, а соврать Ермолову было преступленіе, которое лишило бы виновнаго всего. Штабъ-офицеръ, не долго думая, велѣлъ сейчасъ же отрубить три недостающія головы у мирныхъ Ногайцевъ, ѣхавшихъ на арбахъ съ казенными дровами; никто противъ этого не протестовалъ, и Алексѣй Петровичъ узналъ объ этомъ обстоятельстве, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ, въ послѣдствіи, когда уже былъ въ отставкѣ.

Другой примѣръ распорядительности въ этомъ родѣ Эссена, о которомъ было упомянуто выше. Въ 1847 году, въ чинѣ капитана, по старости лѣтъ онъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ въ укрѣпленіе Умаханъ-юртъ на правомъ берегу Сунжи; на лѣвомъ берегу находился большой мирный чеченскій аулъ Брагуны. По распоряженію начальника лѣваго крыла Кавказской линіи, въ то время извѣстнаго Генерала Фрейтага, предписано было Эссену распорядиться о скорѣйшей перевозкѣ казеннаго провіанта въ склады Умаханъ-юртъ.

Перевозку эту взяли на себя мирные Брагунцы и на паромѣ переправляли въ укрѣпленіе чрезъ Сунжу провіантъ. Эссенъ, куря трубку, сидѣлъ на батарее, командующей переправою, и все ругался за медленность доставки и, наконецъ, раздосадованный на паромщиковъ и чеченцевъ, приказалъ зарядить орудіе картечью и выстрѣлить на паромъ въ толпу Брагунцевъ. Нѣсколько человѣкъ

было ранено, трое убито, но зато провіантъ былъ переправленъ съ неимоვნюю скоростію. Эссенъ доносилъ Фрейтагу о происшествіи въ слѣдующихъ словахъ: „переправа и доставка провіанта производилась крайне медленно, но благодаря благоразумнымъ мѣрамъ кротости, я побудилъ Брагунцевъ скорѣе исполнить распоряженіе Вашего Превосходительства, и весь провіантъ доставленъ въ укрѣплѣніе въ цѣлости“.

Никто бы не думалъ жаловаться, если бы Эссенъ не приказалъ взять въ укрѣплѣніе тѣла убитыхъ и запретилъ ихъ выдавать родственникамъ. Робертъ Карловичъ Фрейтагъ похвалилъ Эссена за распорядительность, ничего не подозрѣвая, какъ вдругъ явилась депутація старшинъ Брагунцевъ въ Грозную съ просьбой разрѣшить выдачу тѣлъ родственникамъ. Тутъ все открылось. Эссенъ былъ смѣненъ и потомъ подалъ въ отставку. Разсказъ слышалъ я отъ самого Фрейтага, прибывъ въ Грозную вскорѣ послѣ означеннаго происшествія.

Тѣмъ не менѣе славная тогда была жизнь на Кавказѣ; невольно увлекаешься тѣми впечатлѣніями, которыя, быть можетъ, поэтизировала наша тогдашняя безпеченность и молодость, не прошедшая еще чрезъ испытанія жизни. Никто, я думаю, въ нынѣшнемъ умиротворенномъ Кавказѣ не найдетъ и слѣдовъ того прошлаго, которое я описываю. Интересы цивилизаціи человѣчества въ томъ много выиграли, но врядъ ли теперешній Кавказъ можетъ вырабатывать тѣ характеры и тѣ личности, которыми, благодаря Кавказу того времени, такъ справедливо гордилась наша армія.

Для дополненія очерка тогдашняго быта Кавказской арміи, слѣдуетъ упомянуть о томъ печальномъ и безотрадномъ положеніи, въ которомъ находились семейства тогдашнихъ Кавказскихъ офицеровъ, и о тѣхъ особенностяхъ семейной Кавказской обстановки, встрѣчающихся преимущественно въ штабъ-квартирахъ полковъ и укрѣплѣніяхъ, съ ихъ мелкими гарнизонами. Съ пособіемъ, разумѣется, солдатскаго труда, семейный офицеръ въ штабъ-квартирѣ обстраивался обыкновенно на форштатѣ, смотря по средствамъ, болѣе или менѣе приличнымъ домикомъ, подъ крѣпостію имѣлъ свой огородъ и свою долю на полковыхъ покосахъ. Этими скудными средствами содержалось иногда большое семейство, доколѣ

вражеская пуля, поражая главу семьи, не лишала несчастных своей опоры и послѣднихъ средствъ къ существованію.

Въ отдѣльныхъ, передовыхъ фортахъ семейства офицеровъ обыкновенно помѣщались въ тѣсныхъ и неудобныхъ, выстроенныхъ изъ камня, глины или турлука, такъ называемыхъ, офицерскихъ флигеляхъ. Постоянно тревожимыя нападеніями непріятеля въ отдѣльныхъ фортахъ, а въ штабъ-квартирахъ, кромѣ того, неизвѣстностью о судьбѣ главы семьи во время продолжительныхъ и отдаленныхъ походовъ, Кавказскія военныя женщины представляли собою самобытный особенный типъ, имѣвшій свои прискорныя стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ выказавшій много доблестей, имъ однимъ свойственныхъ.

Семейными офицерами обыкновенно были лица уже въ извѣстномъ, относительно болѣе обезпеченнымъ, положеніемъ, т.-е. не говоря о командирахъ полковъ, командиры батарей и ротъ, и преимущественно штабные, затѣмъ обыкновенно военные инженеры, комиссаріатскіе чиновники и смотрители провіантныхъ магазиновъ. Это составляло дамское общество штабъ-квартиръ того времени. Наборъ офицерскихъ женъ представлялъ тоже свою своеобразность. Между дамами часто встрѣчались старыя прежнія любовницы офицеровъ изъ солдатскихъ дѣтей форштадтскихъ слободокъ, часть контингента невѣстъ доставлялась дѣтьми офицеровъ, родившимися и выросшими въ укрѣпленіяхъ и штабъ-квартирахъ Кавказа. Затѣмъ, когда дѣйствительно ощущалась военными тружениками Кавказа потребность семейной обстановки, такъ мало сознаваемой при боевомъ разгулѣ тогдашней молодостью, то многіе офицеры отправлялись въ ближайшія, такъ называемыя, образованныя мѣста для пріисканія невѣстъ. Такимъ являлся отчасти городъ Ставрополь, какъ столица Кавказской линіи, а въ особенности городъ Астрахань, гдѣ существовалъ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Оригинально было обыкновеніе офицеровъ, испросившихъ отпускъ въ одинъ изъ этихъ городовъ, обращаться въ своимъ непосредственнымъ начальникамъ съ просьбою снабдить формальнымъ разрѣшеніемъ на вступленіе въ бракъ, такъ называемымъ бланкомъ, гдѣ оставлялся пробѣлъ для неизвѣстнаго еще имени невѣсты. Обыкновенно возвращались офицеры уже женатыми изъ подобныхъ отпу-

сковъ, вводя новѣй элементъ въ монотонную жизнь штабъ-квартиры и укрѣпленій. Офицеры изъ грузинъ и армявъ, которыхъ такъ много было въ полкахъ — особенно Дагестана и Закавказья, отыскивали обыкновенно невѣсть въ Тифлисѣ и Закавказскихъ городахъ между своими единоплеменниками. Затѣмъ являлись, какъ исключеніе, образованныя дамы, пріѣхавшія съ мужьями своими, обыкновенно назначаемыми изъ Россіи на болѣе самостоятельныя должности въ полкахъ. Онѣ, по необходимости, должны были подчиняться, а многія и совершенно свыкались съ общою особенностью тогдашней обстановки.

Самое жалкое было положеніе семействъ офицеровъ вновь произведенныхъ изъ Кавказскихъ юнкеровъ. Въ то время юнкера, выслужившіе срокъ въ офицеры, изъ Кавказскихъ полковъ, ежели не были произведены за военныя дѣйствія Главнокомандующимъ, обыкновенно посылались на испытанія и экзаменъ въ резервную Кавказскую дивизію, расположенную въ Таганрогѣ и окрестностяхъ. Здѣсь безъ всякихъ средствъ, отчужденные отъ родныхъ полковъ, подвергались они всевозможнымъ лишеніямъ. Несчастные молодые люди должны были прибѣгать къ долгамъ и, эксплуатируемые кредиторами, обыкновенно домохозяевами, у которыхъ квартировали, они для расчета съ долгами, при производствѣ, общались жениться на дочеряхъ и родственницахъ кредиторовъ. Эксплуатація подобнаго рода была довольно обыкновенна въ Таганрогѣ и Ростовѣ, и можно себѣ представить безвыходное положеніе произведеннаго прапорщика, возвращающагося въ полкъ съ нелюбимой имъ и большею частью старой женой, а иногда и съ дѣтьми. Эти браки назывались на Кавказѣ „женитьба по роспискѣ“.

Изъ всего сказаннаго можно представить себѣ, какой разнообразный, пестрый элементъ составляло Кавказское женское общество штабъ-квартиръ. Но безотраднѣе еще было положеніе несчастныхъ дѣтей тогдашнихъ Кавказскихъ офицеровъ, особенно дѣвушекъ, подверженныхъ всѣмъ случайностямъ отчасти грубой и своеобразной среды, въ которой приходилось имъ жить. Мальчики обыкновенно учились въ полковыхъ канцеляріяхъ, у ротнаго фельдфебеля или подъ руководствомъ кого-либо изъ разжалованныхъ (и это были положительно лучшія въ то время учебныя силы полка). Усвоивши

себѣ съ раннихъ лѣтъ всѣ взгляды тогдашней Кавказской жизни, они поступали въ полки рядовыми или юнкерами, и много выработалось изъ подобныхъ личностей замѣчательныхъ офицеровъ, со всѣми доблестями, а иногда и пороками, кавказцевъ, какъ послѣдствіе окружающей съ рожденія ихъ обстановки.

Незабвенную оставила по себѣ память на Кавказѣ княгиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, жена Главнокомандующаго, обративъ вниманіе на безвыходное положеніе дочерей Кавказскихъ офицеровъ. Попеченіями и пожертвованіями ея устроено было въ Тифлисѣ воспитательное заведеніе Св. Нины, также въ Ставрополѣ и, наконецъ, въ Эривани для дочерей служащихъ на Кавказѣ, и этимъ упрочилась судьба и будущность сотенъ сиротъ и заброшенныхъ на Кавказѣ дѣтей офицеровъ.

Въ нѣкоторыхъ военныхъ центрахъ, какъ Владикавказъ особенно, затѣмъ Шура и Грозная, благодаря большому числу семейныхъ, была въ извѣстной степени развита общественная жизнь. Я никогда не забуду, съ какимъ восторгомъ послѣ продолжительнаго похода приближались мы къ такимъ вождѣльнымъ центрамъ общественной жизни; при звукѣ скрипокъ на балѣ во Владикавказѣ или Шурѣ, мы какъ будто вновь вступали въ цивилизованный относительно міръ, — какое впечатлѣніе производилъ видъ дамскихъ туалетовъ, выписанныхъ изъ какого-нибудь „парижскаго магазина“ Ставрополя или Таганрога, — какъ въ то время было все безыскусственно, весело, радушно, просто! Въ офицерскихъ семьяхъ встрѣчали всѣхъ пріѣзжихъ, какъ родныхъ, и отличительною чертою того общества было то, что не существовало того провинціального типа, встрѣчающагося во всѣхъ городахъ Россіи, не было той отвратительной закваски, сплетенъ и мелкихъ самолюбіи, которыя такъ безобразятъ наши провинціальныя общества. Оно и понятно: интересы всѣхъ сосредоточивались на военныхъ дѣйствіяхъ, будущихъ экспедиціяхъ, настоящихъ вопросахъ, съ которыми было связано не одно благосостояніе, но и самое существованіе населенія. Горизонтъ взглядовъ, идей, былъ шире и не давалъ мѣста тѣмъ мелкимъ побужденіямъ и интересамъ, которые по мѣрѣ умиротворенія края подвели, весьма естественно, Кавказъ и тогдашніе своеобразные его нравы подъ общій уровень провинціального быта прочихъ частей

Имперіи. Нѣсколько разсказовъ объ этомъ времени лучше всего характеризуютъ описываемое общество.

Въ 1847 году, послѣ продолжительной экспедиціи нашей въ Дагестанѣ, Владикавказскіе друзья мои, услышавъ, что я убить подѣ Салтами (меня тогда смѣшали съ адъютантомъ Глѣбовымъ), уже успѣли въ соборѣ отслужить по мнѣ двѣ панихиды. Я помню, когда я пріѣхалъ вмѣстѣ съ прочими товарищами, съ какою не-притворною радостью насъ встрѣчали, какъ насъ чествовали и праздновали. Мы, съ своей стороны, хотѣли сдѣлать что-либо особенное для дорогихъ намъ Владикавказскихъ дамъ и устроили вечеромъ пикникъ съ танцами въ общественномъ саду, прилежащемъ въ укрѣпленіи къ правому берегу Терека. Садъ иллюминировали бумажными фонарями, сдѣланными наскоро въ мастерскихъ Тенгинскаго полка, устроили палатку для танцевъ, и все Владикавказское общество прибыло на праздникъ. Но такъ какъ при освѣщеніи сада съ противоположнаго берега Терека легко могли подкрадываться горцы, то мы просили для безопасности танцующихъ общаго друга нашего, командира Навагинскаго полка Ипполита Александровича Вревскаго принять должныя мѣры; онъ распорядился выслать двѣ роты навагинцевъ на лѣвый берегъ рѣки, занявъ оный резервомъ, цѣлью и секретомъ. Въ самый разгаръ бала въ саду открылась перестрѣлка за Терекомъ, нѣсколько пуль просвистѣли даже надъ головами танцующихъ; никто этимъ нисколько не потревожился, всѣ смѣялись и веселились до разсвѣта, гдѣ съ хоромъ музыки и пѣсенниковъ мы проводили всѣхъ дамъ къ своимъ квартирамъ. Только сотня изъ Владикавказской станицы, расположенной на лѣвомъ берегу, вышла на тревогу и на другой день узнали, что два навагинца ранены въ секретѣ. Разумѣется, сейчасъ имъ по подпискѣ собрали порядочный кушъ денегъ, который мы отнесли въ лазаретъ раненымъ; всѣ остались совершенно довольны и черезъ день никто объ этомъ не говорилъ, какъ объ обстоятельстве совершенно обычномъ.

Еще помню, какъ товарищъ мой, князь Васильчиковъ, въ 1846 году уѣзжая въ Россію въ отпускъ, ангажировалъ во Владикавказѣ на мазурку на Варваринъ день 4-го декабря всѣми нами любимую, уважаемую жену тогдашняго батарейнаго командира

Барвару Яковлевну Опочинину. Я былъ въ то время въ Владикавказѣ, балъ давался въ такъ называемомъ домѣ клуба, на покрытой невылазной грязью городской площади. Васильчикова не было, и я замѣнилъ его при первыхъ звукахъ приглашающихъ къ мазуркѣ. Въ это время раздается гулъ и колокольчики курьерской тройки: въ залу входитъ въ дорожномъ костюмѣ, покрытый съ ногъ до головы грязью, Васильчиковъ, отнимаетъ у меня даму и, при общемъ восторгѣ всѣхъ присутствующихъ, въ этомъ дорожномъ видѣ съ увлеченіемъ танцуетъ до утра.

Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ были другіе нравы: здѣсь было болѣе распущенности и буйства—можетъ быть потому, что крѣпость эта ближе лежала къ непріятелю и постоянно находилась въ тревогѣ. Говоря о Шурѣ, нельзя не упомянуть о женѣ генерала Клюгенау, въ тѣ времена командовавшаго войсками той мѣстности. Анна Ефимовна была чуть-ли не Кавказская уроженка, по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ помнится, была дочь комиссаріатскаго чиновника Виноградскаго; на ней на Кавказѣ же женился генералъ Клюгенау. Въ 1843 году во время несчастныхъ событій въ Аваріи, гдѣ потеряли мы всѣ наши укрѣпленія и гдѣ такъ тяжело пострадали малочисленные гарнизоны, Клюгенау съ находящимися подъ руками силами выступалъ изъ Шуры на выручку укрѣпленія Зырани, гдѣ храбрый Пассекъ съ доблестнымъ гарнизономъ, питаясь кониною, давно уже отстаивалъ честь русскаго оружія противъ окружающихъ его огромныхъ скопищъ Шамиля. Въ это время одинъ изъ дѣтей Клюгенау былъ опасно боленъ и умеръ ночью, предъ выступленіемъ отца его, истинно добраго и чадолюбиваго семьянина. Анна Ефимовна, опасаясь, чтобы горе не повліяло на духъ мужа при предстоящихъ ему бояхъ, скрыла смерть ребенка, со спокойнымъ духомъ просила Клюгенау предъ выступленіемъ благословить спавшаго, по ея словамъ, но на самомъ дѣлѣ мертваго ребенка. Карлъ Фравцовичъ, ничего не подозрѣвая, выступилъ въ походъ; жена проводила его за укрѣпленіе, и только по возвращеніи домой силы ее оставили. Анна Ефимовна Клюгенау была провидѣніемъ бѣдныхъ офицеровъ въ Шурѣ, трогательно ухаживала за ранеными въ это несчастное время и вмѣстѣ съ мужемъ никогда не отказы-

вала, при скудныхъ своихъ средствахъ, въ помощи семействамъ и сиротамъ павшихъ офицеровъ.

Гораздо позже, кажется въ 47 или 48 годахъ, мнѣ случилось видѣть примѣръ того безвыходнаго положенія, въ которомъ находились эти несчастныя. Главнокомандующій былъ въ Шурѣ, мнѣ отвели квартиру въ какомъ-то флигелѣ, гдѣ лазаретная койка, столъ и нѣсколько табуретовъ составляли всю мебелировку комнаты.

Поздно вечеромъ, вернувшись домой, я занимался пересмотромъ переданныхъ мнѣ гр. Воронцовымъ прошеній; входитъ ко мнѣ молодая, замѣчательной красоты, женщина ¹⁾ и объясняетъ, что мужъ ея нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ убитъ, и она съ двумя малолѣтними дѣтьми пріючена въ землянкѣ денщикомъ покойнаго, который, изъ привязанности къ мужу, прокармливаетъ этихъ несчастныхъ. Отчаяніе бѣдной матери было безпредѣльно; то была женщина не лишенная нѣкотораго образованія, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось. Въ своемъ отчаяніи она даже позволила себѣ оскорбить меня слѣдующими словами: рыдая и сядя на мою койку, она сказала: „попросите Главнокомандующаго, обезпечьте кускомъ хлѣба дѣтей и дѣлайте тогда со мной, что хотите“. Я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое произвела на меня эта сцена. Давъ отъ себя посильное пособіе на первый случай, я съ трудомъ успокоилъ несчастную мать и высказалъ, насколько чувствовалъ незаслуженнымъ и оскорбительнымъ для себя подобное обо мнѣ мнѣніе. Она, растерянная, горько рыдая, извинилась, говоря, что не помнить, что говорить и дѣлаетъ: денщикъ лежитъ больной, а она съ дѣтьми болѣе сутокъ не ѣвши. Все сказанное Л—вой вполне подтвердилось, всѣ въ Шурѣ съ уваженіемъ отзывались объ этой женщинѣ. Мнѣ удалось выхлопотать ей щедрое пособіе отъ гр. Воронцова, а въ послѣдствіи добрая княгиня пристроила ее въ Ставрополѣ и взяла на воспитаніе ея дѣтей. Съ тѣхъ поръ я Л—вой никогда не встрѣчалъ.

Шура въ то время постоянно была подвергнута смѣлымъ набѣгамъ горцевъ. Укрѣпленія были земляныя, самыя ничтожныя, такъ что даже разъ извѣстный Хаджи-Муратъ, ночью, съ партіей

¹⁾ Вдова штабсъ-капитана Апшеронскаго полка Л—ва.

наѣздниковъ перескочилъ ровъ укрѣпленія, порубилъ больныхъ въ лазаретѣ и поранилъ кинжаломъ командира коннаго нерегулярнаго Дагестанскаго полка, полковника Джиморджиза, на его квартирѣ, въ то время, какъ онъ, лежа въ постели, читалъ книгу.

Тревоги были постоянныя, всѣ жили со дня на день.

Въ то время въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ была также извѣстная дама, жена капитана Б—за, полка отъ рожденія, слышная львицей Темиръ-Ханъ-Шуры и кружившая всѣмъ головы. О ней мнѣ случилось слышать отзывъ простого Кавказскаго офицера Линейнаго баталіона въ укрѣпленіи Кази-Юртѣ, гдѣ я остановился. Я ѣхалъ въ Шуру и старый поручикъ мнѣ сказалъ: „Какъ вы счастливы, что понадете въ такой славный городъ; я уже три года какъ гнію здѣсь въ Кази-Юртѣ; разъ случилось быть въ Шурѣ на балу. Тамъ вы увидите капитаншу Б—за: о ней можно прямо сказать, что это истинная бельфама, не потому только, что она такъ собой хороша, но потому, что она и души отличной“. Я дѣйствительно звалъ эту капитаншу, которая, впрочемъ, ознаменовала себя впослѣдствіи трагическимъ происшествіемъ: ревнуя одного изъ многочисленныхъ своихъ поклонниковъ, Дагестанскаго полка майора Д—го, и зная, что въ квартиру его пришла другая, она ночью ворвалась къ нему и ранила его пистолетомъ, такъ что лишила его возможности когда-либо быть ей невѣрнымъ. Объ этой исторіи поговорили дня два въ Шурѣ, а потомъ о ней больше не заботились.

Чтобы показать разнохарактерность тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ Кавказское провинціальное общество тогда состояло и вмѣстѣ съ тѣмъ соединялось, въ виду общихъ нуждъ и интересовъ, упомяну здѣсь о стоянкѣ моей съ полкомъ въ городѣ Елизаветполь (Ганжѣ), по возвращеніи на зимовыя квартиры изъ Азіатской Турціи, съ 1855 по 1856 годъ. Несчастный этотъ уѣздный городъ Закавказья никогда не видалъ такого блестящаго сезона; офицеры мои устраивали еженедѣльные балы въ зданіи уѣзднаго училища, гдѣ была единственная немного приличная зала. По настоянію моему, всѣ ученики были отпущены по домамъ на всю зиму, залу убрали арматурою, флюгерами, люстру сдѣлали изъ штыковъ и тому подобное. Драгунская музыка гремѣла, все обще-

ство Елизаветполя веселилось, восхищаясь ловкости молодых людей, которые въ свою очередь иногда позволяли себѣ школьничать непомѣрно, такъ что мнѣ съ женой приходилось всегда первыми пріѣзжать на балъ и уѣзжать послѣдними, и разъ пришлось съ балу отправить двухъ офицеровъ на гауптвахту. Нельзя себѣ представить ничего оригинальнѣе тогдашняго Елизаветпольскаго общества. Жена коменданта, такъ называемой, крѣпости (разрушившееся глиняное старое персидское укрѣпленіе), инвалидной Команды капитана Евстапова, съ ожесточеніемъ танцующая, несмотря на свои лѣта и подверженная слабости къ крѣпкимъ напиткамъ (разъ замѣтили офицеры, какъ она выпила о'де-колонъ, поставленный въ дамской уборной). Другая дама, жена засѣдателя, во второй фигурѣ кадрили, толкая разсѣяннаго своего кавалера, говорила ему: „Вамъ начинать, ваше благородіе“. Еще одна дама, только что вставшая отъ родовъ, желая воспользоваться невиданными въ Елизаветполѣ блестящими балами, принесла новорожденного въ уборную и отлучилась во время танцевъ для кормленія его грудью. Помню еще одно школьничество своихъ офицеровъ. На балахъ этихъ обыкновенно было угощенье: чай, фрукты, мороженое и холодный ужинъ. Разъ послѣ кадрили дамы просили подать лимонаду. Прапорщикъ Салтыковъ бросился исполнить это желаніе, и когда показались подносы съ прохладительнымъ, каково было всѣхъ удивленіе, когда, по приказанію Салтыкова, хоръ трубачей заигралъ сигналъ „на водопой“. Гости, все больше изъ гражданскаго званія уѣзднаго города, ничего въ этомъ не поняли, но Салтыковъ былъ наряженъ мною на лишнее дежурство, а за послѣдующія безобразія ему и вовсе было запрещено являться на балы.

Много можно было бы привести примѣровъ изъ воспоминаній моихъ о Кавказскомъ обществѣ, но сказаннаго довольно, чтобы дать понятіе о темной и свѣтлой сторонѣ тогдашнихъ нравовъ Кавказскихъ дамъ. Придется, впрочемъ, не разъ еще въ продолженіе моего разсказа вспоминать многія подобныя черты прошлаго.

ГЛАВА III.

Составъ главной квартиры гр. Воронцова въ Червленной.—Штабъ.—Очеркъ колонизации Терека, военное положеніе станицъ и постовъ.—Гребенскій казачій полкъ.—Станица Червленая и ея нравы.—Полковникъ Сусловъ.—Прибытіе въ Ташки-чу.—Очеркъ Кумыцкой плоскости.—Кумыцкіе князья.—Мусса-Хассай.—Уцмievъ.—Моя поѣздка съ Глѣбовымъ въ Червленную.—Прибытіе гр. Воронцова въ Ташки-чу.—Кишинскій и Лобановъ.—Выступленіе въ походъ.

Изложивъ въ предыдущихъ главахъ очеркъ Кавказской жизни и Кавказскихъ обычаевъ, перехожу къ разсказу о пребываніи главной квартиры графа Воронцова въ станицѣ Червленной и укрѣпленіи Ташки-чу, въ ожиданіи Жаргинской экспедиціи.

Въ составѣ главной квартиры въ Червленной сосредоточивались, большею частью, всѣ прибывшіе изъ С.-Петербурга гвардейскіе офицеры ¹⁾. Въ виду особенно важныхъ предстоящихъ дѣйствій, подъ личнымъ начальствомъ гр. Воронцова, съѣхалась изъ С.-Петербурга масса флигель-адъютантовъ, въ числѣ которыхъ упомяну о графѣ Константинѣ Бенкендорфѣ ²⁾, графѣ Строгановѣ ³⁾, князѣ Паскевичѣ ⁴⁾, князѣ Барятинскомъ ⁵⁾, флигель-адъютантѣ Сколковѣ ⁶⁾, полковникѣ Николаѣ Ивановичѣ Вольфѣ, долго впоследствии служившемъ на Кавказѣ помощникомъ Начальника Штаба, и другихъ; кромѣ того прибылъ для участія въ отрядѣ Принцъ Александръ Гессенскій ⁷⁾ съ своей свитой. Съ графомъ Воронцовымъ изъ Одессы прибыли состоящіе еще при немъ въ Одессѣ адъютанты: кн. Александръ Ивановичъ Гагаринъ ⁸⁾, графъ Галатерси ⁹⁾, полковникъ Алекс. Голицынъ (Куликъ); гражданскіе

¹⁾ Прикомандированные впоследствии къ полкамъ и штабамъ разныхъ отрядовъ.

²⁾ Впоследствии пашъ военный агентъ въ Берлинѣ, умеръ.

³⁾ Поручикъ гр. Александръ Сергѣевичъ, умеръ.

⁴⁾ Капитанъ князь Федоръ Ивановичъ, сынъ фельдмаршала.

⁵⁾ Кн. Александръ Ивановичъ, адъютантъ Наслѣдника, впоследствии фельдмаршалъ, умеръ.

⁶⁾ Иванъ Григорьевичъ, впоследствии адмиралъ и генералъ-адъютантъ.

⁷⁾ При немъ полковникъ Самсоновъ.

⁸⁾ Впоследствии Кутаисскій генералъ-губернаторъ, измѣнически убитый Сванетскимъ Кн. Дыдышъ-Калыаномъ.

⁹⁾ Умеръ въ Тифлисѣ генераломъ.

чиновники: Щербининъ ¹⁾, баронъ Александръ Павловичъ Николаи ²⁾ и докторъ Андріевскій ³⁾. (Я говорю только о лицахъ изъ Одесскихъ, какъ ихъ называли, принимавшихъ участіе въ экспедиціи 1845 года).

Затѣмъ прибыли въ Штабъ вновь избранные гр. Воронцовымъ адъютанты изъ С.-Петербурга: кн. Васильчиковъ ⁴⁾, кн. Андрониковъ ⁵⁾, Нечаевъ ⁶⁾, Давыдовъ ⁷⁾, Масловъ ⁸⁾, Лисовичъ ⁹⁾, Лонгиновъ ¹⁰⁾ и прикомандированъ поручикъ Австрійской службы Едминскій ¹¹⁾, и затѣмъ въ Штабъ были зачислены лица, состоявшіе при бывшемъ корпусномъ командирѣ генералѣ Нейдгартѣ: Глѣбовъ ¹²⁾, кн. Козловскій ¹³⁾, я и кн. Трубецкой; полковники: Дружининъ ¹⁴⁾, Веревкинъ ¹⁵⁾ и баронъ Микквичъ ¹⁶⁾ (временно бывшій при Нейдгартѣ и назначенный адъютантомъ къ кн. Воронцову) и весьма много другихъ изъ старыхъ Кавказцевъ. Отношенія наши съ Штабомъ, говорю о Кавказцахъ служившихъ до пріѣзда новаго Главнокомандующаго, были первое время довольно натянуты, вслѣдствіе многихъ неловкостей и безтактностей пріѣзжей свиты. Все это скоро изгладилось, и дѣйствительно дружелюбныя товарищескія отношенія наши впослѣдствіи (за исключеніемъ нѣкоторыхъ личностей) составляютъ одно изъ лучшихъ и дорогихъ моихъ воспо-

¹⁾ Михаилъ Павловичъ—впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ.

²⁾ Александръ Павловичъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, управляющій гражданскою частью на Кавказѣ.

³⁾ Эрастъ Стенаповичъ, умершій въ отставку въ Одессѣ въ 1872 году.

⁴⁾ Впослѣдствіи командиръ Ширванскаго полка, Сергій Илларионовичъ, умеръ въ 60-хъ годахъ за границей.

⁵⁾ Кн. Ревасъ Ивановичъ—впослѣдствіи генер.-лейтенантъ на Кавказѣ.

⁶⁾ Въ 1847 г. умеръ чахоткой.

⁷⁾ Ростиславъ, умершій.

⁸⁾ Михаилъ.

⁹⁾ Генераль-маіоръ въ отставкѣ, умеръ.

¹⁰⁾ Александръ Николаевичъ, убитъ въ 1845 г. въ Даргинской экспедиціи.

¹¹⁾ Альбертъ Артуровичъ, впослѣдствіи генералъ, помощникъ командующаго Кавказской дивизіи на Кавказѣ.

¹²⁾ Убитъ въ 47 году подъ Салтами.

¹³⁾ Умеръ въ Тифлисѣ.

¹⁴⁾ Въ отставкѣ генераломъ умеръ.

¹⁵⁾ Александръ Николаевичъ умеръ въ Тифлисѣ въ 1850-мъ году.

¹⁶⁾ Умеръ въ Тифлисѣ генераль-лейтенантомъ и начальникомъ жандармскаго управленія.

минавій. Крімъ поименованныхъ лицъ, прибыли еще въ главную квартиру изъ С.-Петербурга и Тифлиса, въ ожиданіи великихъ и богатыхъ милостей, много лицъ, состоящихъ при Кавказскомъ корпусѣ и не имѣющихъ никакого офіціального положенія въ отрядѣ. Изъ нихъ назову кн. Лобанова при гр. Воронцовѣ, игравшаго извѣстную роль и о которомъ будетъ сказано вполнѣ въ послѣдствіи, жандармскаго генерала Викторова, генерала Фокъ, убитыхъ въ 45 году, и многихъ другихъ дилетантовъ; даже были офицеры изъ Крымскихъ татаръ, прибывшихъ съ княземъ. Обо многихъ, можетъ быть, придется вспомнить вполнѣ въ послѣдствіи.

Понятно, что такое огромное и доселѣ небывалое скопленіе на Кавказѣ различныхъ элементовъ при главной квартирѣ должно было порождать не мало мелкихъ столкновеній, гдѣ самолюбіе, интриги, честолюбіе, а главное незнаніе вновь прибывшими условій Кавказскаго быта, играли немаловажную и часто непріятную роль. Всѣ эти положенія вполнѣ въ послѣдствіи разобрались и опредѣлились во время похода подъ выстрѣлами непріятеля. Мыслие какъ самого гр. Воронцова, такъ и всѣхъ участвовавшихъ ясно опредѣлилось, по окончаніи испытаній нашихъ въ Герзель-Аулѣ, о каждой личности, какъ говорятъ французы: „on s'est débrouilli“.

Но въ началѣ похода все это имѣло большое вліяніе на первыя впечатлѣнія Кавказцевъ; огромные обозы штаба, безпримѣрный расходъ людей и казаковъ въ прислугу—все это справедливо заставляло опасаться опытныхъ Кавказцевъ за исходъ движенія нашего во внутрь страны, гдѣ еще не бывала русская нога и гдѣ возможны были переходы отрядовъ только съ самымъ ограниченнымъ числомъ тяжестей. Гр. Воронцовъ вовсе не зналъ предстоящаго театра войны, по необходимости долженъ былъ покориться утвержденному въ С.-Петербургѣ плану дѣйствій, но при первомъ нашемъ движеніи въ Андіи, а въ особенности по прибытіи въ Дарго, вполнѣ созналъ всѣ неудобства такого порядка, справедливо возбуждавшаго въ то время опасенія, и постепенно уничтожалъ лишніе обозы для облегченія нашего движенія.

Никогда еще станица Червленная, считавшаяся по многимъ причинамъ Капудей кавказской линіи, не представляла такого оживленія. Не было ни одного почти дома, который бы не былъ за-

нять приїзжимъ постояльцемъ, все кипѣло жизнью, все вполнѣ наслаждалось новизною впечатлѣній и ощущеній. Громадныя средства приїзжихъ тратились въ станицѣ, все обзаводились лошадьми, оружіемъ, азіатскими костюмами и съ безпечною молодости тратили свои силы и деньги въ ожиданіи скорого выступленія, — разгулъ былъ полный — Кавказскій!

Между тѣмъ Главнокомандующій совѣщался съ отдѣльными начальниками и съ опытнымъ старымъ кавказцемъ Робертомъ Карловичемъ Фрейтагомъ, прибывшимъ изъ Грозной, и дѣлалъ все приготовленія къ выступленію и походу.

Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о станицѣ Червленной и ея населеніи и бросить бѣглый очеркъ на исторію колонизаціи Терека.

Первые русскіе, появившіеся въ этой мѣстности Кавказа, были опальные стрѣльцы, затѣмъ бѣглые яцкіе казаки, скрывавшіеся отъ казни во время смуты тогдашняго времени. Первоначально поселились они на Кочкалыковскомъ хребтѣ, отъ Черныхъ горъ Чечни перпендикулярно окапчивающихся у Сунжи и отдѣляющихъ пынѣшнюю Казыкумыкскую плоскость отъ большой Чечни; отсюда и названіе ихъ „Гребенцы“, такъ какъ они первоначально поселились на гребнѣ Кочкалыковскихъ высотъ. Придя на Кавказъ одинокими, они занимались грабежомъ сосѣдняго населенія, откуда выкрадывали женъ и тѣмъ образовали тотъ особенный типъ Гребенскихъ Казаковъ, столь рѣзко чертами и образомъ жизни отличающійся отъ прочихъ казачьихъ полковъ Кавказской линіи. Впослѣдствіи, тѣснимые со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, они обратились къ Правительству съ просьбой о помилованіи. Императрицей Екатериною оно имъ было даровано, разрѣшено переселиться на лѣвый берегъ Терека, пожалованный Гребенскому войску, — бунчукъ, булава, по саблѣ на человѣка и по пяти рублей денегъ. Гребенцы поселились на Терекѣ четырьмя городками: Червленной, которая считалась столицей войскъ, Щедринской, Староглидовской и Новоглидовской, а впослѣдствіи Шелковой. Это было начало нашихъ поселеній на Кавказской линіи. Затѣмъ ниже по теченію Терека, до впаденія его въ Каспійское море, около крѣпости Кизляра (построенной еще Петромъ Великимъ, при походѣ его въ Персію, и вновь укрѣпленной и доконченной въ царствованіе Импе-

ратрицы Анны Іоанновны инженеромъ Клаузенемъ) поселились новыя станицы, образовавшія Семейно-Кизлярскій полкъ. Населеніе составлялось только частію изъ казаковъ, преимущественно же переселялись семейства грузинъ и армянъ, бѣжавшихъ по причинѣ смутъ изъ своего края и, сколько мнѣ извѣстно, во время похода гр. Зубова на Кавказъ водворившихся въ нашихъ предѣлахъ. Кизлярскій полкъ, впрочемъ, и впослѣдствіи увеличивался постоянно новыми переселенцами.

Вверхъ по Тереку къ Гребенскому, полку во второй половинѣ прошлаго столѣтія, начали примыкать новыя казачьи переселенцы съ ихъ семьями, образовавшіе Моздокскій казачій полкъ, столицей котораго былъ городъ Моздокъ, а впослѣдствіи станица Науръ.

Исторія дальнѣйшаго заселенія центра и праваго фланга Кавказской линіи не входитъ въ программу описываемыхъ событій, и потому умалчивая объ этомъ, перехожу къ описанію военнаго положенія въ то время нашихъ станицъ и постовъ по Тереку въ Чечнѣ и на Кумыкской плоскости, а затѣмъ къ характеру и особенностямъ Гребенскаго казачьяго полка и станицы Червленной.

Казачьи станицы на Терекѣ составляли въ то время пашу передовую заселенную линію. Горскій, Моздокскій, Гребенскій и Кизлярскій полки занимали эту линію. Станицы, находясь одна отъ другой, въ разстояніи отъ 15—25 верстъ, соединялись между собою укрѣпленіями и постами въ разстояніи отъ 5 — 7 верстъ. По этой линіи проходила большая почтовая дорога, параллельно и въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Терека, по болѣе возвышенной мѣстности, за которой къ Сѣверу уже тянулась необозримая, безлѣсная, солонцоватая степь къ Ногайскимъ кочевьямъ и границѣ Астраханской губерніи. Низменная мѣстность отъ описанной кордонной линіи къ берегу Терека занята была или садами станицъ и огородами, или покрыта мелкимъ лѣсомъ и частью камышами, залитыми водой во время разлива Терека. Отъ каждой станицы и промежуточнаго поста выставлялись еще денные пикеты на дорогу, а впереди постовъ къ берегу рѣки паряжались тоже часовые, обыкновенно располагающіеся на отдѣльно растущихъ деревьяхъ, на которыхъ устраивали вышки, откуда можно было обозрѣвать окружающую мѣстность. Денные пикеты снимались ночью, и взамѣнъ

ихъ располагались въ скрытыхъ мѣстахъ у берега рѣки, и особенно на бродахъ, казачьи секреты, которые при покушеніи хищническихъ партій къ переправѣ или проходу въ наши предѣлы давали знать постамъ и резервамъ и, по общей тревогѣ, весь кордонный участокъ скакалъ для отысканія и преслѣдованія партій по слѣдамъ, или караулил ихъ при обратной переправѣ и отбивалъ награбленную добычу. Чеченцы обыкновенно дѣлали набѣги малыми партіями для отбитія станичнаго или хуторскаго скота или взятія въ плѣнъ неосторожныхъ казаковъ во время ихъ работъ въ поляхъ или садахъ. Иногда для мелкаго воровства или убійства чеченцы переправлялись по два, по три человѣка, пѣшіе, на турлукахъ (бурдюкахъ) переплывая Терекъ, скрывались въ камышахъ и уводили въ плѣнъ обезоруженныхъ женщинъ и дѣтей, которыхъ передавали ожидавшимъ ихъ сообщникамъ на непріятельскомъ берегу. Большими партіями, въ 100 и до 300 человѣкъ, чеченцы дѣлали набѣгъ преимущественно на Ногайскія кочевья, для отбитія скота, или на отдѣльные хутора въ станицахъ.

Станицы имѣли населеніе до 1000 и гораздо болѣе душъ, смотря по величинѣ ихъ. Станица была обыкновенно окружена неглубокимъ рвомъ и валомъ, огороженнымъ палисадникомъ или набросаннымъ колючимъ хворостомъ (дерезою). На углахъ этихъ укрѣпленій выдавались земляныя батареи, съ такими же валами, вооруженныя орудіями для обстрѣливанія фасовъ. Обыкновенно въ станицѣ было до четырехъ воротъ, по закатѣ солнца постоянно запираемыхъ и охраняемыхъ часовыми, какъ равно и батареи. Посреди станицы была большая площадь, на которой помѣщалась церковь (исключая старообрядческихъ станицъ) и колокольня, съ которой набатный звукъ колокола призывалъ, по тревогѣ, всю стапицу къ оружію, какъ днемъ, такъ и ночью. На площади обыкновенно располагались: домъ полковаго командира, станичное Правленіе, лазаретъ и базарныя лавки, преимущественно занятыя армянами. Чрезвычайно широкія улицы отъ площади тянулись къ воротамъ, и всѣ эти кварталы, перерѣзанные такими же широкими улицами, застроены были казачьими домами съ дворами и базами, для загона на ночь скота, который, впрочемъ, ночью располагался и на улицахъ станицы.

Посты, промежуточные между станицами, устраивались на курганахъ или болѣе возвышенныхъ мѣстахъ; они состояли изъ довольно высокаго плетня, обмазаннаго глиной, съ бойницами; посреди двора была казарма для казаковъ и навѣсъ для лошадей. Подъ воротами поста, обыкновенно на высокихъ столбахъ, расположена была крытая вышка для часового; иногда посты были окопаны рвомъ, а иногда для обстрѣливанія фасовъ по угламъ выдвигались такія же плетневые обороны. Около постовъ, равно какъ и на пикетахъ, обыкновенно ставили для ночныхъ сигналовъ длинные шесты, обвитые соломой, иногда смазанные и смолой. Пикеты состояли изъ плетневой будки или сарайчика для лошадей и людей и, около онаго, вышки для часового.

На постахъ находились, смотря по его важности, отъ 15 до 30 казаковъ, подъ начальствомъ урядника или офицера; на пикеты, или въ ночные секреты, высылалось обыкновенно не болѣе трехъ человекъ, въ ночные же засады къ берегу рѣки иногда и болѣе. При появленіи непріятеля и переправѣ его, немедленно дѣлалась тревога, зажигались шесты съ соломой и, по значительности партіи, требующей обыкновеннаго или усиленнаго резерва, зажигались два или три шеста, изъ станицъ производилось известное число выстрѣловъ; секреты и пикеты стягивались поспѣшно къ посту, изъ станицъ выскакивала къ мѣсту тревоги дежурная сотня,—все остальные, въ полной готовности къ выступленію, собирались на площади. Старики, женщины и дѣти бѣжали съ оружіемъ на валы, смотря по важности тревоги. Особенную поэтическую прелесть представляли гребенцы во время тревогъ, которыя въ то время повторялись такъ часто, что не проходило почти ни одной ночи, чтобы населеніе не вызывалось къ оружію. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть, какъ при первомъ звукѣ колокола или выстрѣла орудія казачки бросались сѣдлать и выводить лошадей, покуда мужъ или братъ одѣвался въ избѣ; дѣти подавали оружія, старики накладывали въ торбу сухари, привязывали ее къ сѣдлу, и никто не думалъ объ опасности — дѣло было слишкомъ обычное. Думали только, какъ бы застигнуть и истребить хищническую партію или отбить угнанный скотъ. Выпроводивши казака, казачки и старики брали оружіе и бѣжали на валъ въ ожиданіи возвращенія станич-

никовъ, которыхъ встрѣчали почетно, съ похвалами, въ случаѣ удачи, или съ бранью и насмѣшками въ случаѣ неудачи. Затѣмъ все успокоивалось, всѣ шли на обыденныя работы, какъ будто въ самомъ мирномъ краю, до перваго новаго призыва колокола.

Весьма понятно, какъ эта новая жизнь, эта своеобразная обстановка дѣйствовала на молодое наше воображеніе, и какую прелесть въ нашихъ глазахъ имѣли правы и станичный бытъ гребенцевъ.

Гребенскіе казаки составляютъ совершенно особый типъ на Кавказѣ; лица какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, носятъ отпечатокъ смѣшенія части русскаго великороссійскаго типа съ азіатскимъ типомъ Кавказскихъ горцевъ; мужчины чрезвычайно ловки, стройны, смѣтливы и храбры; женщины отличаются или, лучше сказать, отличались необыкновенною красотою и стройностью, которая еще больше выдавалась особеннымъ костюмомъ гребенскихъ казачекъ: сверхъ длинной рубашки онѣ носили азіатскій архалукъ, стянутый на талии и груди серебряными коваными застѣжками; головной уборъ состоялъ изъ шелковаго платка въ видѣ повязки, а голова и лицо покрывались, на азіатскій манеръ, кисейной чадрой, оставляя свободными глаза; обувь состояла изъ сафьянныхъ сапогъ. Обычай носить богатые ожерелья изъ янтаря, коралловъ и монетъ и серебряные кованые наборы архалука, при стройности ихъ стана, придавали особенно привлекательный характеръ червленскимъ казачкамъ.

Постоянно находясь на передовой нашей линіи, подвергаясь почти ежедневно нападеніямъ непріятеля, гребенцы отличались особенной смѣлостью и храбростью; сами казачки, когда ходили въ поле и на уборку винограда въ садахъ, расположенныхъ на берегу Терека, всегда носили съ собой винтовки за плечами. Нерѣдко были случаи, гдѣ, совмѣстно съ мужчинами, а иногда сами, онѣ отражали покушенія чеченцевъ въ виноградныхъ садахъ; часто случалось видѣть раненыхъ казачекъ съ рукою на перевязкѣ, продолжающихъ заниматься, еще не вылечившись отъ ранъ, своими обычными работами ¹⁾.

¹⁾ Была, какъ помнится, всѣмъ извѣстная Васенка Алиатова, раненая въ руку. Во время работы бабъ въ виноградникахъ, на нихъ напали горцы. Васенка,

У гребенскихъ казаковъ былъ обычай, составлявшій особенность этого населенія. Когда сотня или часть полка выступала въ походъ, то вся станица выходила на поляну въ степь, за станицу, на проводы, принося за собою обильное угощеніе.

Походные казаки, выстроенные во фронтъ, спѣшивались и пачивался общій разгулъ; ведра, чепурки съ чихиремъ переходили изъ рукъ въ руки, и при этомъ былъ обычай, что казакъ, которому казачка подноситъ чашку съ виномъ, имѣетъ право три раза поцѣловать ее. Все это обыкновенно кончалось джигитовкой, гдѣ казаки, проскакивая черезъ толпу, хватывали казачекъ, взбрасывали къ себѣ на сѣдло и увозили въ ближайшую рошу. Наконецъ, звукъ трубы собиралъ казаковъ и полагалъ конецъ этому разгулу; сотня выступала, и станичники съ музыкой и пѣснями возвращались по домамъ. Таковы были нравы, таковъ былъ бытъ этого особеннаго населенія, не лишенный своей поэтической прелести.

Во время нашего пребыванія въ Червленной, полкомъ командовалъ полковникъ Сусловъ, извѣстный впоследствии по дѣлу съ горцами, гдѣ, выскочивъ на тревогу съ 80-ю казаками, былъ окруженъ партіей въ 1000 человекъ горцевъ и, не согласившись на сдачу, сбатовалъ лошадей и, спѣшивъ казаковъ, подъ прикрытіемъ этого живого укрѣпленія, отстрѣливался, потерявъ болѣе $\frac{2}{3}$ лошадей и людей; наконецъ, подоспѣвшее подкрѣпленіе выручило

сидя на вышкѣ, стрѣляла по нимъ и затѣмъ вмѣстѣ съ прочими женщинами отступила, отстрѣливаясь, и была ранена. Мужъ ея, опасаясь суда за свои поступки въ полку, бѣжалъ къ горцамъ, впоследствии былъ схваченъ и приговоренъ къ разстрѣлянню. Аплатова привела своихъ дѣтей на мѣсто казни и сказала имъ: „Отецъ вашъ измѣнилъ полку, за то и умретъ, какъ собака, а вы должны вашей будущей службой смыть пятно на честномъ казацкомъ имени“. Приведу еще одинъ анекдотъ для характеристики и взглядовъ и повятій тогдашнихъ гребенцевъ. Сидѣлъ я какъ то вечеромъ у полкового командира барона Розена въ 1818 г. Входитъ станичный атаманъ, извѣстный 70-лѣтній старикъ Василій Ивановичъ Арнаутъ съ вечернимъ рапортомъ. Розенъ ему предлагаетъ отвѣдать чихирю, но Арнаутъ, къ немалому нашему удивленію, отказывается и знаками указываетъ на дверь. Розенъ, думая, что что-нибудь случилось въ полку, уходитъ съ нимъ въ сосѣднюю комнату: „Что такое случилось, Вас. Иванычъ?“ — „Да вотъ пріѣхалъ лазутчикъ чеченецъ и рассказываетъ, что французы забунтовались и прогнали своего короля, — мы только что усмирили Абазеховъ на Кубани, такъ придется, пожалуй, опять выступать, чтобы усмирить французовъ“.

65*

эту горсть храбрецовъ. Всѣ участвовавшіе были награждены георгиевскими крестами. Полковникъ Сусловъ въ то время, какъ и впоследствии, уже генераломъ, при штурмѣ Шеляги и въ Койтахъ, въ Дагестанѣ, являлъ себя настолько же смѣлымъ, сколько храбрымъ начальникомъ. Эти достоинства вполне измѣнили ему во время войны въ Азіатской Турціи, гдѣ, командуя въ 55 году Баязетскимъ отрядомъ на Ефратѣ, потомъ въ дѣлѣ при Керпикіей, своею необъяснимою осторожностью и нерѣшительностью лишилъ наше оружіе двухъ славныхъ и несомнѣнныхъ побѣдъ надъ турецкимъ отрядомъ Вели-паши.

Сусловъ, впрочемъ, не пользовался любовью казаковъ, несмотря на всѣ старанія заслужить ихъ довѣріе. Такъ, напримѣръ, когда не было начальства, онъ сидѣлъ дома въ черной суконной старообрядческой рясѣ, крестился въ присутствіи казаковъ по старообрядчески, не входилъ никогда въ домъ, не постучавъ въ дверь и не сказавъ „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ“.

Постоянное почти отсутствіе казаковъ изъ дому въ походахъ и па тревогахъ, съ другой стороны частые сборы разныхъ отрядовъ въ станицѣ и зимнія квартиры войскъ, а особенно пребываніе штабовъ, не могли не имѣть вліянія на нравственность гребенцевъ. Всѣ они старообрядческаго Федосѣевскаго толка, весьма склопны къ разгулу и пьянству, и нисколько не дорожатъ семейными отношеніями; каждый почти казакъ явно даже гордился своею „побочною“, а казачки не стѣснялись своимъ „побочнымъ“. Эти нравы такъ вкоренились въ населеніе станицъ Червленной и Щедринской, что ставили гребенцевъ въ совершенно исключительное положеніе среди прочаго казачьяго населенія по линіи. При этомъ казаки отличались особенной дисциплиной въ отношеніи къ старшимъ: несмотря на весь разгулъ, въ которомъ они участвовали вмѣстѣ съ офицерами, почти не было примѣра, чтобы гребенской казакъ когда-либо забылся передъ старшимъ, — что нисколько не вредило совершенно откровенному обращенію съ офицерами, какъ только они были подъ гостепріимнымъ кровомъ ихъ хатъ постояльцами или гостями; но разъ вышедши на улицу, все измѣнялось къ строгой подчиненности. Эта отличительная черта гребенцевъ крайне меня поразила. Казачки, напротивъ, въ высшей степени были незастѣнчивы, даже

дерзки со всіми старшими и нѣкоторыя даже циничны въ своихъ выраженіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма простодушны въ обращеніи. Я очень помню, какъ одна, весьма извѣстная въ Червленной казачка, показывая при многихъ офицерахъ своихъ дѣтей, сказала, указывая на маленькаго сына: „посмотрите, родные, какъ мой Ваня похожъ на Куринскій полкъ, а вотъ Саша — такъ вылитая 21-я пѣхотная дивизія“. Были, разумѣется, достойныя исключенія изъ общихъ нравовъ казачекъ и особенно замѣчательная вѣрность этихъ женщинъ, весьма, впрочемъ, кратковременная, къ своимъ любовникамъ. Съ отъѣздомъ или отлучкою казака, казачка переходила къ другому, считая переходъ этотъ весьма естественнымъ.

Понятно, какъ мы, при нашей неопытности и молодости, въ первый разъ столкнувшись съ этими нравами и насканувъ тяжелаго и неизвѣстнаго послѣдствіями похода, предавались всѣмъ впечатлѣніямъ этой новой для насъ обстановки. Чихирь (туземное вино) лился потоками, каждый вечеръ хороводы, музыка не переставала далеко за полночь гремѣть во всѣхъ углахъ станицы; днемъ скачка на полянѣ за станицей; поѣздки въ сосѣднюю рощу, гдѣ находились старообрядческіе скиты, и въ сосѣдніе съ нею, на берегу Терека, виноградные сады составляли обычное препровожденіе времени всей молодежи нашей. Всѣ предавались настоящему, никто не думалъ о будущемъ, и еслибы у насъ былъ не гр. Воронцовъ, а Аннибалъ главнокомандующимъ, то для главной квартиры, и штаба въ особенности, Червленная сдѣлалась бы настоящей Капуей. Главнокомандующій, послѣ осмотра крѣпости Грозной и Воздвиженскаго на Аргунѣ, отправился для обозрѣнія сѣвернаго Дагестана и личныхъ сношеній съ командовавшимъ въ то время въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ княземъ Бебутовымъ, назначивъ къ 28 мая сборнымъ пунктомъ для войскъ чеченскаго отряда крѣпость Внезапную. Главной квартирѣ назначенъ былъ сборъ на Кумыцкой плоскости въ укрѣпленіи Ташки-чу, куда гр. Воронцовъ и прибылъ дней за пять до выступленія нашего въ Внезапное. Во время этихъ поѣздокъ главнокомандующаго, мы оставались въ Червленной и, наконецъ, отправились къ сборному пункту чрезъ станицу Щедринскую и переправу въ укрѣпленіе Адмиралъюртъ на Терекѣ и прибыли въ Ташки-чу, гдѣ мнѣ была отведена квартира вмѣстѣ съ другимъ

и товарищемъ моимъ С. И. Васильчиковымъ въ слободѣ, громко именуемой форштатомъ, у фельдфебеля роты линейнаго баталіона. Въ ожиданіи прибытія главнокомандующаго въ Ташки-чу и выступленія его въ походъ, мы пробыли, помнится, около двухъ недѣль въ этомъ укрѣпленіи.

Укрѣпленіе Ташки-чу, расположенное на рѣкѣ Аксаѣ, почти въ центрѣ Кумыкской плоскости, служило промежуточнымъ военнымъ пунктомъ между крѣпостью Внезапной и Адмиралъюртской переправой на сообщеніи съ линіей нашей на Терекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпленіе это, охраняя мирное населеніе значительнаго аула Кумыковъ, расположеннаго подъ выстрѣлами крѣпости, служило сборнымъ пунктомъ резервовъ при отраженіи хищныхъ горскихъ партій, часто вторгавшихся для грабежа въ Кумыцкую плоскость. На Качкалымскомъ хребтѣ, отдѣлявшемъ покорныхъ намъ кумыковъ отъ враждебныхъ горскихъ племенъ, находилось укрѣпленіе Куринское ¹⁾ на Истису, ближе къ Сунжѣ, съ одной стороны, и укрѣпленіе Герзель-ауль ²⁾ на Аксаѣ, при выходѣ этой рѣки изъ ущелій горъ на плоскость. Эти два укрѣпленія составляли какъ бы передовую охранную линію съ западной стороны; съ юга на окраинѣ плоскости, у подошвы горъ, на р. Ахташѣ находилась еще заложенная при Ермоловѣ крѣпость Внезапная, гдѣ находился штабъ славнаго Кабардинскаго полка. Другихъ укрѣпленій въ 45 году въ этой части Кавказа не было; число войскъ для охраны плоскости ограничивалось Кабардинскимъ полкомъ, линейнымъ баталіономъ, нѣсколькими сотнями донскихъ казаковъ и милиціей. Начальство этого военного отдѣла было поручено командиру Кабардинскаго полка, въ то время полковнику Викентію Михайловичу Козловскому.

Населеніе плоскости состояло изъ Кумыцкаго племени, имѣющаго особаго отличія отъ сосѣднихъ ему чеченцевъ и шамхальцевъ. Этотъ народъ, несомнѣнно болѣе образованный среди своихъ сосѣдей, съ давнихъ временъ былъ съ нами въ сношеніяхъ и искалъ покровительства русскихъ для обезпеченія торговыхъ и мирныхъ земле-

¹⁾ Построено въ 1841 году.

²⁾ Построено въ 1840 году.

дѣльческихъ занятій, къ которымъ имѣлъ склонность и въ которыхъ находилъ большую для себя выгоду отъ присутствія въ краѣ нашихъ войскъ. Кумыки, болѣе богатые и привыкшіе къ болѣе образованной обстановкѣ домашняго своего быта, нуждались въ мирѣ и по необходимости только брались за оружіе при помощи нашихъ войскъ для своей защиты. По мѣрѣ умиротворенія края вся искусственная воинственность этого племени исчезла, и врядъ ли въ настоящее время на Кумыцкой плоскости можно набрать и сотню вооруженныхъ людей, когда въ то время на тревогу стекались тысячи всадниковъ. Аулы кумыковъ расположены были по большей части около нашихъ укрѣпленій въ Герзель-аулѣ, Внезапной (аулъ Андреевскій), Ташки-чу, Истису, по Сулаку, въ Султанъ-юртѣ и Кази-юртѣ, и нѣкоторые по берегу Терека и протекающихъ чрезъ Кумыцкую плоскость рѣкъ. Особенность всѣхъ рѣкъ, орошающихъ Кумыцкую плоскость съ окружающихъ горъ, есть та, что всѣ онѣ, протекая по плоскости, пропадаютъ въ почвѣ или образуютъ низменные болотныя мѣстности, не доходя до Каспійскаго моря. Таковъ характеръ всей Кумыцкой плоскости между рѣками Сулакъ и Терекъ, при впаденіи ихъ въ море. Верхняя же часть рѣкъ представляетъ самую удобную и богатую почву для хлѣбопашества и разведенія марены. Все управленіе этимъ племемъ въ 45 году сосредоточивалось въ рукахъ пристава, имѣвшаго пребываніе въ Ташки-чу (въ то время маіоръ Николай Семеновичъ Кишинскій).

Въ каждомъ большомъ аулѣ обитали Кумыцкіе князья, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли извѣстное политическое значеніе и вліяніе въ краѣ. Они дѣлились на отдѣльные роды, обладали обширными пространствами земель, на которыхъ и поселены были ихъ подвластные; таковы были Андреевскіе князья у Внезапной, Али-султанъ на Сулакѣ и, кромѣ другихъ, родъ Уцмиевыхъ въ Ташки-чу. Представителемъ этого послѣдняго рода въ то время въ Ташки-чу былъ полковникъ Мусса-Хассай-Уцмиевъ, котораго я хорошо зналъ еще въ Петербургѣ, во время его служенія въ азіатскомъ конвоѣ Государя. Онъ лично былъ очень образованъ, благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ и стараніямъ, во время бытности въ Петербургѣ, сдѣлаться европейцемъ. Онъ очень свободно говорилъ по-французски, имѣлъ всѣ привычки образованнаго человѣка и въ

высшемъ кругу Петербургскаго общества имѣлъ въ свое время успѣхъ. Онъ постоянно продолжалъ образовывать себя, много занимался и читалъ и только-что недавно возвратился къ себѣ на родину въ аулъ Ташки-чу, гдѣ имѣлъ наслѣдственный свой домъ, съ обширнымъ огороженнымъ дворомъ, какъ у всѣхъ кумыковъ, отличающійся отъ другихъ только большими размѣрами.

Я очень былъ друженъ съ Хассаемъ во все время моего пребыванія на Кавказѣ и имѣлъ возможность наблюдать на немъ дѣйствіе цивилизаціи на горцевъ, отторгнутыхъ въ молодости отъ своего родного края и возвращавшихся въ послѣдствіи съ европейскими идеями на родину. Обыкновенно сильныя и убѣжденные натуры не выдерживали соприкосновенія съ дѣйствительностью и чувствовали себя безсильными бороться съ предрасудками и обычаями своихъ единоплеменниковъ; видя совершенное отчужденіе отъ своихъ, окруженные недоувѣріемъ, они обыкновенно искали службы посреди русскихъ, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ ихъ родного племени. Другіе же, по безхарактерности, или въ силу особыхъ обстоятельствъ, обреченные жить посреди своихъ единоплеменниковъ, (и это была самая большая часть) скоро очень теряли пріобрѣтенный ими лоскъ цивилизаціи, и въ понятіяхъ и обычаяхъ своей жизни старались подойти подъ нравственный уровень окружающей ихъ среды.

Тѣмъ не менѣе, рѣдко кто изъ нихъ пользовался и доувѣріемъ, и вліяніемъ между своими; подозрѣніями ихъ окружали со всѣхъ сторонъ; они старались въ сношеніяхъ съ русскими выставять себя образованными людьми, между единоплеменными же, несмотря на всѣ старанія сблизиться, всегда окружены были недоувѣріемъ. Въ такомъ положеніи былъ и Хассай Уцмиевъ, необладавшій энергіей, а главное лишенный одного изъ качествъ, всего болѣе цѣнимаго горцами—храбрости.

Я часто посѣщалъ Хассая въ его домъ въ Ташки-чу; онъ представилъ меня даже женѣ своей (вопреки обычаю страны), простой, но довольно красивой татаркѣ, которая принимала меня безъ покрывала и ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ женщинъ этого края, гдѣ, по мусульманскому закону, такъ низко стояла женщина, не составляя того теплаго звена семейной жизни, какъ

у христіанъ. Сакля Хассая была убрана съ нѣкотою роскошью и съ европейскимъ комфортомъ, по крайней мѣрѣ та часть дома, которую я видѣлъ.

Къ азіатскому убранству коврами и оружіемъ присоединялись европейская мебель, туалетные сессеры, шкафы съ книгами, на столѣ лежали альбомы, газеты и имъ получались *Revue des deux mondes* и *Journal des Débats*. Вскорѣ все это утратилось: Хассай не могъ выдержать грустной обстановки между своими соотечественниками въ Ташки-чу и переѣхалъ въ Тифлисъ; при своей страшной скупости и жадности къ деньгамъ, развелся съ своей первой женой и искалъ руки единственной дочери извѣстнаго Карабахскаго Мехти-Кули-Хана. При содѣйствіи князя Воронцова, мечты Хассая осуществились и въ 48 или 49 гг. я былъ у него въ Карабахѣ въ гор. Шушѣ и видѣлъ красивую, но весьма малую ростомъ, жену его. Онъ совершенно сдѣлался полуперсіаниномъ, перемѣнивъ черкеску на чуху, а папаху на длинную остроконечную шапку и видимо чувствовалъ неловкость своего передо мною положенія. Когда онъ являлся въ Тифлисъ, онъ, впрочемъ, обыкновенно одѣвалъ мундиръ Гвардейскаго конвоя и старался по возможности поддерживать мнѣніе о своей образованности и европейскихъ взглядахъ. Но ежегодно онъ утрачивалъ все искусственное, привитое къ нему образованіемъ и, вѣроятно, въ настоящее время, если живъ, ничѣмъ не отличается отъ изнѣженныхъ, съ огрубѣлыми азіатскими понятіями, татарскихъ и карабахскихъ хановъ и бековъ.

Въ ожиданіи приѣзда главнокомандующаго въ Ташки-чу, здѣсь мѣсто разсказать о непростительной неосторожности и глупости, которую я сдѣлалъ тогда съ товарищемъ своимъ Глѣбовымъ и которую объяснить можно только нашей молодостью.

Въ одинъ вечеръ, взявъ трехъ или четырехъ татаръ, одѣтые въ черкески, мы рѣшились, не сказавъ никому изъ начальства, ѣхать на нѣсколько часовъ въ Червленную. Разстояніе было верстъ 70, но отъ Ташки-чу до Терека слѣдовало проѣхать чрезъ мѣста далеко не безопасныя, особенно по берегу Терека, гдѣ тянулся довольно большой лѣсъ, и гдѣ постоянно скрывались мелкія хищническія партіи. Переодѣтые азіатцами, въ полномъ вооруженіи,

съ нашими проводниками пустились мы въ темную ночь въ путь; передъ разсвѣтомъ мы были на переправѣ, гдѣ нашли только одинъ весьма маленькій выдолбленный челнокъ, на которомъ помѣстился одинъ проводникъ, забравъ наши сѣдла, платья и оружіе; мы же бросились въ переправу вплавъ на лошадяхъ. Терекъ былъ въ сильномъ разливѣ: посрединѣ рѣки мы должны были спуститься съ лошадей, чтобы облегчить ихъ и, держась за гриву, переправились, наконецъ, благополучно на лѣвый берегъ къ станицѣ Шелковой, снесенные быстротой воды версты на двѣ ниже переправы. Здѣсь нашли мы пріютъ у оригинальной личности того времени. Около Шелковой жилъ отставной гвардіи полковникъ Акимъ Акимовичъ Хасташовъ, маленький домъ котораго подлѣ самой станицы былъ укрѣпленъ на манеръ казачьихъ постовъ воротами, вышками и малымъ орудіемъ. Самъ Хасташовъ (на визитныхъ карточкахъ своихъ на мѣсто званія печатавшій: „передовой помѣщикъ Россійской Имперіи“) по выходѣ въ отставку поселился въ этомъ родовомъ имѣніи, гдѣ занимался винодѣліемъ и земледѣліемъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ разъѣзжалъ по линіи; онъ выѣзжалъ съ казаками па всѣ тревоги, одѣтый обыкновенно въ холщевый пиджакъ съ розою въ петлицѣ и безъ всякаго оружія, кромѣ нагайки. Онъ былъ извѣстенъ по всей линіи своими эксцентрическими выходками и несомнѣнною храбростью. Я съ нимъ былъ очень друженъ впоследствии, и многими очень хорошими качествами онъ искупалъ свои странности и напускную эксцентричность. Придется, можетъ быть, еще въ теченіи этого разсказа возвратиться къ этой оригинальной личности. На курьерской тройкѣ проскакали мы съ Глѣбовымъ разстояніе 50 верстъ, отдѣлявшее насъ отъ Червленной, и пробывъ тамъ менѣе сутокъ, тѣмъ же путемъ вернулись въ Шелковую, откуда опять верхомъ на оставленныхъ у Хасташова нашихъ лошадяхъ, къ счастью, благополучно прибыли въ Ташки-чу. Никто, кромѣ близкихъ нашихъ товарищей, не зналъ о нашемъ походе, за которое положительно слѣдовало примѣрно взыскать съ насъ, такъ какъ, не говоря о томъ, что мы могли быть убиты и еще легче ранены, могли бы попасться въ плѣнъ въ руки бродящихъ въ то время около Ташки-чу непріятельскихъ шаекъ; подобныя глупыя выходки были въ то время

въ обычаяхъ Кавказской молодежи; была какъ бы мода безцѣльно и глупо бравировать опасностью.

Вскорѣ прибылъ въ Ташки-чу главнокомандующій гр. Воронцовъ съ сопровождавшими его лицами изъ Дагестана, и Ташки-чу оживилось во всѣхъ отношеніяхъ. Графъ дѣлалъ всѣ распоряженія къ предстоящему походу, постоянно совѣщался съ прибывающими въ Ташки-чу начальниками частей, въ особенности съ генер. Фрейтагомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался ознакомиться съ потребностями и духомъ управленія покорныхъ намъ кумыковъ. Князь Лобановъ Ростовскій, пользуясь знаніемъ своимъ кумыцкаго языка, обладая несомнѣнными способностями, игралъ передъ гр. Воронцовымъ роль человѣка вполнѣ знакомаго съ Кавказомъ и пользующагося довѣріемъ горцевъ. Первое время гр. Воронцовъ вѣрилъ ему и даже поддавался отчасти его вліянію, но скорѣ одно обстоятельство уронило его въ глазахъ главнокомандующаго, такъ высоко цѣнившаго личную храбрость. Разъ князь Лобановъ, переводя словесно принесенную кумыками жалобу на дѣйствія управлявшаго ими пристава, позволилъ себѣ прибавить нѣкоторые намеки, бросавшіе тѣнь на тогдашнее управленіе этими племенами; главнымъ приставомъ кумыцкимъ былъ въ то время майоръ Кабардинскаго полка Ник. Семен. Кишинскій ¹⁾. Старый лихой Кавказскій офицеръ, пользующійся заслуженнымъ уваженіемъ между кавказцами, Кишинскій объяснился съ главнокомандующимъ, доказавъ несправедливость сообщеній Лобанова и, оскорбленный его клеветой, вызвалъ его на дуэль. Кн. Лобановъ-Ростовскій, не отличавшійся храбростью, прибѣгъ къ посредничеству гр. Бенкендорфа, въ высшей степени достойной рыцарской личности, но въ то время поддавшейся дѣйствительно обаятельному вліянію Лобанова, замѣшалъ даже главнокомандующаго въ это совершенно частное дѣло, чѣмъ и отклонилъ поединокъ. Это дѣло въ то время насъ всѣхъ кавказцевъ сильно волновало и еще болѣе охладило къ Лобанову, который вообще между нами не пользовался ни любовью, ни особымъ уваженіемъ.

¹⁾ Впослѣдствіи командиръ Апшеронскаго полка, прославившій себя въ дѣлѣ подъ Мискинджи, при освобожденіи Ахтова, и умершій въ 1870 г. начальникомъ дивизіи въ Кишиневѣ.

Высказавъ тѣ условія, въ которыя былъ поставленъ только что прибывшій на Кавказъ главнокомандующій гр. Воронцовъ, вслѣдствіе Высочайше утвержденной программы военныхъ дѣйствій, приступаю къ Даргинской экспедиціи, описанію тѣхъ событій, которыхъ былъ свидѣтелемъ, и тѣхъ впечатлѣній, которыя испыталъ въ этомъ походѣ.

ГЛАВА IV.

Выступленіе 28-го мая изъ Талки-чу. — Чеченскій отрядъ. — Крѣпость Внезапная. — Внк. Мих. Козловскій. — Выступленіе въ походъ 31 мая. — Соединеніе съ Дагестанскимъ отрядомъ 3-го іюня въ Гертмѣ. — Переходъ Теренгуль. — Дневка 4-го числа. — Рекогносцировка. — Перевалъ Кырки. — Взятіе Анчимера. — Холодная гора. — Буцуръ и Андійскія ворота. — Вступленіе 14-го числа въ Андію. — Взятіе Ацала. — Лагерь въ Андіи. — L'armée de Xerxès. — Нашъ товарищескій кружокъ. — Рекогносцировка 20-го іюня къ перевалу Регель. — Прибытіе провіанта 4-го іюля и приготовленія къ выступленію въ Дарго. — Я откомандированъ къ 1-му баталіону Литовскаго Егерскаго полка.

Для военныхъ дѣйствій въ Андіи назначены были, въ исполненіе Высочайшей воли, 2 отряда: *Чеченскій*, подъ начальствомъ командира 5-го пѣхотнаго корпуса генералъ отъ инфантеріи Лидерса, изъ 13-ти баталіоновъ, кромѣ милиціи, 28 орудій и 13 сотенъ конницы, и *Дагестанскій*, подъ начальствомъ командующаго войсками въ сѣверномъ нагорномъ Дагестанѣ генералъ-лейтенанта кн. Бебутова, изъ 10 баталіоновъ, 18 орудій и 3-хъ сотенъ конницы. Какъ важнѣйшія въ этой экспедиціи дѣйствія предстояли соединеннымъ Чеченскому и Дагестанскому отрядамъ, то главнокомандующій принялъ надъ ними лично главное начальство.

Наконецъ, 28-го мая, главная квартира съ ея тяжестями, безчисленными штабами и громадною, поражающею разнообразіемъ элементовъ, свитою тронулась въ походъ въ крѣпость Внезапную, гдѣ назначена была дневка. Переходъ этотъ совершился безъ особыхъ затрудненій, и непріятель нигдѣ насъ не тревожилъ. Передъ вечеромъ 29-го мая вступили мы въ крѣпость Внезапную. Здѣсь встрѣтилъ насъ командиръ Кабардинскаго полка, штабъ котораго

былъ расположенъ въ этой крѣпости, полковникъ Викентій Михайловичъ Козловскій. Главнокомандующій и главныя лица свиты расположились въ крѣпости, намъ же были отведены квартиры на форштатѣ и въ Андреевскомъ аулѣ, подѣ крѣпостью. За ауломъ, въ долину рѣки Ахташъ, расположены были лагеремъ всѣ войска Чеченскаго отряда¹⁾. Крѣпость Вnezapная построена еще Ермоловымъ, на рѣкѣ Ахташѣ, при выходѣ изъ Аухавскаго ущелья. съ цѣлью оградить съ этой стороны Кумыцкую плоскость отъ хищническихъ вторженій непріятеля, а съ другой стороны, чтобы служить опорнымъ пунктомъ нашимъ войскамъ, при экспедиціяхъ въ Аухъ и далѣе. Подѣ защитой крѣпости располагался огромный Андреевскій аулъ (Эндери) покорныхъ намъ кумыковъ, гдѣ проживали вліятельнѣйшіе князья этого племени. Крѣпость Вnezapная въ то время по силѣ своей обороны могла считаться одной изъ лучшихъ на Кавказѣ; глубокіе рвы, каменные ворота, довольно удобныя помѣщенія, оборонительная башня на рѣкѣ, все это давало Вnezapной довольно грозный видъ въ глазахъ горцевъ.

Говоря о моемъ пребываніи въ 45-мъ году въ этой крѣпости, не могу не остановиться на личности полковника Козловскаго, одного изъ тѣхъ честныхъ типовъ, выработанныхъ Кавказомъ, со всѣми недостатками, странностями и даже смѣшными сторонами,

¹⁾ Составъ отряда:

Пѣхоты: 13-ой пѣхотной дивизіи 1-й бат. Литовскаго Егерскаго полка. 15-й пѣхотной дивизіи: 1-й и 3-й бат. Пражскаго пѣх. полка, 1-й и 3-й бат. Люблинскаго Егерскаго полка, 2-й бат. Замостскаго Егерскаго полка. 20-й пѣхотной дивизіи: 3-й и 4-й бат. Навагинскаго пѣх. полка, 1-й, 2-ой и 3-й бат. Куринскаго Егерскаго полка, 3-й бат. Кабардинскаго кн. Чернышева полка, 2 роты 5-го Сапернаго бат., 1 рота Кавказскаго стрѣлковаго бат. Двѣ дружины Грузинской пѣшей милиціи въ 1000 чел. Итого: 12 бат., 3 роты саперъ и стрѣлковъ, 1000 чел. милиціи.

Конницы: Кавказскихъ линейныхъ казачьихъ полковъ: Кавказскаго 2 сотни; Кубанскаго—1; Ставропольскаго—1; Моздокскаго—2; милиціи Кабардинской и Дигорской—2; Грузинской—5; итого 13 сотенъ.

Артиллеріи: Кавказской гренадерской артиллерійской бригады: горной № 1 батареи 6 орудій и 4 мортирки; 14-й артиллерійской бригады: легкой № 5 батареи 4 орудія; 20-й артиллерійской бригады: горной № 4 батареи 6 орудій, легкой № 7 бат.—4 орудія, Донской конной № 1 бат.—4 орудія. Итого 28 орудій.

Перевозочныя средства:

Черводарскій транспортъ—1000 вьючныхъ лошадей; запаснаго парка 14 арт. бригады—20 ящиковъ; 200 вьюковъ.

порожденными средой и правами, въ которыхъ провелъ почти всю свою жизнь Викентій Михайловичъ. Въ 1845 году это былъ одинъ изъ старѣйшихъ офицеровъ Кавказа; солдаты безпредѣльно любили его и довѣряли ему, офицеры смѣялись надъ его выходками, но глубоко уважали его за радушіе, доброту, примѣрное самоотверженіе въ бою и преданность своему долгу. Уроженецъ, кажется, Бѣлоруссіи, получивши весьма поверхностное воспитаніе (въ шутку говорили, что онъ воспитывался въ Моздовскомъ университетѣ), съ самыхъ юныхъ лѣтъ Козловскій попалъ на Кавказъ, съ бытомъ котораго совершенно сроднился и выработалъ изъ себя тотъ особый типъ, о которомъ будетъ говориться. Викентій Михайловичъ, пикогда не выдавъ обстановки высшаго свѣта, имѣлъ однако претензіи, особенно при пріѣзжихъ изъ Петербурга, показывать, по мнѣнію его, свѣтское свое обхожденіе и вѣжливость. Между кавказцами же, напротивъ, онъ былъ весь налицо: радушный, любившій покутить и сердечно преданный солдату. Онъ не пропускалъ ни одного солдата, не поздоровавшись съ нимъ; обыкновенно въ отрядахъ подъѣзжалъ онъ къ каждой группѣ со словами: „здорово, ребята, здорово милые, здорово родные“, прибавляя къ каждому слову „какъ“: „здорово какъ“ и т. д. Я помню, въ зимнюю экспедицію 1850 года, поздоровавшись послѣ дѣла со всѣми частями, онъ видитъ подъ деревомъ группу солдатъ, спрашиваетъ: „что это“? Ему отвѣчаютъ: „тутъ сложены убитые и раненые“, и онъ подъѣзжаетъ къ нимъ, говоря: „здорово, какъ, убитые и раненые“. Въ той же экспедиціи въ Большой Чечнѣ, подъ начальствомъ Козловскаго, назначенъ былъ отрядъ для рубки просѣки. Переправившись черезъ Аргунь у Воздвиженскаго, мы предполагали стать на ночлегъ лагеремъ около кургана Белготай; шли мы по довольно глубокому снѣгу по обширной полянѣ; я командовалъ авангардомъ въ составѣ трехъ сотенъ линейныхъ казаковъ. Вправо, и совершенно въ сторонѣ отъ нашего пути, на разстояніи 2-хъ или 3-хъ пущечныхъ выстрѣловъ, на опушкѣ лѣса показалось нѣсколько всадниковъ, и ясно было, что лѣсъ занятъ чеченцами. Козловскій, бывшій тогда уже генераломъ и начальникомъ нашего отряда, подъѣзжаетъ ко мнѣ и приказываетъ идти полуоборотъ направо. Вся колонна принимаетъ это направленіе; мы подходимъ

къ лѣсу, высылаются цѣпи моихъ казаковъ и пѣхоты, начинается перестрѣлка. Горцы за завалами въ лѣсу, мы на открытой полянѣ. Сіяющій Козловскій, на бѣлой лошади, ѣздитъ подъ выстрѣлами по цѣпи и поздравляетъ солдатъ съ боемъ, говоря съ самодовольствомъ: „а вотъ и рапеные, какъ“. Послѣ добраго часу перестрѣлки, гдѣ мы потеряли, сколько помнится, человекъ 10 убитыми и рапеными, между прочими одного офицера Курипскаго полка, Козловскій наконецъ опять подъѣзжаетъ ко мнѣ и говоритъ: „командуйте, какъ, полуоборотъ налѣво: пора, какъ, на ночлегъ“. Голодные и изнуренные пришли мы, нѣсколько часовъ спустя, къ мѣсту лагеря. Козловскій очень любилъ меня въ продолженіе всей своей жизни, и я глубоко уважалъ эту честную, добрую кавказскую натуру; въ палаткѣ его за ужипомъ, который обыкновенно состоялъ изъ луку, водки, соленой кабанины, кизлярскаго вина и портера, которымъ онъ всегда насъ такъ усиленно угощалъ, подавая собою примѣръ, я рѣшился въ шутку сказать ему: „я отъ Васъ все учусь Кавказской войнѣ, Викентій Михайловичъ, но никакъ не могу понять сегодняшняго вашего движенія, гдѣ мы потеряли людей, кажется, даромъ“. Старикъ, весь красный, вскочилъ: „странные, какъ, вы, господа! И этого не понимаете. Насъ, какъ, побьютъ, мы, какъ, побьемъ, за то бой, какъ. А за что же, какъ, Государь намъ жалованье даетъ?“ Противъ такой логики нечего было спорить: улыбаясь, все мы согласились, выпивши за здоровье Козловскаго.

Другой случай. На низовьяхъ Суши опъ съ отрядомъ сдѣлалъ набѣгъ и взялъ аулъ; при отступленіи на нашу сторону, на лѣвый берегъ, горцы сильно насѣли на насъ и аррьергардъ понесъ большія потери. Колонна, забравъ убитыхъ и рапеныхъ, уже успѣла отступить, какъ вдругъ показалось 2 баталіона кабардинцевъ, прибѣжавшихъ на тревогу изъ Умаханъ-юрта. Козловскій, увидѣвъ своихъ старыхъ однополчанъ, бросился къ нимъ, говоря: „опоздали, какъ, родные! Надобно и васъ потѣшить, чтобы не завидовали, какъ, курипцамъ“ и переправилъ эти баталіоны опять въ аулъ безъ всякой цѣли. Отступленіе сопряжено было съ новыми потерями, но все вернулись довольные. Зато „былъ, какъ, бой“. По самый оригинальный изъ числа нескончаемыхъ анекдотовъ о

Козловскомъ былъ рапортъ его въ 1846 году къ генералу Фрейтагу, которому онъ былъ подчиненъ, какъ начальнику лѣваго фланга. Полковой адъютантъ капитанъ Козинцовъ, который занимался его перепиской, былъ въ отсутствіи, и Викентій Михайловичъ собственноручно послалъ генералу Фрейтагу нижеслѣдующій рапортъ, который сей послѣдній всегда хранилъ у себя и показывалъ добрымъ своимъ знакомымъ и Козловскаго пріятелямъ. Рапортъ слѣдующій: „Хотя рѣдко, но весьма часто случаются прорывы непріятельскихъ партій на вѣренную мнѣ Кумыцкую плоскость. Тотъ же самый лазутчикъ (Козловскій, вѣроятно, разумѣлъ того горца, котораго видѣлъ наканунѣ, но котораго не зналъ Фрейтагъ) доноситъ мнѣ, что партія въ 2000 человекъ намѣрена такого-то числа напасть на низовья Сунжи, почему прошу Ваше Превосходительство прислать мнѣ моментально, т.-е. недѣли на двѣ, въ подкрѣпленіе 2 роты изъ Грозной“. Еще оригинальнѣе письмо его къ старому кавказскому ветерану—генералу Каханову въ Тифлисъ. Наслышавшись отъ пріѣзжей въ отряды молодежи о любезности и красотѣ дочери Каханова, только что прибывшей въ Тифлисъ по окончаніи воспитанія въ Петербургѣ, Козловскій, постоянно озабоченный необходимостью жениться, написалъ Каханову слѣдующее письмо: „Командиръ Кабардинскаго егерскаго полка, полковникъ и кавалеръ Козловскій, свидѣтельствуя свое почтеніе Его Превосходительству (такому-то) и Ея Превосходительству супругѣ его, проситъ покорнѣйше руки дочери ихъ дѣвицы Лизы. Буде воспослѣдуетъ благопріятный отвѣтъ, проситъ адресовать въ крѣпость Внезапную, въ штабъ вышеозначеннаго полка“. Отвѣта, разумѣется, не послѣдовало, и годъ спустя Козловскій, все еще ожидая отвѣта, жаловался на неисправность почтъ. Посылая также однажды Козинцова изъ Внезапной въ Астрахань для покупки сыромятныхъ кожъ для полка, онъ поручилъ ему разузнать—пѣтъ ли въ этомъ городѣ подходящей дѣвицы для вступленія въ бракъ. Наконецъ, уже бывши генераломъ, кажется въ 1849 году, на водахъ въ Пятигорскѣ онъ познакомился съ семействомъ помѣщика Вельяминова, пріѣхавшимъ на воды изъ Россіи; изъ трехъ, уже не молодыхъ, сестеръ, онъ сдѣлалъ предложеніе старшей, Аннѣ Васильевнѣ, въ высшей степени доброй и достойной женщиной,

всѣми впослѣдствіи уважаемой на Кавказѣ, и предложеніе его было принято. Оригинально также, какъ Викентій Михайловичъ рассказывалъ, какъ онъ сдѣлалъ предложеніе. Заставъ ее за пальцами въ комнатѣ и предварительно намекнувъ о своемъ намѣреніи, онъ сказалъ: „я въ будущей подругѣ, какъ, не ищу ни молодости, ни красоты, а доброй души; въ васъ все я нашелъ“. Затѣмъ, быстро вынувъ изъ челюсти всѣ свои вставные зубы, онъ показалъ ихъ Аннѣ Васильевнѣ, сказавъ: „фальши, какъ, не люблю: берите, какъ есть“. Онъ вполне былъ съ женою счастливъ и прижилъ дѣтей. Къ сожалѣнію, Анна Васильевна совершенно вскорѣ оглохла. Когда онъ командовалъ въ Грозной и имѣлъ гражданское управленіе горцами, онъ говорилъ: „говорять, какъ, трудно управлять; не нахожу: принесутъ, какъ, бумаги, ну и. подпишешь. Вотъ, правда, одолѣвають, какъ, дѣла азіатовъ. Ну, что-жъ? Прійдутъ, скажешь имъ: „маршалъ“ (по-чеченски: „здравствуй“), потомъ пошутимъ, какъ, и скажемъ: „придите завтра“. Они и уйдутъ“.

Въ 1850 году, при проѣздѣ Государя (еще наслѣдникомъ престола) черезъ Грозную, принимая Его Высочество со всей свитой у себя въ домѣ, какъ командующій войсками, за обѣдомъ, на вопросъ Государя Наслѣдника женатъ ли онъ, Козловскій, отвѣчая утвердительно, прибавилъ: „такого-то числа проводилъ Анну Васильевну, какъ, до станицы Николаевской и возвратился обратно въ Грозную“. Это возбудило невольную улыбку всѣхъ присутствующихъ, но каково же было положеніе Великаго Князя и насъ всѣхъ, когда спустя довольно времени послѣ этого разговора, вставая изъ-за стола, Викентій Михайловичъ подошелъ къ Наслѣднику и чрезвычайно громко сказалъ ему на ухо: „и беременна, какъ“. Всѣ не могли удержаться отъ смѣху. Государь Наслѣдникъ поспѣшно вышелъ черезъ гостинную въ спальню, чтобы скрыть свой смѣхъ. Козловскій же ничего не замѣтилъ. Черезъ нѣсколько минутъ Государь Наслѣдникъ, оправившись и войдя въ гостинную, объявилъ Козловскому, что онъ желаетъ непременно быть восприемникомъ будущаго новорожденнаго. Козловскій былъ въ восторгѣ. Много, очень много можно было бы рассказать подобныхъ характеристическихъ анекдотовъ о достойной личности Викентія Михайловича, но сказаннаго достаточно, чтобъ обрисовать простоту его обхо-

жденія и своеобразность его понятій. Нельзя было не любить и не уважать этого типичнаго кавказскаго ветерана, которому вполне довѣрили и солдаты, цѣня, кромѣ его съ ними добраго обхожденія и заботъ, еще и особенное счастье, которое Козловскій имѣлъ въ дѣлахъ во всю свою службу на Кавказѣ. Почти никогда не испытывая неудачъ, онъ совершалъ подвиги, передъ которыми останавливались бы самые смѣлые кавказцы. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, окруженный огромными скопищами Шамиля въ крѣпости Внезапной, при ненадежности Кумыцкаго населенія села Андреевки, перешедшаго на сторону Шамиля, онъ, выложивъ на валу крѣпости всѣхъ больныхъ изъ госпиталя и давъ имъ изъ цейхгауза ружья, съ двумя или тремя ротами кабардинцевъ пробился штыками черезъ деревню, атаковалъ, разбилъ наголову и прогналъ Шамиля, и тѣмъ спасъ весь ввѣренный его охранѣ край.

Впослѣдствіи Викентій Михайловичъ былъ начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, потомъ командующимъ войсками всей Кавказской линіи и, наконецъ, умеръ въ Петербургѣ полнымъ генераломъ, 80-ти лѣтъ, членомъ военнаго совѣта и кавалеромъ Александра Невскаго съ брилліантами, въ семидесятихъ годахъ. Онъ постоянно до смерти предсѣдательствовалъ на обѣдахъ кавказцевъ въ Петербургѣ, гдѣ любилъ припоминать старое.

Разсказы и воспоминанія о Кавказѣ и выдающихся личностяхъ того времени отвлекаютъ меня отъ прямого изложенія нашихъ военныхъ дѣйствій; увлекаясь невольно прошлымъ, я считаю не лишнимъ при встрѣчѣ съ извѣстнымъ или дорогимъ мнѣ именемъ войти въ подробности и анекдоты, лучше всего характеризующіе понятія, обычаи и нравы описываемаго давно прошедшаго времени.

31-го мая, въ 5 часовъ утра, главнокомандующій подъѣхалъ къ собранному за крѣпостью отряду, и послѣ обычнаго молебствія выступили мы въ давно ожидаемый походъ. Въ этотъ день мы сдѣлали незначительный переходъ къ урочищу Балтугай, по направленію къ Сулаку, и расположились на ночлегъ въ садахъ раззореннаго аула Зурма-Кентъ, около Метлинской переправы. Предварительно съ ночлега были посланы авангардъ и саперы для разработки дороги по Сулаку. Весьма узкая тропинка вела по скату горы, подъ нею река Сулакъ, а на противоположномъ берегу тянулись

высоты отъ Чиръ-юрта по направленію къ Метламъ. Дорога была испорчена горцами почти на половинѣ пути, около сѣрныхъ источниковъ; не мало стоило трудовъ, чтобъ возстановить сообщеніе. Цѣлыя сутки лиль дождь, и переходъ этотъ былъ весьма затруднительный для артиллеріи и нашего вьючнаго обоза. Въ Зурма-Кентъ пришли мы довольно рано, погода разъяснилась; на противоположномъ берегу рѣки возвышалась гора Ходумъ-Батъ, у подошвы которой изъ узкаго, скалистаго, ущелья съ ревомъ вырывался Сулакъ. Картина была великолѣпная, и мы вполнѣ находились подъ столь новымъ для насъ впечатлѣніемъ походной жизни. Всѣ описываемыя мѣста, въ то время совершенно дикія, были заброшены ушедшими въ горы жителями; тринадцать лѣтъ спустя, они сдѣлались мнѣ столь извѣстными и близкими при возвращеніи съ полкомъ изъ Турціи въ штабъ-квартиру Чиръ-юртъ. Я командовалъ въ то время войсками Сулакской линіи и управлялъ вновь возвратившимися на старое пепелище жителями. Напротивъ этого же самаго Зурма-Кента, въ 1857 году, пришлось мнѣ строить новое укрѣпленіе на Метлахъ и постоянную переправу, съ оборонительною башнею для движенія нашихъ войскъ въ Салатавію.

На другой день, 2-го іюля, отрядъ нашъ тронулся по довольно удобной сначала дорогѣ по направленію къ Хубарали. Цѣпи слѣдовали и отрядъ, пройдя верстъ 6, началъ подыматься въ Сорн. Довольно небольшой лѣсъ, перерѣзанный полянами, а главное, какъ падо думать, присутствіе Дагестанскаго отряда впереди насъ, на позиціи при Гертмѣ, воспрепятствовали непріятелю предпринять противъ насъ какія бы то ни было враждебныя дѣйствія на этомъ переходѣ. Въ аррьергардѣ, правда, была незначительная перестрѣлка, окончившаяся, кажется, однимъ или двумя ранеными съ нашей стороны. Мы ночевали въ брошенномъ аулѣ Хубарали, и всю ночь проливной дождь мочилъ насъ до костей.

3-го числа мы соединились въ селѣ Гертмѣ съ Дагестанскимъ отрядомъ ¹⁾, вышедшимъ подъ начальствомъ кн. Бебутова на присоединеніе къ намъ.

¹⁾ Составъ Дагестанскаго отряда:

Пѣхоты: 14-ой пѣхотной дивизіи

1-й и 2-й бат. Миискаго пѣхотнаго полка.

1-й и 3-й бат. Житомирскаго Егерскаго полка.

Немедленно двинулись мы впередъ по направленію къ селенію Бартунай. Насъ отдѣлялъ отъ Бартунай глубокій, лѣсистый Теренгульскій оврагъ, хорошо извѣстный кавказцамъ съ 44-го года. Здѣсь отрядъ генерала Нейдгардта, въ виду сильно укрѣпленной и занятой горцами Теренгульской позиціи, не рѣшился атаковать оную. Неудача эта послужила однимъ изъ несправедливѣйшихъ поводовъ военному министру, кн. Чернышеву, къ обвиненію въ глазахъ Государя достойнаго Нейдгардта, и способствовала къ удаленію его въ 45-мъ году съ Кавказа. Сидя въ С.-Петербургѣ, въ кабинетѣ, передъ топографическими картами, судили и цѣнили дѣйствія на Кавказѣ, не понимая тѣхъ препятствій, которыя могли въ данномъ случаѣ вліять на рѣшеніе начальниковъ къ испол-

19-ой пѣхотной дивизіи:

1-й, 2-й и 3 бат. Апшеровскаго пѣх. полка.

2-й пѣхотной дивизіи:

1-й и 2-й бат. Кабардинскаго кн. Чернышева полка.

Двѣ роты 5-го Сапернаго баталіона.

Двѣ роты Кавказскаго Стрѣлковаго баталіона.

Итого 9 баталіоновъ, 4 роты саперъ и стрѣлковъ.

Конницы:

Кавказскихъ линейныхъ казачьихъ полковъ:

Гребенскаго 1 сотня.

Кизлярскаго. 1/2 сотни.

Донскаго Казачьяго № 47 . . . 1/2 "

Дагестанскихъ всадниковъ . . . 126 человекъ.

Итого . . . 3 сотни.

Артиллеріи:

14-й артиллерійской бригады:

Батареи № 3 батареи . . . 4 легкихъ орудій.

Легкой № 3 батареи . . . 4 " "

19-й артиллерійской бригады:

Легкой № 3 батареи . . . 2 горныхъ орудій.

Горной № 3 батареи . . . 8 орудій и ракетъ.

Итого . . . 18 орудій и ракетъ.

Перевозочныя средства:

Черводарскій транспортъ—1000 вьючн. лошадей, полубригада Конно-подвижнаго магазина—380 вьючн. лошадей.

Дабы еще, сколько возможно, облегчить движеніе войскъ, было приказано устроить на позиціи, занятой Дагестанскимъ отрядомъ, вагенбургъ, подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ, 2-хъ сотенъ казаковъ и 10 полевыхъ орудій; вѣдь оставлены еще нѣкоторыя, мѣше необходимыя, тяжести, парковыя повозки и Черводарскія лошади.

ненію предписанной изъ Петербурга программы. На Красносельскихъ же маневрахъ ничего подобнаго не допускалось, и поэтому того же требовали отъ начальниковъ на Кавказѣ.

Когда мы подходили рано утромъ къ Теренгулу, то на противоположной сторонѣ виднѣлись толпы непріятеля въ числѣ 300—400 человѣкъ (даже были, кажется, орудія), но посланный авангардъ съ кавалеріей для перехода оврага, въ верховьяхъ онаго, въ обходъ непріятеля, вскорѣ заставилъ горцевъ оставить крѣпкую позицію свою и поспѣшно скрыться за селеніемъ старый Бартунай, который, при незначительной перестрѣлкѣ и почти безъ боя, занять былъ нашимъ авангардомъ. Я помню хорошо, какое чувство досады овладѣло мною при видѣ отдѣленія авангарда: я предполагалъ, что будетъ горячее дѣло, тяготился положеніемъ при штабѣ и рѣшился при первой возможности просить князя Воронцова прикомандировать меня къ строевымъ войскамъ. Все это было весьма глупо, потому что въ этомъ походѣ, какъ и въ другихъ, всѣмъ искренно желающимъ быть въ огнѣ всегда представлялась въ тому возможность. Но это объяснялось моею неопытностью и желаніемъ, какъ можно скорѣе испытать себя въ дѣлѣ.

Отрядъ нашъ цѣлый день и ночь переправлялся черезъ Теренгулъ по крутымъ обрывамъ, совершенно испорченнымъ предшествующими дождями. Только 4-го числа стянулся весь отрядъ и была дана дневка, по случаю изнуренія людей и лошадей отъ послѣднихъ двухъ переходовъ. Эту ночь мы весело провели съ товарищами безъ палатокъ и нашихъ вьюковъ, пріютившись отъ проливного дождя подъ деревьями. Во время дневки 4-го числа главнокомандующій сдѣлалъ рекогносцировку черезъ Бартунай по направленію къ Аймаку и ущелью Мичикалъ, по которому полагали двинуться на слѣдующій день въ Гумбетъ. Я былъ на этой рекогносцировкѣ, восхищаясь великолѣпною мѣстностью Салатавіи. Незначительная перестрѣлка милиціонеровъ и казаковъ напоминала только, что мы въ непріятельской странѣ, хотя совершенно оставленной жителями. Салатавія составляетъ довольно возвышенное горное плато, граничащее съ запада долиною Ахташъ, съ сѣвера—Кумыцкою плокостью, съ востока—Сулакомъ, а съ юга обрывистымъ хребтомъ, отдѣляющимъ Салатавію отъ Гумбета. Страна

эта, представляя слѣды довольно густого населенія, изобиловала самыми тучными пастбищами въ горахъ, на возвышенной плоскости; овраги же и скаты горъ покрыты были роскошнымъ вѣковымъ лѣсомъ; около опустѣвшихъ ауловъ вездѣ виднѣлись слѣды пашень.

Произведенная рекогносцировка измѣнила намѣреніе главнокомандующаго идти въ Гумбетъ черезъ Бартунай, и на другой день, 5-го числа, съ разсвѣтомъ, при сильномъ туманѣ, мы двинулись къ перевалу Кыркъ, взявъ съ собой валежкѣ первые баталіоны 6-ти полковъ пѣхоты, одну дружину пѣшей Грузинской милиціи, 8 горныхъ орудій, 3 сотни казаковъ и 6 сотенъ конной Грузинской и Осетинской милиціи. Командованіе этими войсками было поручено генераль-майору Пассеку.

Тутъ слѣдуетъ упомянуть о комическомъ эпизодѣ, потѣшившемъ насъ. Впереди отряда находился авангардъ, направленный изъ Бартунай къ перевалу; въ немъ находился полковникъ Генеральнаго Штаба Н..... Воронцовъ послалъ Д..... съ нѣсколькими казаками впередъ — узнать, гдѣ находится авангардъ; въ это время Н....., тоже съ нѣсколькими казаками, ѣхалъ къ главному отряду. Оба эти офицера, не отличавшіеся особыми военными доблестями, завидя другъ друга въ густомъ туманѣ, вообразили себѣ, что имѣютъ дѣло съ непріателемъ. Д..... прискакалъ назадъ, донося, что онъ наткнулся на непріятельскую партію и разсѣялъ оную. Н....., съ своей стороны, поспѣшилъ вернуться къ авангарду и, когда мы съ нимъ соединились, не замедлилъ донести главнокомандующему также о своихъ мнимыхъ подвигахъ; тогда Воронцовъ позвалъ Д..... и познакомилъ при всѣхъ двухъ героевъ. Это обстоятельство совершенно основательно и навсегда упрочило въ главнокомандующемъ заслуженное мнѣніе объ этихъ личностяхъ, отличавшихся кромѣ того непомѣрнымъ хвастовствомъ.

Знойное іюньское солнце разсѣяло туманъ, и къ полдню мы подошли къ перевалу Кыркъ; передъ нами открылась отвѣсная скалистая тропинка съ гранитными уступами, спускающаяся въ долину Мичикалъ. На противоположныхъ высотахъ ущелья виднѣлась гора Анчимеръ, сильно занятая непріателемъ, и высокій хребетъ по направленію къ Андійскому Кой-су. Въ разсѣлинахъ

горъ открывался видъ на Кой-су, и виднѣлась часть мѣстности около извѣстнаго по 39-му году Ахульго. Немедленно, подъ начальствомъ Пассека, были двинуты войска для выбитія непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи. Грузинская милиція, подъ начальствомъ поручика князя Левана Меликова ¹⁾, Курипскій баталіонъ, подъ начальствомъ храбраго Бенкендорфа, бросились съ горы, перескакивая съ камня на камень, и вскорѣ явились на противоположной сторонѣ ущелья, выбивая непріятеля съ каждаго уступа крѣпко занятой имъ позиціи. Картина была великолѣпная: все дѣлалось такъ воодушевленно, такъ живо, войска брали штыками непріятельскіе завалы съ такой лихостью и удалью, что тутъ въ первый разъ понялъ я, что кавказскій солдатъ того времени былъ положительно первымъ солдатомъ въ мірѣ. Черезъ два часа гора Анчимеръ была занята нашими, и непріятель поспѣшно отступилъ, увезя свое орудіе, которымъ безвредно стрѣлялъ по штурмующимъ войскамъ. Уронъ съ нашей стороны былъ весьма малый и не превышалъ 17-ти человѣкъ ранеными. Шамиль долженъ былъ отказаться отъ удержанія своей позиціи въ Мичикалѣ, обойденный съ тылу смѣлымъ движеніемъ Пассека. Къ 6-му іюня стянулись всѣ войска Чеченскаго отряда, оставшіяся въ лагерѣ при Теренгулѣ, Дагестанскій же отрядъ выступилъ далѣе на позицію Мичикалѣ. Авангардъ между тѣмъ продолжалъ движеніе по высотамъ до горы Зунумеръ, сбивъ съ этой позиціи непріятеля. Здѣсь въ продолженіе 6-ти сутокъ, до соединенія 12-го числа съ главными силами, отрядъ этотъ долженъ былъ вынести страшныя лишенія отъ наступившаго вдругъ ненастья, давашаго позиціи этой между солдатами названіе холодной горы. Съ 6-го числа начались дожди; сильный, сѣверный вѣтеръ вскорѣ поднялъ страшныя мятели на высотахъ, покрывшихся довольно глубокимъ снѣгомъ. Люди были на-легкѣ, съ одними сухарями, доставать что-либо бѣдствующимъ было невозможно. Сѣдла, пики сжигались для того, чтобы отогрѣвать закоченѣлые члены или, у нѣкоторыхъ счастливицевъ, нагрѣть самовары. Вырывая ямы въ снѣгу, солдаты наши скрывались въ нихъ отъ стужи; человѣкъ до 200 оказались съ болѣе

¹⁾ Впослѣдствіи полный генералъ—генералъ-адъютантъ, командующій войсками въ Дагестанѣ.

или менѣе отмороженными членами, и это въ іюнѣ мѣсяцѣ,—но чего ни выдерживалъ кавказскій солдатъ! Когда мы соединились съ нашими молодцами, то съ обычными пѣснями, бодрые и веселые, они спустились къ намъ съ своей негостепріимной холодной горы.

По занятіи горы Анчимеръ весь отрядъ спустился въ ущелье, гдѣ пришлось также нѣсколько дней выдержать свирѣпствующее ненастье. Съ 6-го числа вся позиція и весь нашъ лагерь покрылись снѣгомъ. Вслѣдствіе стужи и всякихъ лишеній, число больныхъ возросло значительно; 12 человекъ замерзло или умерло отъ холода, и много было съ отмороженными членами; отъ недостатка же подножнаго корма пало нѣсколько сотъ лошадей.

Главнокомандующій, убѣдившись въ невозможности двигаться далѣе съ нашими тяжестями и, въ особенности, съ полевыми орудіями и видя необходимость въ этой горной мѣстности обезпечить наше сообщеніе съ операціонной линіей и запасами въ Шурѣ, приказалъ устроить на перевалѣ Кыркъ земляной временный редутъ на 150—200 человекъ и на 2 орудія, сложить въ ономъ лишнія тяжести и легкія орудія и, при первой возможности, отправить на линію и въ Дагестанъ. Маленькое укрѣпленіе названо Удачнымъ и служило этапомъ при слѣдованіи нашихъ войскъ и транспортовъ въ Андію, отправляемыхъ изъ Шуры чрезъ Евгеньевское укрѣпленіе.

8-го или 9-го числа, какъ мнѣ помнится, призвалъ меня главнокомандующій, далъ письма къ князю Бебутову и словесное приказаніе, поручивъ доставить ихъ въ Мичикалъ. Это было вечеромъ, вьюга стихла, но все ущелье было покрыто мягкимъ, рыхлымъ снѣгомъ. Глинистая почва совершенно растворилась, дороги не было и слѣдовъ. Взявъ двухъ проводниковъ изъ татаръ и воспользовавшись темнотою ночи, чтобы не попасться въ руки непріятелямъ, я выѣхалъ изъ отряда. Нельзя себѣ представить, чтò испыталъ я въ эту ночь: лошади наши вязли по брюхо въ снѣгу и грязи, ощупью отыскивали мы слѣды тропинки, проваливались сами или обрывались вмѣстѣ съ лошадьми въ кручу по скользкой мокрой землѣ. Сколько стоило усилій, помогая другъ другу, взбираться вновь на отыскиваемую тропинку! Наконецъ, большею частью пѣшкомъ, частью верхомъ, изнуренные и обезсиленные,

при густомъ туманѣ, наткнулись мы къ утру на передовой пикетъ отряда, который доставилъ насъ въ Бебутову. Князь Василій Осиповичъ не могъ безъ смѣха смотрѣть на оборванную и испачканную фигуру мою. Исполнивъ порученіе, я пріютился въ палаткѣ добраго Бенкендорфа, который отогрѣлъ меня и одѣлъ въ свое бѣлье и платье, покуда сушились бранные остатки моей одежды около разведенныхъ въ лагерѣ костровъ. Пройденная мною дорога была въ тотъ же день, по возможности, разработана войсками и 10-го числа прибылъ въ Мичикалъ съ отрядомъ и главнокомандующій.

11-го числа всѣ отряды двинулись далѣе къ перевалу Буцуръ или, такъ называемымъ, Андійскимъ воротамъ. Дорога шла по скалистымъ горамъ, совершенно безлѣснымъ, при крутыхъ и затруднительныхъ подъемахъ. Саперы безпрестанно впереди должны были расчищать путь, густой туманъ непроницаемой завѣсой покрывалъ всю мѣстность. Здѣсь былъ случай, доказывающій всѣ неожиданныя опасности, которымъ подвергались неопытные въ этой войнѣ отъ дерзкихъ и смѣлыхъ покушеній знакомаго съ мѣстностью непріятеля. Командиръ 5-го Сапернаго баталіона, полковникъ Завальевскій, пришедшій съ 5-мъ корпусомъ на Кавказъ, вѣроятно, безъ должной предосторожности, во время тумана, осматривалъ работы своей части на дорогѣ, и былъ взятъ въ плѣнъ или убитъ горцами. Когда мы пришли на ночлегъ, его въ отрядѣ не оказалось, и участь его осталась навсегда неизвѣстною.

Спустившись съ высокой горы, мы, наконецъ, пришли въ долину, недалеко отъ селенія Цилитъ, гдѣ соединился съ нами отрядъ Пассека. Шелъ проливной дождь и къ вечеру разразилась такая буря, что рвало и уносило палатки и всю ночь не было возможности развести огня. Солдаты и мы пытались холодною пищею, и провели далеко непокойную ночь. Къ утру 13-го числа вѣтеръ стихъ и предположено было съ бою занять сильно укрѣпленные, по словамъ лазутчиковъ, и занятые непріятелемъ Андійскія ворота (глубокую расщелину горы Буцуръ), единственный съ этой стороны доступъ въ Андію. Уже впослѣдствіи узнали мы отъ лазутчиковъ, что Шамилъ, при приближеніи нашемъ къ Андіи, рѣшился упорно защищать Буцуръ, но продолжительное ненастье и холодъ побудили его бросить эту позицію, предавъ пламени

аулы Андїи. Рекогносцировка открыла, что непріятель бросилъ Андійскія ворота; проходъ немедленно былъ занятъ частью войскъ, и рѣшено было здѣсь построить другой, промежуточный, редутъ по линїи нашихъ сообщеній.

Во все это время веселость не оставляла насъ, и вечеромъ, за кахетивскимъ бурдюкомъ, постоянно пѣли мы и забавлялись. Въ то время была въ модѣ извѣстная пѣснь „messieurs les étudiants, s'en vont à la chaumière“; на этотъ голосъ сочинялись куплеты о событіяхъ каждаго дня въ продолженіе всего похода и составлялась предлинная пѣснь, которую теперь я, разумѣется, забылъ, но помню нѣкоторые куплеты. Такъ, по случаю оставленія непріателемъ Буцура и несбывшихся надеждъ на штурмъ:

„Les portes de l'Andie
„Sont comme des portes-cochées,
„En haut il est écrit:
„Vous entrerez sans faire
„La guerre toujours,
„La nuit et comme le jour!“

Были, я помню, очень остроумные куплеты, задѣвающіе многія личности въ отрядѣ, которые Воронцову не совсѣмъ нравились, хотя онъ любилъ прислушиваться, когда мы пѣли. Я самъ, по окончаніи экспедиціи, когда, освобожденные отрядомъ Фрейтага, мы вышли въ Герзелъ-аулъ, прибавилъ заключительный куплетъ этой пѣсни:

„Enfin Gherzel-haul
„Nous rend à la lumière
„Mais ce n'est pas toujours
„Qu'on sort de cette manière,
„La guerre etc...“

А на сухарную экспедицію пѣли:

„Le général Klouxa ¹⁾
„Dans l'affaire des biscuits
„Ne nous rapporta
„Que des blessés et lui
„La guerre etc...“

¹⁾ Такъ звали солдаты генерала Ключенау.

14-го іюня, въ 6 часовъ утра, поднялись мы на Буцуръ и вступили въ Андію. Свирѣпствовавшія въ послѣднее время непогоды прекратились и разсѣявшійся туманъ открылъ намъ восхитительный видъ всей котловины, составляющей Андію. Влѣво, за Андійскимъ Кой-су, виднѣлись на правомъ берегу рѣки богатые аулы Конхидатль и Тлохъ съ ихъ садами, а у ногъ папихъ 4 или 5 деревень, составлявшихъ собственно Андійское общество. Аулы эти были оставлены, по приказанію Шамиля, жителями и преданы пламени. Дымящіеся ихъ остатки дополняли великолѣпную картину, которая открылась намъ съ Будурскихъ высотъ.

Весело и бодро вступилъ нашъ отрядъ въ Андію, куда до толѣ никогда не проникала русская нога. Мы направились къ главному селенію Гоготль и Анди. Первое изъ нихъ, послѣ незначительной перестрѣлки, было занято авангардомъ и грузинской дворянской дружиной, при ничтожной потерѣ. Непріятель расположенъ былъ за рѣчкою Годаръ, на крутыхъ возвышенностяхъ. Горная тропа вела на эти высоты; она была перерѣзана завалами, и самъ Шамиль находился здѣсь со своими скопищами при трехъ орудіяхъ. Милиціонеры, шедшіе въ авангардъ, были встрѣчены въ селеніи Анди довольно сильнымъ сопротивленіемъ горцевъ, засѣвшихъ въ развалинахъ сакель. Въ подкрѣпленіе былъ посланъ 3-й баталіонъ Кабардинскаго полка, которымъ на время экспедиціи командовалъ прибывшій изъ Петербурга полковникъ, князь Барятинскій (нынѣ фельдмаршалъ). Егеря опрокинули горцевъ, переправились черезъ рѣчку и бросились на непріятельскую позицію, выбивая штыками изъ заваловъ горцевъ. Остальные баталіоны Кабардинскаго полка подоспѣли къ товарищамъ, несмотря на сильный ружейный и артиллерійскій огонь, крутизну подъемовъ и на огромные камни, скатываемые горцами съ высотъ. Войска наши и спѣшленные милиціонеры вытѣснили непріятеля и заняли горы. Шамиль поспѣшно бѣжалъ и во все время пребыванія нашего въ Андіи почти не беспокоилъ насъ. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ, извѣстномъ подъ названіемъ—„дѣло при Ацалѣ“ (такъ называли гору, гдѣ оно происходило), была незначительна ¹⁾. Раненъ былъ

¹⁾ Убитыми: 1 оберъ-офицеръ и 5 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 штабъ-офицеръ, 9 оберъ-офицеровъ и 54 нижнихъ чиновъ; контужено: 5 оберъ-офицеровъ и 57 нижнихъ чиновъ.

полковникъ князь Бярятинскій легко пулей въ ногу и довольно тяжело въ ногу командиръ одной изъ ротъ Кабардинцевъ, штабсъ-капитанъ Нейманъ ¹⁾). Когда на мѣстѣ сраженія, при сильныхъ страданіяхъ, вынимали у Неймана пулю изъ ноги, то онъ, увидѣвъ подѣзжавшаго къ нему князя Воронцова, закричалъ ему: „теперь видите, ваше сіятельство, каковы Кабардинцы, — ужъ не хуже Куринцевъ!“ (Князь очень хвалилъ Куринцевъ за взятіе позиціи Анчи-меръ 6-го числа). Я привожу этотъ фактъ, какъ примѣръ того духа, который господствовалъ въ то время между войсками.

Затѣмъ весь отрядъ расположился съ главной квартирой около селенія Гоготля; передовыя войска заняли селеніе Анди и позицію впереди нашего лагеря, по дорогѣ въ Будуръ. Здѣсь мы простояли до 6-го іюля, т.-е. до занятія Дарго, и потому не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о мѣстности, въ которой мы расположились лагерной стоянкой, и о личныхъ моихъ отношеніяхъ и впечатлѣніяхъ.

Андія, расположенная на одномъ изъ возвышенныхъ плато Дагестана, окаймленная горами, отдѣляющими ее отъ Гумбета, Салатавіи и Ичкеріи съ востока, сѣвера и запада, съ юга отдѣлена была Андійскимъ Кой-су отъ Аваріи (бывшее Аварское ханство). Жители Андін, населявшіе 5 деревень (такъ называемое Андійское общество), подчиненные силою власти Шамиля и мюридизму, были однимъ изъ менѣе воинственныхъ и фанатическихъ племенъ воинственнаго и фанатическаго Дагестана. Они занимались земледѣліемъ на искусственныхъ террасахъ, по отрогамъ и скатамъ горъ, около ауловъ, но съ огромнымъ трудомъ обработанныя поля щедро вознаграждали обильнымъ урожаемъ усиленные ихъ работы, производимыя, какъ и во всемъ Дагестанѣ, преимущественно женщинами. Горныя, тучныя пастбища сосѣднихъ обществъ доставляли возможность андійцамъ вести довольно обширное скотоводство. Андія извѣстна была выдѣлываніемъ бурокъ, распространенныхъ по всему Дагестану и Закавказью, и вообще населеніе, благодаря торговой своей предпримчивости, пользовалось относительнымъ благосостояніемъ и богатствомъ, въ сравненіи съ своими сосѣдями. Дес-

¹⁾ Умеръ плацъ-маіоровъ Шлиссельбургской крѣпости.

потическая власть Шамиля, принявшая начало въ духовномъ фанатическомъ ученіи мюридизма при его предшественникахъ, при послѣднемъ имамѣ обратилась въ чисто политическую силу, сплотившую и покорившую всѣ вольныя горскія племена этой части Кавказа непреклонной волѣ своего властелина. Андійцы, при появленіи нашихъ войскъ, должны были удалиться въ сосѣднія горы, и Шамиль оставилъ намъ раззоренную страну съ дымящимися селеніями, сожженными его приверженцами. Страна эта совершенно безлѣсная, какъ выше сказано, и по времени года съ несозрѣвшими своими полями не могла предоставить намъ какихъ бы то ни было удобствъ. Одиѣ только удѣлѣвшія отъ пожара сакли доставляли во время стоянки нашей дрова для отряда.

Князь Воронцовъ, со свойственнымъ вельможѣ его закала гостепріимствомъ, держалъ для всего громаднаго штаба своего и командированныхъ изъ Петербурга лицъ постоянный столъ въ главпой квартирѣ. Столъ этотъ отличался тою походною простотою, которою окружалъ себя князь во всѣхъ экспедиціяхъ, гдѣ онъ принималъ участіе. Привѣтливость его, вниманіе и учтивость привлекали къ нему дѣйствительно общее сочувствіе. Этотъ европейскій взглядъ на отношенія начальника къ подчиненнымъ поражалъ многихъ, привыкшихъ поддерживать свое начальническое значеніе и достоинство суровостью обращенія съ подчиненными. Тѣмъ не менѣе старые кавказцы не довѣряли еще вполне князю и, опытные въ Кавказской войнѣ, не предвѣщали ничего добраго отъ предстоящихъ дѣйствій. Послѣдствія оправдали эти опасенія, но въ этомъ случаѣ князь Воронцовъ былъ только искупительною жертвою того безобразнаго и несостоятельнаго образа военныхъ дѣйствій, которымъ руководилъ Петербургъ, и который послѣ Даргинской экспедиціи, по энергическимъ настояніямъ князя, былъ измѣненъ и далъ такіе блистательные результаты за время его управленія краемъ. Старые кавказцы видѣли въ огромной свитѣ, окружавшей князя, въ сопровождающемъ оную въючномъ обозѣ (*„armée de Xerxès“*, какъ ее называли) важное препятствіе для движенія нашего въ трудной и лѣсистой мѣстности Ичкеріи. Отдаленіе наше отъ операціоннаго базиса Темиръ-Ханъ-Шуры и необходимость содержать укрѣпленные этапы на пути слѣдованія нашихъ транспор-

товъ, раздробляя силы отряда въ этой пересѣченной мѣстности, представляли также не малыя опасенія за будущее продовольствіе войскъ. Весьма рѣзкія сужденія слышались по этому поводу. Съ другой стороны, разнохарактерность войскъ и начальствующихъ не внушали вообще особаго довѣрія кавказцамъ. Начальникомъ штаба у Воронцова былъ достойный генералъ Владиміръ Осиповичъ Гурко, бывшій командующимъ войсками Кавказской линіи. Онъ дѣйствительно былъ образованный, храбрый, достойный уваженія чело-вѣкъ, но ничѣмъ особенно не отличался на Кавказѣ и нѣсколько театральныя и высокопарныя его выраженія вредили ему во мнѣніи старыхъ кавказцевъ. Къ тому же, прежнее самостоятельное его положеніе измѣнилось къ прямому подчиненію его новому главно-командующему и, какъ кажется, вліяло и на личныя ихъ отношенія. Генералъ Лидерсъ, съ частью войскъ своего корпуса, находился также въ нашемъ отрядѣ; російскія войска, совершенно неосновательно, считались какъ бы пасынками въ семьѣ кавказцевъ, и Лидерсъ не могъ не страдать отъ этого направленія и, къ тому же, роль его теряла самостоятельность, къ которой онъ привыкъ; затѣмъ присутствіе принца Гессенскаго и всѣхъ лицъ, прибывшихъ изъ Петербурга и изъ Тифлиса стяжать лавры въ предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, вносили новый и несродный кавказцамъ элементъ въ главную квартиру князя Воронцова. Покуда не было настоящихъ серьезныхъ дѣлъ и опасностей, все это интриговало, судило, рядило, съ полнымъ незнаніемъ дѣла, и возбуждало неудовольствія между прежними, коренными, кавказскими представителями. Весьма естественно, что это настроеніе образовало въ главпой квартирѣ особые кружки; упомяну о томъ, къ которому я принадлежалъ. Онъ состоялъ преимущественно изъ прежняго штаба-генерала Нейдгарта и прежнихъ кавказцевъ. Товарищами моими были: князь Козловскій, Глѣбовъ и съ нами сдружились съ перваго же раза адъютанты Воронцова: товарищъ мой по университету—Лонгиновъ, Сергѣй Илларионовичъ Васильчиковъ, Нечаевъ, князь Ревасъ Андронниковъ, а также присталъ къ нашей компаніи добрѣйшій Михаилъ Павловичъ Щербининъ, гражданскій чиновникъ, сопровождавшій князя, и нѣкоторые другіе. Изъ прежнихъ кавказцевъ: генеральнаго штаба капитанъ Александръ Ни-

колаевичъ Веревкинъ, Николай Яковлевичъ Дружининъ, назначенный комендантомъ главной квартиры, генераль Безобразовъ, нашъ университетскій товарищъ юнкеръ Куринскаго полка Мельниковъ и многіе другіе составляли дружескій товарищескій кружокъ, постоянно собиравшійся то у одного, то у другого, около палатки, гдѣ вечеромъ пѣли пѣсни и угощались шашлыкомъ и кахетинскимъ виномъ, покуда оно было. Остальныя лица штаба держали себя отдѣльно, хотя нерѣдко, возбужденные нашимъ весельемъ и беззаботною молодостью, приходили повеселиться съ нами. Князь Воронцовъ въ это время вообще относился къ намъ довольно безразлично и, думаю, даже ему не совсѣмъ нравились иногда толки нашего общества, но онъ любилъ молодость и ему было пріятно отчасти видѣть тотъ веселый духъ, который мы вселяли въ главной квартирѣ.

Несмотря на устроенные промежуточные пунеты, по трудности мѣстности, транспорты изъ Шуры приходили къ намъ, въ Андію, весьма неисправно; провіантъ иногда разлагался на два, на три лишніе дня, и маркитанты частей не имѣли, за недостаткомъ подвоза, даже необходимаго для офицеровъ. Одно время не было у насъ сахара, и я припоминаю забавный случай со мною. Почтенный генераль Безобразовъ, палатка котораго была около моей, имѣлъ привычку постоянно пить чай, который онъ очень любилъ; сахару уже у него не было; онъ разъ видѣлъ, какъ я спряталъ подъ подушку своей койки небольшой обломокъ сахара, который, не помню, гдѣ-то досталъ. Когда я заснулъ, Безобразовъ, подкравшись, вытащилъ этотъ сахаръ; я поймалъ его на мѣстѣ преступленія, разумѣется, отдалъ ему сахаръ, но, при общемъ хохотѣ, мы потребовали отъ него дать намъ ужины и угостить бурдюкомъ кахетинскаго, который весь у него и роспили въ этотъ же вечеръ. Лѣтъ двадцать спустя, въ Петербургѣ, удрученный болѣзью и старостью, часто припоминалъ онъ мнѣ и смѣялся надъ этимъ событіемъ. Во время стоянки въ Андіи происходили слѣдующія незначительныя военныя дѣйствія и дѣлались слѣдующія распоряженія. У селенія Гоготля возводился временный редутъ, примѣрно на батальонъ и 4 орудія, для склада провіанта на предстоящую намъ экспедицію въ Ичкерію, на нашемъ главномъ сообщеніи съ Дагестаномъ. Когда мы двинулись къ Дарго, въ этомъ редутѣ былъ

оставленъ храбрый полковникъ Бельгардъ, командиръ Пражскаго пѣхотнаго полка. Бельгардъ, хотя въ то время служилъ въ 5-мъ корпусѣ, былъ извѣстенъ Кавказу по храбрости своей и ранамъ, полученнымъ въ Дагестанѣ, когда онъ отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка былъ командированъ для участія въ экспедиціи.

Затѣмъ мелкія перестрѣлки и преслѣдованія нашихъ транспортъ разнообразили иногда довольно монотонную нашу лагерную жизнь.

Наконецъ, 20-го числа назначено было произвести усиленную рекогносцировку, по направленію къ Дарго, на перевалъ Регель и въ горное общество Телпуцалъ, къ чему особенно побудило появленіе Шамиля на высотахъ Азалъ, куда со скопищами своими онъ прибылъ для наблюденія за нашими дѣйствіями. Легкій отрядъ нашъ состоялъ изъ 7-ми баталіоновъ, роты саперъ, роты стрѣлковъ, 2-хъ дружинъ грузинской пѣшей милиціи, 9-ти сотенъ конницы и 8 горныхъ орудій. Мы тронулись по направленію къ Дарго и, когда поднялись на Регельскій перевалъ, передъ нами открылась одна изъ великолѣпнѣйшихъ картинъ, впечатлѣніе которой я до сихъ поръ сохраняю въ памяти своей. У ногъ нашихъ, къ востоку, открылся лѣсистый спускъ въ Дарго, вскорѣ обагренный кровью нашихъ солдатъ; далѣе виднѣлась вся лѣсистая Ичкерія со своими долинами и хребтами. Къ сѣверу тянулась вся большая Чечня, открывалась Сунжа и, по равнинѣ, вьющійся Терекъ; наконецъ, слабой полосой на горизонтѣ величественную эту картину окаймляло Каспійское море. День былъ совершенно ясный, небо безоблачно, мы находились на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ, передъ нами открывался горизонтъ болѣе чѣмъ на 150 верстъ. Съ восторгомъ насладились мы неописанной величественностью представившейся картины; никто не подозрѣвалъ тѣхъ испытаній и страданій, которыя суждено было скоро переносить намъ въ мѣстности, которою въ то время такъ восхищались.

Отрядъ нашъ повернулъ влѣво, по безлѣсной возвышенности, по направленію къ скопищу Шамиля; быстрой атаки нашей кавалеріи непріятель не дождался и, бросивъ позицію, поспѣшно отступилъ за Андійскій Кой-су. Я помню, что приблизительно на мѣстѣ, гдѣ красовался зеленый зонтикъ Шамиля, подъ которымъ

онъ сидѣлъ, казаки или милиціонеры наши нашли маленькую переплетенную книжку ворана, которая была подана главнокомандующему. Слѣдую далѣе, отрядъ нашъ дошелъ до обрывистыхъ утесовъ, которые прорѣзалъ Андійскій Кой-су. Внизъ по теченію рѣки, на противоположномъ берегу, передъ нами виднѣлся построенный террасами на обрывѣ скалъ обширный аулъ Конхидатль, гдѣ, какъ говорили, у Шамиля находилось производство пороха. Конхидатль окруженъ садами, придающими ему чрезвычайно живописный видъ. Мѣстность, въ которой мы находились, составляла общество Технудаль, оставленное жителями. По трудности мѣстности и по отсутствію всякихъ переправъ черезъ Кой-су, мы не пошли дальше, что, впрочемъ, отвлекло бы насъ отъ прямой цѣли экспедиціи. Мы расположились лагеремъ или, лучше сказать, бивакомъ, передъ вечеромъ, около большого озера на этомъ возвышенномъ плато. Покуда солдаты варили кашу, а намъ готовился походный обѣдъ, прозрачность воды озера, при жарѣ, которую мы испытывали во время всего перехода, невольно манила насъ купаться. Наши солдатики и мы съ жадностью бросились въ воду, но каково же было общее удивленіе, когда мы нашли это озеро, у береговъ даже не очень глубокое, до того наполненнымъ рыбою, что мѣстами было трудно плавать. Рыба эта была форель особой породы, съ совершенно черной кожей, покрытой красными правильными пятнами; нѣкоторыя изъ нихъ попадались величиною въ $\frac{1}{2}$ аршина и болѣе. Судя по обилію ихъ, надо полагать, что горцы ею не пользовались. Ловкіе наши солдатики, связывая штаны и рубашки, наловили ее такую массу, что угощались всю ночь и оставили множество рыбы на берегу. Князь Воронцовъ былъ очень заинтересованъ этимъ явленіемъ и приходилъ неоднократно къ озеру. Всѣ были крайне довольны во время этой занимательной рекогносцировки. 21-го числа всѣ мы вернулись въ прежній нашъ лагерь въ Анди, ожидая съ нетерпѣніемъ транспорта провіанта, и всѣ готовились къ движенію въ Дарго. Наконецъ, 4-го іюля транспортъ пришелъ, провіантъ розданъ и сдѣлана диспозиція для наступательнаго движенія.

Отношенія мои къ князю Воронцову, какъ выше сказано, были далеко не близкія и не тѣ, которыхъ я удостоился впослед-

ствіи. Меня крайне тяготила штабная обстановка и всё присущія тому разнообразному обществу отношенія, которыя существовали при главной квартирѣ. Я рѣшился просить князя прикомандировать меня на все время экспедиціи во фронтъ, къ одному изъ баталіоновъ отряда, назначенныхъ въ авангардъ. Князь Воронцовъ уважилъ мою просьбу, и я былъ откомандированъ къ 1-му баталіону Литовскаго Егерскаго полка (5-го корпуса). Баталіонъ этотъ при какомъ-то несчастномъ дѣлѣ, въ польскую кампанію 30-го года, потерялъ свои знамена, и князю Воронцову Государемъ было предписано при первой возможности дать ему случай отличія и возвращенія знамени. Баталіонъ, вслѣдствіе этого, и былъ назначенъ передовымъ въ авангардъ, при движеніи въ Дарго. Я былъ, какъ понятно, крайне восхищенъ своимъ назначеніемъ и возбужденъ до крайности мыслью объ отличіи. 5-го числа собравшіеся товарищи въ моей палаткѣ провели, по обыкновенію, вечеръ за дружеской бесѣдой, съ пѣснями и ужиномъ. Во всемъ отрядѣ гремѣла музыка, слышались пѣсни, всё радовались предстоящему дѣлу. Я не забуду, какъ въ этотъ вечеръ товарищъ нашъ Мельниковъ, отличнымъ своимъ голосомъ возбуждая насъ старыми студенческими пѣснями, вдругъ остановился, задумался и разсказалъ намъ о страданіяхъ и смерти Куринскаго же полка юнкера, князя Голицына, которой онъ былъ свидѣтелемъ. Въ предшествующемъ году, во время экспедиціи въ Чечнѣ, въ Гойтинскомъ лѣсу Голицынъ былъ раненъ пулею въ животъ, и изъ раны вышелъ сальникъ, который, при несвоевременной операціи, былъ причиною смерти Голицына послѣ страшныхъ страданій. Павлуша (Мельниковъ), какъ всё его звали, говорилъ: „пускай бы, куда хотять, только не въ животъ; а кто знаетъ: можетъ быть, именно, туда и попадутъ“. Лонгиновъ, всегда веселый, также насъ поразили своей угрюмостью, какъ будто предчувствуя свой близкій конецъ. На это въ то время никто не обратилъ вниманія и за первымъ стаканомъ вина и съ первою хорошею пѣснью все было забыто. Но это обстоятельство врѣзилось въ моей памяти послѣ скорой потери этихъ двухъ университетскихъ товарищей и друзей моихъ.

ГЛАВА V.

Выступление 6-го іюля въ Дарго.—Завалы.—Я раненъ въ ногу.—Мельниковъ.—Генераль Фокъ.—Амосовъ.—Взятіе Дарго.—Дѣло 7-го іюля при Цонтери.—Сухарная экспедиція 10-го и 11-го числа.—Смерть Викторова, Пассека и Ранжевскаго.—Беклемишевъ.—Приготовленія къ выступленію изъ Дарго.—Уничтоженіе лишнихъ тяжестей.—Маршъ и бой 13-го іюля.—Цонтери.—Иванъ Михайловичъ Лабищевъ.

Со свѣтомъ 6-го іюля войска, по составленной диспозиціи ¹⁾, бодро и стройно выступили въ походъ. Проходя мимо новаго укрѣпленія въ Гогатѣ, мы простились съ добрымъ Бельгардомъ и оставленнымъ на этомъ пунктѣ гарнизономъ и постепенно поднимались по безлѣснымъ высотамъ этой мѣстности до перевала Регель, откуда начали спускаться въ долину Аксая. Пройдя верстъ 14, передъ самымъ входомъ въ лѣсъ, на довольно обширномъ полянѣ, авангардъ остановился и отрядъ началъ стягиваться. Впереди всѣхъ

¹⁾ Авангардъ подъ начальствомъ генераль-маіора Бѣлявскаго: 1-й батал. литовскаго Егерскаго полка, 2-й бат. Егерскаго кн. Чернышева полка, 4 орудія горной № 4 батарее, рота 5-го сапернаго баталіона и сотня Кавказскаго казачьяго Линейнаго полка.

Правая обходная колонна (составлявшая въ лѣсу правую цѣпь) подъ начальствомъ командующаго баталіонами Куринскаго полка, полковника, барона Меллера-Закомельскаго: 6 ротъ этого полка, взводъ Кавказскаго стрѣлковаго бат., 2-я дружина грузинской пѣшей милиціи.

Лѣвая обходная колонна (потомъ лѣвая цѣпь) подъ начальствомъ полковн. Козловскаго: 1-й бат. Люблинскаго егерскаго полка, 1-й бат. Кабардинскаго полка, взводъ Кавказскаго стрѣлковаго бат., 1-я дружина грузинской пѣш. милиціи.

Главные силы подъ командою генерала Кругенана: всѣ вышки и тяжести отряда, 3 роты 5-го сапернаго баталіона, 2 роты кавказск. стрѣлковаго бат., 3-й и 4-й бат. Навагинскаго пѣх. полка, 3-й бат. Люблинскаго егерскаго полка, 2 орудія легкой № 7 батарее 20-й артиллерійской бригады, 6 орудій горныхъ № 1-й, 3-й и 4-й батарей.

Арьергардъ подъ командой ген.-маіора Лабищева: 2-й бат. Замостскаго егерскаго полка, 3-й бат. Апшеронскаго пѣхотнаго полка, 4 орудія горной № 3 батарее. Казаки линейныхъ полковъ: Гребенскаго, Моздокскаго и Кубанскаго. Конныя милиціи: Грузинская, Осетинская, Кабардинская, Дагорская и Эрнеминская, слѣдовавшія съ авангардомъ, должны были, подъ начальствомъ ген.-маіора Безобразова, занять мѣсто влѣво отъ отряда съ той цѣлью, чтобы, если мѣстность будетъ благоприятствовать, воспользоваться ею для быстрого преслѣдованія непріятеля.

Всего при наступленіи на Дарго находилось: 10½ баталіоновъ, 4 роты саперъ, 3 роты стрѣлковъ, 2 дружины Грузинской пѣш. милиціи, 4 сотни казаковъ, 9 сотенъ конной милиціи, 2 легкихъ орудій, 14 горныхъ орудій.

Всего было въ строю пѣхоты (со включеніемъ пѣшей милиціи) 7490 и конницы 1218 человекъ и 342 артиллериста.

былъ Литовскій Егерскій баталіонъ, къ которому я былъ прикомандированъ; имъ командовалъ маіоръ Степановъ (убитый при штурмѣ Дарго), а первой Карабинерной ротой, въ которой я состоялъ — капитанъ Макаровъ ¹⁾. Покуда авангардъ дѣлалъ двухчасовой привалъ, лежа на травѣ, къ намъ подъѣзжали многіе изъ штабныхъ (въ томъ числѣ сотникъ Едлинскій), которые приняли, безъ опредѣленнаго назначенія, участіе въ дѣлѣ авангарда. День былъ жаркій; около часу пополудни ударили подъемъ и мы тронулись; впереди Кавказскіе офицеры, по принятому обычаю, были верхомъ, что вообще въ Кавказской войнѣ, въ пѣхотѣ, было причиною большой убыли офицеровъ. Войдя въ лѣсъ и пройдя незначительное пространство, мы встрѣтили первый непріятельскій завалъ. Нѣсколько выстрѣловъ картечью изъ горныхъ орудій, находящихся при авангардѣ, очистили это первое препятствіе. При происшедшей перестрѣлкѣ мы имѣли нѣсколько раненыхъ, и между прочими убитъ пулею генеральнаго штаба полковникъ Левисонъ 5-го корпуса.

Спускаясь далѣе, лѣсъ все болѣе и болѣе сгущался, дорога все суживалась; наконецъ, мы увидѣли передъ собой весьма узкій лѣсистый хребетъ, гдѣ дорога, мѣстами шириною не болѣе двухъ или трехъ сажень, едва позволяла проходить одному орудію. Съ обѣихъ сторонъ дороги спускались отвѣсныя, лѣсистыя кручи; за образующей дорогу лощиной представлялся довольно крутой подъемъ, окаймленный непроходимымъ лѣсомъ и перерѣзанный, расположенными амфитеатромъ, огромными непріятельскими завалами. Завалы эти составлены были изъ вѣковыхъ деревьевъ, переплетенныхъ сучьями и укрѣпленныхъ насыпной землей и камнями. Весь этотъ путь представлялъ непрерывную ткань огромныхъ брусьевъ и густыхъ вѣтвей.

Первый крѣпкій завалъ находился еще на спускѣ, затѣмъ упомянутая котловина отдѣляла эту защиту отъ послѣдующихъ заваловъ, расположенныхъ на подъемѣ дороги. Всѣ завалы заняты были значительнымъ числомъ непріятели; папахи горцевъ виднѣ-

¹⁾ Впослѣдствіи служившій въ Кубанскомъ егерскомъ полку на Кавказѣ. Я встрѣтился съ Макаровымъ впослѣдствіи въ Кіевѣ, бывши генераль-губернаторомъ, съ особеннымъ чувствомъ удовольствія видѣть стараго начальника.

лись изъ-за листьевъ и безмолвные стволы ихъ винтовокъ блистали между сучьями, ожидая нашего приближенія. Литовскіе егеря бросились въ штыки, всѣ мы имѣли глупость, не слѣзая съ лошадей, съ обнаженными шашками, скакать на заваль впереди, какъ будто можно было перескочить эту преграду, — впрочемъ нѣкоторые и перескочили. По насъ, кромѣ убійственного, почти въ упоръ, огня изъ атакуемаго завала, направлены были выстрѣлы непріятеля и изъ прочихъ заваловъ, господствующихъ надъ этой позиціей. Егеря, при огромной потерѣ, выбили скоро непріятеля изъ засады, и онъ бросился въ послѣдующіе завалы.

Здѣсь я былъ раненъ. Это случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда мы подскакали къ завалу и пѣхота бѣглымъ шагомъ подоспѣвала къ намъ, ѣхавшій вправо, и недалеко отъ меня, Мельниковъ покачнулся и сталъ валиться съ лошади, упершейся въ сучья завала. Онъ кричалъ мнѣ: „кончено, братъ Александръ, въ животъ!“ Быстро соскочивъ съ сѣдла и оставивъ лошадь свою, я бросился, чтобы стащить съ сѣдла Мельникова, нога котораго запуталась въ стремя. Въ это время я почувствовалъ какъ будто сильный ударъ въ лѣвую ногу и упалъ, но тѣмъ не менѣе съ помощью молодого князя Ираклія Грузинскаго, находящагося въ авангардѣ съ милиціей, мы успѣли стащить Мельникова съ лошади и милиціонеры вынесли его изъ огня. Я остался въ завалѣ, уже занятомъ нашими и, чтобы прикрыть себя хоть немного отъ пуль, долетавшихъ изъ прочихъ заваловъ, подползъ подъ сваленное дерево, снялъ сапогъ и началъ осматривать рану. Оказалось, что пуля пробила лѣвую икру, перерѣзавъ, какъ вполнѣдствіи я узналъ, сухія жилы, легко задѣвши кость, но не вышла наружу. Я ощупалъ ее подъ кожей и помощью сначала ногтя, а потомъ перочиннаго ножа, который былъ у меня въ карманѣ, самъ вырѣзалъ и вынулъ пулю, которую сохранилъ и подарилъ отцу, при первомъ свиданіи съ нимъ; онъ же отдалъ ее при свадьбѣ моей женѣ. Кровь обильно лилась изъ раны и я затруднялся, чѣмъ перевязать, когда пробѣжавшій мимо, чрезъ заваль къ авангарду, князь Федоръ Паскевичъ бросилъ мнѣ свой батистовый платокъ, которымъ я туго перевязалъ ногу.

Въ это время авангардъ нашъ съ генераломъ Бѣлявскимъ,

въ виду сильнаго огня изъ послѣдующихъ заваловъ, остановился весьма неосновательно подъ огнемъ горцевъ и выдвинулъ, на дорогу къ котловинѣ, горныя орудія для обстрѣливанія непріятельскихъ позицій. Нужно сказать, что, по крутизнѣ лѣсистыхъ обрывовъ, въ этомъ мѣстѣ цѣпи наши не могли быть спущены въ овраги и столпились на дорогѣ. Горцы стрѣляли снизу изъ овраговъ и съ фронта изъ заваловъ, и войска находились подъ жестокимъ перекрестнымъ огнемъ. Въ нѣсколько минутъ вся прислуга орудій была перебита и молодой артиллерійскій офицеръ, командовавшій взводомъ (къ сожалѣнію фамиліи не могу припомнить) былъ раненъ двумя пулями въ шею съ перебитіемъ позвоночнаго столба ¹⁾. Видя орудія безъ прикрытія и опасаясь, что горцы возьмутъ ихъ, генералъ Фокъ (не командующій никакою частью и находящійся въ числѣ дилетантовъ, при главной квартирѣ) бросился съ нѣсколькими людьми къ этимъ орудіямъ. Въ минуту всѣ были перебиты, а Фокъ, пораженный двумя пулями въ грудь, два или три раза повернулся на мѣстѣ и упалъ замертво. Я лежалъ раненный въ завалѣ, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ этого мѣста: все это происходило на моихъ глазахъ.

Въ это время подошли, сколько мнѣ помнится, кабардинцы и Бѣлявскій съ авангардомъ бросился въ штыки въ гору, выбивая непріятеля изъ заваловъ, расположенныхъ амфитеатромъ по дорогѣ. Все это сдѣлано было чрезвычайно быстро и искупило то несомнѣнное замѣшательство, которое было передъ тѣмъ.

Вскорѣ авангардъ былъ уже на горѣ и саперы приступили къ расчисткѣ дороги. Между тѣмъ, меня подобрали милиціонеры и отнесли назадъ, къ большому дереву, гдѣ производилась перевязка раненыхъ. Тутъ увидѣлъ я бѣднаго Мельникова, которому отрѣзали часть сальника, вышедшаго изъ раны. Онъ былъ довольно бодръ и рана обѣщала благопріятный исходъ; пуля была вынута,

¹⁾ Здѣсь въ первый разъ я видѣлъ то, что называется tetanos (столбнякъ): офицеръ этотъ остался на ногахъ въ безсознательномъ состояніи, всѣ члены какъ бы окочевѣли, и въ этомъ видѣ былъ отнесенъ въ завалъ; потомъ онъ отошелъ. Я видѣлъ его еще при отступленіи изъ Дарго: его несли на носилкахъ, въ родѣ кресла, такъ какъ голову онъ не могъ наклонить, вслѣдствіе раны, но онъ потерялъ всякую память, находился въ идіотизмѣ и умеръ, кажется, на одномъ изъ переходовъ въ Гераель-аулъ.

но его преслѣдовала мысль о Голицынѣ и онъ положительно убѣжденъ былъ въ своей смерти. Во время труднаго послѣдующаго похода, намъ удалось благополучно, на носилкахъ, донести этого товарища до самаго Герзель-аула, гдѣ онъ при мнѣ и скончался въ госпиталѣ, несмотря на полную надежду на выздоровленіе. Странно, какъ въ этомъ случаѣ сильно дѣйствовало воображеніе на упадокъ его силъ.

Помню еще, какъ на перевязку привели молоденькаго, чрезвычайно красиваго собой юнкера Амосова, состоявшаго на ординарцахъ при генералѣ Лидерсѣ. Пуля, на излетѣ, попала ему ниже глаза, легко была вырѣзана, и рана была пустышная, но Амосовъ плакалъ отъ мысли, что на вѣкъ изуродованъ ¹⁾. Никогда не забуду я того возбужденнаго и восторженнаго состоянія, въ которомъ я находился: я былъ счастливъ до нелзя своей раной; мнѣ казалось, что я сразу сдѣлался старымъ кавказцемъ — однимъ словомъ, чувствовалъ все то, что могъ чувствовать въ подобномъ случаѣ 24-лѣтній неопытный юноша, въ первый разъ окрещенный въ боевомъ, серьезномъ дѣлѣ. Въ это время подѣхалъ къ раненымъ князь Воронцовъ, подалъ мнѣ руку, съ свойственной ему лаской и привѣтливостью обошелся со всѣми нами и впослѣдствіи часто, смѣясь, напоминалъ мнѣ о восторгѣ моемъ отъ полученной тогда раны. Послѣ перевязки посадили меня на лошадь, обвязавъ кускомъ бурки ногу, которую и укрѣпили на ремнѣ, привѣшенномъ къ луцѣ моего черкесскаго сѣдла, такъ какъ стремямъ я не могъ уже никакъ пользоваться. Я вскорѣ догналъ свиту князя и оставался при ней до вступленія въ Дарго. Главная колонна начала двигаться по очищенному пути; цѣпи вели довольно усиленную перестрѣлку въ оврагахъ съ непріятелемъ. Авангардъ быстро очищалъ встрѣчающіеся завалы, которыхъ до Дарго пришлось штурмовать болѣе 20-ти, и остановился только вечеромъ на

¹⁾ Амосовъ вскорѣ поправился и впослѣдствіи, въ чинѣ полковника, былъ адъютантомъ у генерала Лидерса. Это былъ чрезвычайно милый, веселый и острый собесѣдникъ, обладающій замѣчательнымъ даромъ импровизировать стихи. Я помню, какъ на одномъ прощальномъ обѣдѣ въ 1853 году, въ Одессѣ, даваемомъ отъѣзжавшему Дружинину, мы заказали Амосову, на голосъ тройки, стихи въ 6 куплетовъ и дали ему сроку 15 минутъ. Часы лежали на столѣ и онъ подарилъ насъ чрезвычайно милой и острой импровизаціей.

первой довольно большой полянѣ, у послѣдняго обрывистаго лѣснаго спуска къ долинѣ Аксая и Дарго.

Съ перевязочнаго пункта, ѣхавъ въ свитѣ князя Воронцова, я на пути имѣлъ случай видѣть вблизи дѣйствія горцевъ въ этой своеобразной войнѣ. Непріятельскія пули летали, несмотря на цѣпи, со всѣхъ сторонъ на проходящіе по дорогѣ войска и व्यюки. Въ этой, перерѣзанной оврагами, мѣстности, въ этомъ сплошномъ лѣсу, густо опушонномъ листьями, перевитыми व्यющимися растеніями, кустарниками, горцы по одиночкѣ, скрываясь въ ямахъ, кустахъ, между цѣпью и колонною, поражали насъ. Выстрѣлы раздавались какъ изъ земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ пули летѣли съ высоты деревьевъ въ нашихъ солдатъ: непріятель былъ невидимъ, но присутствіе его чувствовали повсюду. Отряду нашему, при такихъ условіяхъ, приходилось проходить по узкой горной тропинкѣ лѣсомъ отъ 4 до 5-ти верстъ, слѣдуя всю ночь, а главная колонна и аррьергардъ пришли въ Дарго, съ постоянною перестрѣлкою, только утромъ слѣдующаго дня.

Проѣзжая по дорогѣ, я увидѣлъ лежащаго раненнаго пріятеля своего, лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручика Владимира Врангеля. Онъ былъ прежде моимъ товарищемъ въ Кирасирскомъ полку, гдѣ я началъ службу, всѣ его очень любили за смѣлость и веселость. Какъ отличный стрѣлокъ, онъ на эту экспедицію былъ прикомандированъ къ кавказскому стрѣлковому баталіону, и въ описываемое время находился со своей ротой на позиціи. Пущенная снизу пуля разбила ему щиколку ноги, стрѣлки сутились около него, чтобы сдѣлать нѣчто въ родѣ носилокъ. Въ это время, покуда я разговаривалъ съ Врангелемъ, одинъ изъ стрѣлковъ упалъ, пораженный въ темя. Всѣ бросились смотрѣть на вершину вѣковаго чинара, подъ которымъ мы стояли, но рѣшительно, за густотою зелени, не могли высмотрѣть непріятеля. Черезъ нѣсколько минутъ другой выстрѣлъ опять ранилъ стрѣлка, и тутъ, по направленію дыма, солдатикъ, прислонившись къ стволу дерева, успѣлъ высмотрѣть на самой почти вершинѣ дерева, между вѣтками, горца. Мѣткій штуцерной выстрѣлъ — и къ общей радости, цѣпляясь за вѣтки, повалился посреди насъ едва дышашій, оборванный чеченецъ, котораго тутъ же доканали штыками. Такого рода приемы

непріятеля встрѣчались постоянно, при движеніи отрядовъ по лѣсамъ Ичкеріи въ лѣтнее время.

Почти стемнѣло и луна начинала показываться изъ-за высотъ противоположнаго берега Аксая. Я засталъ главнокомандующаго съ авангардомъ на полянѣ передъ обрывистымъ, весьма крутымъ, спускомъ въ Аксаю; далѣе на правомъ берегу этой рѣки видѣлся пылающій аулъ Дарго, сожженный, по приказанію Шамиля, при приближеніи нашихъ войскъ. Мы простояли болѣе часу на этомъ мѣстѣ, чтобы дать возможность стянуться разбросаннымъ по пути слѣдованія частямъ и обезпечить движеніе тяжестей и выюковъ по пройденной нами мѣстности. Картина была великолѣпная: вскорѣ луна ярко освѣтила всю мѣстность, передъ нами пылалъ Дарго—цѣль нашего похода. Но несмотря на впечатлѣнія, ощущаемыя при этой первой нашей удачѣ, на трудности, которыя мы преодолѣли,—сплошные лѣса, грозно чернѣющіе вдали, черезъ которые мы должны были проходить, еще невольно заставляли думать о той неизвѣстной будущности, которая ожидала насъ въ этомъ дикомъ, неизслѣдованномъ и почти недоступномъ краѣ. Самъ главнокомандующій, хотя не показывалъ этого, но впослѣдствіи говорилъ мнѣ, что тогда только онъ понялъ всю важность отвѣтственности и трудность предпріятія, навязаннаго ему Петербургской стратегіей. Князь могъ, по первому опыту при Дарго, оцѣнить также неуловимаго непріятеля, съ которымъ мы имѣли дѣло въ родныхъ ему лѣсахъ Ичкеріи. Можетъ быть въ эту минуту въ свѣтлой головѣ Воронцова и созрѣла мысль о будущей системѣ дѣйствія, которой онъ слѣдовалъ впослѣдствіи, и которая такъ способствовала окончательному покоренію Кавказа.

Авангардъ нашъ быстро двинулся по почти отвѣсному спуску въ Аксаю, для занятія пылающаго Дарго. Селеніе это оставлено было жителями, и только перестрѣлка съ удалявшимися на противоположный берегъ Аксая скопищами Шамиля свидѣтельствовала о присутствіи непріятеля. Вскорѣ главнокомандующій со всей своей свитой, подъ прикрытіемъ милиціи и незначительной части пѣхоты, послѣдовалъ за авангардомъ. Луна ярко освѣщала въ то время всю долину; когда мы слѣдовали по спуску, непріятельскія пули свистѣли около насъ и перелетали черезъ наши головы;

равенныхъ, кажется, не было, развѣ между милиціонерами. Я помню тутъ одно обстоятельство, которое врѣзалось въ памяти моей. Одинъ изъ крымскихъ татарскихъ офицеровъ, прибывшій на Кавказъ для стяжанія лавровъ, и одинъ штабъ-офицеръ изъ Одесскаго штаба князя, при этой незначительной перестрѣлкѣ, соскочили съ лошадей и подъ прикрытіемъ выюковъ скрывались отъ долетавшихъ пуль, полагая, что ночью трусость ихъ не будетъ замѣчена. Товарищъ мой, адъютантъ Глѣбовъ, съ которымъ я ѣхалъ рядомъ, возмущенный этимъ поступкомъ, бросился посреди выюковъ и страшнымъ образомъ билъ этихъ господъ нагайкой, умышленно называя ихъ именами конвойныхъ казаковъ князя, которыхъ онъ упрекалъ въ недостойной линейнаго казака трусости. Битые охотно приняли навязанную имъ роль и вскорѣ скрылись между выюками отъ побоевъ Глѣбова, никогда разумѣется не вспоминая объ этомъ обстоятельствѣ, которое очень потѣшило нашъ кружокъ.

Было около полночи, когда мы пришли въ Дарго; на уступѣ, выше селенія, на мѣстѣ, гдѣ мы расположились, была разбита какая то палатка заботами товарищей моихъ, въ которой меня положили, накормивъ чѣмъ попало. Я начиналъ уже страдать довольно сильно отъ раны, вслѣдствіе перенесеннаго утомленія въ теченіи почти сутокъ. Все то, что происходило во время стоянки нашей въ Дарго, я зналъ изъ рассказовъ товарищей и отчасти только видѣлъ, выползая изъ палатки въ теченіи дня. Дарго былъ занятъ авангардомъ, и только къ 8-ми часамъ утра 7-го числа стянулся весь отрядъ и аррьергардъ и расположился лагеремъ около главной квартиры. Такимъ образомъ заняли мы мѣстопробываніе Шамиля.

Въ этотъ, славный для русскаго оружія, день отрядъ, выступивъ изъ лагеря при Гогатлѣ въ 4 часа утра, пройдя около 20 верстъ по самой трудной, гористой, обрывистой и покрытой мрачнымъ лѣсомъ мѣстности, выдержавъ сряду около 8-ми часовъ упорнаго боя и преодолевъ почти невѣроятныя препятствія, опрокинулъ враговъ на всѣхъ пунктахъ и въ исполненіе воли Государя взялъ Дарго¹⁾. Мы здѣсь простояли отъ 6-го до 13-го іюля.

¹⁾ Мы потеряли въ этотъ день: 1 генерала, 1 штабъ и 2-хъ оберъ-офицеровъ, 24 нижнихъ чиновъ и 4 милиціонера убитыми; 9 штабъ и оберъ-офицеровъ, 98 нижнихъ чиновъ и 30 милиціонеровъ ранеными; контужено 32 человека.

Утромъ 7-го числа довольно сильная колонна кавалеріи и и цѣхоты ¹⁾, подѣ начальствомъ командующаго дивизіей генерала Лабинцева, была переправлена черезъ Аксай, чтобы сбить непріятеля съ высотъ лѣваго берега, гдѣ Шамиль, занявъ довольно сильную позицію у ауловъ Цонтери и Белготай, тревожилъ насъ своими скопищами и стрѣлялъ въ лагерь изъ трехъ или четырехъ имѣющихся у него орудій. Изъ палатки моей мнѣ ясно видно было столь интересующее меня движеніе колоннъ нашихъ. Мѣстность, занимаемая непріателемъ, была перерыта оврагами, частью покрытыхъ лѣсомъ, и самые аулы составляли довольно крѣпкую позицію, особенно кладбище аула Цонтери.

Пѣхота наша быстро и смѣло выбивала штыками упорно защищавшагося непріятеля, артиллерія дѣйствовала отлично мѣткимъ огнемъ своимъ. Кавалерія же ловко преслѣдовала непріятеля, какъ только тому представлялась возможность, въ открытыхъ мѣстахъ. Бой былъ вообще упорный, но потеря наша не была значительна, несмотря на то, что при отступленіи мы не могли отдѣлать особаго отряда для занятія высотъ лѣваго берега ²⁾. Здѣсь, какъ всегда въ войнѣ съ горцами, приходилось отступать шагъ за шагомъ эшелонами и перекатными цѣпами, выдерживая атаки непріятеля. Тутъ погибъ, къ сожалѣнію всѣхъ, во главѣ своего баталіона достойный полковникъ Апшеронскаго полка Познанскій, всѣми уважаемый кавказскій офицеръ. Наконецъ, колонна наша передъ сумерками возвратилась въ лагерь, а непріятель, хотя и занялъ прежнія мѣста, но болѣе насъ серьезно не тревожилъ. Шамиль постоянно находился при своихъ скопищахъ, наблюдая за тѣмъ, что у насъ дѣлалось въ Дарго.

Все дѣло 7-го числа подѣ Белготаемъ и Цонтери ясно видно было изъ нашего лагеря. Князь Воронцовъ могъ оцѣнить всѣ труд-

¹⁾ 1-й бат. Люблинскаго егерскаго полка, 2-й бат. Замостскаго егерскаго полка, 3-й бат. Апшеронскаго пѣхотнаго полка, 3-й и 4-й бат. Навагинскаго пѣхотнаго полка, двѣ роты Курянскаго полка, рота 5-го Сапернаго баталіона, двѣ роты Кавказскаго стрѣлк. бат. (Эти 3 роты составляли сводный баталіонъ), 4 сотни линейныхъ казаковъ, 2 сотни грузинской конной милиціи, 6 горныхъ орудій.

²⁾ Мы потеряли убитыми: штабъ и оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 28; большею частью легко ранеными: штабъ и оберъ-офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 178.

ности дѣйствія, особенно при отступленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ и не отдать полной справедливости распорядительности столь опытнаго въ Кавказской войнѣ генерала Лабинцева.

Покуда происходилъ бой подъ Белготаемъ, въ самомъ селеніи Дарго происходила другая, весьма тяжелая, церемонія. Какъ выше сказано, Шамиль предалъ пламени все селеніе, свой двухъэтажный деревянный домъ, свой арсеналь, мечеть и всѣ другія постройки, въ томъ числѣ и тюрьмы, если можно таковыми назвать сырые, душные, подвалы или ямы подъ саклями, въ коихъ содержались преступники и плѣнные. Въ числѣ послѣднихъ находилось, кажется, 12 или 13 нашихъ офицеровъ, одновременно плѣнныхъ, особенно въ 1843 году, при несчастныхъ событіяхъ въ Аваріи. Вся артиллерія, боевые снаряды и припасы Шамиля, которыми онъ теперь громилъ насъ, были его трофеями и добычей 1843 года, гдѣ слабые наши гарнизоны и ничтожныя укрѣпленія—башни, сложенные изъ глины и камня, всѣ были уничтожены Шамилемъ, вслѣдствіе отсутствія всякой системы въ военныхъ дѣйствіяхъ въ то время и непредусмотрительности начальства.

Несчастные плѣнные офицеры наши, доставшіеся непріятелю, большею частью раненные въ Аваріи, около двухъ лѣтъ томились въ оковахъ, подвергаемые самому безчеловѣчному и дикому съ ними обращенію. Горцы поддерживали ихъ жалкое существованіе только въ надеждѣ получить за нихъ значительный выкупъ; когда же войска наши показались 6-го іюля на высотахъ Регеля, для движенія въ Дарго, то разъяренный Шамиль вывелъ изъ ямъ плѣнныхъ и отдалъ ихъ на истязаніе народу. Трупы истерзанныхъ мучениковъ нашли въ развалинахъ пылающаго Дарго, и собранныя войска, послѣ благодарственнаго молебствія, похоронили въ одной ямѣ прежнихъ боевыхъ товарищей своихъ, и отслужена была панихида надъ убитыми.

Это звѣрское распоряженіе страшно возбудило всѣхъ противъ Шамиля; князь Воронцовъ никогда не могъ простить ему этого дикаго поступка, вспоминалъ о немъ съ ожесточеніемъ и омерзеніемъ и никогда не соглашался войти въ какія бы то ни было прямыя сношенія съ Шамилемъ послѣ этого обстоятельства, несмотря на всѣ попытки и предложенія съ этою цѣлью.

Во время стоянки въ Дарго намъ, раненнымъ, дѣлалась довольно правильная перевязка. Нога моя была совершенно сведена, боль была довольно сильная, но сносная, и ходъ раны былъ вообще благопріятный.

Не могу навѣрное сказать, было ли предположеніе серьезное, но въ лагерѣ распространился слухъ, что въ Дарго намѣрены воздвигнуть грозное укрѣпленіе, въ самомъ центрѣ непріятельской страны. Полковые плотники заготовляли рогатки, палисады и прочее. Старые кавказцы, помню, очень нацъ этимъ смѣялись, не допуская возможности гарнизону держаться въ этой мѣстности безъ обезпеченнаго пути сообщенія съ нашими операціонными линіями. Пройденный нами путь по Дагестану съ октября мѣсяца дѣлался уже недоступнымъ, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ и суровости зимы. Доступъ же изъ Дарго на Кавказскія линіи къ Грозной или къ Кумыцкой плоскости, къ укрѣпленію Герзель-ауль, не былъ обезпеченъ никакими просѣками чрезъ неприступные лѣса Ичкеріи. Никто не допускалъ мысли, чтобы декоративныя наши приготовленія рогатокъ могли хоть на минуту обмануть прозорливаго нашего врага. Всѣ ожидали, для разрѣшенія сомнѣнія о будущихъ дѣйствіяхъ, прибытія огромнаго. вьючнаго транспорта съ провіантомъ и сухарями, отправленнаго къ нашему отряду изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Наконецъ, съ разсвѣтомъ 10-го іюля показалась на голомъ перевалѣ Регель колонна съ транспортомъ. Здѣсь предстоитъ рассказать о неудачѣ или, лучше сказать, катастрофѣ, постигшей этотъ отрядъ въ бояхъ 10-го и 11-го іюля, извѣстной подъ названіемъ сухарной экспедиціи.

Сильная колонна, подъ начальствомъ генерала Клюки-фонъ-Клугенау, была отправлена изъ Дарго на встрѣчу транспорта, по пройденному нами 6-го числа пути. Генералу Клугенау были назначены въ помощь генералъ Викторовъ и Пассекъ; отрядъ состоялъ изъ 6-ти баталіоновъ, 4-хъ горныхъ орудій и командъ казаковъ и милиціи. Едва хвостъ колонны, послѣ перваго подъема, скрылся въ лѣсу, какъ послышались первые выстрѣлы, затѣмъ грохотъ орудій, и все усиливающаяся, нескончаемая перестрѣлка отправленной колонны не умолкала до самой ночи. Всѣ мы находились въ тревожномъ ожиданіи извѣстій, чувствуя недоброе. Старые кав-

казскіе офицеры и солдаты предсказывали еще болѣе упорный бой на другой день, когда двинется транспортъ, и предвѣщали пагубный исходъ. Сильно замирало сердце при мысли о товарищахъ и друзьяхъ, участвующихъ въ этой рѣзнѣ. Дѣло въ томъ, что Клугенау, вступивъ въ лѣсъ, нашелъ всѣ разбросанные нами завалы еще въ большемъ числѣ восстановленными и усиленными боковыми завалами, откуда непріятель поражалъ насъ перекрестнымъ огнемъ. Весь лѣсъ былъ занятъ отчаяннымъ непріятелемъ, подкрѣпленнымъ партіями, прибывшими изъ Чечни. Каждый шагъ нужно было прокладывать штыками, непріятель насѣдалъ со всѣхъ сторонъ, перерѣзывая наши колонны, дѣйствуя кинжалами на наши цѣпи, бросаясь въ пашки на орудія и постоянно отрѣзая всякое сообщеніе частей между собой. Съ наступленіемъ же сумерекъ часть колонны уже пробилась на соединеніе съ транспортомъ, усявъ весь путь трупами нашихъ храбрыхъ солдатъ, потерявъ при этомъ 3 горныхъ орудія, завязшихъ въ грязи и, по истребленіи прикрытія горцами, сброшенныхъ въ кручу ¹⁾. (Съ утра 10-го числа, въ продолженіе двухъ дней, лилъ непрерывный дождь, растворившій землю и испортившій окончательно путь). Тогда арьергарду пришлось въ темнотѣ ночи выдерживать самый сильный рукопашный бой съ горцами. Но храбрые кабардинцы стойко исполняли свое дѣло, прикрывая колонны и удерживая на штыкахъ непріятеля, и около 11-ти часовъ ночи присоединились къ прочимъ войскамъ. Кромѣ многихъ достойныхъ офицеровъ, въ этотъ день палъ генераль-маіоръ Викторъ и былъ раненъ командиръ 2-го баталіона Кабардинскаго полка, извѣстный полковникъ Ранжевскій, обожаемый солдатами.

Соединившіяся колонны употребили всю ночь съ 10-го на 11-е число на приведеніе въ порядокъ разстроенныхъ боемъ частей, на отправленіе уцѣлѣвшихъ раненныхъ въ Андію съ обратной колонною, доставившею транспортъ, на раздачу провіанта войскамъ и распоряженія къ обратному слѣдованію въ Дарго. Непріятель,

¹⁾ При этомъ рассказывали о подвигѣ артиллерійскаго юнкера Баумгартена: уцѣлѣвъ почти одинъ изъ всей прислуги горныхъ орудій, онъ не хотѣлъ разстаться съ ввѣренной ему пушкой и, когда чеченцы завладѣли орудіемъ, то онъ бросился на него, обхватилъ руками и былъ въ мелкіе куски изрубленъ непріятелемъ.

между тѣмъ, не терялъ времени: въ эту ночь онъ еще сильнѣе укрѣпилъ и занялъ прежніе завалы, готовясь встрѣтить нашу колонну.

Когда войска съ транспортомъ, 11-го числа утромъ, подъ сильнымъ дождемъ, тронулись опять въ путь ¹⁾, то начался съ перваго же шага тотъ же усиленный бой. Движеніе еще болѣе было затруднено громаднымъ числомъ черводарскихъ व्यюковъ; убитыя лошади по узкой тропинкѣ, пролегающей почти все время по лѣсистому гребню, вмѣстѣ съ ранеными и убитыми солдатами, составляли новыя преграды къ движенію. Говорятъ, что буквально приходилось по колѣна въ крови и грязи перелѣзать черезъ трупы людей и лошадей. Всякое правильное распоряженіе дѣлалось невозможнымъ, воцарился общій безпорядокъ: масса черводаровъ (наемные погопщики изъ персіянъ при транспортѣ), армяне, маркитанты со всѣмъ ихъ скарбомъ, милиціонеры—все это въ ужасѣ и смятеніи смѣшалось съ войсками; многихъ изъ нихъ, говорятъ, солдаты въ досадѣ кололи. Покуда авангардъ выбивалъ изъ заваловъ непріятеля, горцы разъединяли нестройныя колонны обоза, бросаясь въ кинжалы и пашки и грабя व्यюки. Между тѣмъ аррьергардъ безмолвно ожидалъ, на позиціи, своей кровавой очереди.

При взятіи первыхъ заваловъ палъ извѣстный всему Кавказу генералъ Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, а въ аррьергардѣ—полковникъ Ранжевскій. Говорятъ, что смертельно раненный двумя пулями, онъ велѣлъ кабардинцамъ поднять себя на носилкахъ и продолжалъ распоряжаться, покуда не испустилъ духъ.

Старые кавказскіе солдаты и офицеры раздражены были до крайности этимъ страшнымъ безпорядкомъ, но ожесточеніе ихъ дошло до послѣднихъ предѣловъ, когда, входя дальше въ лѣсъ, они увидѣли изувѣреки изуродованные трупы товарищей, павшихъ на-

¹⁾ Порядокъ этого обратнаго марша былъ слѣдующій: въ авангардѣ, подъ начальствомъ генерала Пассека, баталіоны Люблинскій и Навагинскій, рота саперъ, часть Грузинской милиціи и два горныя орудія; въ правой цѣпи: три роты Куринскаго полка; въ лѣвой: баталіонъ, составленный изъ ротъ Литовскаго и Замостскаго Егерскихъ полковъ; въ аррьергардѣ, подъ начальствомъ полковника Ранжевскаго, командовавшаго, несмотря на полученную имъ наканунѣ рану: баталіонъ Кабардинскаго полка, 2 роты Апшеронскаго и рота саперъ. Стрѣлки были распределены по всему протяженію правой и лѣвой цѣпи.

канунѣ, развѣшанные по всѣмъ деревьямъ проходимаго ими пути. Бой или, лучше сказать, рѣзня, при общемъ безпорядкѣ, начавшаяся въ 8 часовъ утра 11-го числа, не прекращалась почти до слѣдующаго дня. Нельзя, по словамъ очевидцевъ, описать всѣхъ ужасовъ, испытанныхъ въ продолженіе этихъ двухъ дней, гдѣ геройское мужество нашихъ солдатъ и офицеровъ было безсильно противъ такъ несчастно сложившихся обстоятельствъ, и гдѣ всякое распоряженіе начальника дѣлалось невозможнымъ при описанной обстановкѣ.

Можно себѣ представить все то, что мы испытывали въ лагерѣ при Дарго. Ясно долеталъ до насъ гулъ каждаго выстрѣла, но кровавая драма, разыгрывавшаяся въ продолженіе двухъ дней, была скрыта отъ насъ непроницаемостью вѣковыхъ лѣсовъ Чечни. Всякій понималъ катастрофу и не находилъ возможности спасти отъ гибели дорогихъ товарищей. Въ продолженіе 11-го числа, покуда кипѣлъ бой въ нашей колоннѣ, съ утра начали приползати къ намъ раненные солдаты и нѣсколько офицеровъ, брошенныхъ въ лѣсу 10-го числа и уцѣлѣвшихъ отъ чеченцевъ. Они сообщили въ отрядѣ всѣ ужасы, которыхъ были свидѣтелями; нѣкоторые изъ нихъ страшно были изувѣчены и непонятно, какъ еще были живы. Я видѣлъ одного солдата, котораго притащили къ моей палаткѣ: онъ рассказывалъ, что когда 10-го числа прошелъ нашъ отрядъ, то, празднуя побѣду, весь вечеръ и ночь горцы съ крикомъ и пѣснями доканчивали и мучили нашихъ раненныхъ. Самъ онъ, скатившись въ оврагъ и увидя двухъ подходящихъ горцевъ, притворился мертвымъ; горцы, желая въ томъ удостовѣриться, нанесли ему еще нѣсколько ранъ шашками. Онъ имѣлъ достаточно присутствія духа, чтобы не измѣнить себѣ, и когда они его оставили, то, истекая кровью, онъ болѣе полусутокъ употребилъ, чтобы проползти пять верстъ, отдѣлявшихъ его отъ нашего отряда.

Что долженъ былъ выстрадать князь Воронцовъ, получая подобныя свѣдѣнія? Наконецъ, онъ рѣшился составить колонну ¹⁾ изъ свѣжихъ войскъ и отправить изъ нашего лагеря на первую поляну въ лѣсу, на встрѣчу и вырубку товарищей. Когда несчаст-

¹⁾ Двѣ роты пѣхоты, подъ начальствомъ генерала Лидерса, и одну роту и часть конницы, подъ начальствомъ генерала Гурко.

ные остатки транспорта и колонны стянулись къ полянѣ, то свѣжія войска смѣнили арьергардъ и, наконецъ, только 12-го числа къ утру всѣ собрались въ лагерѣ. Авангардъ пришелъ еще 11-го вечеромъ. Съ нимъ явился въ лагерь участвовавшій въ сухарной экспедиціи и находившійся при Клугенау адъютантъ князя Паскевича, ротмистръ Николай Беклемишевъ; онъ первый сообщил главнокомандующему подробно и дѣльно о всемъ происходившемъ. Я очень друженъ былъ съ Беклемишевымъ и прямо отъ Воронцова онъ забѣжалъ навѣстить меня, и я почти со словъ его составляю настоящій разсказъ. Беклемишевъ въ эти дни своею храбростью и распорядительностью, самовольно принимая начальство надъ разстроенными частями, лишившимися своихъ начальниковъ, заслужилъ общее уваженіе всѣхъ видѣвшихъ его въ этомъ дѣлѣ. Я никогда не забуду того вида, въ которомъ явился ко мнѣ Беклемишевъ: онъ былъ совершенно безъ голоса, сюртукъ его и фуражка, пробитые нѣсколькими пулями, кромѣ того, были разорваны въ клочки колючками въ лѣсу и покрыты, равно какъ и лицо и руки, запекшеюся кровью. На немъ были широкія шаровары верблюжьяго пуха и положительно выше колѣнъ они были покрыты кровью. Онъ мнѣ сказалъ, что это, вѣроятно, случилось, когда онъ перелѣзалъ черезъ цѣлые завалы убитыхъ и раненыхъ, загородившихъ дорогу. Беклемишевъ, какъ всѣ истинно храбрые люди, при хладнокровіи своемъ, отличался замѣчательною скромностью: онъ ничего не говорилъ про себя и только впослѣдствіи, по возвращеніи колонны, мы узнали о подвигахъ его самоотверженія въ этомъ дѣлѣ ¹⁾).

Несчастный исходъ такъ называемой сухарной экспедиціи ясно обрисовалъ все затруднительное наше положеніе въ Дарго. Мысль о страшныхъ препятствіяхъ лѣсистой, овражной мѣстности, которою предстояло отряду пройти черезъ Ичкерію до нашей границы, справедливо внушала самыя серьезныя опасенія всѣмъ, испытаннымъ въ Кавказской войнѣ. Отрѣзаннымъ отъ всѣхъ нашихъ сообщеній, намъ немислимо было оставаться въ Дарго; недостатокъ провіанта, громадное количество раненыхъ съ каждымъ

¹⁾ Потеря наша въ эти два дня состояла убитыми: 2 генерала, 3 штаб-офицера, 14 оберъ-офицеровъ и 537 нижнихъ чиновъ; ранеными: 32 оберъ-офицера и 738 нижнихъ чиновъ. 3 горныхъ орудія потеряны.

днемъ должны было ухудшать и безъ того отчаянное положеніе отряда, окруженнаго со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, воодушевленнымъ недавними успѣхами своими. Здѣсь впервые предстояло новому главнокомандующему принять энергическое рѣшеніе и спасти отрядъ; здѣсь же проявился тотъ опытный взглядъ князя Воронцова въ военномъ дѣлѣ, то личное самоотверженіе въ эти трудныя минуты, которые, заставивъ замолкнуть прежнихъ недоброжелателей его, пріобрѣли ему навсегда на Кавказѣ столь заслуженное довѣріе къ его личнымъ качествамъ и военнымъ способностямъ.

12-го числа было сдѣлано распоряженіе, чтобы въ выступленію на слѣдующій день остатки имѣющагося провіанта были распредѣлены поровну по частямъ, и чтобы всѣ излишнія тяжести, выюки съ офицерскимъ имуществомъ и всѣ палатки лагеря въ ночь же были сожжены. Затѣмъ всѣ освободившіяся такимъ образомъ выючныя лошади обращены были для перевозки раненыхъ; однимъ словомъ, отрядъ долженъ былъ выступить совершенно на легкахъ, солдаты съ остаткомъ провіанта въ своихъ мѣшкахъ, а офицеры съ тѣмъ, что имѣли на себѣ и могли помѣстить на верховой своей лошади. Часть кавалеріи была также спѣшена и лошади отданы подъ раненыхъ. Князь Воронцовъ самъ показалъ примѣръ, приказавъ сжечь все его имущество, оставивъ себѣ одну койку и солдатскую палатку. Кавказцамъ подобные случаи были не новостью и никого не удивили, да въ сущности мало что и было сжигать. Но всѣхъ тѣшило auto-da-fé имущества пріѣзжихъ, особенно Петербургскихъ военныхъ дилетантовъ. Солдаты и офицеры не мало смѣялись, видя, какъ сжигалось имущество принца Гессенскаго, особенно же серебро и прочія затѣи князя Барятинскаго, которыми онъ такъ щеголялъ до того времени. Метръ д'отели, камердинеры, повара—все это очутилось пѣшкомъ, въ оборванныхъ черкескахъ, объятые страхомъ, при совершенно новой для нихъ обстановкѣ, подверженные, съ одной стороны, во все время движенія нашего, непріятельскимъ выстрѣламъ, а съ другой стороны—щедрымъ ударамъ нагаекъ казаковъ за производимые ими постоянно безпорядки въ маршевой колоннѣ.

Одновременно съ этими распоряженіями черезъ лазутчиковъ дано было знать полковнику Бельгарду въ Андію, немедленно раз-

рушивъ укрѣпленіе, поспѣшно отступить, постепенно присоединяя къ себѣ гарнизоны, оставленные на промежуточныхъ пунктахъ въ Буцурѣ и Удачномъ, и такимъ образомъ со всѣми этими войсками слѣдовать черезъ укрѣпленіе Евгеніевское въ Шуру. Движеніе это совершилось благополучно, при незначительномъ сопротивленіи горцевъ, такъ какъ всѣ силы Шамиля сосредоточены были противъ главнаго отряда въ Дарго.

Независимо отъ этихъ распоряженій, вызваны были охотники отъ войскъ для доставленія въ Грозную генералу Фрейтагу свѣдѣнія о бѣдственномъ нашемъ положеніи, съ тѣмъ, чтобы онъ поспѣшилъ къ намъ на выручку со свѣжими войсками. Около 11-ти человекъ, съ записками одинаковаго содержанія, отправлены были изъ нашего лагеря къ Фрейтагу; имъ предстояло пробиться сквозь непріятельскія толпы и слѣдовать Ичкеринскими лѣсами по совершенно неизвѣстной и неизслѣдованной мѣстности къ передовымъ пунктамъ нашей линіи. Замѣчательно, что никто изъ отважившихся на этотъ подвигъ самоотверженія не поплатился жизнью за свою удачу, ежеминутно подвергая себя опасности, при неимоверныхъ лишеніяхъ. Слѣдуя разными путями, всѣ наши лазутчики благополучно достигли своей цѣли, но первый, доставившій Фрейтагу вѣсть о нашемъ безвыходномъ положеніи, былъ раненый юнкеръ Кабардинскаго полка Длотовскій ¹⁾, за этотъ подвигъ, удостоенный впоследствии главнокомандующимъ солдатскаго Георгіевскаго креста и производства въ прапорщики.

Наконецъ, 13-го числа съ разсвѣтомъ, всѣ сборы были кончены и отрядъ нашъ ²⁾ тронулся изъ Дарго. Нельзя сказать, чтобы

¹⁾ Храбрый офицеръ, впоследствии полковникъ и командиръ Сунжинскаго Казачьяго полка.

²⁾ Порядокъ слѣдованія отряда: авангардъ подъ начальствомъ Бѣлявскаго: 3-й бат. Апшеронскаго пѣхотн. полка, 1-й бат. Люблинскаго Егерскаго полка, 5-й Саперный баталіонъ, 3 роты Кавказск. Стрѣлковаго баталіона, 4 орудія горной № 4 батареи.

Главные силы подъ командою генер. Кляуки-фонъ-Клугенау: 1-й бат. Литовскаго Егерскаго полка, 2-й бат. Замостскаго Егерскаго полка, 2 полевыхъ орудія легкой № 7 батареи, 2 горныхъ орудія горной № 3 батареи. При этой колоннѣ находились всѣ тяжести и раненые, подъ надзоромъ генерала Хрещатицкаго.

Аррьергардъ, подъ начальствомъ ген. Лабинцева: 1-й и 2-й бат. Кабардин-

настроение наше было веселое; предчувствие всѣхъ предстоявшихъ намъ испытаній невольно вкрадывалось въ мысли каждого. Видъ изувѣченныхъ раненыхъ нашихъ, съ трудомъ державшихся на лошадяхъ (нѣкоторые изъ нихъ были даже привязаны къ черво-дарскимъ вьючнымъ сѣдламъ), обезсиленные недавними потерями ряды нашихъ баталіоновъ — все это представляло картину далеко неуспокоительную. Но замѣчательно въ этомъ случаѣ проявился духъ кавказскаго войска: особаго унынія нигдѣ не было, какая-то серьезность замѣнила только обыкновенную веселость на лицахъ нашихъ солдатъ. Всякій понималъ, что только подвигами самоотверженія и соблюденіемъ порядка онъ могъ исполнить свой долгъ въ отношеніи къ порученнымъ попеченію отряда раненымъ товарищамъ и поддержать славу и преданія кавказскаго солдата.

12-го числа утромъ, въ послѣдній разъ до Герзель аула, сдѣлана была мнѣ перевязка раны; особенныхъ страданій я не чувствовалъ и лихорадочное состояніе совершенно прошло; но нога была окончательно сведена и даже оконечностями пальцевъ я не могъ доставать до земли. Меня посадили на лошадь и на ременной повязкѣ прикрѣпили ногу къ луку сѣдла. При выступленіи я присоединился къ свитѣ Воронцова и во всѣ послѣдующіе дни, какъ совершенно свободный отъ служебныхъ обязанностей, то ѣздилъ со штабомъ, то присоединялся къ авангарду или арьергарду и различнымъ частямъ отряда и, такимъ образомъ, могъ быть свидѣтелемъ многихъ отдѣльныхъ дѣйствій и эпизодовъ тяжелыхъ послѣдующихъ дней. Князь Воронцовъ передъ выступленіемъ, съ обычнымъ ему спокойствіемъ и неизмѣнною улыбкою, объѣхалъ войска, поздоровавшись съ ними, и мы тронулись въ 4 часа утра, на самомъ разсвѣтѣ, къ переправѣ на лѣвый берегъ Аксаа. Это было первое и весьма серьезное препятствіе, но намъ удалось пройти его благополучно, такъ какъ непріятель,

скаго полка, 2 горныхъ орудія горной № 3 батареи. Всѣ конные казаки, подъ командою полковника Витовскаго.

Правая цѣпь, подъ начальствомъ командира Навагинскаго полка, полковника Бибикова: 3-й и 4-й баталіоны того же полка, Гурийская милиція, Тифлисская дружина пѣшей Грузинской милиціи.

Лѣвая цѣпь, подъ командою полковника Медлера-Закомельскаго: сводный баталіонъ Куринскаго полка, Гурийская дружина пѣшей грузинской милиціи.

не ожидая столь ранняго выступленія нашего, не успѣлъ еще занять высоты лѣваго берега. Довольно сильная перестрѣлка завязалась только въ арьергардѣ: непріятель, по отступленіи нашемъ, занявъ Дарго, съ ожесточеніемъ бросился на арьергардъ при переправѣ, но удачныя выстрѣлы нашей батареи съ противоположнаго берега остановили его попытки. Когда стянулся весь отрядъ на лѣвомъ берегу Аксая, мы тронулись по направленію къ селенію Цонтери, по довольно ровной мѣстности, гдѣ лѣса раздѣлялись довольно обширными полянами. Цѣпи наши и особенно арьергардъ выдерживали усиленную перестрѣлку съ насѣдавшими на нихъ горцами, окружавшими со всѣхъ сторонъ нашъ отрядъ.

Не доходя Цонтери, намъ предстояло перейти черезъ глубокій и лѣсистый оврагъ; авангардъ успѣлъ довольно удачно перебѣжать оный и занять противоположный открытый берегъ. Но когда цѣпи заняли оврагъ и тронулась вся колонна, скрывшись въ лѣсу, то непріятель открылъ довольно сильный картечный огонь изъ 3-хъ орудій, расположенныхъ влѣво отъ дороги и обстрѣливающихъ продольно весь лѣсъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось тогда быть подъ картечнымъ огнемъ, и странное, помню, произвело это на меня впечатлѣніе: картечь, ударяясь по деревьямъ, ломая сучья и вѣтки, производила шумъ совершенно подобный большой стаѣ птицъ, пролетающихъ надъ головами и размахивающихъ крыльями. Колонна безъ большихъ потерь перешла это препятствіе; наши батареи скоро заставили замолчать непріятельскія орудія, но зато вѣрному нашему арьергарду, состоящему изъ славныхъ нашихъ кабардинцевъ, съ такими начальниками, какъ Лабинцевъ и Козловскій во главѣ, пришлось вынести на штыкахъ весь напоръ горцевъ. Какъ только арьергардъ спустился въ оврагъ, непріятель бросился въ пашки и кинжалы, и кабардинцы, отступая шагъ за шагомъ перекатными цѣпами и засадами, могли только при своей стойкости совершить это опасное движеніе въ полномъ стройномъ порядкѣ и, относительно, съ умѣренной потерей ¹⁾.

¹⁾ Въ этотъ день мы потеряли убитыми: 1 оберъ-офицера и 5 нижнихъ чинъ; ранеными: 1 штабъ и 4 оберъ-офицера и 62 нижнихъ чинъ; контуженными: 1 штабъ-офицера и 4 нижнихъ чинъ. Потеря была почти незначительна въ 1 батал. Кабардинскаго полка и въ 5 саперномъ баталіонѣ.

Весь отрядъ расположился на ночлегъ у аула Цонтери. Шамиль съ окружающихъ высотъ со всѣми своими скопищами наблюдалъ за нами и въ эту ночь мало тревожилъ насъ. Главнокомандующій избралъ позицію Цонтери, хотя она насъ и удаляла отъ прямого пути нашего къ Герзель-аулу, съ цѣлью обмануть непріятеля относительно дальнѣйшаго движенія нашего. Изъ Цонтери мы имѣли на линіи самую ближайшую и прямую дорогу на селеніе Маюртукъ въ большой Чечнѣ, а оттуда въ Грозное. Путь этотъ совершенно былъ неизвѣстенъ до Маюртука; по словамъ лазутчиковъ, дорога, если можно только назвать таковою лѣсные проходы черныхъ горъ Ичкеріи, пролегала черезъ сплошной лѣсъ и представляла на отрогахъ горъ, черезъ которые надо было бы переходить, трудности въ родѣ тѣхъ, которыя мы испытали при спускѣ въ Дарго. Кромѣ того Шамиль со своими скопищами и вооруженное населеніе всей Чечни ожидали насъ въ этой неприступной мѣстности. Вѣроятно же всего, что весь отрядъ погибъ бы, еслибы мы рѣшились идти этимъ путемъ. Другой путь шелъ къ укрѣпленію Герзель-ауль на Кумыцкой плоскости, по лѣвому берегу Аксаю. Здѣсь главнымъ препятствіемъ служили лѣсистые овраги, спускающіеся съ черныхъ горъ къ Аксаю, но зато мѣстность эта, какъ довольно населенная, представляла, между оврагами и по скату рѣки, довольно большія поляны и чистыя пространства обработанныхъ полей. Справа отъ насъ рѣка Аксай, хотя отчасти, но все-таки служила намъ нѣкоторымъ прикрытіемъ отъ непріятеля съ этой стороны; зато слѣва отъ нашего пути высилась цѣлая цѣпь покрытыхъ лѣсомъ горъ, представляющихъ непріятелю вѣрную защиту.

Часть этого хребта отъ селенія Шуани до Герзель-аула была хорошо извѣстна нашимъ войскамъ, вслѣдствіе несчастнаго Ичкеринскаго похода, подъ начальствомъ генерала Граббе въ 1842 году. Храбрый отрядъ нашъ, съ неимовѣрными лишеніями, безъ воды, пройдя по хребту да селенія Шуани, былъ окруженъ непріятелемъ и долженъ былъ отъ этого мѣста, съ огромными потерями, тѣмъ же путемъ возвратиться въ укрѣпленіе Герзель-ауль, сохранивъ честь русскаго оружія. Слѣдуя по долинѣ Аксаю, черезъ оставленные жителями аулы, мы во всякомъ случаѣ знали, что не будемъ

лишены воды. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, главнокомандующій избралъ послѣдній путь, но, весьма естественно, держалъ въ совершенной тайнѣ свои предположенія, распуская, напротивъ, слухъ, что мы идемъ на Маюртукъ. Эти слухи и ввели въ заблужденіе Шамиля, который за ночь сосредоточилъ всѣ свои силы по предполагаемому имъ слѣдованію нашего отряда.

Въ этотъ первый день нашего движенія, долженствовавшій быть предвѣстникомъ послѣдующихъ кровавыхъ испытаній нашихъ, въ виду всего отряда подтвердилъ свою боевую репутацію и внушаемое кавказцамъ къ его имени довѣріе генераль-маіоръ Иванъ Михайловичъ Лабинцевъ, командуя въ этотъ день арьергардомъ съ боевыми своими товарищами кабардинцами. Онъ совершилъ примѣрное отступление безъ особой потери, благодаря своей опытности пользоваться мѣстностью и знаніемъ характера непріятеля. Арьергардъ, отступая, пользуясь всякимъ удобнымъ мѣстомъ для засадъ, постоянно удерживалъ и поражалъ непріятеля, при попыткахъ его переходить въ наступленіе. Можно сказать, что Лабинцевъ въ этотъ день, какъ и въ послѣдующіе, до Герзель-аула, на своихъ плечахъ вынесъ и оградилъ нашъ отрядъ отъ уничтоженія разъяренными успѣхомъ горцами. Я помню, что съ этого дня достойный цѣнитель воинскихъ доблестей князь Воронцовъ вполне призналъ заслуги Лабинцева, не теоретика, а практика, выработаннаго Кавказской войной.

ГЛАВА VI.

Маршъ и бой 14-го іюля.—Взятіе аула Урдали.—Графъ Стейнбокъ.—Штурмъ заваловъ.—Графъ Бенкендорфъ.—Шепингъ.—Альбрандъ.—Авангардное дѣло.—Бѣлявскій.—Лидеръ.—Графъ Гейдѣнъ.—Нападеніе на главнокомандующаго.—Смерть Лонгинова.—Ночлегъ въ Иссаюртѣ.—Движеніе отряда 15-го іюля.—Аллерой.—Маршъ и бой 16-го іюля.—Ямвель.—Глѣбовъ.—Васильчиковъ.—Форсалесъ.—Занятіе Шаухаль-Берды.—Отдыхъ 17-го и 18-го числа.—Князь Воронцовъ и Лабинцевъ.—Прибытіе 19-го іюля отряда Фрейтага и соединеніе съ нимъ.—Ночлегъ въ Миснитѣ.—Вступленіе 20-го іюля въ Герзель-ауль.—Командантъ Ктиторовъ.—Лазаретъ.—Подковникъ Семеновъ.—Экзекуція мародеровъ.—Дружининъ.—Отправленіе транспорта раненыхъ въ Червленую.—Пятигорскъ.

14-го числа съ разсвѣтомъ тронулись мы внизъ по долині Ахсай, по направленію къ Шуани, и непріятелю ясно тогда обо-

значился путь нашего будущаго слѣдованія. Шамиль, со всѣми своими скопищами, быстро двинулся съ Маюртукскаго направленія наперерѣзъ нашему пути слѣдованія и успѣлъ, до прибытія нашего отряда, съ достаточными силами занять позицію у Урдали. До перехода къ этому селенію въ цѣпяхъ нашихъ производилась усиленная перестрѣлка и, къ общему сожалѣнію, равенъ былъ, съ раздробленіемъ голени, нашъ общій другъ, достойный полковникъ графъ Стейнбокъ, временно командовавшій въ то время баталіономъ Апшеронскаго полка ¹⁾. Всѣ послѣдующіе дни, при движеніи нашемъ, каждый часъ, каждая почти минута должны были лишать насъ кого-нибудь изъ близкихъ и дорогихъ намъ товарищей.

Наконецъ, слѣдуя по возвышенному плато, мы начали спускаться къ аулу Урдали, только что преданнаго пламени по приказанію Шамиля.

Весь отрядъ, переходя лѣсистый оврагъ, былъ подверженъ продольнымъ картечнымъ выстрѣламъ непріятельской батареи, расположенной влѣво отъ пути нашего слѣдованія. Потери въ людяхъ

¹⁾ Старый кавказецъ, Стейнбокъ въ прежнее время командовалъ Гребенскимъ казачьимъ полкомъ. Какъ характеристику тѣхъ временъ, упомяну объ одномъ извѣстномъ событіи. Разссорившись (послѣ ужина) по какимъ-то пустячнымъ дѣламъ съ Пулло, командиромъ Курипскаго полка, расположеннаго въ то время въ Грозной, Стейнбокъ вызвалъ по тревогѣ весь свой полкъ съ артиллеріей и переправился черезъ Терекъ, угрожая Пулло, который съ своей стороны принялъ мѣры къ оборонѣ въ Грозной. Къ счастью, все это дѣло было улажено медиаторами, остановившими войска Стейнбока у селенія старый Юртъ. Все это казалось такъ естественно, что никого не поражало и считалось семейнымъ дѣломъ. Стейнбокъ былъ чрезвычайно умыный, образованный, добрый и милый человекъ, лихой товарищъ и съ большимъ военнымъ духомъ, но, какъ вѣнецъ, часто увлекающійся своимъ сантиментальнымъ направленіемъ. Я помню, какъ лежалъ рядомъ съ нимъ, раненнымъ въ садахъ Шаухалъ-берды, подъ выстрѣлами непріятельскихъ орудій, ожидая каждую минуту уничтоженія нашего слабаго отряда, томимые голодомъ и жаждой (мы сутки были безъ воды), когда намъ принесли первую баклажку воды и всѣ мы напились, Стейнбокъ, въ ужасныхъ страданіяхъ отъ неотнятой еще ноги, напившись воды, развеселилъ насъ всѣхъ словами: „enfin, mes amis, nous pouvons respirer! Mais quand ch...ons nous, c'est une question de l'avenir!“ Это достаточно характеризуетъ духъ этого добраго и милаго нашего товарища.

Онъ нѣсколько лѣтъ послѣ ампутаціи ноги въ Герзель-аулѣ еще жилъ на Кавказѣ, сохраняя тѣ же свои качества, и умеръ отъ чахотки въ Венеціи. Послѣ каждой консультаціи докторовъ, изслѣдовавшихъ состояніе оставшагося у него одного легкаго, онъ начерчивалъ (какъ отлично рисовавшій) на бумагѣ это легкое и расчитывалъ, сколько ему остается жить.

у насъ почти не было отъ этого огня. Наконецъ, когда мы вышли изъ оврага и выстроились за дымящимися развалинами аула, передъ нами обрисовалась непріятельская позиція; по покрытымъ густымъ лѣсомъ высотамъ пролегала единственная дорога или, скорѣе, тропинка, по которой предстояло намъ пройти до слѣдующаго селенія Илаюртъ, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Вправо и влѣво отъ упомянутой тропинки лѣсистыя высоты были заняты сбѣжавшимися партіями непріятеля и, по возможности, укрѣплены наскоро сдѣланными засѣками и завалами. Для дальнѣйшаго слѣдованія впередъ необходимо было овладѣть этими препятствіями. Съ этою цѣлью, для занятія лѣвыхъ высотъ, назначенъ былъ Куринскій баталіонъ и Карталинская милиція, подъ командою флигель-адъютанта, полковника, графа Бенкендорфа, этой рыцарской благородной личности, столь цѣнимою Воронцовымъ, которую никто изъ знавшихъ его близко никогда не забудетъ. Предположено было обогнуть и съ фланга взять непріятельскую позицію.

Спѣшу завести въ свои воспоминанія одинъ случай. Не имѣя опредѣленнаго назначенія, я, какъ выше сказано, ѣздилъ ко всѣмъ частямъ отряда съ своимъ тѣлохранителемъ, казакомъ горскаго Казачьяго полка, Павлодольской станицы, Густомясовымъ, который во все время похода берегъ меня, какъ родного. Въ то время, какъ колонна Бенкендорфа при мнѣ двигалась по назначенію, состоящій при князѣ Воронцовѣ молодой гражданскій чиновникъ баронъ А. П. Николаи, весьма дружный съ Бенкендорфомъ, подѣхалъ къ нему, чтобы пожать ему руку, лейбъ-гвардіи коннаго полка поручикъ Шеппингъ, другъ Бенкендорфа, шедшій съ его колонной, подошелъ къ Николаи и вынулъ изъ его кабуры двухствольный пистолетъ, говоря: „на что тебѣ, гражданскому, пистолетъ: дай мнѣ—пригодится“ и взялъ его въ дѣло. Этотъ-то пистолетъ, можетъ быть, и спасъ жизнь добраго Бенкендорфа, какъ будетъ видно впоследствии.

Колонна Бенкендорфа, углубившись въ чащу лѣса съ милиціонерами впереди, скоро сбилась съ должнаго направленія и, вмѣсто того, чтобы обойти съ праваго фланга непріятельскую позицію, очутилась, по выходѣ на первое чистое мѣсто, на ружейный выстрѣлъ передъ непріятельскимъ фронтомъ. Здѣсь почти всѣ

начальники мгновенно были ранены, начальникъ милиціи князь Захарій Эристовъ безъ чувствъ уже лежалъ впереди своей дружины, и вскорѣ палъ и Бенкендорфъ, пораженный пулей, раздробившей ему ключицу и плечо, — непріятельскій огонь со всѣхъ сторонъ поражалъ нашихъ храбрецовъ. Съ неимовѣрными усиліями, при содѣйствіи другихъ войскъ, наконецъ позиція была взята, и дорогіе наши раненные товарищи вынесены изъ огня въ чашу лѣса.

Покуда это происходило на лѣвомъ флангѣ нашего слѣдованія, для овладѣнія высотами правой стороны были направлены баталіоны Навагинскаго полка, которые замаялись въ виду предстоящаго штурма позиціи. Между тѣмъ, авангардъ съ Бѣлявскимъ двинулся въ лѣсъ, по дорогѣ. Тогда, сколько мнѣ кажется, чуть ли не по распоряженію Альбранда (не получившаго приказанія), изъ авангарда Люблинскаго полка баталіонъ былъ направленъ для завладѣнія правымъ заваломъ. Встрѣченные убійственнымъ огнемъ, люди на половинѣ горы остановились и продолжали кричать „ура“, лежа на землѣ и стрѣляя на воздухъ. Здѣсь мнѣ случилось видѣть прискорбную сцену. Подъѣхавъ къ подошвѣ высотъ, я увидѣлъ спускающагося съ горы полковника Л....., поддерживаемаго двумя горнистами. Подъѣхавъ къ нему, я спросилъ съ участіемъ: „куда вы ранены, полковникъ?“ На это онъ мнѣ отвѣтилъ: „я не раненъ, по у меня одышка, никакъ не могу подыматься на гору“. Съ тяжелымъ чувствомъ отвернулся я отъ этого господина. Въ это время скачетъ передо мной на бѣлой лошади дежурный штабъ-офицеръ нашего отряда, извѣстный Левъ Львовичъ Альбрандъ, восторженный и пылкій, какъ всегда. Подскакавши къ оробѣвшимъ войскамъ, онъ сказалъ: „не хотите идти впередъ, Люблинцы, такъ посмотрите, какъ честный солдатъ долженъ умирать за Царя“ и съ этимъ, ударивъ лошадь, вскочилъ по крутизнамъ къ самымъ непріятельскимъ заваламъ. Черезъ минуту и лошадь и онъ катились внизъ — лошадь убитая, а Альбрандъ съ разбитой рукой и плечомъ и имѣя весь сюртукъ и фуражку провисанными пулями отъ непріятельскаго залпа ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, воодушевленные имъ Люблинцы, поддер-

¹⁾ Считаю пужнымъ сказать, что знаю объ Альбрандѣ, какъ о выдающемся кавказскомъ типѣ и человѣкѣ. Начавъ службу въ гражданскомъ вѣдомствѣ, онъ

жанные впрочемъ Навагинцами, зашедшими во флангъ непріятелю, вскорѣ завладѣли завалами и очистили главному отряду эту преграду. Между тѣмъ авангардъ, подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго, въ самомъ ограниченномъ числѣ, не зная объ отдѣленіи Люблинскаго баталіона, быстро, съ пѣснями, двигался впередъ къ Аллерою. Штабъ же и обозъ съ своимъ прикрытіемъ и главная колонна стояли на мѣстѣ. Войска, занявшія вышеупомянутыя позиціи на правомъ и лѣвомъ нашемъ флангѣ, должны были составлять цѣпи при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи. Арьергардъ, подъ

страстно влюбленъ былъ, при восторженной своей натурѣ, въ одну дѣвицу, которая объявила, что никакъ не выйдетъ замужъ иначе, какъ за военнаго. Тогда Альбрандъ, еще гражданскимъ чиновникомъ при баронѣ Розенѣ, пошелъ охотникомъ въ 1831 году на штурмъ аула Гимры, послѣ чудесъ храбрости и неустрашимости, израненный и изувѣченный, онъ былъ найденъ въ числѣ считавшихся убитыми на уступѣ скалъ, окружавшихъ Гимры. Оправившись отъ ранъ, онъ просилъ о переименованіи въ военный чинъ, что и было исполнено. Не знаю, женился ли онъ или нѣтъ на предметѣ своей страсти; кажется, что женился, потому что его считали вдовцомъ въ 1845 году и сердце его имѣло новую и сильную привязанность въ Петербургѣ. Въ 1837 году Альбрандъ былъ командированъ въ Персію, въ чинѣ поручика, для приведенія обратно въ Россію баталіона бѣглыхъ нашихъ солдатъ, состоявшихъ на службѣ у персидскаго шаха. Здѣсь онъ показывалъ не только свойственную ему энергію и знаніе духа русскаго солдата, но и умъ свой и дипломатическую ловкость. Онъ получилъ два или три чина за эту командировку отъ покойнаго Государя, умѣннаго цѣнить и награждать заслуги: съ командировки онъ возвратился уже майоромъ. Послѣ того онъ съ честью и пользою служилъ на Кавказѣ и въ 1845 году былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ отряда. 15 или 16 іюля ему дѣлали въ отрядѣ операцію вылуценія плеча. Онъ приказалъ сдѣлать ее передъ солдатами: сиди на барабанѣ, въ лѣвую руку вали трубку, которую куришь, и при страшныхъ мученіяхъ не вымоляй ни слова (хлороформъ тогда не былъ еще извѣстенъ). Только послѣ операціи съ трудомъ пришлось вынуть трубку изъ рта: онъ зубами отъ боли перекусилъ ее. Послѣ операціи, вставши, онъ сказалъ солдатамъ: „видите, мамочки (его любимое слово) — ничего“. Несмотря на лѣта его, въ немъ много было, кромѣ духу, той военной лихости, которую въ другихъ случаяхъ можно было бы назвать фанфаронствомъ. Лежа въ Герзель-аулѣ вмѣстѣ со мною въ госпиталѣ, первымъ дѣломъ его было потребовать бумаги и выучиться писать лѣвой рукой и черезъ нѣсколько дней имъ отправлено было письмо къ невѣстѣ въ Петербургъ.

Послѣ того Альбрандъ былъ назначенъ комендантомъ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ истое христіанское проявленіе возвышенности его души, я думаю, навсегда осталось въ памяти заключенныхъ, вѣрнѣйшихъ его надвору. Суровый климатъ сѣвера заставилъ его скоро опять искать службы на Кавказѣ; онъ былъ назначенъ начальникомъ 3-го отдѣла Черноморской береговой линіи въ Геленджикъ, гдѣ онъ сумѣлъ приобрести полное довѣріе враждебныхъ намъ горскихъ племенъ своей твердостью слова, благородствомъ и обходительностью. Потомъ назначенъ онъ былъ губернаторомъ въ Эривань, гдѣ умеръ въ 50-хъ годахъ отъ послѣдствій тяжелой раны своей.

командою Лабинцева, съ храбрыми кабардинцами оставался покуда на мѣстѣ и долженъ былъ прикрывать наше отступленіе, когда вся колонна войдетъ въ лѣсъ.

День 14-го іюля есть одна изъ самыхъ тягостныхъ страницъ той кровавой драмы, которую суждено было пережить намъ отъ Дарго до Герзель-аула; вотъ почему я съ большею подробностью останавливаюсь на событіяхъ этого памятнаго для меня дня. Бѣлявскій, со свойственнымъ ему польскимъ азартомъ, несея впередъ, нисколько не думая о связи авангарда съ прочими частями отряда, доколѣ не наткнулся на непріятельскій завалъ, на опушкѣ пройденнаго имъ лѣса предъ открывшеюся впереди Аллероя небольшой поляной. Въ концѣ этой поляны была устроена непріателемъ сильная засѣка, занятая мюридами, предъ овладѣніемъ которой остановился слабый авангардъ, подъ прикрытіемъ занятаго завала. Не получая никакихъ свѣдѣній изъ авангарда, главнокомандующій послалъ къ Бѣлявскому сперва адъютанта своего Лонгинова, потомъ состоявшаго при немъ поручика генеральнаго штаба графа Гейдена, наконецъ поѣхалъ и самъ генераль Лидерсъ съ частью своей свиты, чтобы узнать о положеніи дѣла. Всѣ они, по особенному счастью, доѣхали невредимы до авангарда, который нашли въ самомъ ограниченномъ и слабомъ составѣ, залегшимъ въ завалѣ передъ поляной. Въ концѣ поляны расположенъ былъ огромный завалъ, усѣянный непріателемъ и останавливающій всякое движеніе впередъ незначительной горсти нашихъ солдатъ. Когда генераль Лидерсъ спросилъ у Бѣлявскаго, гдѣ его авангардъ, то получилъ въ отвѣтъ, что Люблинскіе баталіоны идутъ за нимъ. Лидерсу легко было убѣдить Бѣлявскаго въ противномъ, такъ какъ онъ только-что проѣхалъ по этому пути. Тогда былъ посланъ сперва Лонгиновъ за остальными войсками авангарда, а потомъ и самъ Лидерсъ поѣхалъ вслѣдъ за нимъ. Но авангардъ былъ уже совершенно отрѣзанъ горцами. Лонгиновъ убитъ и Лидерсъ, встрѣченный непріятельскимъ залпомъ, которымъ ранены въ его свитѣ: графъ Гейденъ, генеральнаго штаба капитанъ Дельвицъ, убитъ адъютантъ графъ Бальманъ и много лицъ изъ конвоя, долженъ былъ вернуться въ Бѣлявскому. Между тѣмъ тропулись главныя наши силы; цѣпямъ нашимъ въ этой пересѣченной мѣстности, покрытой дѣвственнымъ

лѣсомъ Чечни, приходилось дѣйствовать не одной только пулей и штыками, но и топорами, чтобы пробиваться сквозь чащу, гдѣ вьющіяся растенія, колючіе кустарники и завалы на каждомъ шагу представляли непреодолимые препятствія, подъ убійственнымъ огнемъ неуловимаго непріятеля. Общая связь частей была нарушена, и хитрый и ловкій непріятель врвался постоянно и незамѣтно черезъ разорванныя цѣпи для нападенія на главную колонну, производя общее смятеніе въ безпорядочномъ слѣдованіи вьюковъ и раненыхъ по единственной узкой лѣсной дорогѣ, по которой шелъ пашъ отрядъ. Надобно быть въ подобныхъ обстоятельствахъ, чтобы понять, какое нравственное впечатлѣніе производитъ на обозъ, на колонну раненыхъ неожиданное нападеніе съ той стороны, гдѣ колонна считаетъ себя вполне безопасною, подъ прикрытіемъ своихъ цѣпей. Весьма понятенъ тогда неминуемый безпорядокъ и невозможность, при такихъ условіяхъ, какихъ бы то ни было распоряженій.

Опишу нѣсколько эпизодовъ нашего движенія въ этотъ день, которыхъ частью я самъ былъ очевидцемъ, частью рассказанныхъ мнѣ въ тотъ же день, на ночлегѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ участвовавшихъ.

Бенкендорфа, раненаго, несли на носилкахъ храбрые куринцы его баталіона; окровавленный, въ одной рубашкѣ, онъ лежалъ въ безчувственномъ состояніи; подлѣ него шелъ другъ его баронъ Шеппингъ. Внезапно нѣсколько горцевъ изъ чащи лѣса врываются на узкую тропинку и начинаютъ рѣзать раненыхъ и ихъ прикрытіе. Куринцы, положивъ на землю носилки со своимъ командиромъ, стараются отражать нападеніе. Шеппингъ впереди ихъ защищаетъ своего друга и пистолетомъ барона Николаи успѣваетъ убить горца, занесшаго кинжалъ на Бенкендорфа, самъ же получаетъ нѣсколько ранъ шашками и въ упоръ выстрѣлъ изъ пистолета въ животъ. По неизвѣстному счастью, пуля только контузитъ его и останавливается въ платѣ и бѣльѣ. (Это можно объяснить только тѣмъ, что горецъ второпяхъ или положилъ мало пороха, или не добилъ пули). Когда непріятель былъ прогнанъ, на носилкахъ уже не нашли Бенкендорфа: въ безсознательномъ и безотчетномъ испугѣ, при видѣ этой рѣзни, онъ имѣлъ достаточно

силы, чтобы вскочить и бѣжать въ противоположную сторону. Нѣсколько чеченцевъ, догнавъ, рубили его безпощадно, и онъ былъ найденъ за нѣсколько шаговъ въ оврагѣ, весь облитый кровью и изрѣзанный шашками. Это немедицинское кровоусканіе, быть можетъ, спасло ему жизнь, остановивъ и ослабивъ неминуемое воспаление его раны. Бенкендорфъ въ послѣдствіи совершенно оправился отъ ранъ, долго послѣ того жилъ, женился и умеръ нашимъ военнымъ агентомъ въ Берлинѣ въ концѣ пятидесятихъ годовъ.

Недалеко отъ этого мѣста происходилъ еще болѣе серьезный эпизодъ. Нашъ главнокомандующій, со всѣмъ своимъ штабомъ, слѣдуя пѣшкомъ по той же мѣстности, вдругъ былъ атакованъ партіей чеченцевъ, бросившихся въ кизялы изъ чащи лѣса на нашего достойнаго вождя. Я, къ сожалѣнію, не былъ свидѣтелемъ этой сцены, но мнѣ рассказывали, какъ всѣхъ поразило величественное хладнокровіе князя, которому, можетъ быть, несмотря на многолѣтніе его походы, въ первый разъ пришлось обнажить оружіе; съ вѣчною улыбкою на устахъ, вынимая саблю, онъ сказалъ: „eh bien défendons nous, messieurs!“ . Не хочу упоминать о нѣкоторыхъ другихъ эпизодахъ штаба и свиты; скажу только, что нѣсколько кабардинцевъ скоро штыками опрокинули смѣлыхъ горцевъ и очистили дальнѣйшій путь князю.

Въ это время я пробирался впереди штаба къ авангарду съ своимъ казакомъ и замѣтилъ, что по тропинкѣ, по которой мы ѣхали, лежало поперекъ дороги огромное тѣло въ юнкерскомъ мундирѣ; что меня поразило при этомъ, это былъ непріятельскій ударъ шашкой, который отъ плеча разрубилъ тѣло до самаго пояса пополамъ. Это оказался юнкеръ Башиловъ, состоявшій у генерала Лидерса на ординарцахъ. Немного далѣе наткнулся я на другой трупъ, лежавшій сбоку отъ дороги, лицомъ внизъ. Какое-то тяжелое предчувствіе стѣснило мое сердце: я приказалъ казаку повернуть трупъ и узналъ въ немъ друга и товарища своего А. Л. Лонгинова, который только-что былъ посланъ отыскивать авангардъ Бѣлявскаго. Я помню, какія слезы вызвала во мнѣ эта смерть. При ранѣ, не могъ я слѣзть съ лошади, но приказалъ казаку перекинуть трупъ черезъ сѣдло его лошади и, перевязавъ трокомъ отъ сѣдла, везти за мной до ночлега.

Слѣдованіе отряда, при такихъ условіяхъ, совершалось весьма медленно, въ полномъ безпорядкѣ. Объ авангардѣ никакихъ свѣдѣній не было, какъ равно и о генералѣ Лидерсѣ, поѣхавшемъ со штабомъ къ генералу Б..... Общее мнѣніе даже было, что мы окончательно отрѣзаны. Между тѣмъ, вотъ что происходило въ авангардѣ: генералъ Б....., какъ выше сказано, застѣлъ въ завалѣ передъ грознымъ непріятельскимъ заваломъ, на полянѣ. Потери были значительны и оставшіяся войска, состоявшія по большей части изъ неопытныхъ солдатъ 5-го корпуса и малой горсти уцѣлѣвшихъ Апшеронцевъ, положительно не рѣшались идти на штурмъ непріятельской позиціи. Корпусный командиръ, генералъ Лидерсъ, огорченный въ своей заслуженной военной репутациіи неудачами въ этотъ день войскъ вѣреннаго ему корпуса, явно искалъ въ эту минуту смерти, выставляя себя изъ завала непріятельскимъ пулямъ. Графъ Гейденъ и графъ Ал. Строгановъ, бывшіе съ Лидерсомъ, силою остановили его отъ бесполезнаго жертвованія собой и сохранили войску этого достойнаго генерала для будущихъ заслугъ его отечеству. Тутъ Б.....¹⁾ показалъ себя дѣйствительно хорошо: вынувъ пашку, онъ вышелъ изъ засѣки и сказалъ: „неужели между вами не найдется никого, который со мной захочетъ исполнить свой долгъ“. —

¹⁾ К..... Я..... Б....., служившій прежде въ гвардіи, — кажется въ Волынскомъ или Литовскомъ полку, — прибылъ на Кавказъ командиромъ одной изъ бригадъ 5-го корпуса. Уроженецъ одной изъ польскихъ или бѣлорусскихъ губерній, онъ имѣлъ и качества и недостатки своей націи, не обладая ни особенными природными способностями, ни военными дарованіями. Нельзя было отказать ему въ несомнѣнной личной храбрости, особенно на глазахъ начальства, но это помрачалось непомѣрнымъ хвастовствомъ, лестью передъ старшими, надменностью и самопафосностью передъ подчиненными. Б..... былъ страстный поклонникъ прекраснаго пола, считалъ себя весьма обворожительнымъ, ломалъ безпопачно французскій языкъ и желалъ выказать изъ себя ловкаго, свѣтскаго, высшаго круга, человека. Я никогда не забуду, какъ въ Владикавказѣ на пикникѣ, по возвращеніи съ похода, Б....., увиаваясь, сказалъ „il n'y a rien que j'adore tant que la danse sur les airs bêtes (sur l'herbette)“. — Кн. Воронцовъ, не знаю почему, увлекся Б..... и, вслѣдъ за кампаніей, назначилъ его губернаторомъ въ Кутаисъ. Б..... на новомъ поприщѣ дѣйствовалъ съ такой безтактностью, что черель нѣсколько мѣсяцевъ Воронцовъ принужденъ былъ его уволить, и онъ выѣхалъ съ Кавказа и явился опять во время Турецкой войны въ Азіатской Турціи начальникомъ дивизіи 6-го корпуса, пришедшаго изъ Москвы.

12 Апшеронцевъ (имена которыхъ записаны княземъ Воронцовымъ) бросились за генераломъ на штурмъ завала, увлекаая за собой и остальныхъ. Непріятель былъ мгновенно выбитъ штыками и путь до Иссаюрта совершенно очищенъ. Вскорѣ подошла и главная колонна, и войска начали сосредоточиваться на полянѣ. Намъ отдѣлялъ еще весьма крутой, лѣсистый оврагъ отъ позиціи, избранной на противоположномъ берегу онаго для нашего ночлега. Но занявъ заблаговременно оврагъ и берегъ цѣпями и авангардомъ, наше слѣдованіе къ ночлегу совершилось довольно благополучно и безъ значительныхъ потерь. Совершенно смерклось, когда послѣдніе выюки обоза стянулись къ позиціи. Арьергардъ, на штыкахъ вынося натискъ непріятеля, стягивался на оставленный нами противоположный скатъ оврага, отступая шагъ за шагомъ перекатными цѣпями. Переходя постоянно съ отступленія къ наступательнымъ движеніямъ, при замѣчательной распорядительности Лабинцева, доблестные кабардинцы къ разсвѣту присоединились къ намъ въ Иссаюртѣ, не оставивъ въ рукахъ непріятеля ни одного раненаго, ни одного убитаго, чѣмъ всегда такъ гордятся кавказскія войска въ своихъ дѣлахъ ¹⁾).

Когда мы пришли на ночлегъ, уже совершенно стемнѣло, небо заволокло грозными, черными тучами, и вскорѣ разразилась одна изъ тѣхъ страшныхъ грозъ, какія бываютъ только на Кавказѣ. Въ отрядѣ нашемъ палатокъ больше не было, исключая у нѣсколькихъ начальствующихъ лицъ; всѣ мы расположились биваками, какъ попало, и разложили костры для варки пищи. Я съ товарищами своими Глѣбовымъ и Васильчиковымъ пріютились подъ кустомъ и около себя положили тѣло бѣднаго Лонгинова. Предварительно сняли мы съ него кольца, образа и кинжаломъ обрѣзали нѣсколько клочковъ волосъ, все это раздѣлили между собой, съ тѣмъ, что кто останется въ живыхъ изъ насъ, отослалъ бы эти дорогіе остатки въ семейство покойнаго; затѣмъ завернули мы тѣло въ бурку и перевязали веревками, чтобы похоронить на

¹⁾ Мы въ этотъ день потеряли убитыми: 1 штабъ-офицера, 1 оберъ-офицера, 65 нижнихъ чиновъ; ранеными: 3 штабъ-офицеровъ, 11 оберъ-офицеровъ и 158 нижнихъ чиновъ; были контужены 4 оберъ-офицера и 37 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропало 7 нижнихъ чиновъ.

другой день. Я чрезвычайно был пораженъ потерей стараго моего университетскаго товарища и искренно любимаго друга; несмотря на усталость и боль отъ раны, я долго не могъ заснуть подъ бременемъ тяжелаго впечатлѣнія. Помню, что когда огонекъ нашъ погасъ и мы лежали, промовшіе до костей, подъ свирѣпствующимъ ливнемъ, вдругъ какой-то конный казакъ, проѣзжая мимо нашего куста, задѣлъ лошадыю своею тѣло Лонгинова; я притянулъ его тогда ближе къ себѣ, желая оградить отъ подобныхъ случайностей, и къ разсвѣту, когда пробили зорю, оказалось, что я лежалъ и заснулъ на трупѣ товарища. Мы сейчасъ же распорядились вырыть яму около того мѣста, гдѣ мы лежали, призвали священника для отпѣванія и, покуда отрядъ готовился къ выступленію, успѣли похоронить Лонгинова и на свѣжей могилѣ развели огромный костеръ, чтобы скрыть отъ горцевъ мѣсто погребенія. Они имѣли обыкновеніе послѣ ухода войскъ вырывать тѣла, забирать платье покойниковъ и истязать трупы.

Около 10-ти часовъ утра 15 числа отрядъ нашъ снова готовъ былъ къ выступленію и ночлегъ назначенъ былъ у аула Аллерой. Подходя къ Аллерою, влѣво отъ насъ видѣнъ былъ песчаный обрывъ Ичкеринскаго хребта, до котораго доходили войска при несчастной экспедиціи 1842 года, подъ начальствомъ Граббе. Многіе участники въ этомъ движеніи подробно рассказывали намъ о всѣхъ претерпѣнныхъ ими тогда лишеніяхъ и объ ужасахъ отступленія по этому безводному хребту.

Въ Иссаюртѣ мы весьма мало имѣли воды изъ единственнаго родника въ оврагѣ, но разразившаяся гроза и дождь снабдили войска водой на эту ночь. Влѣво отъ предстоящаго пути тянулся, какъ сказано, покрытый лѣсомъ Ичкеринскій хребетъ, постоянно склоняясь по направленію къ Герзель-аулу и къ Качкалыкскому хребту. Отъ этихъ горъ спускалось безчисленное количество весьма глубокихъ овраговъ, покрытыхъ лѣсомъ, до долины Аксая, текущаго почти параллельно хребту. Но въ Иссаюртѣ мы были еще въ довольно большомъ разстояніи отъ рѣки и только въ Аллероѣ приблизились къ ней настолько близко, что войска могли ею пользоваться. Между помянутыми оврагами, частью въ лѣсу, а частью на возвышенныхъ открытыхъ мѣстахъ, видѣлись поляны, засѣяныя

хлѣбомъ, а на болѣе возвышенныхъ, какъ Аллерой и Шаухальберды, расположены были оставленные и сожженные жителями бывшіе аулы ихъ.

Впереди нашего слѣдованія находился глубокій оврагъ, котораго противоположный лѣсистый берегъ былъ занятъ непріятелемъ. Подъ покровительствомъ сильнаго огня нашихъ батарей, авангардъ, имѣя кавалерію впереди, двинулся къ этой позиціи и безъ труда заставилъ горцевъ отступить. Главныя силы и арьергардъ прошли въ величайшемъ порядкѣ, мало тревожимые горцами, и по прошествіи 5-ти верстъ главнокомандующій счелъ пужнымъ остановиться для ночлега у селенія Аллерой, находя, что люди, а въ особенности раненые, послѣ вчерашняго продолжительнаго боя и утомительнаго перехода нуждались въ отдыхѣ ¹⁾).

Густой туманъ и мелкій дождь, препятствовавшіе въ нѣсколькихъ шагахъ различать предметы, не позволяли отряду выступить 16-го іюля ранѣе 8-ми час. утра. На предстоящемъ переходѣ, при самомъ небольшомъ разстояніи, отдѣляющемъ насъ отъ Шаухальберды, намъ приходилось переходить нѣсколько овраговъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, изъ которыхъ послѣдніе, по глубинѣ своей и укрѣпленію непріятельскими завалами, представляли наибольшія затрудненія.

Отрядъ нашъ переправу и занятіе высотъ совершилъ довольно удачно и безъ большихъ потерь, постоянно перестрѣливаясь, какъ въ цѣпяхъ, такъ и въ авангардѣ. Здѣсь мы остановились, ожидая арьергарда, оставшагося на мѣстѣ нашего ночлега. Въ глазахъ всего отряда Лабинцевъ совершилъ замѣчательное свое отступленіе; князь Воронцовъ и всѣ мы восхищались его умѣніемъ пользоваться мѣстностью и замѣчательными его распоряженіями. При переходѣ черезъ слѣдующій оврагъ, когда колонна двинулась впередъ, я остался съ арьергардомъ, желая ближе видѣть дѣйствія Лабинцева. Я очень хорошо помню, какъ отступая съ послѣднею цѣпью, при сильномъ натискѣ непріятеля, Лабинцевъ, желая ободрить пару молодыхъ оробѣвшихъ солдатъ, сказалъ имъ: „станови-

¹⁾ Потери наша въ этотъ день были убитыми: 15 нижнихъ чиновъ; ранеными: 3 оберъ-офицера и 44 нижнихъ чиновъ, а также 19 нижнихъ чиновъ контужены и 1 пропалъ безъ вѣсти.

тесъ за мной, вы знаете, что меня пуля не беретъ“, и велѣлъ одному изъ нихъ лечь и отстрѣливаться между ногъ его, а другому изъ-подъ-мышки. Можно себѣ представить, какъ подобныя выходки нравились солдатамъ, которые были увѣрены, что Лабинцевъ, участвовавшій въ столькихъ сраженіяхъ и вѣкогда не раненый, имѣлъ заговоръ противъ пуль. Въ этой же цѣпи видѣлъ я достойнаго командира Кабардинскаго полка Вик. Мих. Козловскаго подъ градомъ пуль, съ предлинною трубкою въ зубахъ, ободрявшаго цѣпь съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ. Лабинцевъ подошелъ къ нему и палкой выбилъ у него изъ губъ трубку при любимомъ своемъ ругательствѣ: „прохвостина, здѣсь не мѣсто курить“. Козловскій, впрочемъ, весьма дружный съ Лабинцевымъ, только возразилъ: „грѣшно, какъ, Иванъ Михайловичъ, послѣднюю, какъ, у меня трубку выбивать“. Я не слышалъ дальнѣйшихъ объясненій. При переходѣ одного изъ послѣдующихъ овраговъ, когда арьергардъ выходилъ на поляну, подверженный на открытомъ мѣстѣ усиленной съ противоположнаго ската мѣткой стрѣльбѣ горцевъ, я былъ еще свидѣтелемъ одной, весьма смѣшной, но вмѣстѣ и грустной сцены. При Лабинцевѣ находился въ ординарцахъ разжалованный за дуэль съ Долгорукимъ въ рядовые Кабардинскаго полка изъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго князь Ямвель. Этотъ достойный и храбрый человекъ заслужилъ уваженіе и сочувствіе всѣхъ въ отрядѣ своею примѣрною храбростью и самоотверженіемъ. Онъ исполнялъ строго всѣ служебныя обязанности рядового и во время дѣлъ и перестрѣлки постоянно бросался выручать раненыхъ солдатъ и на своихъ плечахъ, при своей физической силѣ, выносилъ ихъ изъ огня въ болѣе безопасныя мѣста. Въ этомъ же арьергардѣ находился адъютантъ генерала Гурко поручикъ Д..... С., старый мой товарищъ по университету, стяжавшій, къ сожалѣнію, въ отрядѣ славу первокласснаго труса. Онъ не былъ лишень ни способностей, ни ума, но какъ въ университетѣ, такъ и на Кавказѣ, былъ вѣчнымъ посмѣшищемъ товарищей и цинически относился къ своей трусости. „Отправляясь на Кавказъ, говорилъ онъ, я рѣшился пасть отъ первой пули, и дѣйствительно отъ первой пули легъ подъ кустъ“. На упомянутой полянѣ, при отступленіи цѣпи, Ямвель увидѣлъ ползущаго по землѣ

С..... отъ одного вуста къ другому; возмущенный этимъ, онъ остановилъ его за фалды на самомъ открытомъ мѣстѣ, куда сыпались непріятельскія пули, говоря ему: „согласись, С....., что ты подлець“, — „Согласенъ, только пусти меня“. — „Нѣтъ, дай честное слово, что если останешься живъ, какъ выйдемъ, сейчасъ подашь въ отставку“. — „Даю“, отвѣчалъ С....., и тогда только Ямвель отпустилъ его. Прибывши въ Герзель-аулъ, С..... сдержалъ свое слово, что съ нимъ весьма рѣдко случалось. Этотъ жалкій человѣкъ потомъ женился, вскорѣ сошелъ съ ума и, кажется, болѣе 20-ти лѣтъ находился въ сумасшедшемъ домѣ въ Петербургѣ.

Изъ арьергарда проѣхалъ я къ главной колоннѣ и соединился съ княземъ Воронцовымъ. Я засталъ толпившійся въ сильномъ безпорядкѣ обозъ и колонну раненыхъ въ лѣсу, передъ небольшимъ, окруженнымъ лѣсомъ же, кукурузовымъ полемъ; впереди слышна была жаркая перестрѣлка и пушечные выстрѣлы въ послѣднемъ оврагѣ, отдѣлявшемъ насъ отъ Шаухаль-берды. Я съ трудомъ пробился къ штабу и напелъ князя Воронцова и свиту его спѣшившимися, для перехода поляны. Съ опушки лѣса, еще не занятой нами, сыпались пули на узкую дорожку, которую предстояло перейти. Только-что князь Воронцовъ вышелъ на поляну, стрѣльба участилась и одновременно около него было ранено нѣсколько человѣкъ казаковъ и адъютанты князя, товарищи мои, Васильчиковъ — въ руку, а Глѣбовъ — въ ногу. Тутъ имѣлъ я случай видѣть отличительную черту самопожертвованія горцевъ. При князѣ состоялъ старшина Эрпелинскаго аула Шаухальскихъ владѣній, почтенный старикъ Улубей, весьма плотный мужчина, гигантскаго роста. Увидѣвъ угрожающую князю опасность, онъ незамѣтно прокрался къ нему съ той стороны, откуда раздавались выстрѣлы; не выпуская съ глазъ князя и идя все время въ полуоборотъ, онъ своей громадной фигурой постоянно прикрывалъ князя и удалился, исполнявъ по своимъ понятіямъ долгъ тѣлохранителя, какъ только цѣпь наша выбила изъ опушки непріятеля. Наконецъ, спустились мы и въ послѣдній оврагъ. Во все время слѣдованія нашего отъ Аллероя правая цѣпь наша, обращенная къ Аксаю, весьма мало терпѣла отъ непріятеля; перестрѣлки, вообще, были ничтожны и,

опасаясь быть отрѣзанными, большія партіи горцевъ не являлись съ этой стороны. Всѣ силы ихъ направлены были на лѣвую нашу цѣпь, гдѣ, подѣ прикрытіемъ пересѣченной мѣстности и частаго лѣса, они наносили, какъ цѣпи, такъ и авангарду нашему, чувствительный уронъ, останавливая на каждомъ шагу движеніе колонны. Самыя же ожесточенныя нападенія горцевъ, какъ всегда въ этой войнѣ, были направлены на арьергардъ, такъ какъ они видѣли неуспѣшность своихъ дѣйствій къ прегражденію пути нашему отряду. Здѣсь, кромѣ сильнаго ружейнаго и артиллерійскаго огня изъ непріятельскихъ орудій, постоянно происходили рукопашныя схватки, гдѣ кабардинцамъ приходилось штыками отбивать горцевъ, которые съ остервенѣніемъ бросались въ шашки и кинжалы на отступающія цѣпи. На днѣ оврага, черезъ протекающій ручей, необходимо было устроить переправу, для чего и были посланы съ авангардомъ остатки столь сильно пострадавшаго 5-го Сапернаго баталіона, при горныхъ орудіяхъ батареи полковника Годлевскаго. Лѣвая наша цѣпь, подѣ командою Меллера-Закомельскаго, не пошла высотами и сбилась по обрывамъ на дорогѣ, вмѣсто того, чтобы идти верхомъ и въ тылъ устроенныхъ непріателемъ, выше переправы, сильныхъ заваловъ. Какъ только подошли саперы, непріятель открылъ по нимъ убійственный огонь, и большая часть людей была перебита во время работы. Командовавшій горными орудіями, поручикъ Форсалесъ старался выбить непріятеля изъ завала граватами и картечью; покуда Меллеръ-Закомельскій со своей цѣпью взобрался на высоты, чтобы обойти непріятеля и исправить сдѣланную имъ ошибку, въ нѣсколько минутъ вся артиллерійская прислуга лежала уже убитая или раненая. Остался невозмутимый Форсалесъ и раненый фейерверкеръ, который забивалъ снарядъ въ то время, какъ сразила его пуля. Форсалесъ навелъ орудіе, сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ и упалъ, коптуженный въ грудь и раненый пулей въ плечо. Опомившись и спокойно вставъ, онъ, весь въ крови, обратился къ кучкѣ штабныхъ (кажется, тутъ былъ и князь Воропцовъ), стоявшихъ подѣ прикрытіемъ обрыва, недалеко отъ него, и хладнокровно сказалъ: „Jetzt glaube ich, meine Herrn, habe ich hier nichts mehr zu thun und kann mit Ehren weggehen“ и медленно пошелъ въ колонну перевязываться.

Вскорѣ затѣмъ непріятель, выбитый изъ заваловъ, очистилъ намъ дорогу. Бѣлявскій, между тѣмъ, атаковалъ и занялъ аулъ Шаухаль-берды и, наконецъ, выбрался отрядъ на обширную поляну Шаухаль-берды въ страшномъ безначаліи и суетѣ: колонны, выюки, раненые, все перемѣшалось. Одинъ Лабинцевъ стойко, въ порядкѣ отступая, прикрывалъ наше безпорядочное движеніе и черезъ нѣсколько часовъ присоединился къ намъ ¹⁾).

Шаухаль-берды, какъ мѣсто, гдѣ испытали мы столько физическихъ лишеній, столько нравственныхъ тревогъ и ожиданій, заслуживаетъ особаго описанія, въ которомъ постараюсь передать впечатлѣнія наши въ продолженіе трехдневной томительной стоянки въ этомъ мѣстѣ.

Довольно обширная поляна Шаухаль-берды прилегала крутымъ обрывомъ съ южной стороны къ руслу рѣки Аксая; на противоположномъ правомъ берегу, отчасти господствуя надъ всей этой мѣстностью, расположенъ былъ непріятельскій аулъ, занятый скопищемъ мюридовъ, при 3-хъ или 4-хъ орудіяхъ. Восточную сторону нашей позиціи окаймлялъ весьма широкій и глубокій оврагъ, вдающій въ Аксай отъ Ичкеринскаго хребта. Съ сѣверной стороны тянулась, перерѣзанная непріятельскими полями, лѣссистая мѣстность до подошвы Ичкеринскаго хребта. Съ западной стороны окаймлялъ нашу позицію только-что перейденный нами оврагъ. На полянѣ, на восточной ея окраинѣ, ближе къ Аксаю, находились развалины оставленнаго горцами аула и довольно большой садъ. На этомъ пространствѣ суждено было намъ въ продолженіе 3-хъ томительныхъ дней ожидать нашего избавленія. Сколько помнится, отрядъ расположился на позиціи въ порядкѣ своего прежняго слѣдованія. Апшеронцы и часть войскъ 5-го корпуса заняли восточный фасъ, остальные части 5-го корпуса и куринцы прикрывали лѣвый нашъ флангъ, кабардинцы тылъ, а навагинцы правую сторону къ обрыву Аксая. Всѣ раненые, для облегченія ихъ отъ невыносимой жары, были свезены и положены около разореннаго аула

¹⁾ Въ этотъ день мы потеряли убитыми: 2 оберъ-офицеровъ, 107 нижнихъ чиновъ; ранеными: 4-хъ штабъ-офицеровъ, 10 оберъ-офицеровъ, 306 нижнихъ чиновъ, контуженными: 1-го штабъ-офицера, 1 оберъ-офицера, 41 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропавшими 15 нижнихъ чиновъ.

и въ прилегающихъ садахъ. Главная квартира расположилась въ центрѣ позиціи, остальные отдѣльныя личности—гдѣ попало. Ни у кого не было ни палатокъ, ни व्यюковъ или тяжестей; потому всѣ отдѣльныя лица располагались по произволу при той или другой части войскъ.

Здѣсь припоминаю слѣдующій эпизодъ. Когда я выѣхалъ на позицію и ко мнѣ присоединились раненые товарищи Васильчиковъ и Глѣбовъ, томимые голодомъ, а особенно жаждой (мы цѣлый день ничего не пили), при невыносимой жарѣ,—казаки наши устроили временно на поляхъ изъ сучьевъ и вѣтокъ балаганъ (какъ солдаты называютъ „холодокъ“), въ которомъ мы и улеглись до общаго расположенія частей. Къ вбитымъ въ землю кольямъ были привязаны наши лошади. Передъ нами въ это время тянулись обозъ, милиція и остатки изнуренныхъ войскъ нашихъ для занятія указанныхъ имъ по дислокаціи мѣстъ. Въ это время непріятель съ противоположнаго берега Аксая открылъ довольно мѣткій и усиленный артиллерійскій огонь, стрѣляя граватами (что опъ, впрочемъ, продолжалъ и въ послѣдующіе дни, какъ днемъ, такъ и ночью, выстрѣлами, хотя и рѣдкими, держа постоянно въ тревогѣ утомленные наши войска). Въ это время одна граната попала въ привязанную около балагана лошадь, разорвалась въ крупѣ ея и осколки свалили нашъ временный холодокъ; казаки, вытащивъ насъ изъ-подъ сучьевъ, свезли въ другое, болѣе безопасное, по ихъ мнѣнію, мѣсто, къ разоренному аулу, гдѣ были уже свалены другіе раненые. Тамъ мы и пробыли до нашего выступленія. Скудный запасъ сухарей, равно какъ и всѣ жизненные припасы, окончательно истощились; не только солдаты, но и офицеры въ послѣдній день пытались, чѣмъ попало. Во время стоянки въ Шаухалъ-берды обыкновенной пищей служила зеленая недоспѣвшая кукуруза, которую солдаты, подъ непріятельскими выстрѣлами, собирали съ полей, натирали, взамѣнъ соли, порохомъ и пекли на угляхъ. Нѣкоторые счастливыцы имѣли еще кое-какіе запасы, но видно, что нужда была велика изъ слѣдующаго: адъютантъ Воронцова Лисовичъ имѣлъ व्यюкъ, который возилъ на мулѣ бѣлой шерсти; проснувшись, кажется, 17-го числа, онъ нашелъ только голову и ноги этого животнаго. Я помню, какъ намъ, томимымъ голодомъ,

товарищи наши изъ главной квартиры приносили то въ бумажкѣ немножко вареной кашицы, то кость говядины отъ стола князя Воронцова и, наконецъ, какъ извѣстный Едлинскій, усмотрѣвъ, что прикомандированный изъ гвардейскихъ драгунъ къ нашему отряду, раненый поручикъ Блумъ тайно отъ всѣхъ, подъ кустомъ, ѣлъ сохранившійся у него кусокъ сыру, укралъ этотъ кусокъ и принесъ намъ. Остервенѣлый Блумъ, узнавъ объ этомъ, вызвалъ Едлинскаго на дуэль, которая, впрочемъ, не состоялась. Около меня, въ этихъ же садахъ, лежалъ на двухъ выючныхъ сундукахъ опасно (думали безнадежно) раненый въ грудь командиръ Замостскаго Егерскаго полка Семеновъ. Добрые товарищи, посѣщавшіе насъ и столь заботившіеся о нашей участи въ это тяжелое время, постоянно только думали, какъ бы поддержать пищею наши силы. Одинъ изъ нихъ, поручикъ Лихачевъ, служившій со мною прежде въ Кирасирскомъ полку, началъ шарить, съ помощью кавалергардскаго поручика Бахметева, въ сундукахъ подъ раненымъ Семеновымъ и нашелъ ящикъ съ отвратительными конфетами изъ Кизляра; когда Семеновъ слабымъ голосомъ протестовалъ противъ этого насилія, то Лихачевъ его успокаивалъ тѣмъ, что, вѣроятно, онъ до вечера не доживетъ, съ чѣмъ и согласился раненый и съ улыбкой смотрѣлъ, какъ мы пользовались этой отвратительной, заплѣсневлѣю пищею. Всегда веселый, несмотря на свои страданія, Стейнбокъ потѣшалъ насъ своими остротами и Николай Петровичъ Кулебякинъ, о которомъ много придется говорить впоследствии, постоянно поддерживалъ духъ всѣхъ своими оригинальными сужденіями и эксцентричными выходками.

Не могу умолчать здѣсь о глубоко тронувшемъ меня въ то время самоотверженіи крѣпостного человѣка моего Петра Толстого. Моложе меня двумя или тремя годами, онъ поступилъ ко мнѣ въ услуженіе изъ дома родителей моихъ, гдѣ обучался на кухнѣ, былъ при мнѣ съ начала службы моей въ Кирасирскомъ полку, сопровождалъ меня во всѣхъ походахъ на Кавказѣ и поѣздкахъ, исполняя должность и камердинера, и повара, и привязался ко мнѣ безотчетно и сердечно, какъ умѣли привязываться въ то время крѣпостные люди къ своимъ господамъ. Когда мы только что вышли изъ огня на поляну Шаухаль-берды, Петръ, видя наше

изнуренное состояніе и томительную жажду нашу, бросился отыскивать намъ воды къ рѣкѣ Аксаю и началъ наполнять деревянную баклагу; съ противоположнаго берега непріятель осыпалъ его пулями, что не помѣшало ему исполнить свое человѣколюбивое намереніе. Но въ это время цѣпь Апшеронцевъ разставлялась для прикрытія водооя, и его, одѣтаго въ азіатскую черкеску и отдѣленнаго отъ нашего отряда, схватили и, связавши, привели въ лагерь, принимая его за перебѣжчика. Къ счастью, командовавшій остатками Апшеронскаго батальона, капитанъ Раутенбергъ узналъ его и первыми каплями воды, которыми въ этотъ день мы и товарищамъ моимъ пришлось освѣжиться, мы обязаны доброду Петру моему ¹⁾. Папахъ и черкеска его въ нѣсколькихъ мѣстахъ были прострѣлены непріятельскими пулями.

Князь Воронцовъ, при участіи всѣхъ начальниковъ частей, оцѣнивъ отчаянное, безвыходное положеніе наше, рѣшился остаться на мѣстѣ и ожидать выручки отъ генерала Фрейтага, къ которому были посланы изъ Дарго лазутчики съ извѣстіемъ о нашемъ движеніи на Герзель-ауль. Было немыслимо съ разстроенными частями нашими, съ громаднымъ числомъ раненыхъ, безпорядочнымъ обозомъ и милиціей, перейти то грозное препятствіе, которое ожидало насъ въ лѣсистомъ оврагѣ, отдѣлявшемъ насъ отъ спасенія нашего—на пути къ Герзель-аулу. Нѣтъ сомнѣнія, что строевыя войска, при стойкости своей, хотя съ потерями, но могли бы пробиться черезъ настоящее препятствіе; но прикрывая раненыхъ и обозъ, это положительно было бы дѣломъ невозможнымъ. Благородная душа князя Воронцова не могла допустить подобной жертвы; онъ сказалъ: „я выйду изъ Шаухалъ-берды только съ послѣднимъ изъ раненныхъ солдатъ ввѣреннаго попеченію моему отряда“.

Ружейныхъ патроновъ у насъ было немного, и при постоянной перестрѣлѣ въ цѣпяхъ нашихъ старались соблюдать

¹⁾ Впоследствии, когда я оставилъ Кавказъ, я подарилъ ему землю и обзаведеніе, гдѣ онъ и поселился съ женой, въ имѣніи моемъ Псковской губ. Не имѣя удачи въ предпріятіяхъ своихъ, онъ долженъ былъ продать свою собственность и теперь вновь проживаетъ у меня съ семействомъ въ качествѣ лѣсничаго, на жалованьи, сохранивъ тѣ же чувства ко мнѣ и семьѣ моей, которые всегда отличали его.

всевозможную экономію. Артиллерійскихъ же снарядовъ у насъ почти не было, всѣ лошади и прислуга горной батареи Годлевскаго были перебиты, лафеты и ящики сожжены, и только тѣла орудій на вьючныхъ сѣдлахъ были нами вывезены. На непріятельскіе выстрѣлы изъ орудій, громившіе насъ въ теченіе 3-хъ дней, мы почти не могли отвѣчать. Положеніе наше хорошо было извѣстно Шамилю и онъ считалъ отрядъ нашъ вѣрною, неотъемлемою своею жертвою. Никто и въ отрядѣ нашемъ, отъ солдата до генерала, не скрывалъ себѣ всего ужаса нашего положенія; мы всѣ хорошо знали, что, опоздай на нѣсколько дней Фрейтагъ, намъ пришлось бы или умереть голодною смертію, или видѣть ослабленныхъ голодомъ и лишеніями войска наши уничтоженными смѣлымъ и дружнымъ штурмомъ непріятеля, или наконецъ (что всего ужаснѣе) видѣть отступление удѣлѣвшихъ войскъ, оставивъ раненыхъ и всю безпорядочную толпу, столь обременяющую наше слѣдованіе, на мщеніе дикаго фанатизма мюридовъ. Я помню, часто мы говорили объ этомъ послѣднемъ предположеніи, разсуждали даже, что лучше застрѣлиться или разстрѣлать другъ друга, чѣмъ отдаваться на истязанія горцамъ. Все, что можно было сдѣлать, чтобы возвысить духъ войска,—было сдѣлано. Во всѣхъ частяхъ, по вечерамъ, гремѣли хоры; величественная фигура князя Воронцова постоянно являлась на всѣхъ пунктахъ нашей позиціи, вездѣ привѣтливая его улыбка ободряла всѣхъ; солдаты забывали на время свои лишенія, слышны были вездѣ крики ура, сопровождавшіе главнокомандующаго, который въ эту трудную минуту, можно сказать, навсегда утвердилъ свою постоянную популярность въ войскахъ Кавказскаго корпуса. Мнѣ разсказывали слѣдующій, вполне достовѣрный, случай съ кн. Воронцовымъ, котораго не могъ я, къ сожалѣнію, быть очевидцемъ. Я уже упоминалъ о томъ, какъ вообще старые кавказцы недовѣрчиво относились къ Даргинской экспедиціи, не понимая, что въ этомъ дѣлѣ князь Воронцовъ былъ только искупителемъ той пагубной системы, которою руководились въ Петербургѣ и которой тотъ же кн. Воронцовъ положилъ конецъ въ послѣдующіе годы. Между порицателями князя отличался между прочими Ив. Мих. Лабинцевъ, со свойственной его натурѣ рѣзкостью и

грубостью. Кн. Воронцовъ все это очень хорошо зналъ. Разъ, разговаривая съ Лабинцевымъ въ Шаухаль-берды передъ своей палаткой, куда преимущественно направлялись непріятельскіе выстрѣлы, князь открылъ табакерку, желая понюхать табакъ, когда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ упала граната, грозившая разрывомъ своимъ убить или изувѣчить обоихъ разговаривавшихъ. Первымъ движеніемъ князя было посмотреть въ глаза Лабинцева, а сего послѣдняго пристально впереться въ глаза князя—въ такомъ безмолвномъ испытаніи прошло нѣсколько секундъ. Гранату, между тѣмъ, не разорвало, потому что скорострѣльная трубка выскочила при паденіи. Князь, размѣявшись, протянулъ Лабинцеву руку и сказалъ: „теперь можно посмотреть, куда легла граната“. Съ тѣхъ поръ не слыхалъ я, чтобы Лабинцевъ когда либо дурно отзывался о князѣ Воронцовѣ, какъ военномъ.

При нашемъ отрядѣ состоялъ хоръ музыкантовъ Пражскаго пѣхотнаго полка; по вечерамъ князь приказывалъ играть музыкѣ, и по случаю сильной жары ее помѣстили въ саду около раззореннаго аула, гдѣ лежали всѣ мы, раненые. Непріятель не замедлилъ направлять свои выстрѣлы въ эту сторону, что крайне беспокоило насъ, не говоря уже о смятеніи музыкантовъ, игравшихъ постоянно фальшиво и изъ которыхъ, какъ мнѣ помнится, нѣкоторые были ранены и инструменты разбиты. Кто-то сказалъ объ этомъ князю, и онъ, не желая подвергать опасности ни раненыхъ, ни другія части войскъ, приказалъ музыкѣ играть на полянѣ, около своего штаба, къ крайнему неудовольствію многочисленныхъ и непрошенныхъ штабныхъ гостей—дилетантовъ этой экспедиціи ¹⁾.

Между тѣмъ, въ напряженномъ ожиданіи, всякій дѣлалъ свои предположенія о возможности прибытія свѣжаго отряда Фрейтага; рассчитывали срокъ полученія имъ извѣстій изъ Дарго, время, нужное для собранія войскъ, скорость движенія и проч. Странно сложившееся при этомъ предчувствіе у старыхъ сподвижниковъ Фрейтага, любимыхъ имъ и обожающихъ его куринцевъ. Между

¹⁾ Въ эти два дня потеря наша была убитыми: 12 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 оберъ-офицеръ и 24 нижнихъ чиновъ; контужены: 2 оберъ-офицера и 6 рядовыхъ; убито нѣсколько лошадей.

ихъ батальонами установилось убѣжденіе, что на разсвѣтъ 19-го числа долженъ показаться Фрейтагъ: слухъ этотъ съ надеждой повторялся всѣмъ отрядомъ. Съ 18-го числа и всю ночь на 19-ое можно было видѣть куринскихъ солдатъ, взлѣзшихъ на самыя высокія деревья и смотрѣвшихъ вдаль, по направленію къ Герзель-аулу. Наконецъ, съ разсвѣтомъ громкія „ура“ огласили весь отрядъ нашъ, вскорѣ восходящее солнце освѣтило вдали блистающіе штыки приближающейся колонны и, наконецъ, первый сигнальный выстрѣлъ Фрейтага раздался на противоположной возвышенности отдѣляющаго насъ оврага ¹⁾).

Трудно описать всеобщій восторгъ. Радостная вѣсть молніей облетѣла весь отрядъ, всѣ поздравляли другъ друга съ избавленіемъ, со слезами обнимались, всѣ чувствовали надежду и возможность возвращенія къ жизни, на родину, къ близкимъ сердцу. Какъ объяснить это предвидѣнье куринцевъ, какъ не вѣрить иногда въ предчувствія! Немедленно сдѣланы были распоряженія къ выступленію на соединеніе съ Фрейтагомъ, обстрѣливавшимъ послѣднее предстоявшее намъ препятствіе. Покуда спускались наши цѣпи и авангардъ ко дну оврага, обозъ, милиція, व्यюки,—все въ безпорядкѣ бросилось по единственной прилегающей дорогѣ на

¹⁾ Составъ отряда Фрейтага:

Довского Казачьяго № 20 полка.	1 сотня.
„ № 52 „	2 сотни.
Итого	3 сотни.

1 бат. Модлинскаго пѣхотнаго полка.
 1 рота Пражскаго пѣхотнаго полка.
 2 роты Люблинскаго Егерскаго полка.
 1 бат. Замостскаго Егерскаго полка.
 3 роты Навагинскаго пѣхотнаго полка.
 1 бат. Кабардинскаго пѣхотнаго полка.
 2 роты того же полка.
 2 бат. Куринскаго полка.
 2 роты Кавказскаго линейнаго № 15 баталіона.
 Итого 7½ бат.

Легкой № 3 батареи	1 орудіе.
Батареи № 3 батареи	3 орудія.
Донской Казачьей конной № 1 бат.	2 „
Линейной „ № 14 бат.	4 „
Подвижной гарнизонной артиллеріи.	3 „
Итого	13 орудій.

выстрѣлы Фрейтага. Не было возможности остановить эту обезумѣвшую отъ радости толпу; раненые слѣдовали за ними и неизбѣжный безпорядокъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ мы находились, прибавилъ не мало новыхъ жертвъ ко всѣмъ уже понесеннымъ потерямъ въ этой экспедиціи. Спустившаяся толпа паткнулась на засады непріятеля съ лѣваго фланга, въ глубинѣ пересѣченной и покрытой густымъ лѣсомъ мѣстности. Изъ устроенныхъ здѣсь заваловъ, горцы безваканно разстрѣливали нашу колонну, опередившую далеко лѣвую цѣпь, которой назначено было обойти и завладѣть помянутыми завалами. Здѣсь, несомнѣнно на посылкахъ, командиръ Навагинскаго полка, полковникъ Бибиковъ былъ убитъ, также тяжело раненъ генеральнаго штаба капитанъ Пружановскій вновь пораженъ двумя пулями, не говоря о другихъ убитыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ (а можетъ быть взятыхъ въ плѣнъ и истерзанныхъ горцами), вслѣдствіе полного безначалія и безпорядка, господствовавшего въ этой сборной массѣ всѣхъ частей войскъ.

Разскажу теперь случившееся со мною. Я ѣхалъ верхомъ, съ подвязанной къ сѣдлу раненой ногой, на лошади, данной мнѣ другомъ моимъ Васильчиковымъ, взаимѣ моей, убитой въ Шаухальберды; меня сопровождалъ казакъ мой Густомясовъ. Слѣдуя или, лучше сказать, увлекаемый толпой, по узкой и извилистой дорогѣ я спустился почти до самаго дна оврага, когда вдругъ голова этой безпорядочной колонны встрѣчена была залпомъ съ непріятельскаго завала, преграждавшаго путь. Все бросилось назадъ и я, сбитый съ тропинки, сброшенъ былъ по крутизнѣ къ рѣкѣ Аксаю. Лошадь моя буквально катилась на задъ, я старался только направлять ее между пнями и деревьями, вполне понимая, что паденіе мое, вдали отъ всѣхъ, равносильно было бы неминуемой моей гибели—тяжела была мысль о смерти, когда спасеніе было такъ близко. Я помню, какъ, скатываясь между двумя большими деревьями, я задѣлъ раненой лѣвой ногой за одно изъ нихъ; мнѣ ободрало платье и часть повязки—боль была невыносимая, но слава Богу—я удержался на сѣдлѣ. Наконецъ, быстро скатываясь, я успѣлъ остановить лошадь на тропинкѣ, повидимому пробитой скотиной, прогоняемой на водопой къ рѣкѣ. Вправо отъ меня слышались шумяція воды Аксая,

влѣво съ дороги, на дальнемъ уже разстояніи, долетали гулъ и крики колонны и слышалась учащенная пальба подоспѣвшихъ на выручку войскъ изъ Шаухаль-берды. Надъ головой моей пролетали ядра изъ полевыхъ орудій Фрейтага, которыми онъ очищаль оврагъ отъ непріятеля. Я былъ совершенно одинъ (казакъ былъ оттертъ отъ меня толпой еще на дорогѣ) и рѣшилъ слѣдовать тропинкой по направленію выстрѣловъ Фрейтага. При этомъ слѣдованіи надо мной постоянно пролетали пули нашей правой цѣпи, состоявшей изъ навагинцевъ, которые стрѣляли въ чащу оврага и въ лѣсъ, не видя никакого непріятеля, лишь для очищенія своей солдатской совѣсти. Пробираясь черезъ чащу, мнѣ, наконецъ, удалось скрыться отъ этой опасности и, поднимаясь постепенно на противоположный скатъ оврага, я добрелъ до дороги и съ восторгомъ встрѣтилъ двѣ роты кабардинцевъ въ бѣлыхъ, чистыхъ рубашкахъ, съ нафабреными усами, спускавшихся на выручку къ нашимъ; передъ ними шелъ флигель-адъютантъ полковникъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ; дружески пожавъ ему руку, я рысью пустился по дорогѣ въ гору, считая себя уже спасеннымъ. Черезъ нѣсколько минутъ меня обнималъ Фрейтагъ около своихъ орудій; я былъ одинъ изъ первыхъ, которыхъ онъ видѣлъ изъ нашего отряда. Почти одновременно со мной подошелъ генералъ Безобразовъ, тоже сбитый съ дороги и пробравшійся нѣшкомъ по чащѣ, по направленію выстрѣловъ. Затѣмъ стали подходить по одиночкѣ и толпами разночинцы беспорядочной колонны, приносили раненыхъ и, наконецъ, прибылъ самъ князь со своей свитой. Между тѣмъ, неумолкаемая перестрѣлка гремѣла на днѣ оврага; храбрый Лабинцевъ, отступая въ полномъ порядкѣ, шагъ за шагомъ отбивалъ ожесточенныя атаки горцевъ. Къ сожалѣнію, одна изъ ротъ арьергарда (кажется, 1-я карабинерная), сбившись въ чащѣ, попала въ виноградныя сады на засаду горцевъ и, послѣ мужественной защиты, большею частью была истреблена въ рукопашномъ неравномъ бою (въ ротахъ тогда было не болѣе 50—60 человѣкъ и даже менѣе). Это были почти послѣднія жертвы несчастной Даргинской экспедиціи ¹⁾.

¹⁾ Наша потеря 19-го числа была убитыми: 1 штабъ-офицеръ, 2 оберъ-офицера, 78 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 штабъ-офицеръ, 7 оберъ-офицеровъ и 139 нижнихъ чиновъ; контужены 2 оберъ-офицера и 25 нижнихъ чиновъ; 17 человѣкъ пропало безъ вѣсти.

Около часу пополудни всѣ войска, уже внѣ опасности, соединились съ отрядомъ Фрейтага, войска котораго сейчасъ же замѣнили въ аррьергардѣ и цѣпяхъ всѣ дѣйствующія части. Надо было быть свидѣтелемъ тѣхъ сценъ, которыя сопровождали наше соединеніе, чтобы понять все то, что каждый перечувствовалъ въ эти минуты. Пришедшія свѣжія войска снабжали насъ всѣмъ, что только у нихъ было; съ жадностью бросались мы на сухари, которыхъ такъ давно не видали, на арбузы, привезенные на повозкахъ войсками. Портеръ, водка, вино—все это лилось ручьями, всѣ братовались, плакали, обнимали другъ друга, рапенныхъ размѣщали на прибывшія повозки, такъ какъ отъ этого мѣста была опасная дорога до Герзель-аула. Фрейтагъ, я думаю, можетъ съ гордостью записать этотъ моментъ, какъ самую отраднѣйшую страницу его достойной боевой карьеры на Кавказѣ. Онъ дѣйствительно сдѣлалъ чудеса для нашей выручки: собравъ, что только могъ войскъ изъ Грозной, усиленными переходами, возможными только для кавказской пѣхоты, онъ съ неимовѣрной быстротой, черезъ Кумыцкую плоскость и Герзель-аулъ, явился на выручку къ намъ 19-го числа съ разсвѣтомъ. Опоздай онъ нѣсколькими днями и было бы уже поздно и участь наша была бы рѣшена.

Я помню тутъ отвѣтъ одного кабардинца, характеризующій духъ тогдашнихъ войскъ. Голодные, оборванные, немые, истомленные выходили мы къ отряду Фрейтага; между тѣмъ его войска веселыя, бодрыя, въ бѣлыхъ рубашкахъ, въ щегольскомъ видѣ, встрѣчали насъ своими братскими привѣтствіями. Князь Воронцовъ, объѣзжая ряды этихъ храбрецовъ, подъѣхалъ къ Кабардинскому батальону и сказалъ солдатамъ, благодаря ихъ за службу: „какіе вы чистые, ребята, въ сравненіи съ нами, какими молодцами смотрите“. Тогда сѣдой кабардинецъ, выступивъ изъ рядовъ, отвѣтилъ ему: „несправедливо говорить изволите, Ваше Сіятельство! Вы гораздо чище насъ; вы выходите изъ бою и уже мѣсяцъ деретесь, а мы только-что изъ казармъ“. — Я былъ свидѣтелемъ этой сцены, глубоко тронувшей князя, который, сколько мнѣ помнится, подозвалъ и обнялъ этого солдата.

Пройдя версту или двѣ отъ настоящей позиціи, мы расположились на ночлегъ въ урочищѣ Мискитъ. Солдаты заварили кашу,

отрядъ Фрейтага служилъ намъ прикрытіемъ, насталъ конецъ и страданіямъ и лишеніямъ нашимъ. Какъ крѣпко и сладко спалось намъ въ эту ночь, можетъ себѣ вообразить каждый.

Непріятель, убѣдясь, что жертвы, на которыя онъ такъ вѣрно рассчитывалъ, ускользнули изъ рукъ его, болѣе насъ уже не тревожилъ въ эту ночь и, ограничиваясь ничтожной съ нами перестрѣлкой, главныя силы Шамиля разошлись по домамъ, и самъ онъ оставилъ Шаухаль-берды.

На другой день мы выступили изъ Мискита и въ 4 часа пополудни, при звукахъ музыки, съ пѣсенниками впереди мы прибыли въ укрѣпленіе Герзель-аулъ, въ памятный для насъ день 20-го іюля ¹⁾. Тутъ, на полѣ, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ для присутствующихъ и панихида по убіеннымъ въ экспедиціи товарищамъ.

Какъ горячо молились мы тогда. Я думаю, самый закоренѣлый атеистъ, если только такіе существуютъ, не могъ бы не обратиться душой и сердцемъ къ Богу въ эту торжественную для каждого изъ насъ минуту жизни.

Укрѣпленіе Герзель-аулъ расположено было у выхода изъ горъ на Кумыцкую плоскость у рѣки Аксая; это былъ передовой сторожевой фортъ, съ котораго открывалась почти вся Кумыцкая плоскость отъ Внезапной къ Тереку. Крѣпость построена довольно

¹⁾ Войска, прибывшія съ генералъ-майоромъ Фрейтагомъ, имѣли, въ продолженіе 18-го, 19-го и 20-го чиселъ іюля, слѣдующую потерю: убитыми нижнихъ чиновъ 14; раненыхъ: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 69; контуженныхъ: оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 27; безъ вѣсти пропало 2.

Въ продолженіе движенія главнаго отряда отъ Дарго до Герзель-аула съ 13-го по 20-е число іюля, сражаясь каждый день, мы потеряли всего убитыми: 2 штабъ-офицера, 10 оберъ-офицеровъ и 282 нижнихъ чиновъ; ранеными: 9 штабъ-офицеровъ, 36 оберъ-офицеровъ и 733 нижнихъ чиновъ; пропало безъ вѣсти 40 человекъ; контужены: 2 штабъ-офицера, 9 оберъ-офицеровъ и 132 нижнихъ чиновъ.

Въ продолженіе всей Даргинской экспедиціи:

	Убито.	Ранено.	Контужено.	Пропало.
Генераловъ.	3	—	—	—
Штабъ-офицеровъ. . . .	7	22	2	—
Оберъ-офицеровъ. . . .	28	85	22	—
Нижнихъ чиновъ.	909	1043	248	42
Всего.	947	2150	272	42

Цифры эти официальныя и, потому, должны быть ниже дѣйствительности.

прочно, изъ камня и извести, для штаба линейнаго батальона, съ домоу командира, офицерскими флигелями и оборонительными казематами на 2 или 3 роты. На этомъ мѣстѣ прежде былъ значительный аулъ, истребленный нами, вслѣдствіе измѣнническаго убіенія жителями, въ 1841-мъ году, Лисапевича, пріѣхавшаго въ аулъ для мирныхъ переговоровъ. Комендантомъ укрѣпленія и вмѣстѣ командиромъ батальона былъ во время нашего прихода полковникъ Ктиторовъ, заслуженный кавказскій офицеръ, простой, добрый и гостепріимный семейный человѣкъ.

Весь отрядъ расположенъ былъ лагеремъ и бивакомъ около крѣпости, а крѣпостныя зданія очищены были для штаба, больныхъ и раненыхъ. Князь Воронцовъ расположился въ домѣ коменданта, насъ всѣхъ помѣстили въ одной казармѣ и лазаретѣ, а также и на дворѣ укрѣпленія. Раненыхъ было болѣе двухъ тысячъ. Я помню, что въ той казармѣ, гдѣ я находился, въ одной половинѣ зданія, сажень въ 10 или 12 длины и 4 или 5 ширины, помѣстили въ повалку на полу, на соломѣ, около 80-ти раненыхъ офицеровъ. Мы рѣшительно лежали другъ на другѣ; смрадъ, духота были невыносимы; стоны раненыхъ, предсмертный хрипъ умирающихъ — все это представляло ужасную картину. Тѣ изъ насъ, которые были въ силахъ, перебрались на другой день на дворъ подъ навѣсъ, около оборонительной стѣны, гдѣ по крайней мѣрѣ могли дышать свободно. Комендантъ Ктиторовъ приготовилъ въ своемъ домѣ, какъ и насколько могъ, обѣдъ для князя и всего его штаба; изъ оконъ нашей казармы видно было, какъ изъ кухни проносили кушанья; офицеры останавливали блюда, вырывали, что могли, и приносили дѣлить съ нами горячіе пирожки, куски баранины, которыхъ мы такъ давно не видали. Комендантъ, въ отчаяніи, защищалъ несомыя блюда, но при усиленныхъ набѣгахъ офицеровъ врядъ-ли много досталось штабу.

Разскажу нѣсколько эпизодовъ моего пребыванія въ лазаретѣ. Надобно замѣтить, что почти съ выступленія изъ Дарго никто изъ насъ не былъ перевязанъ и не мѣнялъ бѣлья; часть имущества сожжена была въ Дарго, остальное пропало во время перехода; мы всѣ рѣшительно были въ рубищахъ. Въ лазаретѣ намъ дали солдатское бѣлье и лазаретныя халаты, колпаки и туфли; пока

мы ими замѣнили наши лохмотья. Наконецъ, началась перевязка: наши раны всѣ были въ ужасномъ видѣ; отъ жару, поту и нечистоты почти у всѣхъ въ ранахъ завелось большое количество червей и, какъ многіе полагали, это и спасло насъ отъ воспаления и гангрены. Но можно себѣ представить, что было въ нашемъ помѣщеніи, когда всѣ эти лохмотья валялись по полу, черви расплзались по соломѣ, и какой невыносимый, несмотря на открытыя окна, былъ воздухъ въ казармахъ. На дворѣ стояла сильнѣйшая жара и собиралась страшная гроза, разразившаяся ночью — духота была невозможная. Въ одной казармѣ лежалъ товарищъ мой Мельниковъ, котораго чудомъ успѣли донести до Герзель-аула; была даже надежда на его выздоровленіе, но онъ вскорѣ умеръ, скорѣй отъ страшной своей мнительности и нервнаго безпокойства. Тутъ же лежалъ храбрый Поссіетъ, съ неимоверной стойкостью вынося страданія своей смертельной раны. Здѣсь сдѣлана была ампутація ноги доброму Стейнбоку, молодцу вынесшему операцію. Тутъ же вынули у капитана Пружановскаго изъ груди двѣ пули и, наконецъ, видѣлъ я, какъ докторъ Андріевскій вынималъ изъ груди и бока полковника Семенова ¹⁾ пули, вмѣстѣ съ осколками колеса отъ часовъ, проникнувшихъ съ пулей въ рану. Семеновъ, старый уже человекъ, замѣчательно бодро вынесъ всѣ эти мученія и, когда вынули колесо отъ часовъ, съ улыбкой сказалъ: „ужъ этотъ механизмъ совершенно излишній“. Семеновъ выжилъ и оправился отъ ранъ. Послѣ этихъ примѣровъ стойкости въ страданіяхъ слѣдуетъ упомянуть и о прискорбныхъ чертахъ, рисующихъ военные нравы тогдашнихъ кавказцевъ и вообще эгоистическую сторону человѣческой натуры. 21-го утромъ, по приказанію князя Воронцова, всѣмъ раненымъ офицерамъ роздано было по 50-ти червонцевъ на первоначальныя нужды. Можно представить себѣ, какое это произвело впечатлѣніе: откуда явилось угощеніе, вино, карты, несмотря на стоны умирающихъ, на просьбы тяжело раненыхъ прекратить этотъ разгулъ. Достали откуда-то доску со складного стола, покрыли ее сукномъ, оторваннымъ съ воротника

¹⁾ Семеновъ впоследствии генераломъ командовалъ въ 5-мъ корпусѣ бригадой, а потомъ чуть ли не дивизіей.

пинели, и началась игра. Я помню, какъ металъ банкъ раненый въ ноги Куринскаго полка капитанъ Ушаковъ, отличный офицеръ и извѣстный забавникъ. Всѣ подползали къ столу, давя другъ друга, и ставили карты, не обращая вниманія на страданія ближняго. Въ это время около Ушакова умиралъ Куринскаго же полка поручикъ Костырка, надъ которымъ тѣснились повтеры. Кто-то, замѣтивъ это, сказалъ: „господа, дайте умереть спокойно Костыркѣ“. Игра на минуту остановилась. Костырка испустилъ духъ, всѣ набожно перекрестились, кто-то прочелъ молитву и игра началась съ новымъ азартомъ надъ неубранымъ трупомъ. Картина была отвратительная.

Я помню, какъ лежалъ я въ лазаретѣ, на полу, около Васильчикова, Врангеля и Глѣбова, и намъ было такъ тѣсно, что мы лежали почти другъ на другѣ. Входитъ офицеръ Навагинскаго полка, застегнувшій на всѣ пуговицы, и просить мѣста. (Навагинскій полкъ въ то время не пользовался хорошей боевой репутаціей, особенно между кабардинцами и куринцами). Въ отвѣтъ на просьбу офицера, кто-то закричалъ: „навагинцамъ между нами нѣтъ мѣста“. Тогда офицеръ разстегнулъ изорванный скюртукъ свой и мы увидѣли окровавленную рубашку и перевязанную грудь. „Господа, сказалъ онъ, я 13-го числа раненъ двумя пулями въ грудь, не оставилъ фрунта и съ ротою пришелъ до Герзель-аула; судите: достоинъ ли я лежать съ вами“. Громкое ура встрѣтило эти полныя достоинства слова; сейчасъ явилось шампанское и портеръ, чтобы выпить за здоровье капитана, и я съ Васильчиковымъ положили его между собой. Сожалѣю очень, что не могу вспомнить фамиліи этого честнаго офицера. — Вскорѣ мы перебрались подъ навѣсъ и не были уже свидѣтелями всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ сценъ, которыя происходили въ казармахъ. Къ намъ перебрался Стейнбокъ и многіе другіе, и такъ мы оставались до отправления нашего транспорта на линію. Здѣсь нужно упомянуть о происходившей на второй или третій день нашего пребыванія въ Герзель-аулѣ военной экзекуціи. На послѣднемъ переходѣ нашимъ пойманы были нѣсколько человекъ изъ отряда, занимавшихся мародерствомъ и грабившихъ уцѣлѣвшіе выюки въ обозѣ. Князь Воронцовъ, желая показать примѣръ взысканія за такое преступное

нарушеніе дисциплины, приказалъ судить виновныхъ военно-полевымъ судомъ. Въ 24 часа они были осуждены на разстрѣліаніе, и кофирмація за стѣнами крѣпости, передъ отрядомъ, приведена была въ исполненіе. Я не видалъ этой экзекуціи, но мнѣ рассказывали, что изъ трехъ осужденныхъ молоденькій казакъ, старовѣръ, всѣхъ возмущилъ своею дерзостью и даже кощунствомъ, артиллеристъ своею слабостью (его полуживого привязали къ столбу); одинъ куринецъ стойко шелъ на казнь, тронувъ всѣхъ своимъ религіознымъ чувствомъ, при напутствіи священника, и раскаяніемъ передъ товарищами въ сдѣланномъ преступленіи. При этомъ упоминаю одинъ забавный эпизодъ. Когда князь Воронцовъ узналъ о мародерствѣ, онъ призвалъ коменданта главной квартиры въ нашемъ отрядѣ, полковника Дружинина; добрый нашъ товарищъ Николай Яковлевичъ всегда любилъ выпить, а въ этотъ день онъ, на радостяхъ, что выбрался изъ Герзель-аула, былъ въ совершенно безсознательномъ положеніи. Князь приказалъ ему немедленно призвать аудитора; не знаю почему, Дружининъ всегда ужасно робѣлъ передъ княземъ; вышедши на дворъ и замѣтивъ чиновника съ чернымъ воротникомъ и серебряными пуговицами, онъ велѣлъ ему немедленно явиться къ главнокомандующему. Князь долго объяснялъ чиновнику важность мародерства въ арміи и приказалъ идти немедленно къ начальнику штаба для сужденія виновныхъ; тогда чиновникъ рѣшился робко заявить, что онъ не аудиторъ, а докторъ линейнаго батальона. Князь приказалъ уволить Дружинина отъ комендантства и вскорѣ онъ совсѣмъ оставилъ Кавказъ, гдѣ долго прежде служилъ при Головинѣ и Нейдгартѣ. Онъ былъ человѣкъ рѣдкой души, отличный товарищъ, и всѣ мы его очень любили, но онъ имѣлъ сильную слабость къ кутежу и къ картамъ.

24-го или 25-го іюля сформированъ былъ для отправленія на линію первый транспортъ раненыхъ, съ которымъ отправился и я. Транспортъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ ста татарскихъ арбъ, присланныхъ изъ сосѣднихъ ауловъ, и нѣсколькихъ полковыхъ повозокъ, подъ прикрытіемъ колонны съ артиллеріей и казаками. На каждыхъ трехъ рапеныхъ полагалась одна арба, какъ для солдаты, такъ и для офицеровъ, и обыкновенно назначали одного трудно раненаго, а двухъ съ болѣе легкими ранами. Къ рогамя

или ярму быковъ съ одной стороны, а съ другой—къ арбѣ привязывали иногда посылки для того, чтобы тряска была менѣе ощутительна раненымъ; на самой же арбѣ, на сѣнѣ или соломѣ, располагались двое остальныхъ. На нашей арбѣ находился тяжело-раненный 5-го Сапернаго баталіона поручикъ Ушаръ, который вскорѣ и умеръ; я лежалъ на арбѣ, около меня сидѣлъ Васильчиковъ. Транспортъ двигался, какъ можно себѣ представить, весьма медленно и мы расположились на ночлегъ въ степи, на Кумыцкой плоскости. На другой день, переправившись черезъ Терекъ въ Амипраджуртъ, часть больныхъ сдали на линіи въ станицѣ Щедринской, гдѣ былъ госпиталь, а остальные прибыли въ станицу Червленнуню. Я помню встрѣчу, которую сдѣлали транспорту гребенскіе казаки: все почти населеніе вышло изъ станицы, атаманъ со стариками впереди, кланялся въ поясъ раненымъ, выражали полное сочувствіе нашимъ лишеніямъ. По всей колоннѣ казачки разносили вино, угощеніе раненымъ, отыскивая своихъ знакомыхъ, и разспрашивали про наши дѣла. Помню, какъ казачка Авдотья Догадиха, подходя къ нашей повозкѣ, сказала: „ахъ вы, Шамилевы объѣдки“ и тутъ же сейчасъ, съ участіемъ, вмѣстѣ съ другими, позаботилась о помѣщеніи нашемъ по домамъ. — Здѣсь отдохнулъ я дня два, сдѣлали мнѣ кое-какіе костыли, достали тарантасъ, въ которомъ помѣстились Васильчиковъ, Глѣбовъ и я, и поскакали на почтовыхъ въ Пятигорскъ для излеченія нашихъ ранъ.

Пятигорскъ показался намъ совершенно земнымъ раемъ; относительно удобная квартира, прекрасная гостинница, хорошіе каменные и деревянные дома, бульваръ, усѣянный гуляющими, музыка по вечерамъ, дамскіе туалеты пріѣзжихъ семействъ съ разныхъ мѣстъ Кавказа и Россіи, — все это вводило насъ въ цивилизованную, относительно, сферу, въ Европейскую, до нѣкоторой степени, жизнь, послѣ того, какъ никто изъ насъ не надѣялся уже выйти живымъ изъ страшныхъ Ичкеринскихъ лѣсовъ. Удивительно, какое впечатлѣніе въ первые дни все производило на насъ; мы дышали какой-то дѣтской, восторженной радостью, все казалось намъ такъ хорошо, прекрасно и отрадно. Я помню, что первую ночь, въ хорошихъ постеляхъ, на удобной квартирѣ, никто изъ насъ не могъ даже заснуть отъ ощущаемаго въ этой новой об-

становеѣ волненія. Разумѣется, вскорѣ все это улеглось и мы стали жить общеою жизнью съ другими. Въ Пятигорскѣ постоянно подѣзжали товарищи и участники Даргинской экспедиціи; всѣ мы возбуждали общее участіе и интересъ всѣхъ, особенно пріѣзжихъ изъ Россіи, что не мало льстило нашему молодому самолюбію и заставляло насъ, не безъ успѣха, рисоваться на нашихъ костыляхъ и съ подвязанными руками передъ Тамбовскими, Саратовскими и другими помѣщиками. Жилось весело и широко намъ въ это время въ Пятигорскѣ.

Между тѣмъ, лѣченіе мое шло успѣшно; замѣчательно дѣйствіе сѣрныхъ водъ на раны и особенно на сведеніе членовъ; я принималъ ванны Ермоловскаго источника, весьма сильныя. Лѣвая моя нога была совершенно сведена и ступня почти на четверть не доходила до земли, и я чувствовалъ, какъ съ каждой ванной растягивались мускулы и укрѣплялась нога. Между тѣмъ и рана постепенно пополнялась и заживала; послѣ 20-й или 30-й ванны я доставалъ уже ногой землю, и хотя еще съ мѣсяць долженъ былъ ходить на костыляхъ, но могъ уже слегка ступать раненой ногой. Вскорѣ прибылъ въ Пятигорскѣ князь Воронцовъ со своей свитой, остановился на день въ этомъ городѣ и отправился въ Кисловодскѣ. Здѣсь Воронцовъ удостоился получить весьма лестный рескриптъ Государя Императора, коимъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство. Въ Кисловодскѣ Воронцовъ пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, съ нимъ съѣхалась и княгиня, туда же перебрался весь штабъ его, и Кисловодскѣ сдѣлался центромъ самой оживленной общественной жизни. Принцъ Александръ Гессенскій, Барятинскій и весь цвѣтъ молодежи собрался около князя, иногда и мы изъ Пятигорска ѣздили пользоваться прелестями Кисловодской жизни и общества. Можно себѣ представить общее тамъ оживленіе и всѣ эпизоды, о которыхъ излишнимъ считаю упоминать;—однимъ словомъ, молодежь жадно предавалась всѣмъ удовольствіямъ своего возраста и пола. Князь Воронцовъ чрезвычайно любилъ видѣть около себя довольныхъ и веселыхъ, его тѣшила вся эта обстановка; несмотря на сложныя занятія и заботы его, домъ его открытъ былъ всѣмъ, и онъ, какъ и княгиня, простымъ и внимательнымъ своимъ обхожденіемъ привязывали всѣхъ къ себѣ.

Лѣченіе мое приходило къ концу и, кажется, въ послѣднихъ числахъ сентября, откланявшись князю, отправился я съ Васильчиковымъ въ Тифлисъ, гдѣ предстояло мнѣ до слѣдующей весны оставаться въ бездѣйствіи.

ГЛАВА VII.

Зима 1845—46 года.

Вліяніе пріѣзда князя Воронцова на нравы и обычаи Тифлискаго общества.—Генераль Ладивскій.—Генераль Козляпиновъ.—Князь Д. Орбеліявъ.—Князь Александръ Чавчавадзе и его семейство.—Княгиня А. И. Мухранская.—Князь Ю. Гагаринъ.—Княжна Екатерина Андреевна.—Князь Григорій Гагаринъ.—Гр. Соллогубъ.—Семейство Фадеевыхъ и Витте.—Блавацкая.—Ганъ.—Князь Василій Кочубей.—Ханыковъ. Абихъ. Ходзько.—И. А. Бартоломей.—Баронъ Александръ Мейендорфъ.—Сеймуръ.—Нашъ товарищескій кружокъ.—Круженштернъ.—Васильчиковъ.—Князь Сергій Кочубей.—Наши юношескія шалости.—Балъ на нашей квартирѣ.—Вѣздъ персидскаго посла.—Отсутствіе интригъ и сплетенъ въ Тифлисскомъ обществѣ.

Зима 1845—46 года, проведенная мною въ Тифлисъ, должна занять мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ, преимущественно по описанію существовавшего тогда въ Тифлисъ общества, обстановки жизни князя Воронцова и вообще сложившихся у меня отношеній, имѣвшихъ вліяніе на мою послѣдующую жизнь на Кавказѣ.

Послѣ патріархальной, почти бюргерской и чиновничьей, обстановки Тифлискаго общества при командованіи генерала Нейдгарта, пріѣздъ князя Воронцова долженъ былъ необходимо дать этому обществу иной складъ и характеръ. Несмотря на всю простоту своего обхожденія, громкое и аристократическое имя князя Воронцова, его прошедшее необходимо должно было сосредоточивать, поглощать всѣ интересы и сношенія общества въ его домѣ,—при его дворѣ, какъ называли его на Кавказѣ. Масса новыхъ, прибывшихъ съ княземъ и впослѣдствіи привлеченныхъ изъ столицы, элементовъ внесли въ Тифлисское общество новыя понятія, новыя взгляды и стремленія. Европейская культура несомнѣнно должна была постепенно поглощать восточную патріархальную обстановку нашихъ прежнихъ собраній; неминуемымъ послѣдствіемъ явилась роскошь въ туалетахъ дамъ и во всей обстановкѣ прежней Тиф-

лисской жизни. Модистки изъ Одессы и Парижа внесли вкусъ къ европейскимъ туалетамъ, которые постепенно замѣняли грузинскія чадры, тассакрави, личаки и шелковыя платья, съ обычными гули-спири у грузинокъ. Стѣсняясь первое время новыми нарядами, онѣ врядъ ли не утратили впослѣдствіи той простоты и естественности, которыми такъ прельщали насъ въ своихъ національныхъ костюмахъ своими добрыми патріархальными нравами проплаго. Бѣдный куа-феръ Blotte, пріѣхавшій въ Тифлисъ съ ножницами и гребенкой, открылъ при помощи жены своей M-me Virginie модную ателье и огромный магазинъ, съ которыми въ нѣсколько лѣтъ нажилъ большое состояніе, и впослѣдствіи я его видѣлъ живущимъ въ довольствіи въ Парижѣ помѣщикомъ извѣстной *propriété de Monmirail*. Это были впрочемъ очень хорошіе люди, относительно честные и всѣми любимые въ Тифлисѣ. Прибыли также обанкротившіеся рестораторы изъ Петербурга и другіе проходимцы всѣхъ странъ. Шашлыкъ и пилавъ, которыми мы прежде довольствовались въ открытыхъ лавкахъ армянскаго базара и духанахъ города, весело запивая ихъ кахетинскимъ виномъ изъ бурдюковъ, замѣнились болѣе изысканной, на французскій ладъ, кухней, на первое время въ скромно устроенныхъ помѣщеніяхъ, превратившихся впослѣдствіи въ роскошные рестораны. Явилось значительное количество рессорныхъ экипажей изъ Одессы и Вѣны, богатая упряжи; верхомъ, какъ прежде, уже не дѣлались визиты. На квартирахъ скромная базарная мебель, съ непремѣнными, покрытыми коврами, тахтами (диванами), съ бархатными мутакми (подушками), замѣнялась выписной изъ Одессы, а потомъ пріобрѣтаемой и въ Тифлисѣ роскошною мебелью; канасовыя занавѣси уступили мѣсто шелковымъ портьерамъ; дома перестраивались; салалакскіе сады Тифлиса безпощадно вырубались, плоскія крыши домовъ, на которыхъ такъ безпечно, по закатѣ солнца, раздавались по всему Тифлису звуки зурны и пляски грузинокъ, съ постройкой новыхъ этажей, замѣнялись черепичными и желѣзными крышами. На лѣвомъ берегу Куры образовались цѣлые новые кварталы до самой нѣмецкой колоніи со всѣми условіями европейскаго города, особенно съ устройствомъ новаго Воронцовскаго моста, взамѣнъ прежняго, предмѣстій Куки и Аylaбаръ. Много, дѣйствительно, измѣнилось въ этомъ отношеніи къ худшему

въ Грузіи, но несправедливо было бы обвинять князя Воронцова и особенно княгиню въ поощреніи роскоши; напротивъ того, они давали примѣръ своею домашней обстановкой простоты и не-особенной изысканности. Въ домѣ главнокомандующаго оставалась та же казенная меблировка; столъ князя, всегда впрочемъ вкусный, не отличался никакою изысканностью, вино подавалось кахетинское или крымское; въ походѣ же и въ дорогѣ князь рѣшительно ничѣмъ особенно не отличался отъ прочихъ, развѣ только въ размѣрахъ широкаго своего гостепріимства и обаянія своего простого и привѣтливаго со всѣми обращенія. Отъ князя вѣяло какимъ-то *grand seigneur*'омъ. Именно вслѣдствіе естественной простоты его всякій сознавалъ невольно, что онъ принадлежитъ къ другому высшему кругу, какъ по понятіямъ, такъ и по нравамъ и привычкамъ прошлаго. Тифлисское общество невольно старалось, по возможности, подходить къ этому новому для него типу и необычной обстановкѣ, отказываясь отъ хорошаго прошлаго и никакъ не подлаживаясь вполнѣ къ тому складу жизни, въ жертву которому многіе принесли свое матеріальное благосостояніе, а къ сожалѣнію еще чаще и нравственныя правила, руководившія ими до того времени.

Постараюсь охарактеризовать, по возможности, Тифлисское общество того времени и упомянуть о тѣхъ лицахъ, которые по служебному и общественному положенію своему болѣе всего выдавались.

Начальникомъ гражданскаго управленія былъ назначенъ генералъ Лабинскій, человѣкъ весьма умный, знакомый по прежней своей службѣ князю Воронцову и давно служившій на Кавказѣ при Ермоловѣ и чуть ли не до Ермоловскихъ временъ. Не знаю, насколько нравственныя правила его соотвѣтствовали несомнѣннымъ его способностямъ; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ оставилъ Кавказъ, по неудовольствію съ княземъ Воронцовымъ. Лабинскій замѣнилъ бывшаго на этомъ мѣстѣ при Нейдгартѣ генерала Гурко; мы всѣ сожалѣли объ отъѣздѣ послѣдняго и особенно милаго его семейства; съ ними лишился Тифлисъ одного изъ пріятнѣйшихъ и гостепріимнѣйшихъ домовъ временъ Нейдгарта. Губернаторомъ былъ въ то время генералъ Ермоловъ, родственникъ Алексѣя Петровича, изъ дюжинныхъ російскихъ армейскихъ генераловъ того времени; онъ

также былъ человѣкъ семейный, жена его была довольно милая и пріятная особа, но они мало у себя принимали. Былъ еще радушный, гостепріимный домъ начальника артиллеріи — стараго генерала Козлянинова, давно служившаго на Кавказѣ. Козляниновъ имѣлъ слабость молодиться и увѣрять всѣхъ въ успѣхахъ своихъ у женскаго пола: въ пріемные дни князя Воронцова неоднократно подавались родителями жалобы на соблазненіе генераломъ дочерей или родственницъ просителей. Впослѣдствіи оказывалось, что все это вымыслено и что самъ Козляниновъ подговаривалъ подавать просьбы, которыя у себя же писалъ. Князь Воронцовъ это хорошо зналъ и доставлялъ огромное удовольствіе Козлянинову своими серьезными увѣщеваніями. У начальника инженеровъ генерала Ганзена иногда собирались на семейные вечера, но не личность весьма скучнаго хозяина, а любезность молодой его жены привлекала молодежь въ этотъ семейный кругъ.

Изъ грузинскихъ домовъ назову прежняго нашего добраго знакомаго князя Дмитрія Орбеліана, умная и вѣчно веселая жена котораго, княгиня Марія Ивановна, умѣла соединять наше общество. Дочь ея княжна Елизавета, тогда еще дѣвица лѣтъ 14-ти, первый разъ въ 45-мъ году была на балѣ у князя Воронцова. Помню, какъ я танцевалъ съ нею первую кадрили, по просьбѣ ея матери, въ виду весьма естественнаго смущенія молодой дѣвушки на первомъ большомъ балѣ ¹⁾. Въ числѣ добрыхъ знакомыхъ нашихъ назову князей Эристовыхъ, Тумановыхъ, а въ особенности, гостепріимный домъ князя Чавчавадзе. Генералъ-лейтенантъ князь Александръ Герсеговичъ Чавчавадзе, проведя большую часть своей службы въ Россіи, пользовался общимъ уваженіемъ въ Тифлисѣ, отличаясь благородствомъ своего рыцарскаго характера и свѣтскимъ обращеніемъ. Домъ его оживляли дочери его — княгиня Екатерина Александровна Дадіанъ, замужемъ за владѣльцемъ Мингреліи княземъ Давидомъ, и вдова нашего извѣстнаго писателя Нина Александровна Грибоѣдова. Третья дочь князя — Софія была еще тогда молода и впослѣдствіи вышла за барона А. П. Николаи и умерла, оставивъ одну дочь. Единственный сынъ князя,

¹⁾ Княжна Елизавета Дмитріевна впослѣдствіи супруга князя А. И. Бяратинскаго.

нашъ товарищъ, князь Давидъ Александровичъ, нынѣ генералъ-маіоръ свиты Его Величества на Кавказѣ былъ всѣми нами очень любимъ. Онъ въ послѣдствіи женился на княжнѣ Грузинской и не оставлялъ Кавказа.

Въ 185 (?) году, при нападеніи горцевъ на Кахетію, семейство его было взято въ плѣнъ Шамилемъ и послѣ тяжелыхъ испытаній возвратилось въ Кахетію. Во всемъ нашемъ кружкѣ того времени, я думаю, никогда не изгладится изъ памяти та простота, любезность и непритворное добродушіе, которыя встрѣчали насъ въ этомъ почтенномъ семействѣ. Князь Александръ Чавчавадзе умеръ насильственной смертью: опрокинутый изъ дрожекъ на улицѣ въ Тифлисѣ, онъ былъ поднятъ замертво, разбитый о мостовую.

Не буду упоминать о другихъ туземныхъ личностяхъ тогдашняго нашего общества, но не могу не сказать нѣсколько словъ о княгинѣ Аннѣ Ивановнѣ Мухранской, игравшей въ послѣдствіи, во времена Бяратинскаго, довольно видную и значительную роль въ Тифлисѣ. Происходя, если не по имени, то по крови, отъ царевича Грузинскаго Ивана (Окропира), проживавшаго въ Москвѣ, она получила воспитаніе въ домѣ графа Кутайсова за границей (кажется въ Италіи), гдѣ провела большую часть своей молодости; она отличалась замѣчательнымъ умомъ, свѣтскимъ образованіемъ и самымъ ловкимъ кокетствомъ; стройная наружность и граціозность движеній ея были крайне привлекательны; черныхъ, выразительныхъ глазъ ея никто изъ тогдашней молодежи, я думаю, никогда не забудетъ.

Но умъ и честолюбіе составляли основаніе всего ея существа. Сердцу не было мѣста: все замѣнялось расчетомъ и желаніемъ имѣть поклонниковъ. Я разскажу одинъ примѣръ, чтобы характеризовать эту женщину. Въ то время въ Тифлисѣ при дипломатической канцеляріи намѣстника находился нѣкто князь Голицынъ, весьма умный, образованный, милый, съ любящимъ сердцемъ, молодой человекъ. Голицынъ былъ обиженъ природою — у него скошена была шея и сильный нервный тикъ въ лицѣ. Онъ страстно влюбился въ княгиню Мухранскую и, несмотря на наши увѣщанія, она продолжала завлекать Голицына для своей забавы. Этотъ несчастный дошелъ, наконецъ, до того возбужденнаго состоянія, что хотѣлъ

броситься съ моста въ Куру; съ тѣхъ поръ мы за нимъ слѣдили и не упускали изъ виду. Онъ жилъ въ то время съ завѣдующимъ французскимъ консульствомъ Моно—отличнымъ человѣкомъ, всѣми нами любимымъ за свой веселый и милый нравъ. Зимой 1846 года я былъ въ театрѣ, меня вызываютъ и я узнаю, что Голицынъ застрѣлился на своей квартирѣ. Въ это время въ первомъ ярусѣ сидѣла княгиня Мухранская, окруженная молодежью. Я бросился къ ней въ ложу, чтобы увѣдомить о несчастіи. „L'imbécile“—отвѣчала она мнѣ, продолжая въ бинокль смотрѣть на сцену. Съ понятнымъ, при молодости моей, въ то время чувствомъ отвращенія удалился я изъ ложи и поѣхалъ на квартиру покойнаго, вмѣстѣ со всѣми товарищами своими, которые, возмущенные равнодушіемъ княгини, оставили разомъ ложу ея. Впечатлѣніе, произведенное на меня Мухранской въ эту минуту, долго осталось въ памяти моей при послѣдующихъ отношеніяхъ моихъ съ этой женщиной; и только въ концѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ, увидѣвши ее уже пожилою, въ несчастіи, при самыхъ скудныхъ средствахъ къ существованію, впечатлѣніе это уступило мѣсто участію къ судьбѣ ея, какъ къ горькому наказанію за ея прошлое. Княгиня Мухранская была замужемъ за адъютантомъ начальника артиллеріи, княземъ Александромъ, простымъ, честнымъ и весьма хорошимъ человѣкомъ; онъ видимо страдалъ своимъ положеніемъ и въ концѣ 40-го года скончался. Княгиня Анна Ивановна продолжала со свойственнымъ ей умомъ и ловкостью поддерживать въ Тифлисѣ свое положеніе *de femme à la mode* и, наконецъ, увлекла князя Барятинскаго, бывшаго въ началѣ 50-хъ годовъ начальникомъ штаба на Кавказѣ, въ свои сѣти. Царство ея продолжалось довольно долго; когда князь уже былъ намѣстникомъ, рассказывали, что даже на балахъ Барятинскаго она являлась, какъ хозяйка дома. Достиженіе цѣли было близко и нѣтъ сомнѣнія, что князь со свойственнымъ ему самолюбіемъ и надменнымъ самообольщеніемъ, поддаваясь ея драматическимъ приемамъ привязанности и любви, женился бы на ней, но одно обстоятельство разстроило все дѣло; княгиня Мухранская должна была выѣхать за границу, вышла за какого-то нанятаго графа d'Albizzè, который усыновилъ ея сына.

Барятинскій подарилъ ей какую-то дачу на Рейнѣ или въ Италіи и, кажется, заплатилъ ей 200 т. за ея невѣрность. Все это состояніе, вслѣдствіе неудачныхъ оборотовъ или предпріятій, не пошло въ прокъ, и въ настоящее время княгиня Анна Ивановна живетъ, не знаю гдѣ, съ самыми скудными средствами.

Я здѣсь въ одной главѣ намѣренъ соединить воспоминанія объ обществѣ не одного только 45-го года, но и послѣдующихъ годовъ моей Тифлисской жизни съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи не возвращаться вновь къ характеристикѣ лицъ.

Въ Тифлисъ переѣхалъ, кажется, въ послѣдующемъ году князь Юрій Гагаринъ, сынъ бывшаго предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя Павла Павловича. Не первой молодости, онъ отличался несомнѣннымъ умомъ, былъ золъ и своенравенъ до бѣшенства. Ревность его, основанная на одномъ самолюбіи, не имѣла предѣловъ, равно какъ и жестокое обращеніе съ женой. Въ 47-мъ году онъ лишился ноги, отрѣзанной ему Пироговымъ при штурмѣ Салтовъ; къ крайнему нашему удовольствію, это уменьшило его подвижность, но нисколько не повліяло на его скверный характеръ. Жена его Лидія Аркадьевна, урожденная Рахманова, чрезвычайно красивая, добрая была предметомъ ухаживанія тогдашней тифлисской молодежи и играла немаловажную роль въ нашей широкой, беззаботной жизни того времени. Сомнѣнія князя Гагарина начались, повидимому, съ пребыванія штаба князя Воронцова, особенно принца Александра Гессенскаго въ Кисловодскѣ, послѣ Даргинской экспедиціи 45-го года; они продолжались и въ Червленой, гдѣ князь Гагаринъ служилъ въ Гребенскомъ полку, въ сосѣдствѣ отъ Едлинскаго, служившаго въ Моздовскомъ—и наконецъ въ Тифлисъ, гдѣ онъ состоялъ при Кавказскомъ корпусѣ. Во время пребыванія Гагариныхъ на Кавказской линіи оживляла ихъ семейство своимъ замѣчательнымъ умомъ и веселостью не совсѣмъ уже молодая, добрая пріятельница моя, княжна Екатерина Андреевна Гагарина, поселившаяся потомъ въ Москвѣ, съ которой сохранилъ я до сихъ поръ добрыя дружескія наши отношенія.

Въ числѣ пріѣзжихъ изъ Петербурга слѣдуетъ упомянуть о миломъ семействѣ другого князя Гагарина, князя Григорія, извѣст-

наго своими художественными дарованіями, впоследствии вице-президента Академіи Художествъ. Въ званіи флигель-адъютанта, съ молодою женою, урожденной Дашковой, онъ прибылъ въ Тифлисъ и довольно долго оставался на Кавказѣ, упрочивъ память о себѣ архитектурнымъ убранствомъ въ мавританскомъ вкусѣ замѣчательнаго тифлискаго театра (недавно сгорѣвшаго) и возстановленіемъ старыхъ и отчасти созданиемъ новыхъ фресокъ тифлискаго Сіонскаго собора. Много его вкусу и изящнымъ познаніямъ обязанъ Кавказъ при возобновленіи памятниковъ древности края и просвѣщеннымъ указаніямъ его по части зодчества и искусства. Княгиня Софья Андреевна, очень молодая и достойнѣйшая женщина, вся преданная чувству своего долга и материнскимъ обязанностямъ, служила въ то время лучшимъ украшеніемъ тифлискаго общества. Непритворная простота ея въ обхожденіи, съ замѣчательнымъ образованіемъ, положительно привлекали къ ней всеобщее уваженіе. Она замѣчательно одарена была драматическимъ талантомъ. Я помню, что на *spectacles de société* мнѣ случилось играть съ ней въ Тифлисъ въ нѣсколькихъ пьесахъ; естественность и осмысленность ея игры были замѣчательны. Къ сожалѣнію, никакъ она не могла справиться съ музыкой и куплеты ея роли должны были быть пропускаемы. Я часто встрѣчаюсь во время бытности въ Петербургѣ съ милой княгиней Гагариной, которая теперь давно уже бабушкой, и всегда съ особеннымъ увлеченіемъ вспоминаемъ мы тифлискую жизнь тогдашняго времени.

Въ 49-мъ году поселилось также въ Тифлисъ семейство гр. Соллогуба, извѣстнаго нашего писателя. Насколько достойная графиня пріобрѣла всеобщую симпатію, настолько мужъ ея, несмотря на умъ свой и острый нравъ, мало заслужилъ уваженія во всѣхъ близко знавшихъ его. Я помню, какъ разъ въ началѣ 50-хъ годовъ, играя въ ассонасы (азартная грузинская игра) на водахъ въ Боржомѣ, въ большомъ обществѣ съѣхавшихся грузинскихъ помѣщиковъ, Соллогубъ проигралъ довольно большую сумму. Жалуясь на судьбу, онъ началъ говорить объ несчастномъ положеніи своего семейства, вслѣдствіе его проигрыша, потерявъ при этомъ всякое достоинство и приличіе. Намъ досадно было поведеніе русскаго

графѣ передъ грузинами; князь Николай Эристовъ, метавшій банкъ, сказалъ ему ставить все на карту; это продолжалось нѣсколько разъ. Соллогубъ все проигрывалъ и предавался своему отчаянію. Эристовъ сказалъ ему: „нечего вамъ отчаяваться, продолжайте дальше, покуда все не отыграете, вы видите, что мы вашихъ денегъ не хотимъ“. Когда Соллогубъ отыгрался, Эристовъ сказалъ ему: „ну, графъ, васъ можно только читать, а ужъ никакъ не знать—оставьте насъ“.—Соллогубъ терпѣливо снесъ это оскорбленіе. Онъ имѣлъ привычку не платить ни долговъ своихъ, ни проигрышей и весьма нахально настаивать, когда кто-нибудь былъ ему долженъ. Много подобныхъ возмутительныхъ, даже грязныхъ эпизодовъ было у Соллогуба на Кавказѣ, и несомнѣнно талантъ его не могъ поколебать сложившагося о немъ у всѣхъ невыгоднаго мнѣнія.

Кромѣ многихъ другихъ лицъ высшаго круга, общество составляли семейства служащихъ и въ этомъ, довольно большомъ, кругу весьма много было почтенныхъ и пріятныхъ для нашей молодежи домовъ. Въ Тифлисѣ жило въ то время почтенное и патриархальное семейство Фадеевыхъ и Витте, кажется женатаго на Фадеевой; къ этому семейству принадлежалъ также извѣстный впослѣдствіи, а тогда еще артиллерійскій поручикъ Ростиславъ Фадеевъ, этотъ способный, замѣчательно даровитый литературный кондотьеръ военнаго вѣдомства, забавлявшій насъ своими острыми выходками. Но не о немъ хочу я говорить. Въ домѣ у стариковъ Фадеевыхъ проживала внучка ихъ дѣвица Ганъ, дочь извѣстной писательницы Ганъ-Ганъ. Эта эксцентричная, замѣчательно даровитая личность, такъ плачевно сложившая свою жизнь, заслуживаетъ нѣсколько строкъ. Необыкновенно умная, бойкая до цинизма дѣвушка, она нерѣдко выходками своими возмущала общество. Наконецъ къ ней посватался нѣкто Блавацкій, назначенный вице-губернаторомъ въ Эривань. Передъ самой свадьбой, послѣ которой они должны были ѣхать въ Эривань, эта своеобразная барышня показывала списокъ изъ семи лицъ нашей молодежи, которымъ предоставляла право на ее вниманіе при прибытіи въ новую ея резиденцію. Она тоже мнѣ показывала

этотъ списокъ, гдѣ я стоялъ 2-мъ номеромъ. Судьба этой несчастной довольно замѣчательна. Я ее потерялъ изъ виду, слышалъ, что она бѣжала отъ мужа и пропала безъ вѣсти для семейства. Женившись въ 52-мъ году, я отправился съ женой путешествовать за границу и весною 53-года, когда мы были вмѣстѣ въ Парижѣ на представленіи въ ипподромѣ, мнѣ показалось, что я узнаю бывшую Эриванскую вице-губернаторшу въ весьма легкомъ одѣяніи на колесницѣ Венеры или какой-то другой богини въ числѣ прочихъ фигурантокъ. Это меня заинтересовало,—я справился, и оказалось дѣйствительно, что это она. Затѣмъ на другой день я встрѣтилъ ее въ bal Mabille; она бросилась ко мнѣ, какъ къ старому знакомому и, рыдая, въ слезахъ, рассказала мнѣ всю свою жизнь. Бѣжавши изъ Эривани отъ ненавистнаго ей мужа, она попала въ Одессу, оттуда въ Константинополь, гдѣ съ годъ фигурировала съ успѣхомъ, какъ отличная наѣздница въ тамошнемъ циркѣ и сломала себѣ руку; затѣмъ съ какимъ-то шкиперомъ на купеческомъ суднѣ отправилась въ Англію, гдѣ, при отличномъ своемъ знаніи иностранныхъ языковъ, дебютировала на нѣсколькихъ лондонскихъ театрахъ въ драматическихъ роляхъ. Влюбившись въ какого-то капитана купеческаго корабля, она съ нимъ долго плавала и, наконецъ, бросилъ онъ ее въ Америкѣ; тамъ прожила она нѣкоторое время въ различныхъ циркахъ и театрахъ, наконецъ, опять съ какимъ-то шкиперомъ попала въ Гавръ, оттуда въ Парижъ, гдѣ, то въ ипподромѣ, то за ничтожную проспектальную плату въ балетѣ или на мелкихъ сценахъ *théâtres des boulevards* снискивала себѣ пропитаніе. Она горько жаловалась на судьбу свою, сознавала безвыходное свое положеніе и называла себя отпѣтымъ заживо существомъ. Она съ участіемъ спрашивала меня о семействѣ, о которомъ уже много лѣтъ не имѣла извѣстій и, наконецъ, намѣревалась ѣхать въ Гамбургъ и оттуда отплыть въ Австралію *nt commencer une existence de travail et de rédemption*. Потомъ изъ газетъ узналъ я о ея подвигахъ по части спиритизма въ различныхъ частяхъ свѣта. При другой, болѣе благопріятной обстановкѣ, можетъ быть, эта даровитая натура и получила-бы извѣстность другого рода.

Мужское общество въ Тифлисѣ было весьма многочисленно и разнообразно; кромѣ постоянныхъ жителей и служащихъ въ городѣ, весьма много являлось прїѣзжихъ и лицъ, на время поселявшихся въ Тифлисѣ, которыя вносили новый, свѣжій элементъ въ наше общество. Къ числу такихъ личностей, дорогихъ моимъ воспоминаніямъ, несомнѣнно принадлежитъ князь Василій Викторовичъ Кочубей, прїѣхавшій навѣстить брата своего Сергѣя, служившаго на Кавказѣ и остававшася цѣлую зиму въ Тифлисѣ. Эта замѣчательно образованная и умная личность производила самое симпатичное впечатлѣніе на весь нашъ кружокъ того времени. Прїѣзжалъ также извѣстный Андрей Николаевичъ Муравьевъ для собиранія свѣдѣній о древнихъ церковныхъ памятникахъ Грузіи. Въ числѣ ученыхъ людей долго проживалъ на службѣ въ Тифлисѣ извѣстный нашъ оріенталистъ Николай Владиміровичъ Ханыковъ и профессоръ Абихъ, оба ученые весьма извѣстные своими трудами и изслѣдованіями, а равно постоянно служившій на Кавказѣ Генеральнаго Штаба генералъ Ходзько, которому Кавказъ обязанъ тригонометрическою съемкою края и многими астрономическими наблюденіями. Впослѣдствіи состоялъ при князѣ Воронцовѣ полковникъ Иванъ Александровичъ Бартоломей, извѣстный нумизматъ по части абаситскихъ и сассанитскихъ монетъ, собиравшій также коллекціи насѣкомыхъ. Онъ же занимался, въ числѣ, кажется, всего трехъ ученыхъ въ Европѣ, изслѣдованіемъ пехлевійскаго языка, какого-то, по его словамъ, даже корня санскритскаго. Я помню, какъ-то разъ въ походѣ, на верховьяхъ Самура, онъ увидѣлъ въ стѣнахъ занятаго нами аула какой-то камень съ изображеніями. Невозможно описать его восторгъ—это оказались двѣ буквы пехлевійской азбуки—онъ бросился съ лошади и сейчасъ же снялъ слѣпокъ этой рѣдкости. Мы очень любили Ивана Александровича, весьма умнаго и прїятнаго человѣка, но сильно приставали къ нему по поводу его ученыхъ странностей. Я помню еще въ 51-мъ году, какъ въ отрядѣ за Кубанью, по рѣкѣ Бѣлой, въ продолженіе всего похода набралъ Бартоломей коллекцію букашекъ, которыя сохранялъ въ жестяныхъ кружкахъ въ самомъ крѣпкомъ спиртѣ; эти рѣдкости онъ обыкновенно держалъ подъ койкой въ своей палаткѣ. Разъ заходимъ мы къ нему и поражены страшнымъ зловоніемъ. Иванъ

Александровичъ самъ отыскиваетъ причину и, наконецъ, открывъ свои дорогія банки, видитъ, что весь спиртъ, въ которомъ были пастоены букашки, выпить казаками. Бѣшенство его по этому случаю было неописанное, и можно себѣ представить, какъ мы смѣялись этому случаю. Бартоломей скончался въ Тифлисѣ членомъ Главнаго Управленія, кажется, въ 70-мъ году. Въ числѣ оригинальныхъ личностей того времени былъ извѣстный баронъ Александръ Казимировичъ Мейендорфъ, пожилой уже человекъ, въ высшей степени свѣтскій и любезный, постоянно создающій невозможные проекты по части торговли, финансовъ и промышленности; съ замѣчательною энергіею стараясь проводить свои несбыточные мечты, онъ излѣзидилъ Кавказъ. Онъ, между прочимъ, предпринялъ очищеніе русла Куры для устройства пароходнаго сообщенія отъ селенія Мингегауръ до Каспійскаго моря. Князь далъ ему средства на эту работу и, несмотря на лѣта свои, постоянно мучившую его лихорадку въ зловредномъ климатѣ низкихъ береговъ Куры, онъ съ настойчивостью продолжалъ начатое дѣло, не приведенное, впрочемъ, къ желаемому результату. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работъ Мейендорфа, я занимался въ кабинетѣ князя, когда онъ вошелъ и просилъ прочесть свой проектъ; при этомъ онъ представилъ весьма красивый планъ вокзала, товарныхъ складовъ и проч. для Мингегаура. Читая предположеніе о торговомъ движеніи, онъ въ пространной таблицѣ исчислялъ количество и статьи грузовъ съ самыми мельчайшими цифрами, которыя должно было доставлять Закавказье въ Каспійское море; между прочимъ, выставлена была сумма, сколько мнѣ помнится, на 40 т. съ рублями индиго. Выслушавъ его, князь Воронцовъ съ сардонической улыбкой возразилъ: „mais, cher baron, autant que je connais le pays, il n'y a pas de culture d'indigo au Caucase“. Мейендорфъ съ увѣренностью и живостью возразилъ: „Je Vous demande pardon, mon Prince, la semaine dernière j'ai envoyé au pasteur Roth à la colonie près d'Elisabetpol des semences d'indigo, qui doivent doter le pays de cette culture nouvelle“.

Разъ Мейендорфъ сопровождалъ насъ за укрѣпленіе Гассафюртъ на рекогносцировку Качколыкскаго хребта и чрезвычайно заботился наканунѣ выступленія о предстоящихъ военныхъ дѣй-

ствіяхъ, какъ старшій офицеръ Генеральнаго Штаба, желавшій показать свою удалъ. Мы его вооружили, одѣли старика въ черкесское платье, и онъ выѣхалъ съ нами;—здѣсь познакомилъ я его съ Баклановымъ, этимъ дикимъ типомъ Донскаго казака, увѣривъ его, что онъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и получилъ свѣтское образованіе, которое утратилъ въ Кавказскихъ походахъ. Мейендорфъ удивлялся, какъ на вѣжливые его вопросы по-французски (Баклановъ не зналъ ни слова на этомъ языкѣ), тотъ отвѣчалъ ему оригинальными своими выходками и самыми непечатными русскими ругательствами. „Comme cependant le Caucase peut deformar l'éducation“—замѣтилъ Мейендорфъ. На рекогносцировкѣ не было ни одного выстрѣла и въ тотъ же вечеръ всѣ мы съ княземъ пріѣхали въ Червленную. Здѣсь мы познакомили веселаго старика съ казачьими нравами; проведя вечеръ съ казачками, которыя черезчуръ угостили его чихиремъ, онъ въ восторгѣ называлъ какую-нибудь Дуньку или Варьку „Индіана“. На другой день за чаемъ у князя Воронцова онъ при всѣхъ насъ говорилъ: „adorable pays que le Caucase, avant'hier la guerre, hier l'amour“. Для Мейендорфа въ эти дни не было ни войны, ни любви. Когда Муравьевъ былъ назначенъ на Кавказъ, то Мейендорфъ, прощаясь съ своими знакомыми, говорилъ съ обыкновеннымъ своимъ юморомъ: „l'homme serieux arrive notre place n'est plus ici“, распѣвая: „filons, filons, filons!“ Это былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ, любезнѣйшихъ стариковъ, которыхъ я когда либо встрѣчалъ.

Наконецъ въ Тифлисѣ, еще со времени Нейдгардта, проживала личность оригинальнаго англичанина Сеймура, отличнаго малаго, всѣми нами любимаго. Онъ ѣхалъ въ Персію и проѣздомъ черезъ Тифлисъ намѣревался прожить 5 дней, а остался, кажется, 3 года на Кавказѣ, не давая о себѣ никакихъ извѣстій; родственники разыскивали его и черезъ князя Воронцова просили дать о немъ извѣстіе. Сеймуръ отправился въ Эривань, нанялъ нѣсколько армянъ, съ которыми взобрался на Араратъ, и на вершинѣ горы написалъ первое свое письмо въ Англію. Потомъ онъ оставилъ Кавказъ и не знаю, что съ нимъ послѣ было.

Самыя теплыя воспоминанія относятся къ тому товарищескому, довольно близкому кружку, съ которымъ проводилъ я постоянно

время. Это была истинно одна семья; въ настоящее время, съ прогрессомъ вѣка, насъ бы назвали коммуной, но тогда такъ естественно мы считали себя связанными другъ съ другомъ, что ежели у одного были деньги, то другіе не заботились о своихъ средствахъ. Не только наша собственность, но всѣ наши помыслы, чувства были единомысленны. Разумѣется, между нашими были друзья и съ слабостями и съ недостатками, даже съ пороками, но все это прощалось, забывалось въ общей нашей другъ къ другу привязанности. Старше насъ всѣхъ былъ достойный Алексѣй Федоровичъ Крузепштернъ, старый кавказецъ еще вѣременъ Головина, долго только по отъѣздѣ моемъ оставившій окончательно Кавказъ. Это была истинно благородная, честная натура, съ самымъ теплымъ сердцемъ и отлично знающая и понимающая Кавказъ. Затѣмъ искренній другъ мой Сергѣй Васильчиковъ, съ которымъ я жилъ и любилъ его, какъ родного брата. Доброты онъ былъ неимовѣрной, и когда онъ кого полюбитъ, то привязанности и самоотверженію его не было конца. Обыкновенно серьезный и пасмурный, когда онъ развеселялся виномъ (что, къ сожалѣнію, было очень часто), онъ дѣлался веселъ до невозможности и отличался оригинальными выходками. Расскажу нѣсколько таковыхъ о моемъ добромъ другѣ. Разъ просилъ я его испробовать и купить бочку кахетинскаго вина для нашего дома изъ погреба виноторговца Ленца. Въ продолженіе трехъ дней, живя вмѣстѣ, я не могъ видѣть Васильчикова: выходя на службу къ князю Воронцову весьма рано, я всегда заставалъ Васильчикова въ постели, спящаго въ безобразномъ видѣ, по словамъ человѣка его, два раза въ день привозимаго товарищами отъ Ленца. Наконецъ, какъ-то передъ обѣдомъ—у насъ постоянно собирався къ столу нашъ кружокъ—мы съ товарищами растолкали Васильчикова, и я взбѣшенный сталъ сильно упрекать его въ его поведеніи. Заспавный потянулся онъ въ кабинетъ, вынулъ изъ ящика какую-то записную книжку и наивно сказалъ: „что ты ругаешься, самъ же приказалъ выбрать вино, вотъ посмотри“. Въ книжкѣ было написано: бочка № 4 вино мягкое, но послѣ него сильная головная боль, № другой бочки производитъ тошноту и т. д. Наконецъ № 11—отличное вино, никакихъ послѣдствій. Общій хохотъ встрѣтилъ эту выходку, мы купили № 11

и на время Васильчиковъ прекратилъ пробовање. Такъ и во всемъ прочемъ Васильчиковъ отличался подобной добросовѣстностью. Разъ на *bal costumé* у князя онъ костюмировался въ женское платье *princesse de Lemballe*, заказавъ весьма роскошный костюмъ *avec des paniers* въ магазинѣ Блота. Онъ выбрилъ себѣ, несмотря на маску, усы и, при ужасныхъ мученіяхъ, заблаговременно велѣлъ себѣ выдернуть всѣ волосы, которыми были обросши его плечи и грудь. Въ продолженіе цѣлой недѣли онъ, тайно отъ всѣхъ, дома бралъ уроки минуэта у балетмейстера и дѣйствительно произвелъ необычайный эффектъ на балѣ, танцуя минуэтъ съ барономъ Николаи, также костюмированнымъ маркизомъ. Князь и княгиня Воронцовы до слезъ хохотали, глядя, какъ добросовѣстно и совершенно серьезно Васильчиковъ выдѣлывалъ свои па. Еще одинъ маленькій эпизодъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ нравы Тифлиса. Васильчиковъ крайне любилъ меня, довѣрялъ мнѣ и только меня слушался, когда разгуляется; разъ вызываютъ меня изъ театра въ дворянскій клубъ, чтобы усмирить Васильчикова. Большая зала собранія въ концѣ отдѣлена была колоннами и толстыми новыми драпри. Входя въ залу, я нахожу ее совершенно неосвѣщенною; выстроенные, какъ для представленія, нѣсколько рядовъ креселъ наполнены весьма развеселившейся компаніей, въ числѣ которой почтенные генералы и сановники, члены клуба. За занавѣсками видно усиленное освѣщеніе; меня останавливаютъ, сажаютъ въ первый рядъ, говоря: тише, сейчасъ начнутся живыя картины. Наконецъ занавѣсъ открывается, и я вижу Васильчикова на ломберномъ столѣ, совершенно раздѣтаго съ одною Анною на шеѣ, опершись на биліардный кій, около него, также раздѣтые, на полу съезжившіеся товарищи — картина должна представлять пастуха, стерегущаго овецъ: общіе аплодисменты публики. Между тѣмъ, дежурный старшина клуба во фракѣ (почтенный предсѣдатель контроля Христиничъ) весьма серьезно поворачивалъ доску стола, чтобы показать фигуру съ разныхъ сторонъ; ножка стола ломается, Васильчиковъ падаетъ, и я, пакинувъ на него шинель, увожу на извозчикѣ домой. Подобныя дѣтскія и, можно сказать, невинныя шалости занимали и забавляли всѣхъ.

Моя домашняя жизнь въ Тифлисѣ сложилась такъ: по пріѣздѣ въ 44-мъ году я нанялъ у одного армянина, князя Іосифа Аргу-

тинскаго, одноэтажный домъ посреди Салалавскихъ садовъ (къ сожалѣнію, теперь истребленныхъ), вблизи Эриванской площади; въ этомъ домѣ прожилъ я все время. Впослѣдствіи къ нему былъ пристроенъ второй этажъ и уничтожена наша плоская крыша. Въ 45 году пріѣхалъ Васильчиковъ и поселился со мной, а затѣмъ Сергѣй Кочубей, университетскій мой товарищъ. Кромѣ того пріѣзжіе друзья наши постоянно останавливались у насъ; мы держали свое хозяйство, и обыкновенно къ обѣду собирались у насъ: нашъ веселый *bout en train* полковникъ Минквицъ, славный Миша Глѣбовъ (убитый въ 47 году въ Салтахъ), извѣстный по страданіямъ своимъ въ плѣну у Кубанскихъ горцевъ, вѣчно веселый и безпечный князь Козловскій, давно уже умершій въ Тифлисѣ, Щербининъ, Крузенштернъ, графъ Девіеръ, Кулебякинъ и много другихъ. Въ 46 году въ смежномъ съ нашимъ домомъ флигелѣ, отдѣленномъ отъ него только садомъ, Кочубей поселилъ свою любовницу Floreence, пріѣхавшую къ нему изъ Петербурга. Мы вели счета по дому втроемъ съ Васильчиковымъ, и Кочубей, при замѣчательной скупости своей, требовалъ, чтобы Floreence обѣдала съ нами и платежъ разлагался на трехъ; а когда насъ съ Васильчиковымъ не было дома, Кочубей приказывалъ таскать дрова изъ нашего запаса на квартиру Floreence. Насъ всѣхъ это очень забавляло, и Кочубей первый смѣялся надъ обнаруженными его хитростями. Наша квартира считалась какимъ-то сборнымъ пунктомъ всего нашего кружка: у насъ совершались проводы отъѣзжающихъ въ походъ товарищей, обѣды и встрѣчи благополучно возвратившимся изъ экспедиціи, у насъ составлялись всѣ предположенія различныхъ пикниковъ, увеселеній, всѣхъ шутокъ и школьничествъ, на которыя всегда такъ отечески снисходительно смотрѣлъ князь Воронцовъ.

Напротивъ насъ въ послѣдующіе годы выстроился довольно большой двухэтажный домъ, постоянно занятый знакомыми семействами тифлискаго общества: въ немъ, между прочимъ, одно время жила княгиня Мухранская. Разъ мы придумали одинъ изъ тѣхъ фарсовъ, которыми мы такъ обращали на себя вниманіе Тифлиса, гдѣ каждый зналъ насъ и дружелюбно относился къ нашимъ выходкамъ. Мы распустили слухъ, что намѣрены дать на холостой

квартирѣ нашей балъ нашимъ знакомымъ дамамъ. Въ условленный день, освѣтивъ нижній этажъ нашей квартиры набранными у товарищей лампами и канделябрами и поднявъ стору оконъ, вся наша шаловливая молодежь собралась у насъ въ мундирахъ и фракахъ, а нѣкоторые въ европейскихъ и грузинскихъ дамскихъ бальныхъ туалетахъ. Одни представляли старыхъ матронъ, другіе молодыхъ дамъ; между прочимъ, хорошо помню, какъ безподобенъ былъ въ женскомъ платьѣ милый нашъ другъ, поручикъ Федоръ Лонгиповичъ Гейденъ (впослѣдствіи начальникъ Главнаго Штаба). Тѣхъ дамъ, у которыхъ были усы, усаживали спинами къ окнамъ. Florence, разумѣется, была въ числѣ приглашенныхъ. Весь вечеръ гремѣла бальная музыка, на улицѣ около подъѣзда разставлены были разные экипажи, извозчики, чтобы заставить предполагать, что у насъ большой сѣздъ, а кучерамъ было запрещено говорить имена мнимыхъ господъ своихъ; у дверей поставили, для соблюденія порядка при разѣздѣ, городовыхъ и жандармовъ. Все это, разумѣется, обратило вниманіе сосѣдей; окна противоположнаго дома наполнились зрителями, всѣ старались узнать, кто могъ быть на этомъ холостомъ балѣ. Когда достаточный эффектъ былъ произведенъ, мы опустили стору, весело окончили нашъ товарищескій пиръ и, наконецъ, во 2-мъ или 3-мъ часу утра, провожая мнимыхъ дамъ, почтившихъ нашъ вечеръ, мы вызывали экипажи извѣстныхъ лицъ Тифлисскаго общества и почтительно усаживали ихъ. На другой день только и было толку въ городѣ, что объ этомъ происшествіи; мы, разумѣется, поѣхали къ добрымъ нашимъ знакомымъ, именами которыхъ мы злоупотребляли, объяснивъ въ чемъ дѣло и прося держать въ секретѣ нашу шалость. Тѣ охотно, смѣясь надъ фарсомъ, согласились. Наконецъ, это дошло и до князя Воронцова. Онъ спросилъ меня, въ чемъ дѣло, и когда я ему объяснилъ, то онъ очень смѣялся нашей выходкѣ и нѣсколько дней держалъ въ секретѣ нашу шалость. Уже впослѣдствіи все разъяснилось, къ общему удовольствію и смѣху всего общества.

Много подобныхъ штукъ дѣлали мы во время нашего пребыванія въ Тифлисъ въ свободное отъ экспедицій время. Былъ въѣздъ персидскаго посланника въ городъ, котораго съ огромной свитой представлялъ переодѣтый князь Кочубей, на встрѣчу кото-

рому выѣхалъ полиціймейстеръ, полковникъ Шостакъ (нашъ же пріятель) съ переводчиковъ и сказалъ привѣтственную рѣчь. Были по городу ночныя прогулки послѣ кутежей съ серенадами въ ночное время и съ хоромъ музыки подъ окнами мирныхъ жителей города, забавные сюрпризы и шалости на устраиваемыхъ пикникахъ и многое тому подобное. Обо всемъ этомъ упоминаю, чтобы показать, какъ избытокъ нашей молодости и нашихъ юныхъ силъ въ то время проявлялся, какъ добродушно относилось къ этому общество, какъ снисходительно, просвѣщенно и добро смотрѣло и начальство. Весьма понятно, что подобная безпечная свободная жизнь сравнительно съ тѣмъ, что приходилось испытывать подъ административнымъ гнетомъ, тяготѣвшимъ тогда надъ прочими частями Имперіи, привлекала насъ къ Кавказу. Всѣ мы искренно и восторженно довольны были своимъ положеніемъ и преданы были краю и жизни, подъ обаяніемъ новой для насъ обстановки. Замѣчательно, что общество тифлисское, несмотря на отдаленность свою отъ Петербурга, а можетъ быть и вслѣдствіе этой отдаленности, не имѣло того характера мѣстной провинціальной жизни, которая существовала и существуетъ доселѣ во всѣхъ прочихъ провинціальныхъ городахъ обширнаго нашего царства. Не было тѣхъ мелкихъ интригъ, тѣхъ сплетенъ, которыя дѣлаютъ невыносимой нашу жизнь въ провинціи. Оно и понятно. Кавказъ, какъ бы отдѣленный отъ своей метрополіи, составлялъ особый центръ своими нравами, интересами, особенностями. Сообщенія со столицею были весьма рѣдки, экстрапочта приходила 2 раза въ мѣсяцъ, черезъ 14 дней, а иногда совсѣмъ, по случаю заваловъ, прекращалось сообщеніе съ Россіей. Мы жили своею жизнью; тревожное военное положеніе страны, животрепещущіе, имѣвшіе государственное значеніе, вопросы мѣстной администраціи, самое пограничное положеніе Закавказья съ персидскими и турецкими державами, наконецъ, просвѣщенная высокая личность князя Воронцова, все это расширяло кругозоръ каждого; мало оставалось въ то время мѣста для сплетенъ и обыкновенныхъ провинціальныхъ интригъ; каждый изъ насъ, живя *au jour le jour*, передъ отъѣздомъ въ походъ и экспедиціи, пользовался *à pleins raumons* жизнью во время пребыванія въ столицѣ нашей — Тифлисѣ. Всѣхъ вообще интересовали, поглощали

общественные вопросы края, всё служили, можно сказать, жили Кавказомъ, и интересы общественныхъ вопросовъ края пора-бощали мелкіе и личные интересы каждого. Много съ тѣхъ поръ измѣнилось, даже при князѣ Воронцовѣ въ послѣднее время, съ упадкомъ силъ его, вслѣдствіе лѣтъ и болѣзней; затѣмъ настала уже другая эпоха (за исключеніемъ кратковременнаго пребыванія Николая Николаевича Муравьева), и Кавказъ сдѣлался предметомъ эксплуатаціи во всѣхъ видахъ въ пользу личныхъ честолюбій не только служащихъ, но и испорченныхъ нравственнымъ растлѣніемъ времени и новыми порядками дотолѣ добродушныхъ, честныхъ и любившихъ свою родину туземцевъ.

ГЛАВА VIII.

1846 годъ.

Слухи о вторженіи Шамиля въ Кабарду въ апрѣлѣ 1846 г.—Ѣду курьеромъ къ князю Воронцову въ Шемаху. — Возвращеніе князя въ Тифлисъ. — Князь посылаетъ меня къ Фрейтагу. — Владикавказъ. — Генералъ Гурко. — Переодѣтый байгуномъ отправляюсь на встрѣчу отряда Фрейтага. — Отступленіе Шамиля. — Меллеръ-Закомельскій. — Приѣздъ князя во Владикавказъ. — М. П. Полтининъ. — Столкновение мое съ Андріевскимъ. — Князь посылаетъ меня въ Дагестанъ. — Темиръ-Ханъ-Шура. — Князь Бебутовъ. — Дербентъ. — Князь Аргутинскій-Долгорукій. — Л. П. Рудановскій. — Возвращаюсь съ кн. М. З. Аргутинскимъ-Долгорукимъ въ Шуру. — Великентъ. — Джемаль-Бекъ. — Карабудахентъ. — Гили. — Встрѣча съ кн. Воронцовымъ въ аулѣ Эрпели. — Я назначенъ къ нему адъютантомъ. — Пребываніе въ Шурѣ. — Поѣздка съ кн. Воронцовымъ по Дагестану. — Большой Джень-Кутай-Нохъ-Бике. — Князь Г. Д. Орбеліани — Акуши. — Цудахаръ. — Кумухъ.

По отъѣздѣ князя изъ Тифлиса, въ началѣ апрѣля, стали носиться сперва тревожные слухи о какихъ-то сборахъ непріятеля въ Чечнѣ, а вскорѣ затѣмъ получено донесеніе, что Шамиль съ огромныхъ скопищемъ, переправившись черезъ Сунжу, черезъ малую Кабарду вторгнулся въ большую Кабарду, съ цѣлью возмутить всѣхъ жителей, и будто бы уже окружилъ главное наше укрѣпленіе въ этой мѣстности — Нальчикъ. Немедленно былъ посланъ фельдъегерь къ князю, а черезъ день послѣ того передъ вечеромъ я былъ потребованъ къ исправляющему тогда должность начальника Штаба

ген. Норденштаму, который предложилъ мнѣ ѣхать къ князю съ полученнымъ новымъ, болѣе подробнымъ, донесеніемъ о движеніи Шамиля. Въѣстѣ съ тѣмъ поручено мнѣ было, при проѣздѣ черезъ Карагачъ, сообщить командиру Нижегородскаго Драгунскаго полка распоряженіе о немедленномъ выступленіи изъ Грузіи на линію; полку этому назначено прежде перейти на Сулакъ для устройства новой штабъ-квартиры въ Чиръ-Юртѣ въ томъ же году. Я, разумѣется, обрадованъ былъ этимъ порученіемъ и черезъ часъ или два уже мчался на курьерской тройкѣ по направленію къ Шемахѣ. Передъ свѣтомъ, ѣхавши необыкновенно быстро, я былъ въ Карагачахъ, гдѣ, разбудивъ полковника Крюковского, передалъ ему, что зналъ о движеніи непріятеля въ Кабарду и предписаніе о немедленномъ выступленіи. — Нигдѣ не останавливаясь, продолжалъ я путь по Алазанской долинѣ и потомъ по Шекинской и Ширванской плоскости. Мало тогда обращалъ я вниманія на великолѣпную мѣстность Алазани и пустынную плоскость, которую проѣзжалъ. Горные потоки въ это время года были въ полномъ разливѣ и представляли вездѣ весьма трудныя, даже опасныя, переправы, которыя удалось мнѣ однако благополучно совершить. Замѣчательно, что всѣ эти рѣчки, въ лѣтнее время представляющія незначительныя ручейки, въ извѣстное время года и при дождяхъ обращаются въ широкіе потоки, влекущіе въ водахъ своихъ камни и обрывки цѣлыхъ скалъ. — Всѣ эти рѣчки, не доходя до Аракса, теряются въ равнинѣ и только въ верхнемъ и среднемъ своемъ теченіи представляютъ удобство для осѣдлаго населенія и хлѣбопашества. Къ Араксу же вся плоскость только удобна для кочевья въ зимніе мѣсяцы. Наконецъ, подъѣзжая къ послѣдней станціи подъ Шемахою-Аксу, откуда начинается значительный подъемъ на гору, гдѣ расположена столица стараго Ширванскаго ханства, я встрѣтилъ непреодолимое, повидимому, препятствіе къ дальнѣйшему слѣдованію. Рѣчка Аксу представляла шумный потокъ, разлившійся почти на полъ-версты, и не было возможности думать о переправѣ въ повозкѣ. На берегу засталъ я посланнаго наканунѣ моего отъѣзда фельдъегеря, почти сутки ожидавшаго возможности переправиться; надобно было видѣть его отчаяніе, когда я, нисколько не медля, приказалъ отпречь пристяжную и, снявъ хомутъ, рѣшился перепра-

виться черезъ рѣку вплавъ. Фельдъегерь побоялся слѣдовать моему примѣру, а между тѣмъ отказался мнѣ отдать имѣющіяся у него бумаги. Сначала лошадь по брюхо въ водѣ боролась еще довольно успѣшно противъ потока, пока, наконецъ, потерявъ дно, стала слѣдовать теченію; держась за гриву, я вплавъ старался помогать коню, но мы были сбиты водой и камнями, и я только съ трудомъ могъ выбраться на противоположный берегъ. Платье мое было совершенно изорвано въ клочки камнями, и я самъ разбитъ и окровавленъ, лошадь почти совершенно была изувѣчена; насъ отнесло версты на двѣ ниже того мѣста, гдѣ я началъ переправу; добравшись до станціи, я немедленно поскакалъ далѣе.

Прибывъ въ Шемаху рано утромъ, я помню, какъ князь былъ пораженъ полученнымъ извѣстіемъ и чрезвычайно удивленъ быстротѣ моего пріѣзда. Онъ немедленно приказалъ сдѣлать всѣ распоряженія къ возвращенію въ Тифлисъ, куда и выѣхалъ рано утромъ на другой день; мнѣ же поручилъ остаться съ княгиней и распорядиться переправою ея черезъ Аксу, а затѣмъ догнать его въ Тифлисъ. Я очень хорошо помню, какъ въ день моего пріѣзда въ Шемаху, гдѣ губернаторъ баронъ Врангель давалъ въпязю офиціальный обѣдъ, я былъ предметомъ общаго смѣха, являсь къ обѣду въ бѣльѣ и общегенеральскомъ сюртукѣ Врангеля—пока чинили и просушивали мое изорванное платье. На другой день послѣ завтрака я выѣхалъ съ княгиней, князь же со свѣтомъ былъ на пути въ Тифлисъ. Вода въ Аксу такъ же быстро убывала, какъ она прибывала; переправа, за принятыми мѣрами, совершилась благополучно, видны были только глыбы навороченныхъ камней, оторванные деревья фруктовыхъ садовъ и, вообще, сильныя слѣды недавняго наводненія. Простившись съ княгиней, я съ С. М. Воронцовымъ на перекладной поскакалъ въ Тифлисъ; разстояніе было до 300 верстъ. Князь нигдѣ не останавливался и былъ около полусутокъ впереди насъ; несмотря на это, при сумасшедшей ѣздѣ на курьерскихъ, не жалѣя ни лошадей, ни кошель своихъ, намъ удалось догнать князя, не доѣзжая версты 50 до Тифлиса, около Муганливской станціи. Онъ посадилъ меня съ собою въ коляску и былъ удивленъ скоростью моей ѣзды.—Мнѣ кажется, что съ этой поѣздки сложилось въ немъ первое выгодное впе-

чатлѣніе о моей расторопности, потому что, подъѣзжая къ Тифлису, онъ мнѣ сказалъ: „je crois, que vous êtes seul capable après la course, que vous avez fait de repartir, à l'instant pour la Cabarda, si on vous le proposait“. Я отвѣчалъ ему, что счастливъ буду исполнить это порученіе, и онъ приказалъ мнѣ немедленно готовиться къ отъѣзду, покуда самъ будетъ готовить депеши.

Сборы мои были очень недолги: я забралъ нѣсколько бѣлья, перемѣну платья въ переметные мѣшки, надѣлъ сумку для бумагъ, послалъ за курьерской тройкой и черезъ нѣсколько часовъ былъ уже у князя, ожидая отправленія. Въ этотъ день или, лучше сказать, вечеръ князь занимался за полночь диктованіемъ приказаній генералу Фрейтагу и Нестерову, для дѣйствій въ Кабардѣ противъ Шамиля. Измученный поѣздкой, не спавъ три ночи, я въ ожиданіи депешъ легъ одѣтый на диванъ, въ залѣ около кабинета, и вскорѣ крѣпко заснулъ. Во второмъ, кажется, часу ночи меня разбудили, и князь, отдавъ мнѣ депеши и словесныя приказанія, отпустилъ въ дорогу. Хочу при этомъ упомянуть объ обстоятельстве, характеризующемъ природную доброту князя: я заснулъ, опершись головой на деревянную ручку дивана, и спалъ нѣсколько часовъ, но когда проснулся — у меня подъ головой была мягкая прекрасная подушка. Я потомъ узналъ, что князь, выйдя изъ кабинета и видя меня спавшимъ, самъ вынесъ подушку и осторожно положилъ мнѣ подъ голову.

Ночь была совершенно темная, какъ бываютъ ночи на югѣ. Почтовая дорога черезъ горы далеко не представляла теперешнихъ удобствъ; крутые спуски, обвалы, разбросанные камни и страшныя пропасти, существовавшія въ то время, непонятны тѣмъ, которые нынѣ проѣзжаютъ въ дилижансахъ по роскошной военно-грузинской дорогѣ. Я мчался въ темнотѣ, не думая объ опасности; впрочемъ ямщики, свыкшіеся съ мѣстностью, и привычныя лошади доставили меня черезъ всѣ препятствія благополучно, къ разсвѣту, на станцію Ларсъ; здѣсь на посту узналъ я, что вся Кабарда въ волненіи, во Владикавказѣ ожидаютъ нападенія непріятеля и что всякое сообщеніе прекращено. Выпросивъ тогда у постового начальника конвой изъ 10-ти казаковъ, я рѣшился верхомъ проѣхать эти 27 верстъ до Владикавказа. Я пріѣхалъ довольно рано въ крѣ-

пость; она представляла въ это время необычайный видъ: всѣ войска съ генераломъ Нестеровымъ выступили въ Кабарду, непріятельскія партіи можно было видѣсь съ брустверовъ земляныхъ укрѣпленій, окружающихъ городъ; никакихъ извѣстій извнѣ не получалось. Нестроевыя и инвалидныя роты полковъ, инженерная команда, купцы и всѣ жители вооружились, кто чѣмъ попало, и занимали фасы плохо укрѣпленныхъ валомъ и плетнями оборонительныхъ линій. Даже старыя негодныя пушки были вывезены на батарее. Никогда не забуду воинственнаго вида, съ которымъ встрѣтилъ меня у моста полковникъ путей сообщенія Мыловъ, не бывавшій въ дѣлахъ и весьма важно объявившій мнѣ, что онъ начальникъ сѣверной оборонительной линіи. Все было въ чрезвычайной тревогѣ; мои добрыя знакомыя владикавказскія дамы готовились выдержать упорную осаду; а оставшееся начальство, надо сказать по правдѣ, совершенно потеряло голову, исключая стараго кавказца полковника Черепанова (комендантъ крѣпости), который благодушно тѣшился и смѣялся надъ страхомъ мирныхъ жителей Владикавказа. Въ это время случайно находился тамъ бывшій начальникъ штаба генералъ Гурко. Онъ оставилъ службу въ краѣ и, возвращаясь въ Петербургъ, какъ разъ попалъ въ Владикавказъ во время этихъ происшествій и былъ невольно задержанъ, какъ бы въ блокадѣ. Странная судьба Гурко, которому въ 42-мъ году приходилось также быть въ блокадѣ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, во время дѣйствій нашихъ въ Аваріи. Это былъ человѣкъ въ высшей степени образованный, умный и любезный; по любилъ всегда говорить весьма напыщенно. Я явился къ нему, какъ къ старшему, прося распоряженія о назначеніи мнѣ конвоя для разысканія отряда генерала Фрейтага. Опъ мнѣ отвѣтилъ, что у него нѣтъ свободныхъ казаковъ для огражденія курьеровъ. Не знаю, отчего показались мнѣ оскорбительными его слова, и я отвѣтилъ, что сумѣю исполнить возложенное на меня порученіе безъ его содѣйствія, и отъ него отправился къ Черепанову; дѣйствительно, даже съ сотнею казаковъ было опасно ѣхать. Я могъ наткнуться на сильныя партіи Шамиля, и казаки скорѣе могли бы обратить на себя вниманіе непріятели. Тогда я рѣшился переодѣться въ платье горца, взять двухъ надежныхъ проводниковъ и скрытно пробраться, какъ только смеркнется, къ от-

ряду Фрейтага. Житель Владикавказскаго аула, извѣстный своею намъ преданностью, Мальсагъ доставилъ мнѣ оборванный костюмъ байгуша, верховую лошадь взялъ я на станціи изъ курьерской тройки (какъ теперь помню—извѣстная мнѣ вороная отличная кабардинская лошадь), сѣдло, оружіе—все было доставлено, я коротко выстригъ волосы, оставилъ всѣ образа и кольца у Черепанова и черезъ нѣсколько часовъ преобразился въ совершеннаго байгуша. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Шамиль со всѣми скопищами своими, преслѣдуемый Фрейтагомъ, не успѣлъ напасть на Нальчикъ и укрѣпился въ Черекскомъ ущельѣ; за нимъ слѣдилъ со своимъ отрядомъ Фрейтагъ; а другой отрядъ, подъ начальствомъ Меллера-Закомельскаго, находился на Терекѣ около Минаретскаго поста, чтобы преградить отступленіе, на случай переправы Шамиля. Отъ Владикавказа до Череха верстъ 80; отъ Минарета тянется довольно высокій и лѣсистый хребетъ, перпендикулярно примыкающій къ Чернымъ горамъ и раздѣляющій Кабарду.

Избѣгая большой почтовой дороги и станцій Владикавказскаго казачьяго полка, расположенныхъ на оной, такъ какъ тутъ скорѣе можно было наткнуться на хищническія партіи горцевъ, мы поѣхали цѣлиной, ближе къ горамъ, по высокому бурьяну, канавамъ и протокамъ рѣчекъ. Несмотря на темноту и препятствія, мы ѣхали довольно шибко, и проводники мои, руководствуясь звѣздами, прямо доставили меня къ Минаретскому хребту. Здѣсь мы слѣзли съ лошадей и, скрывшись въ камышахъ, держали совѣтъ, какъ поступить далѣе. Одинъ изъ проводниковъ весьма основательно замѣтилъ, что слышны были передъ вечеромъ пушечные выстрѣлы со стороны Терека, что вѣроятно Шамиль уже отступилъ, что наши войска его преслѣдуютъ и что, переваливаясь черезъ лѣсной хребетъ, мы несомнѣнно наткнемся въ лѣсу на партіи отсталыхъ чеченцевъ. Онъ совѣтовалъ спуститься къ Николаевской стапигѣ, узнать о положеніи дѣлъ, и ежели Шамиль еще на мѣстѣ, то тогда спуститься черезъ Минаретскій хребетъ къ Череку. Я послѣдовалъ совѣту. Проѣхавъ верстъ 10, мы увидали огни на плоскости; ясно было, что это огни какого-то отряда, но нашего или непріятельскаго—было неизвѣстно. Изъ опасенія засады, держа лошадей въ поводу, мы ползкомъ по канавѣ осторожно приближа-

лись къ огнямъ, изрѣдка давая знаки свистомъ. Наконецъ, на нашъ свистъ было отвѣчено такимъ же; тогда я рѣшился крикнуть по-русски: „послать изъ секрета унтеръ-офицера, курьеръ, бумаги къ начальству“. Ежели бы послѣдовалъ выстрѣлъ изъ винтовки, что ясно бы доказало, что мы наткнулись на непріятеля, то мы рѣшились вскочить на лошадей и ускакать, пользуясь темнотою. Признаюсь, сердце немного билось въ эту минуту, но вскорѣ крикъ: „послать унтеръ-офицера“ успокоилъ меня и я выѣхалъ къ секрету. Это былъ бивакъ перваго батальона Куринскаго полка; командиръ онаго Кульманъ сообщилъ мнѣ за стаканомъ пунша подробности только что совершившихся событій. Шамиль, обманутый въ ожиданіяхъ своихъ на возстаніе всей Кабарды и не ожидавшій такого быстрого преслѣдованія Фрейтагомъ, остановился въ Черекѣ, думая только о скорѣйшемъ и болѣе безопасномъ отступленіи во-свояси. Фрейтагъ принялъ всѣ мѣры къ нанесенію окончательнаго пораженія Шамилю. Онъ стерегъ Черекское ущелье, а на случай, что Шамиль двинется въ другомъ направленіи, имъ былъ оставленъ на переправѣ отрядъ полковника Меллеръ-Закомельскаго, чтобы задержать непріятеля на единственной переправѣ у Минарета, пока на пушечные выстрѣлы не поспѣетъ самъ Фрейтагъ съ своими силами. Шамиль дѣйствительно избралъ другой путь отступленія, но не могъ миновать Минаретской переправы. Ежели бы Меллеръ исполнилъ въ точности данное ему приказаніе и хоть на три или четыре часа задержалъ Шамиля, къ чему способствовала выгодная позиція нашего отряда, то Фрейтагъ непременно подоспѣлъ бы и, можетъ быть, власть и все значеніе Шамиля утратились бы въ этомъ дѣлѣ и врядъ ли онъ и скопища его могли бы уйти изъ нашихъ рукъ. Но у Меллера недостало духа дать рѣшительный бой; вообще, не лишенный военныхъ соображеній и ума, онъ очень боекъ и хвастливъ былъ на словахъ, но рѣшительности и боевой отважности я никогда въ немъ не замѣчалъ. Онъ равнодушно пропустилъ всѣ скопища Шамиля черезъ Терекъ и какъ бы только для очистки совѣсти открылъ бесполезную канонаду по хвосту отступающаго непріятеля, нанося ему самый незначительный уронъ, почти безъ потери съ нашей стороны. Черезъ нѣсколько часовъ прибылъ на переправу отрядъ генерала Фрейтага. Рассказываютъ

о весьма крупномъ объясненіи его съ Меллеромъ, и весьма понятны отчаяніе и досада этого лихого генерала, видѣвшаго, что непріятель ускользнулъ изъ его рукъ и всѣ планы его разстроены. Тѣмъ не менѣе, Фрейтагъ бросился преслѣдовать бѣгущаго уже Шамиля. Путь отступленія вездѣ усѣянъ былъ брошенными вьюками, лошадьми и разною рухлядью. Начиная съ Терека черезъ всю малую Кабарду до Сунжи, гдѣ у брода въ Самашкахъ переправился обратно Шамиль, т.-е. на разстояніи около ста верстъ, онъ нигдѣ не останавливался. Не знаешь, чему болѣе удивляться: поспѣшности ли его бѣгства, или настойчивому преслѣдованію нашихъ кавказскихъ войскъ, которыя тоже почти безъ отдыха прошли все это пространство. Къ сожалѣнію, Шамиль имѣлъ слишкомъ много времени впереди, и мы только могли забирать отсталыхъ, не нанося никакого существеннаго вреда непріятелю. Генераль Нестеровъ находился въ это время около крѣпости Назранъ, и не имѣя никакихъ свѣдѣній о Шамилѣ, съ своей стороны также не могъ его отрѣзать отъ Сунжи, и почти одновременно съ Фрейтагомъ прибылъ въ Самашки. Ежели въ этомъ спѣшномъ движеніи Шамиль потерпѣлъ полную неудачу, то надо сознаться, что благодаря нерѣшимости Меллера, мы потеряли удобнѣйшій случай уничтожить за одинъ разъ всѣ собранныя силы Шамиля и, можетъ, и его самого взять въ плѣнъ.

Получивъ эти свѣдѣнія и не имѣя уже возможности догнать ни Фрейтага, ни Нестерова, я рѣшился скорѣе вернуться въ Владикавказъ и оттуда пробраться на Сунжу. Дорога была свободна, и я помчался на курьерской тройкѣ. Утромъ я былъ уже у Гурко, который не мало удивился, когда я ему сообщилъ о совершившихся событіяхъ: никто еще въ Владикавказѣ не зналъ о нихъ, и я первый принесъ извѣстіе объ очищеніи Кабарды. Здѣсь я узналъ, что въ тотъ же день ожидаютъ князя Воронцова въ Владикавказѣ и потому, полагая, что распоряженія, сдѣланныя имъ въ виду дѣйствій въ Кабардѣ, уже не имѣютъ мѣста, рѣшился дожидаться его прибытія и новыхъ приказаній для слѣдованія къ отряду Фрейтага. Черезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно пріѣхалъ князь и чрезвычайно былъ огорченъ нашей неудачей. Онъ очень былъ доволенъ моею распорядительностью, и приказалъ остаться при

немъ, такъ какъ всѣ его предположенія должны уже были измѣниться. Все до сихъ поръшло для меня очень хорошо и далеко не подозрѣвалъ я непріятность, вслѣдъ затѣмъ меня ожидавшую.

Князь остановился во Владикавказѣ въ домѣ генерала Полтинина ¹⁾. Къ обѣду и завтраку ежедневно собиралась вся свита князя; онъ же самъ никогда не завтракалъ, а только обѣдалъ съ нами. На другой, кажется, день его пріѣзда, во время завтрака, завязался обыкновенный разговоръ о кавказскихъ дѣлахъ и личностяхъ Кавказа. Андріевскій, игравшій такую важную роль при князѣ, со свойственнымъ ему нахальствомъ и рѣзкостью, не знаю почему, началъ порицать весьма достойнаго и всѣми нами уважаемаго полковника Хлюпина, командира Тенгинскаго полка. Большую часть свиты составляли новые кавказцы, пріѣхавшіе съ княземъ изъ Одессы и, какъ выше сказано, полныя товарищескія отношенія между нами и одесситами еще не установились. Я счелъ долгомъ заступиться за стараго кавказца Хлюпина, и наконецъ споръ, все принимая большіе размѣры, дошелъ до того, что я, разгорячившись

¹⁾ Личность эта хорошо была извѣстна Кавказу своимъ широкимъ гостепріимствомъ, замѣчательною храбростью и сумасбродствомъ. Михаилъ Петровичъ Полтининъ почти всю службу свою провелъ на Кавказѣ, дослужившись до командира полка. Онъ сильно былъ преданъ страсти выпить, что не мѣшало ему сохранять должное хладнокровіе въ бояхъ; его всѣ любили и цѣлзя было не смѣяться его шутливымъ и иногда весьма оригинальнымъ выходкамъ. Онъ всегда носилъ обдѣланную въ серебрѣ азіатскую шашку, на которой вырѣзана была сочиненная имъ надпись:

Тверской дворянинъ
Михаилъ Петровичъ Полтининъ
Пять разъ раненъ, три раза контуженъ,
Никогда не сковфуженъ.

Разъ, желая въ экспедиціи показать какому-то пріѣзжему флигель-адъютанту ночью принятыя имъ предосторожности для охраненія лагеря, онъ повелъ его въ цѣнь и, желая блеснуть своимъ образованіемъ, объяснилъ по-французски: „ici chène, ici très grand secret, ici petit secret; tous ventre a terre“. Этотъ анекдотъ очень хорошо извѣстенъ былъ на Кавказѣ. Полтининъ, несмотря на свою отчаянную храбрость, за недостаткомъ распорядительности, не могъ вселить къ себѣ довѣрія и передать свою отважность вѣреннй ему части. Навагинскій полкъ, которымъ онъ командовалъ, менѣе другихъ былъ проникнутъ духомъ, отличавшимъ тогдашніе полки Кавказа. Говорилъ Полтининъ крайне безтолково, всѣ прибаутки его п разговоры всегда кончались водкой и закуской съ приговоркою: „с'est bon pour l'estomak“. Онъ вскорѣ оставилъ Кавказъ и умеръ въ отставку, такъ какъ положительно для дѣла начальника онъ совершенно былъ непригоденъ.

Князь Воронцовъ тѣшился его выходками, но вполне понималъ его.

и забывшись, наговорилъ самыхъ неумѣстныхъ дерзостей Андріевскому и даже замахнулся на него,—однимъ словомъ, поведеніе мое было въ высшей степени неприлично, и подобный скандалъ въ квартирѣ и за завтракомъ у князя не могъ остаться безъ послѣдствій. Вернувшись домой, я обдумалъ свое положеніе и зная, что Андріевскій уже успѣлъ доложить о моемъ поступкѣ князю, я передъ обѣдомъ самъ явился къ нему и, сознаваясь въ неприличіи моего поведенія и невозможности дальнѣйшаго моего служенія въ его штабѣ, просилъ его о переводѣ меня или въ линейное казачье войско, или въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ въ Дагестанѣ, по его усмотрѣнію. Князь принялъ меня весьма сурово и сказалъ, что скоро объявитъ мнѣ свое рѣшеніе. Вечеромъ же сказалъ мнѣ, что, понимая неловкость моего при немъ положенія, онъ поручаетъ мнѣ немедленно отправиться въ Дагестанъ съ важными распоряженіями. Дѣло состояло въ томъ, чтобы остановить войска 5-го корпуса, имѣвшія, за оставленіемъ частей для формированія новой дивизіи на Кавказѣ, выступить въ кадровомъ составѣ обратно въ Россію. Письменные распоряженія къ кн. Бебутову и Аргутинскому мнѣ были переданы княземъ, причемъ, соображаясь съ маршрутами, онъ полагалъ, что я застану первую бригаду уже на пути къ Кизляру, а вторую, слѣдующую изъ Южнаго Дагестана,—около Шуры, и приказалъ мнѣ всѣ эти части вернуть на мѣста прежняго ихъ расположенія. Эта экстренная мѣра была вызвана опасеніемъ, что Шамиль послѣ неудачи своей въ Кабардѣ задумаетъ возстановить свое вліяніе вторженіемъ въ Дагестанъ, гдѣ съ уходомъ дивизіи пятаго корпуса оставалось весьма мало свободныхъ войскъ. Предположенія о намѣреніяхъ Шамиля раздѣлялись прочими нашими генералами и, сколько мнѣ помнится, даже подтверждались какими-то слухами изъ горъ. Я чрезвычайно былъ доволенъ выѣхать изъ Владикавказа, гдѣ, несмотря на сочувствіе ко мнѣ общества и старыхъ кавказцевъ, положеніе мое при Воронцовѣ было весьма неловкимъ. Я поскакалъ, какъ сумасшедшій, желая и въ этомъ случаѣ отличиться своею неутомимостью и быстротою ѣзды. Я проѣхалъ съ небольшимъ въ сутки 400 верстъ до Кизляра, и немедленно отправился уже верхомъ далѣе, съ конвоемъ казаковъ, по постамамъ до Шуры, и эти 150 верстъ я сдѣлалъ менѣе, чѣмъ въ

сутки. Здѣсь упомяну объ эпизодѣ, случившимся со мною по пріѣздѣ ночью въ укрѣпленіе Кази-Юртъ. Разбудивъ коменданта, почтеннаго полковника Ковалевскаго, я потребовалъ у него конвоя; онъ объявилъ мнѣ, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ партія, около 300 конныхъ шавлинцевъ, перешла Сулакъ съ цѣлью грабежа, и должна находится на плоскости. Я приказалъ пятидесяти конвойнымъ Донскимъ казакамъ оставить пики и пустился съ ними въ лѣсъ, отдѣляющій Кази-Юртъ отъ поста Азенъ, куда прибылъ на разсвѣтѣ. Дорогой осторожные передовые казаки дали знать, что слышенъ впереди какой-то шумъ; мы скрылись въ заросшей мелкимъ лѣсомъ балкѣ и дѣйствительно издали доносился до насъ конскій топотъ и шорохъ людей въ лѣсу; ночь была чрезвычайно темна. Когда все смолкло, мы выѣхали вновь на дорогу и пустились вскачь къ Азену, гдѣ, перемѣнивъ конвой, я поспѣшилъ дальше. Впослѣдствіи я узналъ, что дѣйствительно въ эту ночь проходила непріятельская партія и на разсвѣтѣ угнала скотъ одного изъ ауловъ на плоскости. Утромъ довольно рано прибылъ я въ Шуру и за воротами укрѣпленія увидѣлъ выстроенный обозъ выступающихъ полковъ Волынскаго и Минскаго, первой бригады 14-й дивизіи, а на площади крѣпости засталъ полки и все начальство на молебствіи передъ выступленіемъ. Не скажу, чтобы привезенныя мною приказанія были радостно приняты, особенно начальниками частей, оставляющими Кавказъ, чтобы возвратиться въ прежнія свои квартиры въ Новороссійскомъ краѣ; но тѣмъ не менѣе я былъ въ восхищеніи, что удалось застать войска на мѣстѣ и избавить ихъ отъ лишннихъ переходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить ихъ свѣжими въ пріѣзду Воронцова, который долженъ былъ черезъ Грозную, послѣ свиданія съ Фрейтагомъ, вскорѣ прибыть въ Шуру. Избитый, измученный, я былъ съ отеческою заботливостью обласканъ княземъ Бебутовымъ. Онъ накормилъ меня прекраснымъ завтракомъ, далъ свое бѣлье, такъ какъ у меня съ собою ничего не было (вещи мои товарищи обѣщали привезти съ княземъ), но главное—приказалъ снарядить для меня повозку до перваго поста Гили и далъ надежный конвой. Такимъ образомъ, послѣ двухъ сутокъ безъ сна, я могъ хотя часа два выспаться въ повозкѣ на мягкомъ сѣнѣ, что не приминувъ сдѣлать, пробывъ

всего полтора часа въ Шурѣ. Въ Гиляхъ я опять сѣлъ верхомъ на почтовую лошадь и остальные сто тридцать верстъ скакалъ безъ остановокъ на перемѣнныхъ отвратительныхъ лошадяхъ и еще отвратительныхъ донскихъ казачьихъ сѣдлахъ. Не доѣзжая поста Буйнаки, почти на полъ дорогѣ отъ Дербента къ Шурѣ, я встрѣтилъ Подольскій Егерскій полкъ. Полковой командиръ полковникъ Бубликъ недавно былъ убитъ, и полкъ велъ полковникъ Ловчій, лихой и распорядительный офицеръ. Онъ былъ родомъ турокъ, подобранный ребенкомъ гдѣ-то на Дунаѣ нашими войсками, и дослужился до чина полковника въ нашихъ рядахъ.

Строго придерживаясь данной мнѣ инструкціи, мнѣ слѣдовало вернуть Подольскій полкъ въ Дербентъ, но, сообразивъ военныя обстоятельства того момента съ предположенными дѣйствіями въ сѣверномъ Дагестанѣ, я взялъ на себя направить эти войска на мѣсто Дербента въ Шуру. Закусивъ на бивакѣ съ подольцами, я немедленно поскакалъ далѣе въ Дербентъ, куда прибылъ къ князю Аргутинскому на разсвѣтѣ; когда я ему объяснилъ, почему я рѣшился отступить отъ данной мнѣ инструкціи, онъ одобрилъ мое распоряженіе, что ободрило меня въ отношеніи моей ответственности передъ главнокомандующимъ. Въ Дербентѣ я провелъ два дня и совершенно оправился отъ понесенныхъ мною трудовъ ¹⁾.

Хочу сказать нѣсколько словъ о Дербентѣ, который видѣлъ тогда въ первый разъ. Остановился я въ домѣ князя Аргутинскаго, на квартирѣ начальника его штаба полковника Рудановскаго ²⁾.

¹⁾ Пространство изъ Кизляра до Дербента 300 верстъ, съ упомянутою остановкою въ Шурѣ, я проскакалъ въ теченіе 34 часовъ.

²⁾ Леонидъ Платоновичъ Рудановскій былъ хорошій боевой офицеръ, по характера невозможнаго; раздражительность и горячность его доходили до свирѣпости, прислуга его терпѣла невозможное. Въ этомъ же Дербентѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ, разсердившись на пришедшаго къ нему съ прошеніемъ татарина, принявъ его на галереѣ квартиры, изругалъ, избилъ и потомъ перекинулъ черезъ перила со второго этажа на дворъ. Хорошо, что несчанный грунтъ оградилъ несчастнаго отъ болѣе серьезныхъ поврежденій. Рудановскій былъ человекъ безъ всякаго воспитанія, но имѣлъ военныя познанія и обладалъ энергіею и рѣшимостью. Его никто не любилъ за его желчный нравъ и его называли Самоваръ-Пашею. Впослѣдствіи мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ на лѣвомъ флангѣ и на Пятигорскихъ минеральныхъ водахъ; здѣсь, принимая ванны, онъ въ раздражительности обыкновенно избивалъ инвалидную прислугу ваннъ, которую смотритель постоянно долженъ былъ мѣнять для № ванны, занимаемаго Рудановскимъ, такъ

Городъ этотъ представляетъ весьма оригинальное, поразившее меня, зрѣлище. На возвышенной отдѣльной горѣ стоитъ цитадель старинной мусульманской постройки; отъ нея узкою полосою по весьма крутому склону спускается уступали городъ и только у берега моря представляетъ небольшую ровную и песчаную плоскость. Весь городъ окруженъ, до самаго моря, чрезвычайно толстыми изъ огромныхъ камней древнѣйшими стѣнами съ бойницами, башнями и воротами. Въ негородской чертѣ расположены городскія кладбища, которыя, по огромному количеству древнихъ мусульманскихъ памятниковъ, свидѣлствуютъ о населенности и бывшемъ значеніи Дербента. Основаніе этого города приписывается калифамъ, и извѣстное сочиненіе Дербентъ-наме о томъ свидѣлствуетъ. На камняхъ въ стѣнахъ крѣпости встрѣчаются весьма древнія рѣзныя надписи и, сколько мнѣ кажется, ученые нашли слѣды санскритскихъ писменъ и даже нѣсколько пехлевійскихъ буквъ. Видъ изъ цитадели на море очаровательный, и безобразно грязный татарскій городъ издали представляется чрезвычайно живописно. На западъ отъ крѣпости тянется, параллельно морю, цѣпь горъ, покрытая роскошною растительностью, и за городомъ виднѣются сады сосѣднихъ деревень. Въ широкой стѣнѣ одной изъ комнатъ, занимаемыхъ комендантомъ, въ цитадели показываютъ пробитое киркою руками Петра Великаго окно съ видомъ на море, откуда онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ прибытія подкрѣпленія съ флотомъ во время своего похода по берегамъ Каспія. На морскомъ берегу стоитъ скромная полуразвалившаяся землянка, гдѣ великій преобразователь Россіи жилъ во время своего пребыванія въ Дербентѣ. Княземъ Воронцовымъ приведено въ порядокъ это зданіе, огорожено рѣшеткою и сохранено въ память великихъ дѣлъ Петра. Я нѣсколько разъ бывалъ потомъ въ Дербентѣ и всегда этотъ городъ производилъ на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Съ княземъ Аргутинскимъ провелъ я два дня въ Дербентѣ и онъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Шуру, гдѣ онъ

какъ болѣе трехъ, четырехъ сутокъ солдатъ не выдерживалъ. Рудановскій командовалъ впоследствии дивизіей въ Виленскомъ округѣ и умеръ въ отставку въ Полтавской губерніи, разбитый параличемъ. Послѣдній разъ видѣлъ я его въ Кіевѣ, бывши тамъ генераль-губернаторомъ.

имѣлъ встрѣтить князя и сговориться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ по ввѣренному ему южному Дагестану. Замѣчательная историческая кавказская личность князя Аргутинскаго-Долгорукаго заслуживаетъ отдѣльнаго о немъ описанія.

Въ допотопной четырехмѣстной коляскѣ князя Аргутинскаго отправились мы въ путь. Почтовой дороги тогда не было и отъ полковъ были выставлены на постахъ подъемныя лошади. Моисей Захаревичъ ненавидѣлъ ѣзду въ экипажѣ, а предпочиталъ ѣзду верхомъ, и только по необходимости прибѣгалъ къ этому способу передвиженія. Мы слѣдовали тою дорогою, которою я такъ быстро проскакалъ нѣсколько дней тому назадъ; хочу сказать теперь, чтобы не возвращаться впослѣдствіи, нѣкоторыя подробности объ этой мѣстности.

До перваго поста—Великентъ 25 верстъ; дорога идетъ въ виду моря, по обработанной мѣстности, почти сплошными садами и полями, засѣянными мареною и рисомъ. Влѣво тянутся, параллельно морю, лѣсистыя холмы, а вдали горы съ шумящими потоками, которые разбиваются жителями для ирригаціи полей и садовъ. Великентъ весьма живописно расположенная деревня съ огромными вѣковыми орѣховыми деревьями. У поста находится домъ Кайтахскаго пристава, гдѣ въ 1840 г. происходила страшная драма. Здѣсь встрѣтилъ князя Аргутинскаго владѣтель (Уцмій) полупокорнаго вассальнаго намъ Кайтаха—Джамаль-Бекъ—со свитой на чрезвычайно роскошно убранныхъ лошадяхъ. Кучера его и онъ самъ отличались весьма суровымъ видомъ и были вооружены съ ногъ до головы. Вообще азіатскіе владѣтели стараются при встрѣчѣ начальника блистать свитой, роскошью вооруженія и лошадьми. Покуда князь Аргутинскій переговаривалъ съ Джемаль-Бекъ, мнѣ рассказали, что онъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ прежнихъ Кайтахскихъ Умціевъ, что въ 40-мъ году члены этого семейства, питая другъ къ другу ненависть и имѣя кайлу (кровная месть), встрѣтились въ домѣ пристава, стѣхавшись для поздравленія его со Свѣтло-Христовымъ Воскресеніемъ. Азіатская кровь закипѣла, кинжалы и пистолеты пошли въ дѣйствіе и въ нѣсколько минутъ все семейство Уцмиевъ было перерѣзано и истреблено, за исключеніемъ спасагося настоящаго владѣтеля Джемаль-Бека.

Дорога до Кадкента имѣетъ характеръ описаннаго уже выше пути, затѣмъ далѣе къ Буйнакамъ мѣстность уже менѣе обработана, дорога отдѣляется отъ моря, и только на посту Буйнаки видно большое селеніе и обработанныя поля. За то, когда приближаешься къ слѣдующему посту Кара-Будакентъ, по весьма волнистой мѣстности, самое селеніе поражаетъ необыкновенною живописностью. На конусообразной горѣ расположено амфитеатромъ селеніе, окруженное роскошными садами, и съ горы бьютъ обильные ключи, вода которыхъ собирается въ фонтаны; черезъ сады текутъ прозрачныя, какъ слеза, воды горнаго ручья, по которому устроены мельницы. Едва ли это не одно изъ красивѣйшихъ селеній въ Дагестанѣ. Здѣсь мы остановились на ночлегъ, устроенный въ прекрасной саклѣ, и я впервые познакомился съ Дагестанскимъ гостепріимствомъ. Здѣшнія женщины и дѣвушки, весьма красиваго типа, не скрывали подъ чадрами своихъ лицъ и съ огромными кувшинами воды на плечахъ проходили по аулу, напоминая фигуры библейскихъ картинъ.

Съ интересомъ изучалъ я замѣчательную личность князя Аргутинскаго и пораженъ былъ его умѣніемъ обходиться съ туземцами. Онъ отлично говорилъ на ихъ языкѣ и вселялъ непритворное уваженіе къ своей личности и страхъ къ его власти.

Выѣхавъ рано съ разсвѣтомъ изъ Кара-Будакента, мы перемѣнили лошадей въ селеніи Ги́ли и отсюда пріѣхали въ Шуру. Въ этой мѣстности растительность уже гораздо скуднѣе, менѣе обработанныхъ полей и видно, несмотря на довольно скученное населеніе, что опасность постоянныхъ тревогъ и набѣговъ Шамиля и сосѣдняго Акуши вліяютъ на развитіе благосостоянія жителей. Въ Ги́ляхъ къ намъ выѣхала на встрѣчу верхомъ татарская женщина лѣтъ тридцати, весьма красивая, съ энергическими, но вмѣстѣ съ тѣмъ добродушными чертами лица. — Меня удивило, какъ она дружески протянула Аргутинскому руку и завела съ нимъ веселый оживленный разговоръ, прося остановиться у нея въ домѣ, что мы и исполнили, принявъ ея угощеніе, пока мѣняли лошадей. Это была дочь знаменитаго Ермолова Софія Алексѣевна, какъ ее звали; она была замужемъ за простымъ поселявиномъ села Ги́ли, понимала немного по-русски и особенно любила русскихъ, называя ихъ

родными братьями. Она подробно разспрашивала о своихъ братьяхъ. Я съ нею очень подружился и всякій разъ, когда бывалъ въ Гн-ляхъ, она меня встрѣчала съ непритворнымъ радушіемъ. Надо сказать, что Ермоловъ въ бытность свою на Кавказѣ прижилъ съ одною татаркою трехъ сыновей и эту дочь. Она до замужества жила съ матерью, тогда уже умершею. Сыновья же его Викторъ, Клавдій и Северъ всѣ воспитывались въ Россіи и служили офицерами въ артиллеріи Кавказскаго корпуса. За исключеніемъ Виктора, Клавдій и Северъ всякій разъ, когда могли, навѣщали сестру; она ихъ очень любила, а Виктора упрекала въ гордости.

Засвѣтло мы прибыли въ Шуру, и я остановился вмѣстѣ со свитою Аргутинскаго въ такъ называемой цитадели, рядомъ съ домомъ командующаго войсками князя Бебутова. На другой или, кажется, на третій день я выѣхалъ съ княземъ Бебутовымъ на встрѣчу Воронцову, который съ конвоемъ войскъ слѣдовалъ изъ Чирь-Юрта прямою дорогою въ Шуру, черезъ укрѣпленіе Евгеніевское и Ишкарты, гдѣ предполагалось устройство новой штабъ-квартиры для Дагестанскаго полка. Сколько мнѣ помнится, около аула Эрпели мы встрѣтили князя; къ нему подъѣхалъ Бебутовъ, а я послѣ непріятной моеи исторіи старался держаться въ сторонѣ. Вдругъ подзываетъ меня князь и говоритъ, что ежели бы не доложилъ ему Бебутовъ, онъ бы никогда не повѣрилъ, что я могъ такъ быстро проскакать изъ Владикавказа до Шуры и остановить еще на мѣстѣ выступавшую бригаду; благодарилъ меня и протянулъ руку. Затѣмъ сказалъ, что онъ сожалѣетъ, что не приказалъ мнѣ направить Подольскій полкъ въ Шуру. Я поспѣшилъ отвѣтить, что угадалъ его намѣренія и измѣнилъ данное мнѣ приказаніе, и что Подольскій полкъ уже въ Шурѣ. Когда мы тронулись въ путь, князь подозвалъ меня и спросилъ: чтò могло побудить меня измѣнить его приказаніе. Я доложилъ ему, что я засталъ войска на половинѣ пути между Дербентомъ и Шурою и зная, съ одной стороны, о предположенныхъ военныхъ дѣйствіяхъ въ сѣверномъ Дагестанѣ и устройствѣ штабъ-квартиръ въ Чирь-Юртѣ и Ишкартахъ, а съ другой стороны, имѣя свѣдѣнія, что въ Салатавіи собираются скопища Шамиля, я сообразилъ, что въ сѣверномъ Дагестанѣ явится, быть можетъ, непредвидѣнная прежде потребность

въ усиленіи войскъ. Князь улыбнулся и не помню въ какихъ выраженіяхъ выразилъ мнѣ свое одобреніе. Затѣмъ на другой день прибытія въ Шуру, призвавъ меня утромъ въ кабинетъ, Воронцовъ объявилъ мнѣ, что, получивъ извѣстіе о смерти за границею отъ чахотки бывшаго его адъютанта Нечаева, назначаетъ меня на вакантную эту должность. Я былъ въ неопisanномъ восторгѣ тѣмъ, что ясно неудовольствіе князя на меня прекратилось и мнѣ открылось новое неожиданное поприще дѣятельности при такой высокой государственной личности, какимъ былъ князь Воронцовъ. Съ этого времени начинаются тѣ близкія мои отношенія къ Воронцову, тѣ серьезныя порученія, которыя онъ мнѣ давалъ, и то исключительное положеніе на Кавказѣ, въ которое онъ меня поставилъ своимъ особеннымъ ко мнѣ довѣріемъ и отеческимъ вниманіемъ во все дальнѣйшее время, сдѣлавъ меня какъ бы самымъ близкимъ членомъ своего семейства; я въ то время числился по кавалеріи и былъ уже три года армейскимъ поручикомъ; при назначеніи въ адъютанты меня зачислили въ Кіевскій гусарскій полкъ, въ августъ того же года я былъ произведенъ въ штабъ-ротмистра и началъ столь быструю впослѣдствіи свою карьеру. Нѣсколько дней проведено было княземъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ въ совѣщаніяхъ относительно военныхъ дѣйствій и по дѣламъ управленія съ начальниками сѣвернаго и южнаго Дагестана, князьями Бебутовымъ и Аргутинскимъ. Въ это время я имѣлъ случай ближе познакомиться какъ съ главными, такъ и съ второстепенными лицами этой части Кавказа и вмѣстѣ съ тѣмъ многое узналъ о прежнемъ и настоящемъ положеніи дѣлъ, о которыхъ придется говорить впослѣдствіи.

Крѣпость Темиръ-Ханъ-Шура, считаясь столицей сѣвернаго Дагестана, въ то время далеко не представляла тѣхъ удобствъ и не имѣла того вида, который имѣетъ теперь. Построенная, кажется, въ 31-мъ году, какъ центральный и опорный нашъ пунктъ въ Шамхальскихъ владѣніяхъ, она представляла весьма слабую цитадель, защищенную съ сѣверной стороны обрывистыми скалами, а съ западной и восточной—стѣнами и башнями изъ мѣстнаго камня, сложеннаго на глинѣ, какъ воздвигались въ то время почти всѣ укрѣпленія въ Дагестанѣ. Съ южной стороны цитадель соединялась съ форштадомъ, обнесеннымъ землянымъ валомъ весьма слабой

профили, съ положенною колючкою; сверхъ онаго на фасахъ форштата были какія-то жалкія батареи съ чугунными пушками, пришедшими въ негодность, и трое воротъ, плохо защищенныя какими-то будками, носящими громкое названіе блокъ-хаузовъ. Въ цитадели помѣщался госпиталь, домъ командующаго войсками и другія пезатѣйливыя строенія, гдѣ помѣщалось все управленіе; на форштатѣ были казармы квартирующаго Апшеронскаго полка и другихъ войскъ, въ видѣ какихъ-то низкихъ строеній съ земляными крышами; грязный базаръ, грязь на улицахъ, землянки остальныхъ нижнихъ чиповъ составляли такъ называемый городъ, гдѣ, впрочемъ, правильно были разбиты улицы и кварталы. Посреди этихъ безобразныхъ зданій однакоже являлись нѣкоторые порядочные дома, принадлежащіе, разумѣется, интендантскимъ чиновникамъ, полковымъ командирамъ и различнымъ штабнымъ офицерамъ, имѣвшимъ, при тогдашнихъ порядкахъ, болѣе средствъ къ легкой наживѣ и извѣстнаго рода комфорту. Между крѣпостью и цитаделью былъ разбитъ, такъ называемый, публичный садъ стараніями генералъ Клугенау, гдѣ по вечерамъ играла музыка и собиралась Шуринская публика; среди сада была бесѣдка; здѣсь въ 1844 г. жилъ теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ, а тогда гвардіи поручикъ Тимашевъ ¹⁾, прибывшій на время въ Шуру. Это подало поводъ талантливому его карандашу сдѣлать извѣстную карриатуру, въ свое время надѣлавшую довольно шума: она представляла изгнаніе Адама и Евы изъ рая (изъ сада въ Шурѣ) и madame Клугенау изображала карающаго ангела.

Несмотря на всю, далеко непривѣтливую, обстановку Шуры, это мѣсто считалось какъ бы Капуей всего Дагестана. Послѣ продолжительныхъ походовъ, послѣ всѣхъ испытаній и лишеній, съ какимъ восторгомъ возвращался отрядъ въ Шуру, какъ въ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и цивилизованнѣйшихъ центровъ. Я помню, какое впечатлѣніе, послѣ похода, производили на насъ грязныя лачуги, носящія громкое названіе магазиновъ съ бракованными товарами Нижегородской ярмарки. Какъ казались комфортабельными грязныя трактиры съ засаленнымъ билліардомъ, изломанными кан-

¹⁾ Писано въ 1876 г.

делябрами, ситцевыми занавѣсками и звуками разстроеннаго и переломаннаго органа. Наконецъ, гуляніе въ публичномъ саду, хоръ музыки, женскіе туалеты кизлярскихъ или астраханскихъ модныхъ магазиновъ и поблѣпшія лица прежнихъ красавицъ, не отличающихся особою нравственностью, шуринаго прекраснаго пола. Все это совершенно понятно, и объясняется тѣми исключительными условіями, которыми обставлена была тогдашняя жизнь на Кавказѣ. При юности и впечатлительности большей части изъ насъ, приходъ въ безопасное мѣсто съ относительными удобствами жизни и общественными, опять-таки непричудливыми, развлеченіями, весьма понятно, какъ бы вновь возвращалъ насъ, послѣ испытанныхъ опасностей, къ жизни, которую такъ мало цѣнили въ совершенномъ цоходѣ и которою, при неизвѣстности будущаго, старались наслаждаться въ настоящемъ.

Изъ Шуры, въ сопровожденіи князя Аргутинскаго, князь Воронцовъ рѣшился объѣхать большую часть Дагестана, чтобы ознакомиться съ этимъ совершенно новымъ для него краемъ. Я былъ, къ крайнему моему удовольствію, назначенъ сопровождать его. Наскоро купивъ верховую и вьючную лошадь, я собрался въ путь и, подъ конвоемъ расположенныхъ отрядовъ войскъ и милиціи, мы выступили въ Мехтулинское ханство; первый ночлегъ имѣли въ Акушѣ — въ селеніи Оглы. Дорогой мы остановились въ селеніи большой Дженгутай, гдѣ въ первый разъ удалось мнѣ видѣть вдову послѣдняго Мехтулинскаго хана Ахмета, извѣстную Нохъ-Бикэ¹⁾. Она принимала князя Воронцова въ своемъ дворцѣ, т.-е. саклѣ болѣе обширной другихъ, съ огромнымъ дворомъ, обнесеннымъ стѣнами и башнями. Она была женщина лѣтъ 35 съ весьма выразительными чертами лица, носящими остатки прежней замѣчательной ея красоты. Она отличалась весьма рѣшительнымъ характеромъ и проникательнымъ умомъ, что она и доказывала во всѣхъ трудныхъ положеніяхъ своей жизни. Она, я думаю, сознательно была предана нашимъ интересамъ, понимая, что только въ рус-

¹⁾ Правителемъ ханства въ то время былъ почтенный князь Григорій Дмитриевичъ Орбеліани, впоследствии полный генералъ, проживавшій въ Тифлисѣ, окруженный общею любовью, какъ русскихъ, такъ и грузинъ, за истинно рыцарскій характеръ свой и благородное прошлое.

ской силѣ она можетъ найти опору для себя и малолѣтнихъ дѣтей своихъ. У ней было два маленькихъ сына, весьма милыхъ дѣтей, которые тутъ же были представлены князю. Изъ нихъ старшій Ибрагимъ (впослѣдствіи полковникъ и флигель-адъютантъ) далеко не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ. Вообще, сколько мнѣ удалось замѣтить, эта особенность азіатцевъ проявлялась почти во всѣхъ видѣнныхъ мною случаяхъ: доколѣ они сохраняютъ свою мусульманскую или азіатскую самостоятельность, они обладаютъ, при всѣхъ недостаткахъ и порокахъ своихъ, исключительными достоинствами и качествами, которыми только нужно умѣть воспользоваться, равно какъ ихъ слабостями, въ пользу интересовъ нашихъ. Но какъ только азіатцемъ усваиваются пороки и наружныя формы цивилизаціи, онъ утрачиваетъ, за недостаткомъ подготовительной почвы, всю первобытную энергію, теряетъ всякое значеніе между мусульманами и далеко не оправдываетъ все, чего, при его индивидуальныхъ способностяхъ, можно бы было отъ него ожидать. Это какія-то безцвѣтныя личности, тяготящіяся своимъ двуличнымъ положеніемъ. Отставшія отъ своихъ, не приставшія къ намъ, не могущія внушать къ себѣ довѣрія ни русскимъ, ни мусульманамъ, они являютъ примѣръ жалкаго растенія, увядающаго на чуждой для него почвѣ. Мнѣ кажется, что мусульманинъ извѣстнаго общественнаго положенія, усвоивши себѣ сознательно европейскія понятія, никогда не долженъ оставаться въ томъ краѣ, гдѣ связываютъ его всѣ преданія прежняго исключительно мусульманскаго значенія его предковъ.

Первый ночлегъ нашъ, какъ выше сказано, былъ въ селеніи Оглы; вся мѣстность какъ Акуши, такъ и Мехтулинскаго ханства, чрезвычайно гориста; горы болѣе известковаго свойства, растительности вообще мало, исключая деревень, которыя окружены садами. Но и здѣсь, какъ въ странѣ, болѣе подверженной хищническимъ нападеніямъ горцевъ, садовъ гораздо менѣе, чѣмъ въ прочей части Дагестана, а лѣсовъ совершенно нѣтъ. Хлѣбъ пашется довольно ограниченно, но почва весьма плодородна. Все богатство жителей заключается въ многочисленныхъ стадахъ, съ которыми они, при первыхъ тревожныхъ слухахъ, удаляются въ неприступныя ущелья или ближе къ нашимъ границамъ, подъ прикрытіе

нашихъ войскъ. Общество Акушинское, или Акуши, относительно менѣе гористо, въ сравненіи съ другими частями южнаго Дагестана, и какъ прилегающее къ непріятельской границѣ нашей у Койсу—болѣе всѣхъ другихъ подвергалось частымъ нападеніямъ непріятеля и возмездіямъ нашимъ за измѣну, иногда невольную, по недостатку средствъ къ защитѣ. Во времена Ермолова было однако явное возстаніе Акуши, за которое онъ разгромилъ страну. Вслѣдъ затѣмъ еще неоднократно происходили волненія въ Акуши, и извѣстная часть населенія всегда сочувствовала Шамилю. Эта несчастная страна была постоянно между двухъ огней и обстоятельство это, помимо движеній отрядовъ, видимо отражалось на нравственномъ и экономическомъ положеніи жителей.

Пріемъ старшинъ и кадій въ селеніи Оглы, переговоры съ ними—все это заслуживало весьма малаго вниманія. На другой день мы съ отрядомъ двинулись въ селеніе Цудахаръ, расположенное на обрывистомъ берегу Койсу. Цудахаръ весьма небольшое, но сильно укрѣпленное природою, мѣсто, составляя независимое общество подъ управленіемъ своего кадія, имѣло большое торговое значеніе въ этой части Дагестана, и дѣйствительно Цудахарскій базаръ былъ необыкновенно оживленъ. Самый аулъ своими постройками представляетъ чрезвычайно живописное зрѣлище; каменная съ башнями цитадель на скалѣ, вооруженная фальконетами, защищаетъ селеніе, которое по уступамъ горы амфитеатромъ спускается къ рѣкѣ. Всякій домъ, всякая сакля представляетъ своего рода крѣпость. Вся мѣстность вообще крѣпко защищена природою, и потому цудахарцы съ успѣхомъ отражали попытки Шамиля и скорѣе склонны были соединить свои интересы съ нашими. Почтенный кадій, управлявшій Цудахаромъ, въ домѣ котораго мы остановились, былъ совершенно преданъ русскимъ, но не скрывалъ отъ себя и отъ насъ опасность своего положенія. Шамиль съумѣлъ себѣ составить сильную партію въ Цудахарѣ, число нашихъ приверженцевъ ежедневно уменьшалось, и кадій сознавалъ всю натянутость и непрочность настоящаго положенія. Опасенія его вскорѣ оправдались — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шамиль занялъ Цудахаръ, благодаря сочувствію части жителей, а кадій и приверженцы наши заплатились головами за свою намъ преданность. Имму-

щество и дома ихъ были разграблены и сожжены, по приказанію Шамиля—и рядъ жестокостей и казней ознаменовалъ его пребываніе въ Цудахарѣ, который долго еще не могъ оправиться отъ понесеннаго погрома.

Слѣдуя далѣе въ укрѣпленіе Кумухъ, мы переправились чрезъ Койсу, черезъ узкій мостъ Дагестанской постройки, гдѣ средняя часть, сдѣланная изъ витыхъ виноградныхъ лозъ и легкихъ перекладинъ, качалась подъ тяжестью проходящихъ. Ѣхать можно было только въ одинъ конь; периль, разумѣется, никакихъ не было; между отвѣсными скалами ревѣлъ Койсу, и при страшной высотѣ, такъ называемаго, моста нужно было имѣть особенную привычку и весьма твердые нервы, чтобы избѣгнуть головокруженія. Мосты эти обыкновенны въ Дагестанѣ, но мнѣ случилось тогда въ первый разъ видѣть эти постройки, и сознаюсь, что меня удивила какъ смѣлость, такъ и относительная прочность этихъ сооружений. Хочу сказать нѣсколько словъ объ этой постройкѣ. Въ скалу, составляющую естественный устой, въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки утверждаются нѣсколько бревенъ, на нихъ укладывается другой рядъ, постепенно выступая отъ нижняго ряда надъ пропастью, и такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ составляются въ нѣсколько ярусовъ кладки, искусственныя деревянныя фермы, черезъ которыя перебрасывается самый мостъ изъ легкихъ жердей или толстыхъ виноградныхъ лозъ, съ настилкою изъ плетня; фермы же укрѣпляются землею и огромными камнями. Ширина моста не болѣе сажени. Около Цудахара, что поразило меня, какъ и всякаго русскаго жителя сѣвера, это—небольшая березовая роща, почти единственная, которую мнѣ случилось видѣть на Кавказѣ.

Переправившись на лѣвый берегъ Койсу, намъ до Кумуха предстояло идти по горной, высѣченной въ скалѣ, весьма узкой дорогѣ. Кадій, отойдя съ милиціею своею версты двѣ или три отъ Цудахара, раскланялся съ нами и, какъ бы предчувствуя скорѣе совершившееся событіе, весьма трогательно простился съ княземъ Воронцовымъ, поклявшись, что до конца останется вѣрнымъ русскимъ. Здѣсь встрѣтилъ насъ блестящій Агаларъ-ханъ, правитель Кази-Кумухскаго ханства, со своею милиціею. Это былъ замѣчательно красивый, ловкій и храбрый молодой 25-лѣтній человекъ. Онъ со

всѣмъ ханствомъ своимъ находился также на передовой нашей линіи. Князь Аргутинскій умѣлъ пользоваться его честолюбіемъ, властолюбіемъ и замѣчательною храбростію, чтобы замѣнить имъ необходимость содержать регулярныя войска въ этой недоступной для насъ, особенно зимою, мѣстности. Здѣсь встрѣчалось главнымъ образомъ препятствіе въ снабженіи отряда продовольствіемъ, по трудности пути и отдаленности нашего операціоннаго базиса. — Воинственный Агаларъ-Бекъ умѣлъ постоянно противождать всѣмъ попыткамъ Шамя вторгнуться въ край и оказывалъ намъ несомнѣнную пользу. Онъ считался полковникомъ нашей службы и имѣлъ офицерскій георгіевскій крестъ, что чрезвычайно ему льстило. Это былъ настоящій типъ восточнаго властелина; жестокость его по управленію ханствомъ, произволъ и деспотизмъ, не знали предѣловъ. Все дрожало передъ именемъ Агаларъ-Бека, который въ свою очередь боялся Аргутинскаго. Сей послѣдній смотрѣлъ сквозь пальцы на дѣйствія Агалара по управленію и, отлично понимая положеніе дѣлъ и матеріальную нашу слабость въ этой части края, умѣлъ превосходно обращать подвѣдомственныхъ намъ хановъ въ орудіе нашей политики, жертвуя притомъ иногда общегуманными идеями, что впрочемъ мало сознавалось самими подвластными Агаларъ-хана, привыкшими еще къ большому самовластію и жестокости его предшественниковъ. Агаларъ изъ европейской цивилизаціи усвоилъ себѣ только нѣкоторое пониманіе русскаго языка и страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, отъ злоупотребленія которыми онъ даже и умеръ.

На ночлегъ мы прибыли на только-что строящееся и не оконченное укрѣпленіе Кумухъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИКАЗЫ ПО ОТДѢЛЬНОМУ КАВКАЗСКОМУ И 5-МУ ПѢХОТНОМУ КОРПУСАМЪ.

№ 1.

Марта 14 дня 1845 года.

г. Керчь.

Воины Кавказскаго и 5-го корпусовъ!

Принявъ, по Высочайшему повелѣнію, начальство надъ войсками на Кавказѣ, спѣшу изъяснить предъ всѣми чинами обоихъ корпусовъ, сколь высоко я цѣню милость и довѣріе нашего Всемилостивѣйшаго Государя и честь быть начальникомъ неустрашимыхъ сыновъ отечества, коими общая мать наша Россія столь справедливо гордится.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, я также началъ службу на Кавказѣ, подъ начальствомъ знаменитаго князя Циціанова, былъ съ нимъ подъ Елизаветполемъ, былъ съ храбрымъ Гуляковымъ на Алазанѣ и въ Закаталѣ; опять съ Циціановымъ при покореніи Имеретіи; потомъ на знойныхъ поляхъ Эриванскихъ и зимою въ снѣжныхъ горахъ Осетинскихъ. Съ молодыхъ лѣтъ я научился и привыкъ удивляться подвигамъ храбрыхъ воиновъ Кавказскихъ. Теперь, предстоитъ мнѣ вновь служить съ вами. Ежели будетъ нужно сражаться съ непокорными горцами, вы опять будете тѣ же, каковыми всегда были. Съ племенами покорными мы будемъ вести себя

мирно и дружелюбно. Жители Кавказа должны столько же любить и уважать насъ во время мира, сколько бояться въ военныхъ дѣйствіяхъ, если таковыя на себя навлекутъ. Въ этомъ состоитъ непремѣнная воля Великаго нашего Государя и мы должны, и по долгу вѣрноподданныхъ и по христіанской совѣсти, быть точными исполнителями сей непремѣнной священной воли.

Всемилостивѣйшему Государю угодно также обратить вниманіе на положеніе во всѣхъ отношеніяхъ храбрыхъ войскъ Его и особенно на ихъ продовольствіе. Это будетъ лежать на моей отвѣтственности. Мой самый пріятный долгъ будетъ свидѣтельствовать передъ Монархомъ о вашей службѣ, о вашихъ подвигахъ и безпрестанно пещись о томъ, чтобы вы всегда получали все, что вамъ, по милости Царской, положено, и чтобы вы ни въ чемъ не нуждались.

№ 63.

Іюля 7-го дня.

Въ лагерѣ при селеніи Дарго.

Спѣшу благодарить отъ глубины сердца моего храбрая войска всѣхъ чиновъ и званій за новый опытъ примѣрной неустрашимости и усердія, ими оказанный. Вчерашняго числа мы прошли 20 верстъ, изъ коихъ близъ половины въ лѣсу, самыми трудными оврагами, подъемами и спусками. Въ этомъ лѣсу непріятель упорно защищалъ болѣе 20 давно приготовленныхъ крѣпчайшихъ заваловъ и, кромѣ того, пользовался мѣстностью, чтобы съ обоихъ фланговъ безпрестанно нападать на насъ и стрѣлять изъ-за деревьевъ и самыхъ деревьевъ на колонны штурмующія завалы и на тѣ, которыя за оными слѣдовали,—самая же мѣстность почти нигдѣ не позволяла намъ имѣть съ обѣихъ сторонъ боковыя цѣпи. Всѣ сіи затрудненія сдѣлались ничтожными предъ порывомъ и неустрашимымъ терпѣніемъ нашихъ войскъ.

1-й баталіонъ Литовскаго егерскаго полка, направленный по дорогѣ прямо на завалы, взялъ оные одинъ за другимъ штыками, съ барабаннымъ боемъ и безъ выстрѣловъ; онъ поддерживаемъ былъ Грузинскою пѣшею милиціею, подъ командою предводителя грузино-имеретинскаго дворянства, полковника князя Орбеліана и

2 мѣ баталіономъ егерскаго князя Чернышева полка, подѣ начальствомъ полковника Ранжевскаго. Весь сей авангардъ находился подѣ предводительствомъ храбраго Генералъ-маіора Бѣлявскаго, который во все время лично подавалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ неустрашимости. Правая цѣпь съ резервомъ была подѣ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго, лѣвая полковника Козловскаго, Грузинская милиція была раздѣлена между этими двумя боковыми колоннами. Гдѣ нельзя было идти иначе, какъ по дорогѣ, она помогала авангарду овладѣть завалами, а егерямъ и пѣхотѣ выбивать безпрестанно засѣдающаго во всѣхъ трудныхъ мѣстахъ непріятеля. По протяженіи болѣе 7 верстъ безпрестаннаго упорнаго боя неминуемо образовались интервалы, которыми непріятель немедленно старался воспользоваться; тогда спѣшивалась наша кавалерія, спускалась быстро въ яры и овраги и съ крикомъ ура прогоняла непріятеля и тѣмъ облегчала путь слѣдующимъ по дорогѣ войскамъ и обозамъ. Въ этомъ участвовала съ отличіемъ и полнымъ успѣхомъ Грузинская конная милиція, подѣ командою Штабсъ-капитана князя Орбеліана, которая два раза была лично мною посылаема, дабы прогнать засѣвшаго и вредившаго намъ непріятеля: кромѣ 1-го баталіона Литовскаго егерскаго и 2-го баталіона князя Чернышева полка, столь славно авангардъ составлявшихъ, и прочія войска въ дѣлѣ семъ участвовавшія, столь же достойно долгъ свой выполнили. Они суть: 1-й баталіонъ егерскаго князя Чернышева полка, 1-й и 2-й баталіоны Куринскаго егерскаго полка, 3-й и 4-й баталіоны Навагинскаго пѣхотнаго полка, 3-й баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, 5-й саперный баталіонъ, 3 роты Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, Грузинская пѣшая и конная милиція, Дигорцы и Кабардинцы, Осетины, подѣ командою гвардіи ротмистра Казбека, и сборныя сотни линейныхъ казаковъ Моздовскаго, Кавказскаго и Гребенскаго полковъ. Около 8 часовъ вечера, т.-е. послѣ 14-ти часовъ марша и 6 часовъ упорнаго сраженія, мы овладѣли послѣднимъ заваломъ и вышли на мѣстность болѣе ровную и открытую, но сего было еще не довольно; — но дабы болѣе вперить страхъ въ непріятелѣ и доказать ему, что, несмотря на всѣ приготовленія ихъ и ужасныя трудности дороги, мы могли придти въ одинъ день

изъ Андій въ Дарго, и хотя отъ вышесказаннаго мѣста было еще верстѣ 5 самой трудной дороги, и отчасти подъ огнемъ непріятеля, засѣвшаго уже на плоскости въ кустахъ, за рукавомъ рѣки Аксая, мы стали съ авангардомъ и кавалеріею на бивуаки у самой деревни Дарго, столицы Шамяля, куда и прочія войска пришли ночью и рано поутру сегодняшняго дня уже почти безъ сопротивленія отъ непріятеля. Потеря въ столь трудномъ и жаркомъ сраженіи не могла не быть довольно значительна, но благодаря Всевышнему, была гораздо менѣе, нежели должно было ожидать. Убиты, къ общему сожалѣнію, Генераль-маіоръ Фокъ, всегда искавшій опасности и случая отличиться, и храбрый Генеральнаго Штаба подполковникъ Левисонъ, Кавказскаго Липейнаго полка сотникъ Касяновъ, и Тифлисской пѣшей милиціи прапорщикъ Гургенидзе, ранены: командиръ Замостскаго полка, командовавшій пѣхотою авангарда, полковникъ Семеновъ, мѣсто котораго достойно занялъ состоящій по кавалеріи при Кавказскомъ корпусѣ полковникъ Альбрандъ; командующій 1-мъ баталіономъ Литовскаго полка маіоръ Степановъ, командиръ карабинерной роты сего же баталіона капитанъ Жмайловичъ, Куринскаго егерскаго полка подпоручикъ Ивановъ и прикомандированный къ сему полку Рязанскаго пѣхотнаго полка поручикъ Пересвятовъ, 5-го сапернаго баталіона капитанъ Броунъ, горной № 4-го батареи прапорщикъ Транковскій, Тифлисской пѣшей дружины священникъ Захарій Борисовъ и прапорщикъ конно-грузинской милиціи князь Дмитрій Вацнадзе, состоящіе при мнѣ по особымъ порученіямъ, числящіеся по кавалеріи, поручикъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, подполковникъ Качони и прикомандированный на время экспедиціи къ Чеченскому отряду л.-гв. Уланскаго полка поручикъ Гербель; всего ранено и убито: 1 генераль, 3 штабъ-офицера и 12 оберъ-офицеровъ; нижнихъ чиновъ: убито 33, ранено 129, всего же выбыло изъ строя 178 человекъ. Горная артиллерія въ особенности отличилась вчерашняго дня, и потеря ея была значительна. Стрѣляя по засѣвшимъ Лезгинамъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, 4-я горная батарея 20-й артиллерійской бригады дѣйствовала съ примѣрною неустрашимостью; она потеряла взводнаго командира своего прапорщика Транковского, тяжело раненаго, и почти всю прислугу

свою. Излишнимъ почти считаю изъяснить здѣсь глубочайшую признательность за помощь, распорядительность и личное самоотверженіе Генерала отъ инфантеріи Лидерса и Генераль-лейтенанта Гурко; также да позволено мнѣ будетъ упомянуть здѣсь объ отличныхъ заслугахъ и неустрашимости начальника всей артиллеріи Генераль-лейтенанта Козлянинова, Генераль-лейтенанта Клюкифонъ-Клугенау, который командовалъ среднею колонною за авангардомъ, Генераль-маіора Лабинцева, который командовалъ арріергардомъ и провелъ оный въ примѣрномъ порядкѣ и съ малою потерей, хотя имѣлъ непріятеля и съ фланговъ и съ тыла; Генераль-маіоровъ—Начальника 8-го округа корпуса жандармовъ Викторова, который по моему предположенію остался съ двумя ротами егерскаго князя Чернышева полка въ важномъ и опасномъ мѣстѣ, арріергарда; походнаго атамана Донскихъ Казачьихъ полковъ Хрещатицкаго; состоящаго по кавалеріи Безобразова, командира 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи Пассека и командующаго артиллеріею Чеченскаго отряда полковника Ковалевскаго. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы изъяснить мою признательность за отличное рвеніе и полезные труды во всю кампанію Генераль-маіоровъ Герасимова и Постельса. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ прежнихъ, Его Высочество Принцъ Гессенскій оказалъ опытъ своего усердія и неустрашимости, равно какъ и прибывшій съ нимъ къ отряду князь Эмиль Витгенштейнъ.

Священнымъ и пріятнымъ долгомъ имѣю теперь донести о всемъ вышесказанномъ Государю Императору и представить на Высочайшее вниманіе о подвигахъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, служащихъ на Кавказѣ и которые всегда считаютъ Всемиловѣйшее воззрѣніе на ихъ труды величайшею для нихъ наградою.

№ 69.

Іюля 21 дня.

Въ укрѣпленіи Герзель-аулъ.

Воины главнаго дѣйствующаго отряда! Наконецъ, твердостью, усердіемъ и неустрашимостью вы исполнили трудный и славный подвигъ, повелѣніе Государя нашего, ожиданія Россіи и наше

собственное желаніе. Съ самаго начала кампаніи непріятель со всѣми своими сборищами не могъ вамъ противустоять; онъ оставилъ намъ безъ боя и Хубарскія высоты и крѣпкую Бортунайскую позицію, онъ надѣялся остановить насъ на Мичикалѣ, но славнымъ подвигомъ взятія горы Апчимера оттуда прогнанъ; преодолевъ всѣ трудности природы, мы пошли въ Андійскимъ воротамъ, гдѣ онъ не смѣлъ насъ ожидать, и самъ предалъ огню и опустошенію богатое Андійское населеніе; за Андіей онъ захотѣлъ держаться на позиціи, но постыдно прогнанъ съ оной горстію нашихъ храбредцовъ. Когда мы увидѣли опять сборища Шамиля на горахъ, мы опять пошли на нихъ, разсѣяли толпы ихъ и дошли до самаго Техвучала. Около Андіи, гдѣ Русскіе до сего еще никогда не были, мы жили спокойно, сколько намъ было нужно, но этого еще было недовольно, нужно было дойти до самаго гнѣзда Шамиля; мы пошло въ Дарго и, хотя нашли дорогу труднѣйшую и лѣса, въ которыхъ они сильно защищались, ничто не могло намъ противустоять, и Шамиль вынужденъ самъ начать разрушеніе его жилища и заведеній, которое мы послѣ въ полной мѣрѣ довершили. По затрудненію доставлять туда продовольствіе, было невозможно и бесполезно оставаться долго въ Дарго, но мы пошли оттуда не назадъ, не отступая, но пошли опять прямо на него же, грудью сбили его съ позиціи у дер. Цонтери и потомъ, все наступая, гнали его съ позиціи па позицію, пока, уже близко къ Герзель-аулу, мы соединились съ храбрымъ Генераломъ Фрейтагомъ, который по первому отъ насъ призыву, собравъ съ невѣроятною скоростью сильный отрядъ, пришелъ къ намъ на встрѣчу; тогда силы непріятельскія обратились на нашъ арріергардъ, но и тутъ съ потерей и стыдомъ отбиты. Таковыя подвиги не могли быть исполнены безъ урона; мы потеряли нѣсколько достойныхъ начальниковъ и храбрыхъ солдатъ; это жребій войны; истинно Русскій всегда готовъ умереть за Государя и отечество, но мы имѣемъ то утѣшеніе, что не одинъ раненый, какого бы онъ ни былъ званія, нами не оставленъ, ни одинъ не попался въ руки непріятеля, и мы вчерашняго числа дошли благополучно до нашего укрѣпленія, и вамъ можно будетъ отдохнуть отъ трудовъ и утѣшаться воспоминаніями о вашихъ подвигахъ. Государь вами будетъ доволенъ; слухъ о нашемъ по-

ходѣ долго будетъ служить въ горахъ страшилищемъ для враговъ нашихъ и доказательствомъ, что для Русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. Я горжусь тѣмъ, что имѣлъ честь вами начальствовать и раздѣлять съ вами труды и опасности; отъ всей души благодарю васъ за усердіе, терпѣніе и неустрашимость, вами доказанная, и займусь теперь пріятнымъ долгомъ увѣдомить Всемилюстивѣйшаго нашего Государя о подвигахъ всѣхъ и cadaго.

№ 70.

Воины отряда Генераль-маіора Фрейтага! Спасибо Вамъ, ребята, тысячу разъ спасибо вамъ и достойному вашему начальнику за помощь, вами намъ оказанную. Съ невѣроятною скоростью, по первому отъ насъ вызову, вы собрались, сдѣлали усиленные переходы и чудесно явились въ сильномъ составѣ въ Гарзель-аулъ; безъ отдыха немедленно пошли къ намъ на встрѣчу и сильно помогли намъ окончить съ честью и славою трудный подвигъ противъ всѣхъ силъ непріятельскихъ, разбивая ихъ вездѣ, гдѣ они думали намъ противустоять, и привести безопасно и спокойно всѣхъ нашихъ раненыхъ, храбрыхъ товарищей вашихъ. Оба отряда всегда будутъ помнить съ удовольствіемъ и походъ сей и счастливое наше съ вами соединеніе. Спасибо вамъ еще разъ. Вамъ и храброму Фрейтагу ура!

№ 75.

Іюля 26-го дня.

Въ укрѣпленіи Герзель-аулъ.

Я удостоился вчерашняго числа получить отъ Государя Императора письмо, въ которомъ Его Императорское Величество изъявляетъ Свое удовольствіе за скорое движеніе и успѣхи наши на Анчимерѣ и Андійскихъ высотахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣваетъ мнѣ объявить сіе удовольствіе и благоволеніе ввѣреннымъ начальству моему войскамъ. Слова Его Императорскаго Величества суть: „скажите же вы и молодцамъ вашимъ, что Я, ихъ видѣвшій, ихъ знавшій, зналъ, что и желать и ожидать отъ нихъ могъ и впредь могу, и что Я ихъ благодарю, что доказали, что они все тѣ же

Кавказскіе герои, даромъ что ряды пополняются молодыми; къ доброму корню легко прививать“.

Драгоцѣнныя слова сіи спѣшу сообщить дѣйствующему отряду, для свѣдѣнія всѣхъ чиновъ, симъ приказомъ, и остаюсь увѣреннымъ, что такое изъявленіе милости и благоволенія за труды наши отъ Великаго нашего Государя будетъ принято всѣми съ благоговѣніемъ и радостью и еще вѣще ободрить и побудить каждого изъ насъ къ повторенію во всѣхъ возможныхъ случаяхъ того же усердія и самоотверженія, которыя обратили на Кавказское войско Высочайшее и Всемилоостивѣйшее вниманіе.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АРСЕНІИ МАЦѢВИЧѢ.

Чтеніе Т. И. Филиппова ¹⁾.

Ваше Высокопреосвященство
и досточтимое собраніе!

Гр. С. Д. сдѣлалъ мнѣ честь, предложивъ мнѣ, въ день праздника дорогаго всѣмъ намъ общества, принять словесное участіе въ его сегодняшнемъ собраніи. Это любезное предложеніе застигло меня внезапно, въ самый разгаръ законодательной дѣятельности Г. С., среди угнетающихъ меня трудовъ, которые поглощаютъ всѣ мои часы. Въ короткій срокъ, который оставался до нынѣшняго дня, приготовить что-нибудь свое, достойное вашего вниманія, не было уже времени; отказаться отъ предложенной чести было бы для меня чувствительнымъ нравственнымъ лишеніемъ. Что же было мнѣ дѣлать и какъ выйти изъ такого затрудненія?

Вспомнилъ я, что лѣтъ 20 тому назадъ мой гимназическій учитель, достойный вѣчной признательной памяти, Гр. Ив. Забѣлинъ далъ мнѣ на просмотръ случайно доставшійся ему отъ кого-то рукописный сборникъ самыхъ разнородныхъ по содержанію статей (съ надписью „любопытныя“), между коими я нашелъ двѣ (?), относящіяся къ событіямъ изъ жизни митрополита ростовскаго Арсенія Мацѣвича.

¹⁾ Произнесено въ годичномъ собраніи Общества любителей древней письменности въ 1893 году.

Исполненный благоговѣнія къ высокому подвигу этого безтрепетнаго свидѣтеля истины, я поспѣшилъ списать эти статьи и съ тѣхъ поръ хранилъ ихъ у себя, постоянно намѣреваясь сдѣлать изъ нихъ какое-нибудь приличное употребленіе. Но до сихъ поръ намѣренія своего въ исполненіе не привелъ, какъ бы предвидѣвъ, что мнѣ дано будетъ подѣлиться своею находкою съ такимъ собраніемъ, которое—я въ томъ сомнѣваться не могу—раздѣляетъ мои чувства къ страдальцу...

Вотъ содержаніе этихъ статей.

I.

Святѣйшему Правительствующему Синоду

отъ синодальнаго члена преосвященнаго Арсенія, митрополита ростовскаго и ярославскаго,

Донесеніе.

По имянному Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшему, Высочайшему, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, августа 12 дня прошлаго 1762 года, указу, для благопристойнаго духовнаго чина содержанія, всѣ синодальныя, архіерейскія домовъ и монастырей, и бѣлаго священства недвижимыя имѣнія отданы имъ, въ томъ числѣ и дому моему, во управленіе, съ таковымъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ: какъ до учрежденія опредѣленной комиссіи и положенія впредъ порядочнѣйшаго на крестьянъ оклада, такъ и на оной 1762 годъ собирать положенный рублевый окладъ, отдавая однако и сіе на благоизобрѣтеніе архіереевъ и властей, чтобы они собирали съ нихъ или по рублю съ души, или по пристойности мѣстъ и надобностей употребляли ихъ къ нужнымъ работамъ, безъ отягощенія. Всѣ же тѣ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, какъ денежныя, такъ и хлѣбныя доходы, до настоящаго о тѣхъ учрежденія, употреблять какъ архіереямъ, такъ и

монастырямъ, на самыя пужныя расходы, по духовному регламенту, безъ излишества; тако-жъ на содержаніе имѣющихся при монастыряхъ и впредь присылаемыхъ инвалидовъ; а затѣмъ остатки, гдѣ таковыя будутъ, хранить, имѣя на то приходныя и расходныя шнуrowыя книги, архіереи и ставропіегіальныя лавры и монастыри отъ Сѹнода, а прочіе монастыри отъ архіереевъ, изъ которыхъ можно было бы Ея Императорскому Величеству впредь усмотрѣть прямыхъ старателей о пользѣ Церкви и отечества и пренебрегающихъ оную. И въ сѹту онаго Ея Императорскаго Величества именнаго указа, для записки бываемыхъ въ домѣ моемъ архіерейскихъ приходовъ и расходовъ, за шнуромъ и за печатью, книги изъ Святѣйшаго Сѹнода къ моему смиренію, октября 19 дня того же 1762 года, присланы при указѣ, которое одолженіе присланныхъ ко мнѣ книгъ кажется сану архіерейскому не безъ уничиженія: понеже книги таковыя въ той силѣ имѣются, якобы архіерси о пользѣ Церкви вси нестаратели и подозрительны въ нестарательствѣ и пренебреженіи, что не по большей ли части изыщется на свѣтскихъ, нежели на духовныхъ, какъ то отъ созиданія Александра Невскаго монастыря можно видѣть, который не духовные, но свѣтскія строятъ, и не на монастырскую, но на казну государеву, да и до сихъ поръ въ окончаніе привести не могутъ, да почти о томъ и не думаютъ, а истязанія имъ въ томъ не видѣть. Дивно убо кажется архіереямъ, яко у нихъ книги домашнія приходныя и расходныя имѣются, безъ которыхъ въ домахъ архіерейскихъ и монастыряхъ пикогда же водится; присланныя же отъ Святѣйшаго Сѹнода книги къ архіереямъ и монастырскимъ настоятелямъ, акибы къ прикащикамъ, тяжесть не только архіереямъ, начальнымъ пастырямъ, но и всему духовному чину несносная и никогда же слыханная, еще же и съ словомъ Божіимъ и съ закономъ не очень сходная. А о законѣ въ манифестѣ, состоявшемся 6 числа іюля мѣсяца прошлаго 1762 года, и о всѣхъ обстоятельствахъ, при восшествіи Ея Императорскаго Величества на Всероссийскій Императорскій Престоль происшедшихъ, Ея Величество точно благоволила всенародно объявить, что де просить Бога не оставимъ денно и ночно, да поможетъ намъ поднять скипетръ въ соблюденіе нашего православнаго закона. Въ духовномъ же регла-

ментъ отъ самаго начала такожь написано: управленія основанія есть законъ Божій, въ священномъ писаніи предложенный, тако жъ законы, или правила Соборныя Святыхъ Отецъ, и уставы гражданскіе, слову Божію согласные. Слѣдовательно и регламенту, который подчиняется въ своихъ опредѣленіяхъ Слову Божію и закону, надлежитъ въ той силѣ принимать, поколику онъ согласенъ слову Божію и закону, понеже всегда надлежитъ тому больше внимать, что власть Божія глаголетъ и повелѣваетъ, которая царями обладаетъ и надъ всякимъ дыханіемъ и душою владычествуетъ, нежели власть человѣческая. Справившись же съ Церковію Божіею, которой мы сами и законъ содержимъ, видимъ, что какъ стала Церковь наша—отъ временъ апостольскихъ—имѣнія церковныя не были никому другому подчинены, токмо единымъ Апостоламъ, а послѣ Апостоловъ архіереямъ и на едину волю и разсмотрѣніе архіереевъ были оставлены, яко Богу данныя и священныя, что довольно явствуетъ ово отъ писаннаго въ дѣяніяхъ апостольскихъ въ главѣ 4-ой ст. 34: „елицы бо Господіе сѣломъ или домовомъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ, и полагаху при ногѣхъ Апостолъ“, ово отъ Павла Апостола въ 1-мъ Посланіи къ Коринѳянамъ въ главѣ 9-й ст. 11-й глаголющаго: „аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ“, которыя слова пространно приводя книга Камень вѣры, въ части 2-ой, во главѣ 9-й, во исправленіи на прегыканіе 9-е, и такожь ветхозавѣтнымъ священникамъ и Левитамъ доходы исчисляя, рѣчь свою противъ противниковъ церкви нашей тако оканчиваетъ: „узрите, противницы, доходы ветхозавѣтныхъ священниковъ, и нашихъ не осуждайте, имъ же никогда же сѣцевые доходы бывають; и онѣи убо, служаще сѣни, доходъ истинный имѣху, сіи же, служаще истинѣ, доходъ имутъ сѣновный“. Все же таковыя сѣновныхъ священниковъ доходы были свободны и никому другому, токмо единымъ архіереямъ, тогдашнимъ сѣновнымъ, подчинены; какъ сіе видно отъ книгъ Левитскихъ во главѣ 27-й ст. 32, идѣже пишется: „всяка десятина воловъ и овецъ, и всяко, еже аще приидеть въ число подъ жезлъ десятое, будетъ свято Господу“. Подъ жезлъ, въ подлинномъ прибавлено, пастыря, подъ жезлъ пастырскій или архіерейскій, сирѣчь подъ власть пастырскую или архіерейскую. Пра-

вило Апостольское 38-е гласить: да управляетъ епископъ властительски церковное имѣніе; и ничто же отъ него сродникомъ своимъ да не дастъ, аще токмо не суть убози; правило 41-е повелѣваетъ епископамъ обладати церковнымъ имѣніемъ; аще бо честныя человѣческія души поручены суть имъ, кольми паче имѣнія поручити имъ подобаетъ; яко да они по своей власти всѣмъ управляютъ, убогимъ требованіе подають, руками честныхъ пресвитеръ и діаконовъ, со страхомъ Божиимъ и благоговѣніемъ. Подобаетъ и тому самому, аще требуетъ, взимати себѣ на нужную потребу, еже хочетъ, и приходящую странную братію гостити и кормити и ничто же потребнаго лишити ихъ: ибо законъ Божій повелѣваетъ служащимъ алтареву отъ алтаря кормитися (Втор. 18, 1 Кор. 9, 13), понеже ни воинникъ не можетъ о своемъ имѣніи оружія нанести на противнаго, сирѣчь своимъ имѣніемъ, но жалованье получаетъ. Седьмаго вселенскаго собора въ правилѣ 13-мъ сказано: „общія дома, сотворивше епископію или монастырь, аще не возвратятъ епископомъ и игуменомъ вещей, бывшихъ въ епископіи, или въ монастырѣ, не твердо есть-то; и священники убо сущи да извергнутся; міростіи же челоуѣцы и мниси да отлучатся“. Отъ сего является, яко не токмо епископы въ своихъ епархіяхъ, но и игумены въ своихъ монастыряхъ властелины церковнаго имѣнія свободные, токмо подъ властію архіерейскою состоящіе, и подъ страхомъ отлученія отъ церкви никто же долженъ имѣнія отъ нихъ отбирать и на свое употреблять, отобранное же непременно долженъ возвратить. А нынѣ не токмо не думаютъ возвращать, но и до послѣдняго взять, какъ уже и сдѣлалось въ бывшее передъ симъ правленіе. Изъ чего по писанному въ манифестѣ Ея Величества, состоявшемся іюня 28 дня 1762 г., законъ нашъ православный греческій первѣе всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Со исторіями же церковными справившись, обрѣтаемъ перваго отымателя церковныхъ имѣній царя Іуліана отступника, о которомъ пишется апрѣля 9-го въ страданіи Святаго Мученика Евфимія, яко отъ всѣхъ церквей цезарскихъ имѣнія отъять, а

клириковъ въ воинскій чинъ написовати и въ полки нуждою повести повелѣ. Отъ исторіи же нашей російской имѣемъ извѣстіе: яко наша Россія, отъ самихъ временъ Святаго и Равноапостольскаго Великаго князя Владиміра пріемши вѣру отъ грековъ благочестивую, не токмо во время царствованія благочестивыхъ и великихъ князей, но и во время татарскія державы имѣла свободныя имѣнія церковныя, въ первоначальной власти архіерейской содержащіяся, какъ то видѣть можно въ словѣ отъ житія Алексія Святаго, Митрополита Московскаго, въ прологу февраля 12-го написанномъ, въ которомъ свидѣтельствуется, яко отъ великаго князя Дмитрія Алексій Святый моленіемъ принужденъ, ни мало стуживъ, иде въ Орду и многую тамъ трудность отъ безбожныхъ татаръ претерпѣ; обаче гнѣвъ царевъ укроти и благополучно на престолъ свой возвратися, миръ земли російской нося; къ сему даде ему царь ярлыкъ свой, рекше грамоту свободительную, якоже и прежде сущимъ митрополитамъ Михаилу Второму, Іоанну, Петру и Θεогносту прежніе ординскіи царіе ярлыки даяху, и отъ всякихъ даней и поборовъ свободны творяще церкви и монастыри и земли ихъ, и воды и пруды, и вся движимая и недвижимая, данналъ церквамъ и монастырямъ, да свободно отъ всѣхъ налоговъ и попеченій клирицы и монаси живутъ и безмолвно и цематежно Бога молятъ. Пишется же октября 29-го въ житіи преподобнаго Аврамія архимандрита, Ростовскаго чудотворца, жившаго во время Святаго и великаго князя Владиміра, яко созда церковь велію и украси ю всякимъ благолѣпіемъ. Возлюбивше же Ростовстіи князи сего великаго преподобнаго Авраамія и братію его и начаша имѣнія многа и села давати на устроеніе обители и на потребу братіи; книгъ же имъ расходныхъ и приходныхъ не присылали и не давали. Въ житіи блаженнаго Петра царевича, Ростовскаго жъ чудотворца, іюня 29-го пишется: „по довольныхъ днехъ епископъ Кириллъ отпущенъ бысть отъ царя татарскаго съ многими обдареніи: еще же и повелѣніе свое царь даде къ княземъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, да царскіе оброки годовые дають въ домъ пречистыя Богоматери Ростовскія епископіи“; а все то дѣлалось тако жъ безъ истязанія отъ архіерея расходовъ и приходовъ.

Послѣ державы татарской чрезъ все время благочестивыя

державы Россійской, даже до временъ Мусинъ-Пушкиновыхъ, всегда были имѣнія церковныя неотъемлемы и употребляемы по волѣ настоятельской, а наипаче архіерейской, на домъ Божій, на совершеніе жертвы безкровныя и на пропитаніе священнослужителей, такожь нищихъ и сиротъ и иныхъ приключающихся пуждныхъ и необходимыхъ дому архіерейскому и монастырямъ случаевъ, которыхъ невозможно и узнать. Мусину же Пушкину, когда блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петръ Великій, по тогдашнему случаю военному съ Шведомъ, приказалъ заопредѣлить вотчины монастырскія и архіерейскія, впрочемъ со удовольствіемъ, безобидно монастырямъ и архіереямъ,—то онъ Мусинъ-Пушкинъ, по своей волѣ, не только противу Турка заопредѣлилъ, но еще и превосходитъ его. Турокъ бо олтарныхъ нашихъ денегъ не зналъ и не касался, а Мусинъ-Пушкинъ и сущія наши олтарныя архіерейскія деньги отобралъ, сирѣчь вѣчныя и данныя церковныя; едино какъ-то сіе точію оставилъ, ежели кто что дастъ на поминованіе и литургію архіерею; что въ епархіяхъ рѣдко случается, а по большей части и не бываетъ; больше же доходу архіерею не заопредѣлилъ въ домѣ нашемъ Ростовскомъ, кромѣ ста рублей имъ заопредѣленныхъ, да на весь домъ двухъ тысячъ четырнадцати рублей; а затѣмъ обложено и платится отъ одинаго дому архіерейскаго экономія въ Государственную казну до седми тысячъ рублей повсягодно. И такое Мусинъ-Пушкиново заопредѣленіе стало быть съ превосходствомъ не токмо противъ Турка, но и противъ нечестивыхъ Царей Римскихъ идолослужительныхъ, въ которыхъ временахъ, по писанному въ чети минеи августа 31-го, Кипріянь Святый, епископъ Карѳагенскій, страдалъ и, будучи приведенъ на мѣсто посѣченія, повелѣ домашнимъ своимъ, да спекуляторамъ дадутъ два десять и пять златницъ, творя и при смерти благодаренія.

Ежели бъ тогда Мусинъ-Пушкиново заопредѣленіе было, то бы такого благодаренія отнюдь не изъ чего сдѣлать. Еще же и по приличеству сана архіерейскаго во удовольствіи не изъ чего себя содержать, такъ что стыдно не токмо иностраннымъ, но и своимъ убожество такое изъяслять. Потому еще наипаче архіерейству нашему горе, яко не токмо иностранные, но и свои мнятъ быть домъ архіерейскій, какъ бы домъ царскій, сирѣчь во удовольствіи над-

лежащемъ, какъ издревлѣ бывало, а у насъ ничего такого нѣтъ. Одно тоѣмо на дѣлѣ, что книга Камень Вѣры пишетъ: „служащїи, рече, сѣни, сирѣчь архїереи и священники ветхозаконные, доходы истинные имѣяху; наши же новозавѣтные, служаще истинѣ, доходъ имутъ сѣновный“. Еще же подлежитъ Мусинъ-Пушкиново заопредѣленіе нареши поганскїй обычай превосходящее. Однако Церковь и мы, бѣдные архїереи, за нужду необходимую терпѣть какъ-нибудь уже было прїобыкли, понеже что-нибудь намъ было оставлено на содержаніе Божїа дома, архїерейства и служенїя Божественнаго, и при томъ неистязывано отъ насъ давать отвѣта, куда оное дс-вается, какъ и турокъ, говорятъ, не истязываетъ, надлежащая взявши; еще же опредѣлено было давать и на починку домовъ архїерейскихъ и монастырей, когда востребуетъ нужда; а нынѣ, когда и о томъ, что дано на содержаніе, стало быть истязаніе, дѣломъ производимое,—то уже архїерейство бѣдное съ тѣмъ стало верстатся, что узникъ и послѣдній богодѣльный лучшїй и счастливѣйшїй, понеже что кто ему дастъ, свободенъ въ томъ имѣется. Горе убо намъ, бѣднымъ архїереямъ, яко не отъ поганъ, по отъ своихъ, мнящихся быти овецъ правовѣрныхъ, толико мучительство претерпѣваемъ; отъ тѣхъ, которымъ надлежитъ вѣровати, яко мы, еще и недостойные, еще и узники, на мѣстѣ однако обрѣтаемся Апостоловъ, къ нимъ же слово Христово Евангельское: „елика еще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; и елика еще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небеси“ (Мат. 18, 18) и паки: „слушай васъ, Мене слушаетъ, и отмытайся васъ, Мене отмытается“. Лук. 10, 16; и якоже Апостолъ гласитъ: „такъ насъ да нещуетъ человекъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей Таинъ Божїихъ“ 1 Кор. 4, 1, сирѣчь воплощенїемъ Христовымъ сдѣланныхъ, и паки: „повинуйтеся, рече, паставникомъ вашимъ и покарїйтесь, тїи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще, да съ радостїю сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе“. Евр. 13, 17. А также не воздыхати и при самой безкровной жертвѣ отъ такого ига мучительнаго, паче турковъ лютѣйшаго, которое иго, Бога не бояся и человекъ не срамляся, Ея Величеству представили и на насъ возложили. Да еще такую обязанность на насъ возлагають, дабы мы архїереи всякія науки

содержали и снабдѣвали, сирѣчь: философскія, богословскія, математическія и астрономическія. А намъ, во славу Божию, та обязанность, какаѣ и Апостоломъ отъ Христа предана, сирѣчь: „шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ“. Мат. 28, 19. Такожъ по глаголу апостольскому: „и Той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе Тѣла Христова“ Ефс. 4, 12, которое едино дѣло не малаго и попеченія и содержанія требуетъ. Едино бо, на примѣръ, служеніе простаго священника, кольми паче архіерея, сколько требуетъ, дабы порядочно было производимо, всякъ благочестивый можетъ признать и разумѣть. На апостольскія показанныя слова смотря, въ толкованіяхъ Григорія Богослова о нищелюбіи на стихъ 39-й въ соборникѣ пишется: конечное, рече, самаго себе Христосъ вдаде за избавленіе, да имать міръ животъ духовный и истинный; въ симъ же даде, по Божественнаго Павла гласу, Апостолы и Евангелисты, пастыри и учителя на совершеніе и исцѣленіе наше и Духа Святаго раздѣленія. Самое же таинство новаго спасенія, еже есть Божественное Тѣло Его и Кровь и крещеніе, таковую обязанность Христомъ возложенную, какъ Апостолы, такъ и послѣ Апостоловъ—архіереи и пресвитеры, аще и въ гоненіяхъ, всегда исполняли. А чтобъ академіи заводили, того нигдѣ не обрѣтаемъ. Аще бы и сіе не было противно: но чѣмъ и какимъ иждивеніемъ академіи заводить, когда послѣднее пропитаніе и содержаніе отъ архіереевъ и отъ монастырей отъемлется? Да и приходскіе священники по большей части въ крайней бѣдности обрѣтаются, податями Государевыми неменьше мужиковъ обложенные, воздѣлывая землю къ своему пропитанію. Ежели будетъ и богословъ, или астрономъ, то больше ничего не получить. Нужны во истину и школы и академіи, но надлежащимъ порядкомъ учрежденныя, какъ издревле бывало въ Греціи и теперь на западѣ, сирѣчь по мѣстамъ знатымъ, въ царствующихъ городахъ, на коштѣ Государственномъ. Въ такихъ академіяхъ и Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ училися: знаемъ бо вси, яко ученіе свѣтъ есть, а неученіе тьма; однако и свѣтъ, отъ начала

созданія сѣмо и овамо шатающійся, вохотѣлъ Господь Богъ, да будетъ порядокъ устроенъ, сирѣчь изъ такого шатанія собранъ въ солнцѣ единомъ, а не во многомъ. Подобно и академіямъ богословскихъ, философскихъ и прочихъ наукъ не надлежитъ быть по грязямъ и по болотамъ, но по знатымъ городамъ царствующимъ, какъ то и Духовный Регламентъ, ежели его внятно и въ тонкости прочесть, повелѣваетъ: академіи и семинаріи быть при Синодѣ на Государственномъ коптѣ, и тамо изучавшихся присылать ко архіереямъ, дабы ихъ производили на власти духовныя, до какихъ они будутъ способны; а когда не будетъ властительныхъ мѣстъ праздныхъ, то куда ихъ дѣвать, о томъ не показано. А при архіереяхъ быть школамъ нужно для священническихъ дѣтей къ произведенію ихъ въ священники, дабы могли исправно читать и разумѣть, что читаютъ. И таковыя школы при архіереяхъ, не иныя нужны, токмо русскія; понеже въ церквахъ у насъ не по латыни, ниже другими иностранными языками читается и поется, но по русски, каковыя школы, аще и съ крайнею скудостію, однако у насъ обрѣтаются. А приходящіе въ священство довольно обучаются и освѣдываются въ чтеніи, и дабы силу знали чтенія и званія своего, вмѣсто книжцы, въ Духовномъ Регламентѣ показанной, которая не бывала и быть не нужно, толкуется имъ книжица православнаго вѣры-исповѣданія, отъ Святѣишихъ патріарховъ испробованная и иностраннымъ извѣстная, у нихъ на ихъ языкѣ печатающаяся, въ которой книжицѣ три Богословскіи добродѣтели, вѣра, надежда и любовь изъясняются; въ ней о Бозѣ, о воплощеніи Христовѣ, о тайнахъ церковныхъ, о грѣхахъ и добродѣтеляхъ, и о заповѣдяхъ Божіихъ довольно есть ученіе не только священнику, но и всякому христіанину нужное, къ страху Божію приводящее. Начало же премудрости страхъ Господень, безъ страха же Господня всякая мудрость есть тщетна и прибавленіе болѣзни, по реченію Екклѣзіастеву, суету описующаго и въ главѣ 1-й глаголющаго: „во множествѣ мудрости множество разума, и приложивый разумъ приложитъ болѣзнь“. Слѣдовательно показанная книжица ко уразумѣнію священникомъ гораздо болѣе нужнѣйшая есть, нежели философія и другія академическія книги, а наипаче по деревнямъ, идѣже не-

премѣнно на хлѣбъ работать надлежитъ, и не работая безъ пропитанія быть.

Ко умноженію же слова Божія проповѣдниковъ надлежитъ въ основаніе положить слова Христовы Евангельскія: „жатва убо многа, дѣлателей же мало, молитесь убо Господину жатвы, да изведетъ дѣлатели на жатву свою“—Мат. 9, 37;—не надлежитъ же паки оставлять и словесъ Іакова Апостола: „не мнози учителя бывайте, братіе мои, вѣдающе, яко большее осужденіе пріимемъ“—Іак. 3, 1, сирѣчь, аще сами не будемъ участіе имѣти въ томъ, чему учимъ другихъ: „блаженъ иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется въ Царствіи Небеснѣмъ“. Мат. 5, 19. Еще же видимъ отъ древнихъ временъ, яко учить и проповѣдати слово Божіе есть особенное дарованіе Божіе, кому дастся; аще бо много учительныхъ архіереевъ было послѣ Апостоловъ чрезъ всѣ вѣки во вселенскомъ соборѣ, однако Златоустовъ не много обрѣтаемъ. Такожъ по писанному октября 8-го въ житіи преподобныя Пелагеи, егда святѣйшій патріархъ Антиохійскій созва къ себѣ отъ окрестныхъ городовъ осмь епископовъ,—то между ими единъ токмо изобрѣтается, отъ него же учительное слово слышати вси восхотѣша. Свидѣтельствуєтъ Никифоръ Каллистъ, церковный достовѣрный лѣтописецъ, въ книгѣ 12-й, въ главѣ 34-й, яко во Александріи по причинѣ, отъ Арія взятой, иже бысть пресвитеръ и проповѣдникъ, кромѣ архіереевъ никому не велѣно ученіе наизустъ проповѣдывать. Подобная же и у насъ не была ли причина, когда архимандритъ Владимиръ Каллиграфъ перекрестъ, еще тогда учитель и проповѣдникъ, въ церкви Владимирскія Богородицы въ Москвѣ говорилъ на поученіи плевелы, не токмо лютеранскіе и кальвинскіе, но и жидовскіе; о чемъ и представлено было Святѣйшему Синоду. Слѣдовательно, ежели и нынѣ, сохрани Богъ, таковыя проповѣдники умножатся, то лучше быть Церкви нашей безъ такихъ проповѣдей и хранить древнее свое обыкновеніе, сирѣчь: къ созиданію правовѣрія и страха Божія читать слова и поученія готовыя, отъ разныхъ книгъ Святыхъ Отецъ, на нашемъ языкѣ имѣющіяся и печати преданныя; только такія книги потребно умножать и прилежаніе имѣть, дабы въ церквахъ было чтеніе и славословіе Божіе благочинно и велѣнно, и при церквахъ бы кабаки не были, и

въ церковь бы ходили какъ на молитву, такъ и на слушаніе слова Божія, а церковь бы не дѣлали вертепами разбойниковъ; да смотрѣть такожъ, коимъ надлежитъ, попеченіе да имѣютъ, дабы церкви не умалѣлися, но умножались, яко же Златоустъ Святый въ правоученіи 18 на Дѣянія Апостольскія поучаетъ, между прочимъ глаголя: „и торжища убо и бани творять мнози; церквей же ни: и вся паче, нежели сіе. Тѣмъ же молю, и прошу, и благодати истязую, паче же и законъ полагаю, да никто же явится, пусто церкви село имѣя. Аще что имаша на нищихъ иждити, иждиви; напитай учителя, напитай и священническій чинъ. Молитвы въ церкви всегдашнія за тя и просфора на куюждо недѣлю. Помысли, яко даже до втораго пришествія Христова ты мзду имѣти будеши, поставивый жертвенникъ Божій. Рцы бо ми: аще бо тебѣ Царь повелѣлъ создать домъ, да тамо обитаетъ,—не сотворилъ-ли бы еси вся? Нынѣ же Царствіе есть Христово, Церкви созиданіе. Да не убо на иждивеніе зриаеши, но плодъ помышляй“. Доздѣ Златоустъ. У насъ же нынѣшняго вѣка таковой плодъ почти и въ душу не приходитъ, егда мнози изволяютъ лучше кормить собакъ, нежели священниковъ, церковниковъ и монаховъ, и едино усматриваютъ, дабы за церквами и монастырями и домами архіерейскими имѣнія лишняго отнюдь не было, а подъ видомъ излишества и послѣднее отъемлютъ и подъ свою власть привлекаютъ, и церкви и монастыри многія пусты обрѣтаются, оставшіяся же въ крайней суть бѣдности, однако и тѣ еще не свободны отъ зависти. И ежели созиданіе церквей и монастырей и домовъ архіерейскихъ, по вѣрѣ во Христа, признавать дѣломъ Христу Богу угоднымъ и благочестивымъ, то раззореніе ихъ и имѣнія отъятія чего будетъ достойно? Ананія и Сапфира, по разумѣнію Златоустаго, свое обѣщавши имѣніе дати церкви, а послѣ часть утаивши, что заслужили, всѣмъ извѣстно: кольми паче страшно тое отымати отъ церкви, что другіе дали, по вѣрѣ и добродѣтели своему ко Христу. Аще же говорятъ, будто бы не отнимать, но штатъ дѣлать, да бы излишество отсѣщи; то и въ томъ не иной образецъ, токмо той, о немъ же пишется въ евангеліи о Іудѣ Симоновѣ Искаріотскомъ, иже, егда хотяше Христа продати, видя по теплотѣ вѣры и любви отъ жены многоцѣннымъ мѣромъ Христа помазуема, глаголя: „чесо ради мѣро сіе не продаю

бысть на трехъ стѣхъ пенязь, и дано нищимъ? Какова же тому штатнику похвала, тамъ же во евангеліи можетъ всякъ знать и дочитаться. Како бо можно штатъ дѣлать и излишество каково усматривать въ томъ пунктѣ прошенія Молитвы Господней: „да святится имя Твое?“ Понеже яко же оная жена съ тѣмъ намѣриемъ многоцѣннымъ міромъ Христа помазывала, добротствомъ ко Христу, дабы имя Его свяtilося: тако церкви Божіи и монастыри и дома архіерейскіе не съ инымъ намѣреніемъ отъ Боголюбцевъ и благочестивыхъ монарховъ созданы и воздвижены, токмо дабы въ нихъ всегдашнее было славословіе Божіе, воплощеніемъ Христовымъ сдѣланное, и прославлялося бы и свяtilося имя Божіе пресвятое, противу прежнихъ кумирницъ бѣсовскихъ, бѣсовское имя прославляющихъ, Божіаго же имени и славы Его Пресвятыя ненавиждящихъ. Въ таковомъ заблужденіи и нынѣ въ нашемъ государствѣ многіе народы пребывающе, ко идоламъ своимъ бѣсовскимъ по своему суетвѣрію добротствуютъ и, сколько могутъ, столько ихъ обогащаютъ привѣсами и деньгами всякими, еще же и звѣрьми тамошними Сибирскими: куницами, соболями, лисицами и прочими, а штату ко умноженію и обогащенію ихъ не дѣлають.

Нашему же православному народу, черезъ Христа и Церковь Его Пресвятую отъ таковыхъ заблужденій свободившемуся, какое будетъ сходство и приличество дѣлать штаты церквамъ Христовымъ и усматривать излишество въ благолѣпіи церквей и монастырей, ихъ же дѣло едино, якоже речеса, да святится въ нихъ имя Христово, имя Бога, въ Троицѣ единаго, и купно съ ангелами да прославляется, бѣсовская же прелесть да истребляется,—усматривать, глаголю, тамо излишества, идѣже святится имя Божіе, а излишество на свою пользу употребляти? Слѣдовательно, какова-то наша будетъ передъ Богомъ молитва: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое? И каковы-то мы будемъ желатели, дабы имя Божіе свяtilося въ насъ и въ государствѣ нашемъ, когда не отъ насъ, но отъ другихъ данное на посвященіе и прославленіе имени Божіа будемъ штатовать, яко излишнее? У пророка Аггея въ главѣ 1-й ст. 9, 10, 11, за опустѣніе храма ветхозавѣтнаго и за нераченіе о созиданіи его превеликими казнями Господь Богъ претитъ, глаголя: „зане храмъ мой есть пустъ, вы же течете

каждо въ домъ свой, сего ради удержится небо отъ росы и земля оскудитъ изношенія своя, и наведу мечъ на землю, и на горы, и на пшеницу, и на вино, и на елей, и на вся, елика износить земля, и на человѣки, и на скоты, и на вся труды рукъ ихъ“. Аще же запустѣніе не меньшее, какъ во время Батя, многихъ новозавѣтныхъ храмовъ Божіихъ и монастырей и имѣсть святыхъ, чудесами и чудотворцами отъ Бога прославленныхъ, не мнится быти дѣломъ богопротивнымъ, то придется, какъ можно видѣть, и до того, что и вси въ конецъ монастыре и дома архіерейскіе опустѣютъ, когда уже не токмо настоятели, но и сами архіереи, не яко пастыри, но яко плѣнники, и пуще плѣнниковъ имѣются, понеже отъ нихъ до послѣдняго куса требуютъ отвѣта, а власти ихъ апостольской и дѣлъ, душевному спасенію нужныхъ, силу въ себѣ воплощенія Христова имущихъ, и въ полушку не ставятъ. На что имѣя разсмотрѣніе благочестивый царь Василій греческій, возлюбленнаго сына своего царя Льва увѣщевая, глаголетъ: „почти убо Церковь, да почтенъ будещи отъ нея, и священниковъ стыдися, яко отцевъ духовныхъ и ходатаевъ намъ къ Богу; честь бо священническая на Бога восходитъ; якоже и твои слуги почитаютъ тя праведно, и яже отъ нихъ тебѣ честь, на Бога приходитъ“, — то како же сходно, или хотя мало согласно съ таковымъ увѣщаніемъ на священство разсмотрѣніе, когда и сами архіереи въ подозрѣніи остаются, и вѣры и честной совѣсти не имущи быти вмѣняются? Теперь уже опредѣлены и тѣ, которые надъ архіереями будутъ смотрѣть, а изъ нихъ иной обрящется, что едва въ Бога вѣруетъ, во исповѣди же и причастію святыхъ тайнъ на силу въ годъ, и то не всегда да не по добротѣ, но больше по указу, готовится. Архіереи же, всегда Престолу Божію предстоя и молитвы о себѣ и о людскихъ невѣжествіяхъ принося, якобы всѣхъ суть хуже и ничтоже. Но надлежитъ здѣсь внимать писанію Божію, глаголющему: аще свѣтъ тьма, то тьма кольми? аще соль обуяетъ, то чимъ солить? Мат. 5, 13. На послѣдокъ падлежитъ въ разсужденіе принять, что Бароній написалъ, описуя годъ восемьсотъ чотыредесятъ пятый послѣ Рождества Христова, егда въ Греціи царствовала благочестивая царица Теодора. По семъ, рече, зломъ времени во Франціи, сирѣчь послѣ раззоренія Франціи, отъ домовъ

собрашася епископы на соборъ Мельдскій, вопрошающе между собою прилежно и хотяще увѣдати, коими грѣхами Господь Богъ прогнѣвался, яко сие Грецію, а наипаче Парижскую страну наказа? И обрѣтоша ея первый грѣхъ, яко Господня имѣнія похищашу и слугамъ своимъ раздаваху тая, и глаголаху епископы: егда Поплинь и Кароль великій, сынъ его, нынѣшнихъ господъ начальницы, церкви и доходы ихъ отъ усердія ко Господу Богу и слугамъ его данныя защищашу, — имяху силу на непріятелей и великую славу во всемъ мірѣ получаху. Егда же сребролюбіемъ своимъ на вещи Божіи устремшася, Господь Богъ раззоряетъ государства ихъ. Неслыханная вещь и мерзкая и печальная и во всемъ христіанствѣ необычайная, яко людие мірстія между духовными и монахами сидятъ левитами и, аки аввы, правятъ ими, и судятъ ихъ, и повелѣваютъ имъ, и безъ епископовъ вѣдѣнія чины церковныя раздаютъ имъ. *Сіе же горше, яко епископы на сіе, яко нынѣшныя, нелаяюще, смотрятъ.* Да не будетъ сіе, и да церковною и королевскою властію возбранятъ сему, оніи отцы возсѣдше на соборѣ глаголютъ, и прилагаютъ увѣщаніе къ королямъ своимъ и государямъ, просяще, дабы благочестивыхъ предковъ своихъ милость, юже отъ Бога имѣяху, помнили, а дома Божіи и церковная имѣнія защищали, а слугамъ своимъ похищати оныя не попускали; помнили бы и сіе, ежебѣ во Египтѣ во время Іосифа, яко въ великомъ гладѣ, священническая имѣнія изъемля, свободу имѣяху и продавати оныя, аще и у паганъ, не лѣтъ бѣ. У насъ же хотя и хранился сіе, дабы не продавать земель и имѣнія церковная, однакожъ даромъ было совсѣмъ отобрали; и нынѣ отъ церквей земли отбираютъ, а управы на нихъ не изыскать. Къ тому же по всѣмъ обстоятельствамъ клонятъ, дабы то же и монастырскимъ и архіерейскимъ землямъ сдѣлать. Архіереямъ же и монастырямъ, ежели не законъ, то хотя вмѣсто закона, нашего блаженныя и вѣчно достойныя памяти монарха Петра Великаго указы надлежитъ въ разсужденіе принять, которые именно гласятъ, дабы въ монастыряхъ усматривать нужду исправленія Божественнаго священнослуженія, дабы сирѣчь безкровная жертва не остановилася, для которой и монастыри устроены, ово отъ боголюбцевъ, ово отъ монарховъ, примѣромъ Александра Невскаго монастырь; а по той

нуждѣ постригать желающихъ монашества вдовыхъ поповъ, и діаконовъ, и отставныхъ солдатъ; а теперь таковыхъ желателей паси́лу отыскать, а послѣ негдѣ будетъ и взять. Еще же и другая причина въ другомъ указѣ изображена, дабы то есть монашество не переводилось: понеже безъ монашества неоткуда быть архіереямъ, а безъ архіереевъ каково наше благочестіе и какова наша церковь, да и самое христіанство,—всякому вѣрующему внятно и чувствительно. Сохрани Богъ того случая, дабы нашему государству быть безъ архіереевъ, то уже не иное что воспослѣдуетъ, токмо отъ древнія наша церкви апостольскія отступство; понеже возымѣтся нужда быть прежде поповщинѣ, а послѣ безпоповщинѣ, и такъ нашему государству приходить будетъ не токмо со всѣми академіями, но и сектами, премѣнитися или на раскольническое, или лютеранское, или кальвинское, или атеическое государство; и въ такомъ, сохрани Богъ, случаѣ познается, какъ то истинствуетъ слово апостольское: „прелагаему священству, по нужди и закону премѣненіе бываетъ“. Евр. 7. 12.

О снабденіи же инвалидовъ надобно бы, кажется, по самой истинѣ и правосудію, не токмо на насъ духовныхъ, но и на свѣтскихъ обязанность налагать; понеже оныя инвалиды за общество служили, а не за одни монастыри. А то инвалидовъ толикое число безъ всякаго разсмотрѣнія въ монастыри поприсылали, да еще на монашескія порціи, что уже монахамъ и монастырямъ ничимъ содержаться. Возмемъ себѣ въ примѣръ единъ начальнѣйшій монастырь въ Ростовской епархіи—Спасо-Ярославскій, за которымъ исчисляется крестьянъ до четырехъ тысячъ душъ, а въ экономическую канцелярію по нынѣ платилось слишкомъ по три тысячи, на содержаніе же монаховъ и монастырей оставлено только девять сотъ рублей, и на тѣхъ имѣющихся въ томъ монастырѣ инвалидовъ, которыхъ на лицо штабъ, оберъ-офицеровъ и рядовыхъ семьдесятъ одинъ человекъ, въ жалованье происходитъ денегъ 786 р., хлѣба 245 четвертей; между таковыми же инвалидами больше обрѣтается таковыхъ, которымъ бы по присяжной должности надлежало еще службу продолжать, а иныхъ къ дѣламъ опредѣлять, къ которымъ многіе ради быть опредѣлены и просились, да не получили. По таковымъ убо всѣмъ обстоятельствамъ надлежитъ

удивляться, какъ то еще монастыри не всѣ до сихъ поръ пусты обрѣтаются. Ежели бы ихъ верстать во учрежденіи, то надлежитъ во первыхъ знать, яко монашество есть добровольное, а не изъ принужденія; иной по своей волѣ избираетъ себѣ монашество жесточайшаго житія въ пустынныхъ монастыряхъ, отъ міра совсѣмъ удаленныхъ и скудныхъ, а иной избираетъ жити и монашествовати въ монастыряхъ знатнѣйшихъ и удовольнѣйшихъ, и по силѣ своей, какъ можетъ, такъ подвизается и Богу работаетъ. Къ сему же якоже Церковь торжествующая на небеси имѣетъ свои чиноположенія, напримѣръ: Ангеловъ, Архангеловъ, и обители Святыхъ много разнствуютъ во славѣ небесной: звѣзда бо, рече, отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ,—такъ и Церковь воюющая на земли, а наипаче монастыри, иные быти имѣются архимандріи, иные игуменства, иные строительства. Ежели все верстать подъ тѣмъ видомъ, дабы было къ лучшему,—то будетъ къ лучшему верстать и поставлять и всѣ города и села наравнѣ, или такожь всѣ чины гражданскіе, воеводства, губерніи и прочая.

Сія вся писать и отъ слова Божія и закона предлагать не иная меня наипаче причина привела, токмо ревность по Бозѣ и законѣ Божиємъ Ея Императорскаго Величества, нашей нынѣшней Благочестивѣйшей Государыни, довольно въ манифестахъ и указахъ Ея Монаршихъ изображенная; аще же возымѣетъ въ томъ моя быти погрѣшность, прошу о прощеніи и навсегда пребываю Святѣйшаго Правительствующаго Синода послушникъ смиренный Арсеній, Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій своеручно.

II.

Списокъ о бывшемъ Ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи.

Съ найденнаго нечаянно листа.

Арсеній Мацѣвичъ, бывшій митрополитъ Ростовскій, родился въ Польшѣ, гдѣ изъ фамиліи его и до нынѣ многіе существуютъ. Въ монашество поступилъ, вѣроятно, въ Кіевѣ, откуда по открытіи академіи наукъ въ С.-Петербургѣ вытребованъ былъ въ гимназію оной для преподаванія воспитанникамъ Закона Божія. Въ

1734 г. ¹⁾, по случаю бытности его въ городѣ Архангельскѣ у тамошняго преосвященнаго архіепископа Германа, для собственныхъ своихъ дѣлъ, по указу Святѣйшаго Сѣнода въ іюнѣ мѣсяцѣ опредѣленъ въ Камчатскую экспедицію по рѣкѣ Оби, отправленную на 2-хъ судахъ для открытія морского сѣвернаго пути изъ Россіи въ Камчатку и находился въ 2 компаніяхъ до 1736 г., а въ семь 1736 г. января 24 дня приведенъ изъ Пустозерскаго острога подъ арестомъ въ адмиралтейскую коллегію по нѣкоторому секретному дѣлу въ свидѣтельство. А поелику онъ ни въ чемъ не оказался виновенъ, то велѣно ему было опять возвратиться на тѣ же суда. Но за приключившеюся ему вскорѣ послѣ сего болѣзнію, по прошенію его, въ 1737 г. января 25 дня отъ флотской службы уволенъ, и того же года октября 7-го указомъ Св. Сѣнода предписано ему имѣть пребываніе, впредь до указа, при сѣнодальномъ членѣ Амвросіѣ, епископѣ Вологодскомъ. Въ 1738 г. сентября 13-го указомъ Святѣйшаго Сѣнода опредѣленъ онъ для обученія ставленниковъ при сѣнодальныхъ членахъ, 1741 г. марта 10 дня пожалованъ и мая 26 хиротонисанъ въ митрополита Тобольскаго. Въ 1742 г. февраля 10, по указу, отбылъ изъ Тобольска въ Москву и 31 мая того же года переведенъ въ Ростовъ, а 2 іюня того же года указомъ Св. Сѣнода велѣно ему присутствовать въ Св. Сѣнодѣ членомъ, въ 1752 году при немъ открыты мощи св. Димитрія Ростовскаго. Въ 1763 г. марта 14 дня по именному указу потребованъ въ С.-Петербургъ къ сѣнодальному суду за противорѣчіе о монастырскихъ вотчинныхъ дѣлахъ по коллегіи экономіи и привезенъ изъ Ростова гвардіи офицеромъ Николаемъ Дмитріевичемъ Дурново; апрѣля 14 того же года, по Высочайшей конфирмаціи, въ присутствіи Сѣнода мантия, панакія и бѣлый клобукъ съ него сняты, посохъ отобранъ, и по лишеніи митрополитства и священства отправленъ онъ въ Николаевскій Корельскій Архангельской епархіи монастырь, подъ присмотромъ гвардіи офицера Маврина, которому было приказано отъ Императрицы, по доставленіи въ монастырь, при его, Мавринѣ, свидѣтельствѣ по три дни неотмѣнно употреблять Арсенія въ самое тяжкое монастыр-

¹⁾ Занимствовано изъ Архангельскихъ записокъ св. Сѣнода.

ское послушаніе. И онъ три дни рубилъ и носилъ дрова и воду при Мавринѣ, который рассказывалъ все сіе съ удивленіемъ и какъ о святомъ ¹⁾. Но поелику онъ, находясь въ семъ монастырѣ, говорилъ иногда въ церкви поученія и келейныя разсужденія съ ро-потомъ на правительство, о чемъ и донесъ на него бывший тамъ отставной солдатъ, какъ сказывалъ о семъ преосвященный Архангельскій Пароеній, то въ 1767 году взятъ былъ въ Архангельскую губернскую канцелярію, въ которой и содержался, а дѣло съ прежнимъ 1763 года, по вытребованіи онаго изъ Синода, разсматриваемо было въ Москвѣ, гдѣ тогда находилось Высочайшее присутствіе Государыни, по случаю Ея путешествія въ Казань. По оному дѣлу рѣшено было Арсенія, лишивъ монашества и одѣвъ въ крестьянское платье, отвезти въ Сибирь въ Верхнеудинскій острогъ, подъ именемъ *Андрея вора*. Для исполненія сего посланъ былъ въ Архангельскіи сенатскихъ ротъ маіоръ Таузиновъ съ предложеніемъ отъ генераль-прокурора. Когда же Таузиновъ уѣхалъ изъ Москвы, то отправленъ былъ гвардіи офицеръ Нолькенъ въ Вологду съ тѣмъ, чтобы когда неизвѣстнаго арестанта Таузиновъ туда привезетъ, взять его и отвезти въ Ревель къ оберъ-коменданту. Что все производимо было подъ величайшимъ секретомъ такъ, что и приставы не знали; а отъѣхавъ изъ мѣста размѣны послѣдней, Нолькенъ свѣдалъ, куда ѣдетъ. Отъ сего, конечно, прошла молва, будто Арсеній на дорогѣ въ Сибирь, не доѣхавъ до назначеннаго мѣста, скончался. Были и ходили даже по рукамъ рукописныя листочки объ обстоятельствахъ его смерти, яко бы видѣли его въ церкви стоящаго на колѣнахъ въ архіерейскомъ облаченіи, какъ зрителямъ казалось. Таковыя листочки видѣлъ и самъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, и что будто и тѣло его погребено въ Верхнеудинскомъ острогѣ. Государыня старалась скрывать его отъ народа, зная онаго къ нему приверженность. Доказательствомъ къ сему можетъ служить собственноручное письмо Ея къ Ревельскому оберъ-коменданту, генераль-лейтенанту Кохіусу, отъ котораго всѣ касавшіяся до сего арестанта бумаги, по смерти его, возвращены, писанное незадолго уже передъ смертію Арсенія, такого содержа-

¹⁾ Смотри примѣчаніе на стр. 236.

ніа: „у васъ въ крѣпкой клѣтки есть важная птичка, береги, чтобъ не улетѣла. Надѣюсь, не подведешь себя подъ большой отвѣтъ“ и проч. Въ концѣ, уже безъ аллегоріи, пишетъ: „народъ его очень почитаетъ; изстари привыкъ считать его святымъ, а онъ больше ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ“. Она содержала его такъ секретно, что послѣднее объ немъ слѣдствіе въ 1767 году сама производила и только съ генералъ-прокуроромъ Шишковымъ; а кромѣ ихъ едва-ли кто и зналъ, что есть такое дѣло, развѣ покойные графы Никита Ивановичъ Панинъ и Григорій Григорьевичъ Орловъ. Иванъ Владиміровичъ достовѣрно слышалъ (а при дѣлѣ документовъ не видалъ), что по взятіи его изъ Архангельской губернской канцеляріи, проводя въ Ревель, завозили и въ Москву также очень секретно, и будто онъ рано по утру въ саду Головинскаго дворца, при двухъ графахъ помянутыхъ, представленъ былъ Императрицѣ; заговорилъ, и она ушла зажавши уши. При семъ случаѣ родилось и третіе слѣдственное дѣло, котораго однако въ архивѣ нѣтъ и едва ли не тогда же, какъ доказываетъ Иванъ Владиміровичъ, созжено. Поводомъ къ оному были слѣдующія обстоятельства: 1) Когда Арсеній на дорогѣ, сдѣлавшись смертельно боленъ, просилъ исповѣдываться и причаститься Св. Таинъ, то якобы сельскому священнику съ запасными дарами пришедшему, хотя больной и лежалъ въ своей крестьянской одеждѣ, показывался онъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи; почему священникъ, упавъ предъ нимъ на колѣна, просилъ отъ него благословеніе, но Арсеній, увѣряя его, что ему мечтается, убѣждалъ только исполнить свое дѣло. 2) Когда его весьма тайно провозили чрезъ Ростовъ ночью, то якобы зазвонили колокола въ Яковлевскомъ монастырѣ на колокольнѣ, а кто и какъ звонилъ, не нашлось, и въ то же время будто въ церкви загорѣлись свѣчи, и сторожа будто видѣли его въ полномъ облаченіи осѣняющаго. Слухъ о первомъ анекдотѣ доходилъ и до Ивана Владиміровича и до знатныхъ тогдашняго времени придворныхъ; и о второмъ также слухъ прошолъ, говоритъ онъ, не безъ какой-нибудь причины. А что слѣдственное дѣло о томъ производимо было, онъ Иванъ Владиміровичъ не знаетъ достовѣрно, а сказывалъ де ему объ ономъ покойный Че-

рединъ, бывшій въ Москвѣ при тайной экспедиціи, который это дѣло и слѣдствіе объ оныхъ анекдотахъ помнилъ, служа въ тайной экспедиціи, подъ протекцію Шишковскаго, родственника своего, что Арсеній тогда содержался въ Преображенскомъ, гдѣ была тайная канцелярія, до Рязанскаго подворья, и Государыня де очень сама занималась, а Шишковскій до того записался и въ распросахъ разнымъ людямъ, по анекдотамъ онымъ, не спалъ ночи и столько заговаривался, что когда уже и дѣло кончилось, то ему безпрестанно хотѣлось говорить и писать отъ разгоряченности воображенія, такъ что генераль-прокуроръ князь Вяземскій принужденъ былъ велѣть отворить ему кровь и приставить надежныхъ сенатскихъ курьеровъ, чтобы не давать ему ни пера, ни бумаги, ни слова съ нимъ не говорить, пока онъ выспался и опаматовался. Иванъ Владиміровичъ слышалъ еще отъ Николая Дмитріевича Дурново, въ подтвержденіе анекдота сего ¹⁾, что въ то же время, т.-е. лѣтъ черезъ пять послѣ перваго суда надъ Арсеніемъ, Государыня, будучи въ Москвѣ, призвавъ его Дурново къ себѣ въ спальню,

¹⁾ Анекдотъ сей такъ же, какъ и все послѣдующее объ Арсеніи, сообщилъ сенаторъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ въ 1813 г. казужскому преосвященному и кавалеру Евгенію октябрю отъ 14 и ноября отъ 21 числа. Ивану Владиміровичу рассказывалъ о семъ офицеръ, сослуживецъ Маврина, а самъ Иванъ Владиміровичъ имѣлъ случай видѣть все дѣло объ Арсеніи и читать въ тайной канцеляріи.

Изъ сочиненій Арсенія напечатаны слѣдующія слова:

1) На день чудеснаго возшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны. Москва 1744—въ 4.

2) На день тезоименитства великаго князя Петра Феодоровича и его обрученія съ Екатериной Алексѣевною. Москва 1744—въ 4.

3) Говоренное 1-го августа 1749 года. Москва—въ 4.

4) Говоренное 1-го декабря 1749 года. Москва—въ 4.

5) На день тезоименитства Елисаветы Петровны 1749—въ 4.

6) Въ день освященія церкви Николая Чудотворца, что въ Басманной, построенной княземъ Куракинымъ.

7) Въ день свитыхъ апостоловъ Петра и Павла. Москва—въ 4.

Нѣсколько томовъ поученій его находится въ ярославской семинарской бібліотекѣ въ рукописяхъ нъ 4-тъ листа.

Въ указѣ Св. Синода 1742 года іюня отъ 2-го сказано, чтобы Арсенію присутствовать въ Синодѣ членомъ.

При Арсеніи открыты мощи св. Димитрія въ Ростовѣ, 1752 года сентября 21-го дня, имъ же сочинено жизнеописаніе св. Димитрія и служба ему, какъ сіе поручено было ему при открытіи мощей.

на единѣ разспрашивала: когда онъ въ 1763 году бралъ архіерея изъ Ростова, то былъ ли на немъ такой-то и такой-то крестъ съ мощами и не могъ ли онъ его съ собою увезти? Дурново отвѣчалъ, что не бывало. Зачѣмъ же былъ сей Императричинъ вопросъ, — Дурново не зналъ, а догадывался де, что поводомъ къ сему были повые сіи слухи, и Государыня де очень настоятельно и прилѣжно его, Дурново, спрашивала о томъ. По привозѣ Арсенія въ Ревельскую крѣпость, заключили его (и съ караульными) въ казематъ въ 10¹/₂ футовъ длины и 7 ширины, сперва на гривенную, потомъ на 15 копѣчную порцію. Притомъ на окошкѣ положенъ былъ кляпъ, чтобы кляпять ему ротъ, ежели что выговорить дерзкое.

Находясь тамъ, вырѣзалъ онъ на окошкѣ казематномъ слова: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси*. Изъ Ревеля везли его въ Динабургскую крѣпость запереть въ погребъ, какъ видно изъ записки при дѣлѣ. Арсеній скончался въ 1772 году, по увѣренію Ивана Владиміровича, который видѣлъ подлинный рапортъ оберъ-коменданта, съ приложеніемъ подписки, взятой подъ опасеніемъ смертнаго наказанія, отъ того священника, который его при смерти исповѣдывалъ и причащалъ Св. Таинъ, чтобы пикогда никому о томъ не сказывать. Тутъ же приложенъ и реестръ оставшимся послѣ Арсенія платью и нѣсколькимъ книгамъ. Въ числѣ платья была овчинная, китайкой покрытая, шуба, а въ числѣ послѣднихъ находился Арндъ на латинскомъ языкѣ. Онымъ рапортомъ донесено было, что арестантъ, какъ неизвѣстный, схороненъ мірскимъ погребеніемъ при церкви Алексѣя митрополита.

Народъ долго почиталъ Арсенія педяппымъ страдальцемъ. Самъ Шишковскій, чувствуя, можетъ быть, жестокость своихъ розысковъ надъ нимъ, со всякимъ, кто только былъ ему, Шишковскому, покороче знакомъ и ѣхалъ въ Ревель, отсылалъ по самую смерть свою серебрянные рубли на панихиду по Андреѣ, какъ увѣряетъ Иванъ Владиміровичъ.

III.

О приключеніяхъ въ жизни и о кончинѣ митрополита ростовскаго и ярославскаго Арсенія.

Сей нѣкогда пришедъ въ келлію и уединившись писалъ къ Ея Императорскому Величеству Елисаветѣ Петровнѣ прошеніе остраго и высокаго разсужденія, приводя изреченія изъ Св. писанія весьма жалостно и плачевно. Оно отправлено было съ схимникомъ іеромонахомъ Лувою въ С.-Петербургъ и вручено Ея Величеству въ собраніи генералитета и прочтено съ постановкою оберъ-секретаремъ. Государыня была въ великомъ негодованіи, а онъ схимникъ отъ страха лишился ума и посланъ былъ въ Невскій монастырь, гдѣ шесть недѣль паходился подъ карауломъ и возвращенъ съ указомъ, чтобы быть безвыходно въ келліи за присмотромъ настоятеля. Тогда по прошенію никакого рѣшенія не учинено. По возшествіи на престолъ Императрицы Екатерины Алексѣевны, его преосвященство послалъ второе прошеніе, по которому присланъ былъ за нимъ гвардіи поручикъ Дурново. Что же съ нимъ случилось, то видно изъ дѣла, въ которомъ ясно описано, какъ онъ митрополитъ привезенъ и въ присутствіи Ея Величества сняты съ него санъ архіерейства, мантия, панагія, и кlobукъ, при чемъ онъ былъ весьма неустрашимъ и отдавалъ мантию и пр. съ словами весьма имъ досадными, и всякому пророчески предрекалъ смерть, говоря, что тогда увидятъ, когда умрете; онъ посланъ былъ въ Архангелогородскій Николаевскій монастырь, оставленъ при одномъ монашествѣ, въ которомъ монастырѣ велѣно быть ему подъ присмотромъ настоятеля, бумагу и чернилы давать запрещено, и быть въ монастырѣ неисходно, кромѣ церкви. А въ прошломъ 1767 году подали прошеніе онаго Николаевского монастыря три пѣяницы—іеродіаконъ, да два чернеца—на архимандрита, что онъ архимандритъ содержитъ монаха Арсенія не по указу, да онъ де Арсеній называлъ себя первымъ членомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, и якобы предвидѣлъ и сказалъ, что къ нему извѣстіе есть о смерти Сѣченова Димитрія; 2, читаетъ де онъ поученія съ нѣкоторымъ толкованіемъ оскорбительнымъ; 3, архимандритъ де у него цѣлуется

руку; 4, проповѣди въ его келліи списываютъ, а чернилъ и бумаги указомъ имѣть не велѣно. По прошенію сему присланъ указъ въ Архангелогородскую губернскую коллегію къ губернатору съ товарищами, чтобъ его взять и допросить; наскоро за нимъ былъ посланъ нарочный, и онъ приведенъ въ присутствіе, гдѣ противъ доношенія былъ допрашиванъ, однако по слабости стоять о себѣ не могъ, но поддерживанъ былъ двумя подъ руки. А въ допросѣ онъ Арсеній, дивясь оному лжесоставленному доношенію и въ свидѣтеля Бога неложно на душу призывая, показалъ на 1, что я самъ отказывался отъ Ростовской митрополіи; а хотя бы и подлинно призывали меня на мѣсто Сѣченова, но никогда, пока память въ умѣ и душа въ тѣлѣ держится, не соглашусь; а за чѣмъ, о томъ извѣстно Ея Величеству самой и довольно о томъ знаетъ Синодъ. На 2, что читаю поученія потому, что я по милости Государыни монашества не лишень, а монахъ тоже, что дьячокъ церковный, а дьячки по шестой пѣсни поученія читали. А якобы я несогласно съ священнымъ писаніемъ и толкованіемъ Святыхъ Отецъ читаю поученія, также якобы поученія мои сомнительны, въ томъ я не признаюсь. На 3, что отецъ архимандритъ руку у меня цѣлуетъ, то правда, однако и я цѣлую у него руку. Хотя онъ и лобызаетъ меня отъ истиннаго сердца, но и я его также по любви братской цѣлую, да и у мірянъ, взаимное дружество имѣющихъ, сей обрядъ есть, но въ вину имъ не поставляется, и апостолъ учитъ мирному согласію. Допросъ посланъ былъ въ С.-Петербургъ и въ отвѣтъ присланъ былъ еще указъ, которымъ велѣно доносителей наградить, а его Арсенія призвавъ, снять съ него монашескій клобукъ, ряску и подрясникъ, надѣть на него крестьянскій кафтанъ и шубу, бороду и голову обрить и взять подписку, чтобы ему называть себя Андреемъ и отвезти его въ камчадалы. По указу сему Арсеній вторично былъ приведенъ въ губернскую коллегію, и когда былъ прочтенъ указъ, то губернаторъ весьма сожалѣлъ и всѣ не знали, что дѣлать, но прокуроръ, что надлежало дѣлать по указу, исполнялъ. И такъ, подошедъ къ нему, приказалъ подать ножницы и нѣсколько брады и власовъ остричь, потомъ снята ряска. Арсеній просилъ, чтобы оставили на немъ кафтанъ или подрясникъ, на которое его прошеніе губернаторъ и товарищи были согласны, но

прокуроръ объявилъ: воля ваша, а по указу надлежитъ исполнить. Тогда поданъ былъ кафтанъ крестьянскій и шуба весьма короткіе, которые онъ изволилъ взять, но кафтанъ былъ ему весьма узокъ и коротокъ, также и шуба крестьянская весьма узкая и короткая, и такъ одѣтъ былъ. Послѣ дивился, что и имя его у него отнято, говоря: „всего де для меня удивительнѣе, что я Александръ, а не Андрей, такъ уже и прежнее мое природное имя отнято“. И такъ посаженъ былъ въ сани закрытыя отвсюду и повезенъ съ великимъ поспѣшеніемъ. А что въ пути послѣдовало, то видно изъ партикулярнаго письма, состоящаго въ такой силѣ.

Милостивый государь мой, родитель!

Осмѣливаюсь донести вамъ о послѣдовавшихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, которымъ съ превеликою ужасностію былъ я самоличнѣйшій свидѣтель; каковыя новости, рѣдко слышанныя, симъ на разсужденіе ваше предлагаю. Я отправленъ былъ съ монахомъ Арсеніемъ, который не болѣе, какъ чрезъ одну недѣлю, подозвавъ меня къ себѣ, просилъ, чтобы его допустить, гдѣ ему случится, въ церковь, но какъ то мѣсто было степное, то я отрёкся; на что онъ объявилъ мнѣ и за три дни назначилъ село и часть, въ который въ то село вступи, и священника именемъ нарекъ; и какъ пришло то время, которое имъ назначено, мы въ то село прибыли въ самый тотъ часъ, который имъ былъ назначенъ. Тамъ опять меня просилъ, чтобы ему позволено было въ церковь идти, гдѣ и священникъ уже находится; я въ томъ ему отказать не могъ, а въ церкви дѣйствительно священникъ тогда находился и пѣли: „слава въ вышнихъ Богу“. По отпѣтіи утрени, просилъ онъ священника, чтобы начинать Божественную литургію; я въ томъ ему хотя много противорѣчилъ, однако по убѣжденію его склонился. Когда былъ большой выходъ, тогда показалось мнѣ, что на немъ было архіерейское одѣяніе, а стоялъ онъ въ олтарѣ противъ сѣверныхъ дверей, я же стоялъ у праваго клироса, а команда моя была разставлена у всѣхъ оконъ. Видя такое необычайное явленіе, былъ я въ великомъ удивленіи. Какъ время пришло Святаго Причастія, тогда священникъ, отдавъ ему земный поклонъ, просилъ по обыкновенію прощеніе и причастился, а послѣ него и самъ онъ прича-

стился такъ, какъ архіерею надлежитъ. По прочтеніи заамвонной молитвы, вышедъ мало изъ олтаря, просилъ меня, чтобы я шелъ къ священнику на обѣдъ; я дѣлалъ все по прошенію его, какъ по неволѣ, а прочиворѣчить не могъ, видя такое необычайное явленіе. Священникъ, по окончаніи литургіи, просилъ меня въ домъ его на обѣдъ; я съ великою поспѣшностію пошелъ къ нему, а Арсеній остался въ святомъ олтарѣ; церковъ заперли и караулъ у церкви былъ поставленъ; я, весьма наскоро пообѣдавъ, возвратился для взятія его. Взошедши въ церковъ, увидѣли царскія двери растворенными, и онъ стоялъ среди царскихъ вратъ на колѣнахъ мертвымъ. Осматривая его, нашли хартію, въ коей написано, чтобы погребсти его въ той церкви, и просилъ въ оной у всѣхъ прощенія и поминовенія, а на концѣ оной всѣмъ православнымъ христіанамъ, царямъ, архіереямъ, іереямъ и всему православному собранію преподаль Божіе благословеніе; при томъ прописалъ въ ней и нѣчто страшное, аки предвидя пророчески о Россіи. Россія, рекъ, гнѣвъ Божій не коснитъ и погибель не дремлетъ, аще не покаешися. Все вы, коими святыя богоугодныя мѣста, даже самыя мощи святыхъ, презрѣны и церковное достоиніе вами отнято, все вы мѣсть пріимите. Ибо вкладчики благовѣрные и христіолюбивые, отдавъ свое недвижимое имѣніе и посвятивъ оное Богу и церкви святѣй, вопіють объ отмщеніи. Видите, какъ благодать Божія всюду умалется. И если правосудный Богъ не умилюстивится воздыханіями убогихъ, то вы, другъ друга угнетая, все погибнете. Царь и пророкъ Давидъ, когда положилъ обѣщаніе создать храмъ іерусалимскій, вопіалъ ко Господу, обѣщая Богу Іаковлю: „аще вниду въ селеніе дома моего или взыду на одръ постѣли моея, аще дамъ сонъ очима моима, дондѣже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю“. Какое въ то время было усердіе къ церкви святѣй! О Тріипостасный Боже! Вложи въ наше наипаче время въ сердца людей раскаяніе о раззореніи церквей и обителей, посвященныхъ Имени Твоему Святому, отврати же и праведный гнѣвъ твой, яко Благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь.

Преданіе гласитъ: когда императрица Екатерина Вторая призвала во дворецъ членовъ Синода и, предложивъ имъ о намѣреніи ея отобрать отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей вотчины, спра-

шивала каждого порознь о мнѣніи его, то нѣкоторые изъ нихъ отдавали сіе на волю и благоусмотрѣніе Ея Величества, другіе находили сіе даже нужнымъ и законнымъ, особенно Димитрій Сѣченновъ; когда же подошла къ Арсенію, митрополиту Ростовскому, съ вопросомъ: какъ вы думаете, то сей, снявши съ головы камилавку, съ поднятыми дыбомъ волосами и блистающими огнемъ глазами началъ говорить со всякимъ дерзновеніемъ, въ сильныхъ выраженіяхъ, о незаконности сего намѣренія, такъ что всѣ присутствовавшіе пришли въ страхъ и изумленіе, и государыня, отступивши отъ него, махала платкомъ, чтобы онъ прекратилъ рѣчь свою.

Въ книгѣ: чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ, повременное изданіе 1859, книга третія, въ смѣси, на страницѣ 65, въ запискѣ о Сибири напечатано, что рассказы о Нарышкинѣ имѣютъ связь съ преданіями о несчастномъ митрополитѣ Арсеніи Ростовскомъ, погребенномъ въ Верхнеудинскѣ.

Можетъ быть въ прочитанныхъ мною статьяхъ немного новаго, доселѣ неизвѣстнаго; но всякая малѣйшая подробность о жизни такого лица, какъ митрополитъ Арсеній, всякое о немъ сказаніе, даже всякій имѣющій къ нему отношеніе вымыселъ, есть великое приобрѣтеніе для нашей исторической науки, которая еще... не успѣла смыть... всѣхъ темныхъ пятенъ, наложенныхъ на него властною клеветою и холопствомъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, и не произнесла еще правдиваго приговора надъ виновниками его злостраданій. Между тѣмъ велицепріятный судъ исторіи есть настоящая нравственная потребность человѣческихъ обществъ...

Правда, въ настоящее время на дѣло Арсенія и императрицы Екатерины Второй взглядъ изслѣдователей значительно измѣнился въ пользу истины,—упомяну для примѣра труды о. М. Я. Морозкина и Н. И. Барсова; но на этомъ пути много еще предстоитъ сдѣлать...

Г. Филипповъ.

МАТЕРІАЛЫ

для

БІОГРАФІИ А. П. ВОЛЫНСКАГО.

1.

Державнѣйшій Царь, Государь милостивѣйшій ¹⁾).

По указу Вашего Царскаго Величества посланъ я былъ при послахъ Вашего Величества къ Турскому двору. И въ прошломъ 1713 году отецъ мой Петръ умеръ, а иныхъ дѣтей его, кромѣ меня, нѣтъ. А нынѣ, государь, въ небытность мою въ Москвѣ мачиха моя вдова Овдотья принесла челобитную, чтобъ ей отдать всѣ деревни отца моего во владѣнье, которыя остались послѣ его, а я нынѣ опредѣленъ въ Персію для интересовъ Вашего Величества. И тако, государь, въ небытіи моемъ мачиха моя, не проча мнѣ, тѣ деревни будетъ разорять и довольствовать изъ оныхъ брата своего родного, Василья Головленкова, который съ начала настоящей войны Вашему Величеству не служить. Всемилостивѣйшій государь! всеподданнѣйше и всепокорнѣ прошу Вашего Величества милосердія, да повелитъ державство Ваше въ томъ ея челобитьѣ ей, мачихѣ моей, отказать, понеже отецъ мой умеръ прежде новосостоявшагося указу, и оныя деревни отца моего указомъ Вашего Величества нынѣ справить за мною, ибо тогда за службами Ва-

¹⁾ Моск. Архивъ М. Ю. Книга Прав. Сената до раздѣленія на Департаменты, № 949/9, листы 113—120.

шего Величества мнѣ было справиться некогда, дабы мнѣ впредь было отъ чего пропитаніе имѣть и служить Вашему Величеству.

Вашего Царскаго Величества всеподданѣйшій и всенижайшій рабъ Артемей Волинской. Февраля въ—день 1715 году.

А у выписки Подполковникъ Артемій Волинской сказалъ: отецъ его Петръ Артемьевъ, сынъ Волинской, служилъ въ стольникахъ, и въ прошломъ 1713 году онъ Петръ умре въ домѣ, а не на службѣ, а по смерти его остался онъ, а опричь его иныхъ братій и сестръ не осталось, а осталась мачиха его бездѣтна.

1715 года, мая въ 17 день, Великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, пожаловалъ по именному своему Великаго государя указу Артемья Петрова, сына Волинского, указалъ ему помѣстья и вотчины отца его Петра Волинского, по заручной его отцовою челобитной, справить за нимъ Артемьемъ, а мачихѣ его вдовѣ Авдотѣ отъ тѣхъ вотчинъ отказать, для того, что мужъ ея о справкѣ тѣхъ вотчинъ за сына своего, за него Артемья, челобитную за своею рукою принесъ до новосостоятельнаго его государева указу за 7 лѣтъ, а ей вдовѣ Авдотѣ приданья ея вотчины, которыя въ челобитной отца его Артемьева написаны и которыя не написаны, а о прожиточномъ ея помѣстьѣ выписать особо, и дать ему Артемью на тѣ вышеписанныя помѣстья и вотчины отца его отказныя грамоты изъ Помѣстнаго приказа, и о томъ послать указъ.

(Подписали): *Князь Яковъ Долгорукой. Графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ. Тихонъ Стрешневъ. Михайла Самаринъ.*

2.

Державнѣйшій Царь, Государь милостивѣйшій! ¹⁾

По Вашему Царскаго Величества именному указу, повелѣно мнѣ быть на Вашей государевой службѣ въ Персіи, при дворѣ Шахова величества резидующимъ посланникомъ. Всемилоостивѣйшій государь! прошу Вашего Величества, да повелитъ державство Ваше за оную службою мнѣ и людямъ моимъ и крестьяномъ въ исцовыхъ

¹⁾ Та же книга, листъ 349.

искехъ отсрочить, и о томъ изъ Саяктъ-Питеръбурха послать въ Московскую губернію свой государевъ указъ. Вашего Величества низайшій рабъ Артемей Волинской. Апрѣля въ 11 день 1715 года. Къ сему прошенію Подполковникъ Артемей Волинской руку приложилъ.

1715 года апрѣля въ 13 день, по указу великаго государя, Правительствующій Сенатъ, слушавъ вышеписаннаго челобитья Подполковника Артемья Петрова, сына Волинскаго, приказали для его службы, что онъ посланъ въ Персиду посланникомъ, въ дѣлахъ его, которыя у него есть въ исцовыхъ искахъ, oprичъ татинныхъ и убивственныхъ и разбойныхъ дѣлъ и государевыхъ податей, отсрочить по уложенію, и о томъ изъ Канцеляріи Сената въ Московскую губернію послать его Великаго государя указъ. (Подпись): *Графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ.*

3.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества всенижайшее доношеніе ¹⁾).

По требованію моему, въ присланныхъ ко мнѣ изъ конюшеннаго приказа табеляхъ написано въ заводахъ Ея Императорскаго Величества жеребцовъ и кобылъ не по пропорціи заводовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жеребцовъ мало, а кобылъ противъ того много, а индѣ жеребцовъ много, а противъ того кобылъ мало, а сколько гдѣ жеребцовъ и кобылъ заводныхъ, о томъ при семъ моемъ всенижайшемъ доношеніи табель. Того ради соизволить-ли Ея Императорское Величество повелѣть, гдѣ есть въ заводахъ излишніе жеребцы, оттуда послать въ тѣ мѣста, въ которыхъ недостатокъ въ жеребцахъ; также къ тому въ прибавокъ не повелѣно-ль будетъ выбрать нѣсколько и изъ цуковыхъ жеребцовъ, хотя изъ среднихъ (а не изъ лутчихъ) цуковъ, которые, по отшествіи Ея Императорскаго Величества, здѣсь въ Москвѣ оставлены изъ такихъ, которыхъ больше одношерстныхъ, и послать оныхъ нынѣ къ заводамъ,

¹⁾ Моск. Архивъ М. Ю. Книга Правительствующаго Сената № 9/1086, листы 1—548. Выборка.

гдѣ нужда требуетъ; а цуки оставшими лошадыми, которыя за отсылкою останутся, тѣми вновь прибрать изъ трехъ въ два, или какъ можно прибрать будетъ, а въ которыхъ цукахъ всѣ жеребцы, то оныя, не разбивая, цѣлыми цуками послать по заводамъ для того: хотя, по исчисленію моему, можно въ прибавокъ къ старымъ жеребцамъ и молодыми жеребцами тамошними удовольствоваться заводы, токмо оныя молодые жеребцы неизвѣстные, и для того нынѣшній годъ употреблять ихъ невозможно, а осматривать и годныхъ изъ нихъ къ заводамъ отбирать нынѣ стало, за наступающимъ къ тому временемъ, некогда, дабы будущая весна не упущена была,—и впредь, пока заводы въ доброй порядокъ приведены будутъ, между тѣмъ чтобъ кобылы напрасно не пробыли безъ плода. Того ради, по моему слабому мнѣнію, потребно оныхъ жеребцовъ немедленно нынѣ послать, и оныя заводы хотя на время тѣми жеребцами, которые при заводахъ старые, также и цуковыми, сколько потребно будетъ къ тѣмъ въ прибавокъ, укомплектовать, и чтобъ туда къ Марту мѣсяцу заблаговременно оныя жеребцы приведены были.

Табель, коликое число въ конюшенныхъ Ея Императорскаго Величества заводахъ жеребцовъ и кобылъ заводныхъ, кромѣ молодыхъ жеребцовъ.

Въ Московскомъ уѣздѣ въ сѣлѣ Хорошовѣ стоялыхъ жеребцовъ 2, кобылъ стоялыхъ и полевыхъ 68.

Въ Московскомъ уѣздѣ въ селѣ Пахринѣ жеребцовъ 19, да по 4 года жеребцовъ, которымъ въ будущую весну исполнится по 5 лѣтъ—38, кобылъ 45.

Въ Коломенскомъ уѣздѣ въ селѣ Бронницахъ жеребцовъ 54, кобылъ 107.

Въ Костромскомъ уѣздѣ въ селѣ Даниловскомъ жеребцовъ 14, да 5-ти и 4-хъ лѣтъ жеребцовъ, которымъ въ будущую весну однимъ по 6-ти, а другимъ по 5-ти лѣтъ исполнится—38, кобылъ 125.

Въ Костромскомъ уѣздѣ въ селѣ Красномъ жеребцовъ 2, кобылъ 85.

Въ Костромскомъ уѣздѣ въ селѣ Сидоровскомъ жеребцовъ 2, кобылъ 55.

Въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Гавриловѣ слободѣ и въ селѣ Шекшинѣ жеребцовъ 12, кобылъ 150.

Въ Володимирскомъ уѣздѣ во Всегодичахъ жеребцовъ 5, кобыль 112.

Въ городѣ Скопинѣ жеребцовъ 23, кобыль 200.

Въ городѣ въ Богородицку жеребцовъ 14, а кобыль ни одной нѣтъ.

Въ городѣ въ Романовѣ жеребцовъ 8, кобыль 71.

Итого жеребцовъ 231, кобыль 1018.

4.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества всенижайшее доношеніе.

Сего фѣвраля 5 числа получилъ я изъ кабинета Ея Императорскаго Величества на мое всенижайшее доношеніе о исправленіи лошадиныхъ заводовъ высокую резолюцію, и по оному Ея Императорскаго Величества указу съ общаго согласія съ оставленнымъ здѣсь съ берейторомъ исполнять буду. Артемей Волинской.

5.

Изъ Москвы февраля 6 числа 1732 года.

Ея Императорскому Величеству всенижайшій докладъ.

Потребно денегъ на содержаніе Вашего Императорскаго Величества конюшенъ, на починку и на уборы каретъ, колясокъ и прочаго, на раздачу денежнаго жалованья конюшеннымъ служителямъ на майскую треть, на покупку лошадей и на починку и вновь на строеніе конюшенныхъ дворовъ, гдѣ нынѣ заводы, понеже оные дворы и конюшни всѣ не годны и во многихъ мѣстахъ развалилися, и ежели нынѣшняго лѣта прежніе дворы и конюшни не поправлены будутъ, а къ будущему лѣту не приуготовлено будетъ лѣсовъ и протчихъ припасовъ на строеніе новыхъ конюшенныхъ дворовъ и упущено будетъ время. Того ради не только тѣхъ лошадей, которыя впредь покупаны будутъ, но которыя и нынѣ есть, умѣститъ будетъ (негдѣ), и на оныя крайнія нужды указомъ Вашего

Императорскаго Величества откуда опредѣлены будутъ деньги, и сколько числомъ, о томъ Ваше Императорское Величества что повелить.

6.

Указъ Сибирскому приказу.

Указали мы на строеніе и починку конюшенныхъ дворовъ и каретъ, на покупку лошадей и на прочее конюшенное содержаніе, и служителямъ на жалованіе отпустить изъ Сибирскаго приказа въ конюшенную канцелярію къ нашему оберъ-сталмейстеру и полковнику отъ гвардіи и генералу адъютанту графу фонъ Левенвольду изъ наличныхъ денегъ 30000 рублей, и повелѣваемъ Сибирскому приказу учинить о томъ по сему нашему указу.

Таковъ указъ, за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества, мая 19 дня 1732 года подъ № 149.

7.

Ея Императорскому Величеству всенижайшій докладъ.

Что потребно для содержанія Вашего Императорскаго Величества лошадиныхъ заводовъ, которые нынѣ есть, и что надлежитъ для размноженія вновь заводовъ, о томъ всенижайше доношу слѣдующее:

1. Надлежитъ вѣдать о солдатскихъ казачьихъ слободахъ и объ однодворцахъ, также и объ жашныхъ волостяхъ, сколько оныхъ числомъ, и въ которыхъ губерніяхъ, провинціяхъ и уѣздахъ, и что гдѣ въ которой слободѣ и волости дворовъ, и въ нихъ мужеска полу душъ, и почему гдѣ платятъ подушныхъ денегъ, дабы по тому выбрать мѣста, въ которыхъ можно быть заводамъ, и тѣ мѣста осмотрѣть и отписать, каковы земли и луга, и каковы травы, и сколько можетъ быть сѣнъ, и каковы воды, и есть ли въ близости лѣса, камень и прочее.

2. Чтобъ по требованію генерала-маіора и генерала-адъютанта Волынскаго въ комиссію о размноженіи заводовъ даны были въ Москвѣ изъ Коллегіи и изъ канцелярій канцелярскіе служители,

кого требовать будетъ, а именно до 10-ти человѣкъ, и чтобъ определено имъ было денежное жалованье противъ Коллежскихъ, также на бумагу, на чернила, на прогоны посылаемымъ офицеромъ и на прочіе расходы, откуда взять деньги, и сколько числомъ повелѣно будетъ.

3. Потребны въ комиссію и къ тѣмъ дѣламъ для осмотра и описи мѣстъ нѣсколько человѣкъ изъ гвардіи офицеровъ и изъ другихъ полковъ, и при томъ подполковникъ Андрей Змеовъ, который нынѣ при Тайномъ Совѣтникѣ Наумовѣ у пашенныхъ солдатъ, изъ отставныхъ маіоръ Иванъ Наумовъ, капитанъ Петръ Ермоловъ, адъютантъ Зимнинской.

4. Которые офицеры посланы будутъ для осматриванія и описи удобныхъ мѣстъ къ заводамъ лошадинымъ, и для мѣры луговъ и исчисленія сѣнъ, чтобъ въ губерніи и въ провинціи даны были о томъ, и о дачѣ имъ подканцеляристовъ и копейщиковъ, и о дачѣ подводъ, изъ Правительствующаго Сената послушные указы.

5. Потребно геодезіи учениковъ по одному человѣку при каждомъ офицерѣ для описи мѣстъ и сочиненія ланкартъ.

6. Потребно человѣка 2 или 3 кондукторовъ (которые были у строенія въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ) для осмотра и строенія конюшенныхъ дворовъ и исчисленія лѣсовъ и прочаго, гдѣ нынѣ заводы есть, также нѣсколько человѣкъ плотниковъ изъ алончанъ такихъ, которые работали въ Лифляндіи въ наймахъ, да изъ Малороссіи человѣкъ 5 или 6, которые умѣютъ крыть кровли прямою соломою.

7. Надлежитъ взять вѣдомость изъ дворцовой канцеляріи о всѣхъ дворцовыхъ волостяхъ, которая волость въ которой губерніи и въ провинціи, и въ которыхъ уѣздахъ, и что въ которой волости числомъ дворовъ, и въ нихъ мужеска полу душъ, и сколько гдѣ четвертей земли въ дачахъ, и по скольку въ которой волости сѣется дворцоваго хлѣба, и сколько гдѣ сѣнныхъ покосовъ, и по скольку гдѣ косятъ дворцоваго сѣна или окладного со крестьянъ собирается, и по чему платятъ денежныхъ и хлѣбныхъ дворцовыхъ доходовъ, и по чему гдѣ платятъ подушныхъ денегъ, а изъ оныхъ волостей выбрать, которые къ заводамъ удобнѣе быть могутъ, и оныя по тому же послать осмотрѣть и описать.

8.

Указъ нашему Сенату.

Понсже извѣстно всѣмъ, коимъ образомъ до сего времени при нашей канцеляріи употребляемыя лошади по породѣ своей къ стрѣльбѣ и порядочному строю весьма неспособны, и такожде за малостію въ нужныхъ случаяхъ такую службу показать не могутъ, какой отъ порядочной и добродѣтельной кавалеріи ожидать надлежитъ, а такихъ рослыхъ и добрыхъ лошадей изъ чужихъ краевъ доставать великое изживеніе и трудъ требуется и не всегда возможно. Того ради указали мы для генеральной пользы государственной въ нашемъ государствѣ въ пристойныхъ мѣстахъ учредить и завести новые конные заводы, чтобъ впредь кавалерію нашу возможно было, безъ покупки чужестранныхъ лошадей, своими добрыми лошадьми удовлетворять, и слѣдовательно и нашу кавалерію въ доброе и къ военной службѣ потребное и полезное состояніе привести, и оную комиссію поручили мы нашему оберъ-сталмейстеру и гвардіи полковнику и генералу-адъютанту графу фонъ Левенвольду, и для того указали мы учинить слѣдующее:

1. О солдатскихъ и казачьихъ слободахъ и объ однодворцахъ и жашныхъ волостяхъ сообщить изъ Сената къ нашему оберъ-сталмейстеру, полковнику отъ гвардіи и генералу-адъютанту графу фонъ-Левенвольду въ конюшенную канцелярію вѣдомость, сколько оныхъ числомъ, въ которыхъ губерніяхъ и провинціяхъ и уѣздахъ, и что въ которой слободѣ и волости дворовъ, и въ нихъ мужеска полу душъ, и по чему гдѣ платять подушныхъ денегъ.

2. Для комиссіи о размноженіи тѣхъ лошадиныхъ заводовъ и къ конюшннымъ дѣламъ опредѣлить подполковника Андрея Змеева, отставныхъ маѣоровъ Ивана Болтина, Ивана Наумова, отставного же капитана Петра Ермолова, канцеляріи конфіскаціи ассессора Лаврентья Бобыкина, адъютанта Василья Зиминскаго, да въ комиссію же, на время, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитана-поручика Василья Чичерина.

3. Къ тѣмъ же дѣламъ, по требованію генерала-маіора и генерала-адъютанта Волынскаго, опредѣлить въ Москвѣ изъ Коллеж-

скихъ и канцелярскихъ служителей до 10-ти человекъ, съ надлежащимъ противъ тѣхъ коллегій жалованьемъ.

4. Для осмотра и описи на заводы мѣстъ, и мѣры луговъ, послать въ губерніи по одному изъ штабъ, а въ провинціи по одному же изъ оберъ-офицеровъ, которыхъ, по требованію помянутого же генерала-маэора Волынскаго, давать изъ обрѣтающихся въ тѣхъ мѣстахъ полковъ, кого требовать будетъ.

5. А въ дворцовые и конюшенныя города и волости для того же послать изъ Москвы изъ отставныхъ лейбъ-гвардіи баталіоновъ изъ оберъ и ундеръ-офицеровъ и изъ капраловъ, сколько потребно будетъ.

6. Вышеозначеннымъ посланнымъ офицеромъ дать изъ Сената въ губерніи и провинціи послушные указы, по которымъ велѣтъ давать имъ подводы и подъячихъ, сколько гдѣ надлежитъ.

7. Ко онымъ офицеромъ для вспоможенія придать по одному или по два изъ ундеръ-офицеровъ и изъ капраловъ, умѣющихъ грамотѣ, да для сочиненія лантъ-картъ послать при каждомъ офицерѣ по одному человекъ геодезистовъ и по одному ученику, да ради конвою по 4 человекъ драгунъ или солдатъ.

8. Къ тому же осмотру и строенію конюшенныхъ дворовъ и исчисленію лѣсовъ и прочаго, гдѣ нынѣ заводы есть, опредѣлить къ нимъ двухъ или трехъ кондукторовъ, кои были у строенія въ Санктъ-Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ, такожъ нѣсколько человекъ плотниковъ изъ олончанъ, такихъ, которые работали въ Лифляндіи въ наймахъ, да изъ Малороссійскихъ человекъ 5 или 6, кои умѣютъ кровли крыть прямою соломой, и повелѣваемъ нашему Сенату объ отправленіи того учинить по сему нашему указу.

Таковъ вышеписанный указъ, за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества собственныя руки, мая 26 дня 1732 года подъ № 155.

9.

Инструкція нашему генералу-адъютанту и генералу-майору Артемью Волынскому.

Указали мы нашему оберъ-шталмейстеру и лейбъ-гвардіи нашей Измайловскаго полку полковнику и генералу, нашему адъю-

ганту, графу фонъ-Левенвольду, собственныя наши, которые нынѣ есть, дворцовыя конскіе заводы учредить и оныя размножить и привести въ добрый порядокъ, сколько возможно, также и вновь въ государствѣ нашемъ, усмотря къ тому удобныя мѣста, заводить,—и размножать по возможности особливые государственныя конскіе заводы, дабы впредь со временемъ могли мы довольствоваться какъ конную нашу гвардію, такъ и всю нашу кавалерію своими природными государства нашего лошадами рослыми, вмѣсто того, что нынѣ въ драгунскихъ полкахъ мелкихъ лошадей и весьма негодныхъ къ регулярному войску имѣть, а для вспоможенія ему оберъ-шталмейстеру въ томъ и размноженія оныхъ нашихъ обоихъ конскихъ заводовъ повелѣли мы быть въ командѣ его оберъ-шталмейстера вамъ, генералу-маіору Волынскому, и для того ѣхать вамъ въ Москву и, прибывъ, чинить по нижеписаннымъ пунктамъ.

1. Прибывъ въ Москву, взять вамъ изъ Сената обстоятельныя вѣдомости, а именно Нижегородской, Казанской, Воронежской, Бѣлогородской губерній, и при томъ Алатырской, Арзамаской, Свіязской, Сибирской, Пензенской, Козловской, Тамбовской, Сѣвской, Курской провинцій о солдатскихъ и казачьихъ слободахъ, и объ однодворцахъ, и тѣхъ слободъ и о прочихъ подобныхъ тому нашихъ земляхъ, также и о жашныхъ волостяхъ, сколько оныхъ числомъ слободъ и волостей, и которыя въ которомъ уѣздѣ, и что въ которой волости и слободѣ дворовъ, и въ нихъ мужеска полу душъ, и что въ которой волости и слободѣ въ дачахъ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ и лѣсныхъ угодей, и по скольку съ души съ которой волости и слободы платять подушныхъ денегъ, и на которыя полки которыя волости и слободы расположены, и вышеписанныя всѣ слободы и волости при какихъ рѣкахъ или малыхъ рѣчкахъ, и чтобъ о всемъ о томъ въ тѣхъ вѣдомостяхъ прописывано было имянно.

2. По тому же взять вѣдомости и изъ дворцовой канцеляріи о всѣхъ нашихъ дворцовыхъ волостяхъ и о подмосковныхъ селехъ прежнихъ и вновь приписанныхъ ко дворцу нашему, которая волость въ которой губерніи и провинціи и уѣздѣ, и что въ которой волости и селѣ числомъ дворовъ, и въ нихъ мужеска полу душъ, и что въ которой волости въ дачахъ земель, пашни, и сѣнныхъ

покосовъ, и лѣсныхъ угодей, и при какихъ рѣкахъ, и по сколько въ которой волости сѣтся какого дворцоваго хлѣба, и по сколько косятъ дворцоваго хлѣба, и по сколько косятъ дворцоваго сѣна или окладного сѣна собирается со крестьянъ, и по чему платятъ денежныхъ и хлѣбныхъ окладныхъ и неокладныхъ дворцовыхъ доходовъ, и по чему въ которой волости платятъ подушныхъ денегъ, на которыя полки которая волость расположена.

3. Учредить вамъ въ Москвѣ особливую комиссію о размноженіи вновь въ государствѣ нашемъ сочиняемыхъ конскихъ (для нашей конной гвардіи и кирасирскихъ полковъ) особливыхъ заводовъ, а въ тое комиссію для вспоможенія вамъ опредѣлить членовъ, а именно изъ тѣхъ, которые по требованію оберъ-сталмейстера, по посланному въ Сенатъ нашему указу, ко онымъ дѣламъ опредѣлены. Да канцелярскихъ служителей секретаря Петра Богданова, которой нынѣ у васъ въ комиссіяхъ слѣдствія, а канцеляристовъ и подканцеляристовъ и копееистовъ взять въ Москвѣ изъ Коллегій и канцелярій до 10-ти человѣкъ, а кто потребны будутъ, о томъ требовать вамъ въ Москвѣ отъ Сената именномъ, и которые взяты въ Москвѣ отъ мѣстъ будутъ, тѣмъ получать жалованье изъ тѣхъ коллегій и канцелярій, откуда они взяты будутъ, а которые взяты будутъ изъ губерній и провинцій, тѣмъ давать вамъ жалованье изъ асигнованной на конюшенные расходы суммы, сколько числомъ вамъ отъ оберъ-шталмейстера графа фонъ-Левенвольда особливо на оные расходы опредѣлено будетъ.

4. Собравъ вамъ по 1-му и по 2-му пунктамъ вѣдомости изъ Сената и изъ дворцовой канцеляріи, разсмотрѣть въ комиссіи о размноженіи вновь нашихъ конскихъ заводовъ, и которыя волости и слободы дворцовыя и протчихъ званій, по мнѣнію вашему, разсудятся удобны быть для конскихъ заводовъ, послать вамъ въ тѣ волости и слободы изъ комиссіи опредѣленныхъ для того по указу нашему какъ гвардіи нашей оберъ-офицеровъ, такъ и прочихъ полковъ офицеровъ, придавъ имъ по своему разсужденію ундеръ-офицеровъ для вспоможенія, и солдатъ или драгунъ для конвоя, и велѣть имъ тѣ волости и слободы осмотрѣть и описать со всѣми принадлежащими къ нимъ пашенными землями, и сѣнными покосы, и лѣсными угодья, прописывая каждую волость, село и деревню

имѣнно, котораго она уѣзду, и что въ ней числомъ дворовъ, и въ нихъ мужеска полу душъ, и по чему гдѣ платять подушныхъ и прочихъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ, и сколько имѣють земель въ дачахъ четвертей, по писцовымъ книгамъ, пашни и сѣнныхъ покосовъ, и при какихъ оныя волости, слободы и деревни большихъ рѣкахъ и малыхъ рѣчкахъ, и тѣ воды чрезъ каменистой или песчаной или иловатой или тиноватой, и есть ли при какихъ рѣчкахъ ключевыя воды, также и пашенныя какіе имѣють земли черныя или сѣрыя, и прочее какія разности земель, и въ сколько мѣръ гдѣ по мѣстамъ, сверхъ семянъ, земля ординарный хлѣбъ родить, по тому же осмотрѣть и описать каждаго мѣста и сѣнные покосы какъ луга, такъ пустоши и степи, и оныя измѣрять верстами и положить въ десятины, прописывая опыхъ покосовъ длину и поперешникъ порознь, и которые покосы косятъ на себя жители, и которые отдають въ наймы, и за какую цѣну, и при томъ осматривать травы: гдѣ есть дятловина, пырей или мелкая осока, и прописывая въ описяхъ имѣнно, и по скольку гдѣ съ котораго луга пустошей и степи какихъ сѣнъ званіями косится числомъ волоковыхъ копенъ, а при томъ для лучшаго, напримѣръ, исчисленія опробовать вѣсомъ въ каждомъ мѣстѣ копенъ по пяти или до 10-ти, по скольку гдѣ въ копьѣ будетъ вѣсомъ пудъ, дабы по тому можно было впредь вѣдать, гдѣ велики, гдѣ малы ставятъ волоковѣ копы, а гдѣ есть и лѣсныя мелкія поросли, которыя впредь можно будетъ расчислить для сѣнныхъ покосовъ, и тѣ особливо описать же и измѣрить по тому же въ десятины; также осматривать и описывать и лѣса, прописывая въ тѣхъ описяхъ имѣнно, на сколько гдѣ верстъ годнаго на строеніе и дровяного, и какіе гдѣ лѣса красныя или черныя, и въ какомъ разстояніи отъ которыхъ волостей и слободъ, сель и деревень имяни, и въ чьихъ тѣ лѣса дачахъ. А ежели гдѣ въ нашихъ дворцовыхъ и ясачныхъ и солдатскихъ и въ прочихъ въ вышеупомянутыхъ дачахъ лѣсовъ годныхъ къ строенію, также и дровяного нѣтъ, то потому же прописывать надъ каждымъ селомъ и деревнею имѣнно, откуда тѣхъ мѣстъ жители оныя лѣса получаютъ себѣ на строеніе и на прочіе потребности, и какъ далеко возять, и гдѣ водою и гдѣ сухимъ путемъ, и изъ чьихъ дачъ; и буде гдѣ покупными лѣсами довольствуются, прописывать,

кто именно почему купить 100 бревенъ хорошаго лѣсу и заборнику, и оной лѣсъ какой длины и толстоты вотрубѣ, также и дровъ почему зимній возъ купить. При томъ велѣть во всѣхъ мѣстахъ осматривать и обыскивать глину, удобную для дѣла кирпича на печи и на нужныя строенія: на кузницы, на водогрѣйныя горны и на прочіе тому подобныя, и гдѣ обыскана будетъ, прописывать въ описяхъ подъ каждою деревнею и о томъ имянно же; по тому же осматривать известъ и камень бѣло и дико плитной и круглой, прописывая именно, гдѣ какой есть, и многоль или мало онаго, а для осмотра и описи ланкартъ дать онымъ посылаемымъ офицерамъ каждому по одному человѣку геодезистовъ, а имъ, геодезистамъ, для вспоможенія придать каждому по одному человѣку изъ учениковъ, и каждой волости селамъ и деревнямъ сочинить акуратныя ланткарты.

При томъ какъ о слободахъ и волостяхъ, такъ и о пустыхъ земляхъ прописывать въ тѣхъ описяхъ именно, сколько которое мѣсто разстояніемъ верстъ, отъ которыхъ знатныхъ городовъ, и въ сколькихъ верстахъ которое мѣсто лежитъ отъ Москвы. И о томъ о всемъ надлежитъ вамъ, генералу майору, онымъ посылаемымъ офицерамъ дать изъ комиссіи надлежащія инструкціи, въ которыхъ имъ именно написать, дабы они сами и при нихъ ундеръ офицеры и прочіе подчиненные, будучи у той описи и осмотровъ, отнюдь никому никакихъ обидъ и налогъ не чинили, и чтобъ ни съ кого взятокъ никакихъ не брали и вели бѣ свое дѣло порядочно, опасаяся за наималѣйшее преступленіе военнаго суда и тяжкаго истязанія, а на прогоны, на бумагу, на чернила и на дачу жалованья приказнымъ людямъ, кои при нихъ будутъ, выдавать вамъ деньги изъ ассигнованой для того нарочной суммы, а канцелярскихъ служителей, сколько кому по вашему разсужденію потребно будетъ, взять имъ изъ губерній и провинцій и изъ городовъ, къ тѣмъ мѣстамъ ближнихъ, а о дачѣ оныхъ канцелярскихъ служителей и о прочемъ о послушныхъ указахъ въ Сенатъ указъ нашъ посланъ.

5. Что по оной учрежденной комиссіи о сочиненіи вновь государственныхъ конскихъ нашихъ заводовъ происходитъ будетъ, и въ которыя губерніи и провинціи для осмотра и описи мѣсть,

удобныхъ къ помянутымъ заводамъ, и сочиненія ланкартъ кто оберъ-офицеры отъ васъ изъ коммисіи посланы будутъ, и что потому учинено будетъ, о томъ и о всемъ обстоятельно репортовать вамъ (а въ отсутствіе ваше репортовать изъ коммисіи опредѣленнымъ при васъ членамъ) нашего оберъ-шталмейстера и гвардіи нашей полковника и генерала, нашего адъютанта, графа фонъ Левенвольда, для представленія о томъ отъ него самимъ намъ.

6. Вамъ же, нашему генералъ-адъютанту и генералу-маіору, имѣть дирекцію въ Москвѣ надъ конюшенною канцелярією и подчиненными къ ней конторами и при томъ надъ всѣми приписными городами, слободами, и волостями, и селами, и деревнями, которыя до сего времени опредѣлены вѣдомствомъ и дворцовыми доходами въ конюшенномъ приказѣ были; и которыя были въ особой дирекціи нашего оберъ-шталмейстера графа фонъ Левенвольда, оныя по тому же приписать и подчинить конюшенной канцеляріи, и имѣть вамъ генералу-маіору смотрѣніе надъ всѣми нашими дворцовыми конскими заводами и оныя отъ времени до времени приводить по возможности въ доброй, надлежащей къ содержанію и добротѣ лошадей, порядокъ, и для того надлежитъ вамъ во всѣ приписные города, волости и села по тому же, какъ и о протчихъ волостяхъ въ 4 пунктѣ изображено, послать офицеровъ гвардіи, а имъ придать изъ ундеръ-офицеровъ и изъ капраловъ и изъ солдатъ къ тому достойныхъ, и велѣть оныя города, волости, села и деревни осмотрѣть и аккуратно описать, и сочинить особливые ланкарты съ прописаніемъ дворцовыхъ нашихъ межъ и рубежей, назначивая на тѣхъ ланкартахъ именъно: чьи порознь земли вокругъ нашихъ дворцовыхъ земель обошли и приткнулись къ землямъ и угодьямъ нашимъ. А при томъ самому тебѣ во всѣ оныя мѣста, гдѣ есть наши конскіе заводы, ѣхать и за оными для ревизіи посланными оберъ и ундеръ-офицерами посвидѣтельствовать: правильно ль они по даннымъ отъ васъ инструкціямъ производили свое дѣло, и не чинили ль какихъ обывателямъ обидъ и налогъ, и не имали ли себѣ какихъ взятокъ, также и слабости какой и утайки въ осмотрахъ земель, лѣсовъ и сѣнныхъ покосовъ, просьбы ради тамошнихъ обывателей, не чинили ль; и буде явятся въ такихъ погрѣшеніяхъ, тѣхъ отсылать къ военному суду, куда

надлежить, безъ всякой поноворки, а между тѣмъ, будучи въ тѣхъ мѣстахъ, осмотрѣть вамъ всѣ наши конскіе заводы и оныя разобратъ по добротѣ и по шерстямъ, какъ кобылъ, такъ и жеребцовъ и приплодныхъ отъ нихъ жеребятъ, а именно выбирая рослыхъ статныхъ лошадей, и чтобъ въ нихъ природныхъ пороковъ не было, а именно: сѣдлистыхъ, острокостныхъ, головастыхъ, щекастыхъ, лысыхъ и прочихъ тому подобныхъ, а шерстью прибирать годныхъ къ заводамъ: вороныхъ, карихъ, гнѣдыхъ, бурыхъ, вороночалыхъ, каречалыхъ и гнѣдочалыхъ и буланыхъ.

А прочихъ шерстей въ заводахъ не держать, развѣ которыя кобылы чистыя и годныя къ испанскимъ, англійскимъ, персидскимъ жеребцамъ для заводу, и тѣхъ больше 100 кобылъ не держать; и которыя кобылы выбраны годныя къ заводамъ будутъ, оныхъ разобратъ по шерстямъ, дабы одна шерсть съ другою въ заводѣ не весьма мѣшалась, развѣ по нуждѣ безъ какихъ впредь до времени обойтись невозможно будетъ, по довольству кормовъ тамошнихъ, пока оныя заводы впредь покупными годными кобылами удовольствованы будутъ.

А прочихъ негодныхъ жеребцовъ, кобылъ и жеребятъ, отобравъ, опредѣлить въ особливия мѣста, по своему разсмотрѣнію, дабы оныя болѣе съ отобранными и годными въ заводахъ лошадьми уже не мѣшались. А что отобрано будетъ годныхъ, и какихъ шерстей, и какой величины ростомъ, и сколько числомъ гдѣ оставлено будетъ, и что выбрано будетъ негодныхъ, и которая за какимъ порокомъ, и куда оныя на кормъ опредѣлены будутъ, о томъ о всемъ репортовать вамъ обстоятельно нашего оберъ-шталмейстера графа фонъ Левенвольда и требовать о томъ отъ него резолюціи, и потому впредь исполнять.

7. Учредить вамъ въ Москвѣ конюшенную канцелярію, дабы было надлежащее число въ ней, также и въ заводную шталмейстерскую контору оныхъ выбрать изъ отставныхъ офицеровъ, также и изъ дворянъ искусныхъ людей, которые порядочно ведутъ въ домѣхъ и деревняхъ своихъ экономію и имѣютъ нарочитые свои домашніе лошадиные заводы, и хотя бъ оныя гдѣ и у дѣлъ нашихъ были, навѣдываясь объ нихъ подлинно, прислать вамъ къ оберъ-шталмейстеру именамъ ихъ роспись: кто какого чину и у какихъ дѣлъ

нынѣ, а при томъ и канцелярскихъ служителей, какъ секретарей, такъ и канцеляристовъ и прочіе чины разобрать, и выбрать годныхъ, а негодныхъ отрѣшить, а (на) тѣ убылыя мѣста и вновь въ добавокъ, сколько надлежитъ, выбрать изъ коллегій и канцеларій въ Москвѣ, также и изъ губерній и провинцій по 1 или по 2, дабы и тамъ дѣламъ остановки не учинить, а кто потребные будутъ имяны, и у какихъ нынѣ обрѣтаются мѣстъ, о томъ прислать вамъ именную роспись.

8. Учредя конюшенную канцелярію, шталмейстерскую заводную контору и удовольствовавъ членами и канцелярскими служителями, имѣть вамъ стараніе и накрѣпко конюшенной канцеляріи членамъ подтверждать о учрежденіи въ городахъ и въ волостяхъ нашихъ и во всѣхъ приписныхъ мѣстахъ земель пашенныхъ, и о порядочномъ размноженіи хлѣба, и о прилежномъ смотрѣніи сѣнныхъ нашихъ покосовъ, дабы всѣ луга, которые отъ несмотрѣнія заросли, заблаговременно расчищены и въ доброе учрежденіе приведены были, также и травы въ удобное время всегда кошены, и сѣна убранны были, понеже вся сила содержанія конскихъ заводовъ состоитъ въ добротѣ травъ и цѣлости сѣна, дабы оныя въ надлежащее свое время и ведренные дни кошены и высушены и въ нарочно устроенныя мѣста убранны были, такъ чтобъ никакое ненастье во время дожа и снѣгу онаго сѣна вредить не могло, и для того во всѣхъ мѣстахъ, какъ возможно, отъ времени до времени дѣлать близъ сѣнокосовъ крытые сараи, въ которыхъ класть сѣно, вмѣсто стоговъ и скирдовъ, дабы впредь, кромѣ самыхъ степныхъ мѣстъ, отнюдь въ стогахъ и скирдахъ сѣно метано не было, какъ прежде бывало, понеже отъ попорченнаго гнилаго и затхлаго и помоченаго дождемъ сѣна все худобы и болѣзни лошадамъ происходятъ, а дѣлать оныя сараи: гдѣ довольно лѣсовъ, тамъ собирать бревнами въ столбы, а гдѣ скудно лѣсовъ, тамъ плести изъ хворосту плетневые, а крыть соломою.

9. Между тѣмъ когда вы будете ревизовать конскіе наши дворцовые заводы, осмотрѣть при томъ во всѣхъ мѣстахъ конюшенные дворы, и какіе въ нихъ есть худобы или какихъ надлежащихъ покосовъ нѣтъ, которыхъ нынѣ нужда требуетъ, оныя велѣть исправить и сдѣлать нужные, а особливо для жеребятъ, покои

къ будущей зимѣ, а для прочаго строенья въ будущую осень велѣть заготовить лѣсовъ, по своему разсужденію, гдѣ какъ способнѣе, покупкою или подрядомъ будетъ, и по зимнему пути оныя велѣть въ пристойныя мѣста вывозить, а гдѣ впредь быть строенію, тѣмъ мѣстамъ сдѣлать планы. Также и для московскихъ нашихъ конюшенъ весьма надлежитъ быть особливому фуражному двору, на которомъ содержать сѣно, и чтобъ оной былъ въ полѣ близъ Аннингофа, дабы на ономъ дворѣ содержать фуражъ для всѣхъ нашихъ московскихъ конюшенъ, и чтобъ на ономъ дворѣ впредь содержано было сѣно въ сараяхъ, а не въ скирдахъ, и принимано было на фуражный дворъ вѣсомъ, также и на конюшни раздачи чтобъ чинены были впредь такимъ же образомъ въ вѣсѣ, на число папличныхъ лошадей, а не такъ, какъ прежде бывало; и для того обыскать вамъ въ тому удобное мѣсто и сдѣлать планъ и положить исчисленіе, что на оное потребно будетъ лѣсовъ и прочаго, къ тому всему строенію прописать цѣну, во что оное стать можетъ. А при томъ вамъ и каменной въ Москвѣ запасной конюшенной мастеровой дворъ осмотрѣть, и велѣть архитектору описать: какіе въ немъ худобы и какой требуетъ починки и пристройки, и что какихъ матеріаловъ на оную починку и пристройку потребно по исчисленію будетъ, тому всему прописывать цѣну и сочинить планъ, каковъ оной дворъ нынѣ есть, и что надлежитъ къ тому пристроить, дабы впредь быть на томъ запасномъ дворѣ магазинамъ для дорожныхъ каретъ, колясокъ и прочаго и для запасныхъ каретныхъ лѣсовъ и прочихъ надлежащихъ къ конюшнѣ нашей матеріаловъ, и при томъ быть особливымъ мастеровымъ покоемъ, и жить тутъ мастеровымъ людямъ для лутчаго и порядочнаго ихъ содержанія.

10. Сочинить Вамъ, нашему генералу-маіору, въ Москвѣ обстоятельныя вѣдомости, какъ о всей конюшенной канцеляріи, о доходахъ окладныхъ и неокладныхъ, такъ и о городахъ и волостяхъ порознь, что съ которой по окладомъ собирается дворцовыхъ нашихъ конюшенныхъ доходовъ, и что съ прошлаго 1728 года запущено въ доимку, и что на которые годы порознь не взято, и что нынѣ въ Москвѣ какого на лицо хлѣба, и которыхъ оной годовъ, и что въ городахъ за расходами на лицо нынѣ какого хлѣба

стоящаго въ скирдахъ и молоченаго—въ житницахъ, порознь по годамъ, и оныя вѣдомости прислать къ оберъ-шталмейстеру графу фонъ Левенвольду.

11. Понеже Хатунская волость указомъ нашимъ особливо опредѣлена для содержанія птичьей и псовой охотъ нашихъ, для того съ помянутой Хатунской волости какъ денежные, такъ и прочіе доходы ни на какіе конюшенные расходы держать не велѣть, а довольствоваться изъ оной суммы кречетниковъ, сокольниковъ, ягеровъ и прочихъ охотниковъ, по окладомъ ихъ, денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, и онымъ приходамъ и расходамъ велѣть вести особливые счета, какъ надлежитъ, а съ конюшенными не мѣшать.

12. Разсудили мы нынѣ за благо прежде въ собственныхъ нашихъ конскихъ заводахъ болѣе умножить нѣмецкихъ, датскихъ и прочихъ природъ чужестранныхъ лошадей, которыхъ надлежитъ содержать въ особой чистотѣ и покояхъ и довольствѣ, нежели до сего времени въ заводахъ нашихъ въ непризрѣніи лошади непорядочно содержаны были; однако жъ оныхъ лошадей въ надлежащей добротѣ малолюдствомъ содержать невозможно. Того ради набрать вамъ изъ всѣхъ волостей изъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дѣтей 200 человекъ вновь въ конюхи, чтобъ оны были отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ, и оныхъ взять въ Москву и обучать, чтобъ они прежде могли себя въ чистотѣ, а именно въ платьѣ и въ прочемъ содержать, а при томъ обучать ихъ чистить и водить лошадей, и что принадлежитъ до содержанія оныхъ, то-бы совершенно могли знать, дабы оны со временемъ могли при нашихъ заводахъ исправными конюхами быть, и пока при конюшнѣ нашей обучаться будутъ, опредѣлить имъ денежнаго жалованья по 4 рубли да провіантъ противъ солдатскихъ дачъ, а сверхъ того поденныхъ на пищу по одной копейкѣ на день, и давать имъ сермяжной мундиръ и обувь.

При томъ особливо выбрать вамъ изъ всѣхъ же волостей подъяческихъ, также церковныхъ и земскихъ, дьячковъ и пономарскихъ дѣтей, умѣющихъ грамотѣ, отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ, 50 человекъ и взять ихъ въ Москву и отдать для обученія въ школу латинскаго языка читать и писать, дабы оны могли знать на ла-

тинскомъ языкѣ имена травъ и прочихъ медикаментовъ, принадлежащихъ для пользованія лошадей, а потомъ когда въ той школѣ обучатся, раздать ихъ для обученія индѣземцамъ коноваламъ, и пока въ школѣ будутъ, давать имъ денежнаго жалованья по 6-ти рублей въ годъ, да кормовыхъ денегъ по 3 копѣйки на день и и при томъ сермежной мундиръ и обувь. И для того вышени-санныхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ и подъяческихъ и церковниковыхъ дѣтей, ежели которые изъ нихъ положены и платятъ подушной окладъ, и съ того окладу ихъ выключить, а что будетъ той суммы, платить за нихъ изъ доходовъ конюшенной канцеляріи.

13. Въ прочемъ, хотя чего нынѣ вамъ нашему генералъ-маіору и генералу-адъютанту въ сей инструкціи и не написано, то однакоже впредь со временемъ, что въ дополненіе къ сему еще надлежитъ, приобщено будетъ, а между тѣмъ, что отъ Васъ къ пользѣ нашей усмотрѣно впредь порядку и изобрѣтено будетъ, въ томъ вамъ трудиться по совѣсти, сколько возможность допустить, такъ, какъ вѣрному и честному человѣку надлежитъ, и о всемъ о томъ репортовать вамъ нашего оберъ-шталмейстера и лейбъ-гвардіи нашей полковника и генералъ-адъютанта графа фонъ-Левенвольда и присылать отъ себя къ нему письменныя предложенія и во всемъ поступать и исполнять впредь по присылаемымъ отъ него указамъ и резолюціямъ, а ежели онъ, оберъ-шталмейстеръ, отъ двора нашего за какими дѣлами въ отлученіи будетъ, того вамъ въ небытность его писать о всемъ и доносить въ кабинетъ нашъ. Дапо въ Санктъ-Петербургѣ мая 20 дня 1732 году.

10.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества всенижайшее доношеніе.

По именному Ея Императорскаго Величества указу и по инструкціи, данной мнѣ за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества собственной руки, повелѣно для осмотру и описи мѣстъ, удобныхъ къ конскимъ заводамъ, и мѣры луговъ и прочаго въ гу-

берніи и въ провинціи послать штабъ и оберъ-офицеровъ полевыхъ полковъ, а въ дворцовые и конюшенные города, волости и села оберъ и ундеръ-офицеровъ гвардіи. И по оному Ея Императорскаго Величества именному указу, въ дворцовые и конюшенные города и волости лейбъ-гвардіи оберъ и ундеръ-офицеры и прочихъ полковъ оберъ же офицеры отправлены, а въ которые уѣзды и волости и села, и что во оныхъ по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ дворовъ, и по свидѣтельству мужеска полу душъ, и пашенной земли десятинъ, и сѣна писцовыхъ и прочихъ копенъ, и кто имянно оберъ и ундеръ-офицеры куда посланы, о томъ при семъ всенижайшемъ доношеніи прилагаю репортъ. Артемей Волинской. Сентября 13 дня 1732 года.

11.

Въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества всенижайшее доношеніе.

Сего 1733 года іюля 4 дня получилъ я Ея Императорскаго Величества именной всеилостивѣйшій указъ, въ которомъ написано, чтобъ мнѣ, опредѣля порученные конюшенные дѣла конюшенной канцеляріи или кому надлежитъ изъ опредѣленныхъ при мнѣ штабъ-офицеровъ, а самому ѣхать къ опредѣленнымъ полкамъ на польскую границу, въ командѣ, въ Смоленскъ, безъ всякаго замедленія, а котораго числа изъ Москвы поѣду и кому оныя дѣла прикажу, о томъ въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества репортовать; и по тому Ея Императорскаго Величества именному указу, я изъ Москвы къ командѣ конечно поѣду завтрашняго дня, а дѣла и прочее всякое отправленіе, расписавъ, приказалъ, а именно: надлежащее конюшенной канцеляріи той канцеляріи членомъ, а что надлежитъ до комиссіи о размноженіи конскихъ заводовъ, то все членамъ же той комиссіи: майору Болтину да капитану-поручику лейбъ-гвардіи Чичерину, по комиссіи же о конюшнѣ объ отсылкѣ счетныхъ дѣлъ въ генеральную счетную комиссію и о прочемъ, а до слѣдствія членамъ же: полковнику Полозову и лейбъ-гвардіи капитаномъ-поручикомъ Хрущову и Буркову, а что въ

бытность мою въ Москвѣ по именнымъ Ея Императорскаго Величества указамъ и по инструкціи по комиссіи о размноженіи конскихъ заводовъ, и что по конюшенной канцеляріи учинено и исполняется, о томъ въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества при семъ всенижайшемъ моемъ доношеніи посылаю репортъ. Артемей Волинской. Юля 12 дня 1733 года.

12.

Репортъ, что по данной инструкціи учинено, и что по конюшенной канцеляріи въ бытность мою опредѣлено исполнять.

1. По именному Ея Императорскаго Величества указу и по инструкціи, данной мнѣ, каменной въ Москвѣ конюшенной запасной дворъ осматриванъ, и каковъ нынѣ и впредь какому на немъ строенію быть надлежитъ, тому учинены планы съ реэстромъ и съ цѣною и посланы при доношеніи въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества, откуда требовалъ указу, что нынѣ матеріалы зело цѣнны, того ради не соизволите ли Ея Императорское Величество въ нынѣшнемъ лѣтѣ только починить въ Кремлѣ на Потѣшномъ дворѣ конюшни и прочіе нужные строенья, а на запасномъ дворѣ нынѣшнее лѣто строеніе не повелѣно-ль будетъ отложить до будущей весны 1734 году, для того, чтобъ матеріалы къ тому приготовить заблаговременно по зимѣ, понеже въ зимнее время оныя будутъ дешевле, которыми можно будетъ свободнѣе исправиться, а ежели нынѣшнимъ лѣтомъ строить, то будетъ по исчисленію матеріаловъ передачи въ цѣнѣ 6643 р. 91 к., кромѣ работы. На которомъ доношеніи, за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества собственною рукою, подписана всемилостивѣйшая резолюція учинить по сему представленію.

И по оному Ея Императорскаго Величества именному указу, потѣшной конюшенной дворъ, по плану и по реэстру, конюшни и палаты перестроить и перечинить подряжено, по публикамъ, съ торгу за 4938 рублей, и сдѣлать нынѣшнимъ лѣтнимъ временемъ доброю и чистою прочною работою своими матеріалами и работными

людьми, не требуя изъ казны дачи денегъ, и оное строеніе дѣлать начато.

2. По именному Ея Императорскаго Величества указу, повелѣно въ конюшенную канцелярію на расходы, по учиненному конюшенному штату, отпускать изъ штатсъ-конторы по 100000 рублей на годъ и отдавать изъ оныхъ на два срока, а именно сначала каждаго полугода по 50000 рублей, и на нынѣшней 1733 г., на первую половину года, къ даннымъ въ Санктъ-Петербургѣ 30000 рублямъ 20000 рублей въ Москвѣ изъ штатсъ-конторы въ конюшенную канцелярію мая мѣсяца 30 числа приняты.

3. Городъ Аранибурхъ, которой по именному Ея Императорскаго Величества указу повелѣно отдать въ вѣдомство конюшенное, оной принять и для описи посланъ изъ комиссіи лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку поручикъ Ѳедоръ Кнотовъ, которому какъ дворовое число и души, такъ и земли и прочія всякія угодья велѣно осмотрѣть и описать и сочинить планы; ему же данъ особый указъ и велѣно въ томъ городѣ, что есть какого каменнаго и деревяннаго строенія, оное все какъ конюшни, такъ и прочее, осмотрѣть и описать, и что годного и что негодного именно, и то негодное можно ль починить или не можно, и зачѣмъ, и на тое починку что чего потребно, и сколько можно лошадей содержать; также дворъ каменной, гдѣ была лосинная фабрика, осмотрѣть же и описать именно, что всѣхъ палатъ, и на сколькихъ оныя саженьяхъ, и будутъ ли годны для конюшенъ, и что въ нихъ лошадей поставиться можетъ, и тому фабричному двору сдѣлать планъ съ мѣрою и прислать немедленно, а на оное фабрики строеніе кирпичъ гдѣ дѣланъ, и камень и известь брано, и въ какомъ разстояніи верстъ отъ Ранибурха, и какими работными людьми каменщиками и прочими строено, и почему цѣною матеріалы покупались или въ дѣлѣ становились, и работнымъ людямъ за работу почему давано, о томъ велѣно прислать же вѣдомость.

4. На фуражномъ конюшенномъ дворѣ сараи всѣ вокругъ сдѣланы и лубьямъ и дранью покрыты, да внутри того фуражнаго двора на 4 сарая поставлены столбы, и сверхъ тѣхъ столбовъ забрано заборомъ и положены связи, и на одномъ сараѣ поставлены стропила и слегами порѣшечены, а на трехъ сараяхъ стропила ста-

вятся; за дворомъ съ 4-хъ сторонъ, отступя отъ двора 10 сажень, поставлены надолбы, а еще не додѣлано внутри двора 12 сараевъ, которой фуражной дворъ къ нынѣшнему сентябрю мѣсяцу совсѣмъ будетъ сдѣланъ.

5. На остоженномъ конюшенномъ дворѣ сдѣлано строенія: приворотная новая большая изба, приворотная же свѣтлица съ комнатою, конюшня новая, стоялой казенной сарай старой, стоялая большая конюшня перестроена, лековыя избы срублены въ струбы, и на низкихъ мѣстахъ того двора срублены тарасы, а землю оной дворъ изровнявъ, и въ тарасы землю насыпать подрядчикъ, которому режено деньгами 180 рублей да ржи 50 четвертей, и оной дворъ землю заравнивается и въ тарасы земля насыпается.

6. На строеніе остоженного и провіанскаго дворовъ и на строеніе же въ Бронницкой и въ Пахринской волостяхъ конюшенныхъ дворовъ іюня по 27 число куплено лѣсовъ 21823 бревна.

7. Анненгофскія конюшни пошатились, и на одной кровля обвалилась оттого, что оныя конюшни сдѣланы зело высоки подъ кровлями сверхъ подволоки. Того ради надлежитъ обѣ конюшни сверху разобрать и опустить ниже, и нынѣшнимъ лѣтомъ переправлены и отдѣланы будутъ.

8. На Московскихъ и подмосковныхъ градскихъ и сельскихъ конюшняхъ въ нынѣшнемъ 1733 году родилось жеребятъ: жеребчиковъ 155, кобылокъ 211, итого 366. Да репортовъ еще не получено мая съ 22 дня изъ Богородицка, изъ Скопина, изъ Гавриловской слободы, изъ Всегодичъ, изъ Даниловскаго, изъ Сидоровскаго.

9. Въ конюшенной канцеляріи конюшеннымъ служителемъ, кромѣ тѣхъ, которые дѣйствительно въ службѣ, чиновнаго списку и по нынѣ не было, и для того многіе не служащіе живутъ въ домехъ своихъ въ разныхъ городахъ, въ томъ числѣ нѣкоторые изъ дворянъ есть. Того ради послалъ я нарочныхъ и велѣлъ тѣмъ посланнымъ, взявъ въ городахъ у воеводъ списки, и по онымъ тѣхъ конюшенныхъ служителей выслать всѣхъ въ конюшенную канцелярію немедленно.

10. Описываются въ конюшенной канцеляріи дѣла, понеже онымъ надлежащей описи не было, и всѣмъ дѣламъ учиненъ будетъ съ нумерами обстоятельной реэстръ.

11. Сочиняются конюшеннымъ чинамъ инструкціи, по силѣ регламента, со изясненіемъ каждаго должности такъ, чтобъ впредь невѣденіемъ не могъ никто отговариваться.

12. Сочиняются управительскія инструкціи о правленіи волостей, и о исполненіи по указамъ, и какимъ образомъ надлежитъ содержать лошадей и прибирать фуражъ, а что до пашни надлежитъ, о томъ въ инструкціяхъ прописывается по состоянію каждаго мѣста и по добротѣ земель.

13. Сочиняется для извѣстія примѣрная табель всѣмъ вещамъ и матеріаламъ, которые бываютъ въ покупкѣ и въ подрядѣ, потребные на конюшню, дабы въ покупкахъ и въ подрядахъ впредь излишней въ цѣнахъ передачи деньгамъ не было.

14. Дѣлается разсмотрѣніе о бѣглыхъ крестьянахъ, которые изъ городовъ и волостей бѣжали конюшеннаго вѣдомства и живутъ за помѣщиками.

15. Сочиняется генеральная выписка для разсмотрѣнія по подаваемымъ челобитнымъ отъ конюшенныхъ волостныхъ крестьянъ о сложеніи излишнихъ податей, наложенныхъ отъ Ершева и отъ прочихъ непорядочно, болѣе, нежели платятъ вѣдомства дворцовой канцеляріи дворцовыхъ волостей крестьяне, также и о излишнихъ работахъ передъ дворцовыми крестьянами.

16. Дѣлается разсмотрѣніе, чтобъ учинить надлежащій порядокъ во всѣхъ волостяхъ въ крестьянскихъ работахъ, дабы однимъ передъ другими не было излишней тягости, и чтобъ во всѣхъ мѣстахъ извѣстно было, сколько когда потребно брать какихъ работниковъ или подводъ.

17. Понеже состоитъ крайняя нужда въ конюшенной канцеляріи въ копейстахъ, которыхъ ни откуда получить невозможно, и за тѣмъ въ конюшенной канцеляріи въ дѣлахъ чинится остановка, что писать некому, также въ коновальные ученики и въ прочія нужныя науки зело потребны умѣющіе грамотѣ, а конюшенныхъ чиновъ дѣти скитаются безъ всякой науки. Того ради для обученія оныхъ опредѣлилъ я сдѣлать въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ волостяхъ школы, въ которыхъ обучать грамотѣ и писать, набравъ оныхъ какъ здѣсь въ Москвѣ конюшенной канцеляріи канцелярскихъ служителей и конюшенныхъ служителей дѣтей, также и изъ

волостныхъ до 50 человекъ, и хотя оной расходъ будетъ сверхъ штата, однако же по моему мнѣнію весьма потребно сдѣлать, понеже безъ того обойтись невозможно, а опредѣленные, по именному Ея Императорскаго Величества указу, въ конюшенную канцелярію секретари и канцеляристы, oprичъ одного, и по нынѣ никто не посланы, и для того о высылкѣ оныхъ канцелярскихъ служителей, по представленіямъ моимъ, изъ Правительствующаго Сената посланы вторичные указы съ подтвержденіемъ, и велѣно выслать ихъ воеводамъ, не отговариваясь ничѣмъ, а понеже въ конюшенной канцеляріи въ канцелярскихъ служителяхъ великая нужда, что дѣлать исправить не кѣмъ. Артемей Волинской.

13.

Репортъ, что учинено по комиссіи о размноженіи
конскихъ заводовъ.

Къ отправленнымъ въ губерніи и провинціи къ штабъ и оберъ-офицерамъ для осмотра и описи мѣстъ на конскіе заводы посланы изъ комиссіи указы, и велѣно всѣ осмотры и описи удобнымъ на конскіе заводы мѣстамъ окончать конечно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а самимъ съ тѣми описями быть въ Москву въ октябрѣ мѣсяцѣ сего же 1733 году, а по отправленіи тѣхъ указовъ послапы къ нимъ дубликаты и въ подтвержденіе третьи указы, въ которыхъ написано, что если они штабъ и оберъ-офицеры кто на оныя сроки будутъ неисправны, то будутъ въ томъ отвѣтствовать жестоко. А нынѣ изъ губерній и провинцій въ комиссію репортами объявляютъ, а именно: Воронежской губерніи изъ Елецкой провинціи маоръ Дохтуровъ репортомъ показалъ: въ Елецкомъ уѣздѣ обыскалъ онъ удобныхъ мѣстъ на 4 завода, которые могутъ содержать 1500 лошадей.

Подполковникъ Змеовъ объявилъ, что въ Казанской губерніи въ Казанскомъ одномъ уѣздѣ можно быть 10-ти заводамъ, въ нихъ въ каждомъ по 200 кобыль, итого 2000.

Да изъ Орловской провинціи маоръ Щербининъ репортовалъ, что по осмотру его въ Орловской провинціи удобныхъ мѣстъ для

заводовъ не мало является, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно глины и камню, а сколько всѣхъ мѣстъ на заводы пріискано будетъ, и сколько въ тѣхъ мѣстахъ лошадей числомъ можно будетъ содержать, о томъ объявляетъ, что пришлетъ вѣдомости впредь.

Да изъ Олаторской провинціи офицеры репортуютъ, что удобныя мѣста на лошадиные заводы пріисканы, въ которыхъ по свидѣтельству и по мѣрѣ — сѣнныхъ покосовъ 2500 десятинъ, сѣна ставится 50,000 копенъ. Но только оныя штапъ-офицеры еще всѣхъ опредѣленныхъ имъ мѣстъ описью не окончили, а отъ прочихъ Казанской губерніи изъ провинцій Сибирской, Пензенской, Свияжской и Бѣлогородской губерніи, Воронежской губерніи, изъ провинцій Воронежской, Тамбовской, Шатцкой и репортовъ еще не получено. И для того сколько, сверхъ нынѣшнихъ репортовъ, еще прибудетъ удобныхъ мѣстъ, и на сколько лошадей, и въ тѣхъ ли мѣстахъ, которыя нынѣ осмотрѣны, надлежитъ быть заводамъ или которые впредь описаны будутъ удобнѣе для конскихъ заводовъ могутъ быть, о томъ до окончанія всей описи узнать невозможно. Артемей Волынской.

14.

Изъ Москвы іюля 5 дня 1733 года.

Милостивой Государь, отецъ мой, Андрей Ивановичъ.

Всепокорно Вашему Высокографскому Сіятельству доношу: вчерашняго дня получилъ я Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшій указъ, въ которомъ написано, чтобъ мнѣ, опредѣля порученныя мнѣ конюшенныя дѣла конюшенной канцеляріи или кому надлежитъ, а самому ѣхать въ опредѣленнымъ полкамъ на польскую границу, въ командѣ, въ Смоленскъ безъ всякаго замедленія, и чтобъ туда прибыть и въ команду вступить сего іюля 20 числа. И по тому Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшему указу, правленіе и дѣла, надлежащія конюшенной канцеляріи, опредѣлю членамъ той канцеляріи, а что надлежитъ до комиссіи о размноженіи конскихъ заводовъ, то всѣ опредѣляю членамъ же той комиссіи: майору Болтину да капитану-поручику лейбъ-гвардіи Чичерину, и оное росписавъ, что кому надлежитъ дѣлать, поѣду

отсюда конечно черезъ 5 или 6 дней и буду, милостивой государь, какъ возможно, къ командѣ поспѣшать. При семъ всенижайше прошу Ваше Высокографское Сіятельство, милостиваго государя, содержать меня въ неотъемлемой вашей отеческой милости, на которую полагаю всю мою надежду, какъ на родителя моего, и тако пребуду со всякимъ почтеніемъ и вѣрностію, милостивой государь, отецъ, вашего Высокографскаго Сіятельства всепокорной и низжайшій слуга Артемей Волынской.

15.

Изъ Москвы іюля 12 дня 1733 года.

Милостивый Государь, отецъ Андрей Ивановичъ!

Всепокорно доношу: получилъ я отъ Его Высокографскаго Сіятельства, господина оберъ-камергера письмо, въ которомъ изволятъ писать, что челобитную мою изволилъ Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, подавать, по которой Ея Величество соизволила повелѣть справиться: есть ли за мною толикое число крестьянскихъ дворовъ, съ чего бы мнѣ строить въ Петербургѣ каменной домъ надлежало, и ежели толикаго числа нѣтъ, то строить онаго всемилостивѣйше не указала, а понеже, милостивой государь, какъ извѣстно Вашему Высокографскому Сіятельству, что за мною столько деревень нѣтъ, того ради всенижайше прошу показать надо мною въ томъ отеческую свою милость и милостиво меня отъ сего несноснаго мнѣ убытка избавить, за что вѣчно буду молить Бога, понеже, милостивой государь, я нынѣ въ такіе крайніе убытки пришелъ, что еще никогда на себя такого разорѣнія не помню. О себѣ всепокорно доношу, что завтра неотмѣнно поѣду отсель въ путь мой, а что здѣсь въ бытность мою по комиссіи о заводахъ сдѣлано, о томъ для извѣстія прилагаю краткой экстрактъ, а обстоятельной, что по комиссіи и конюшенной канцеляріи сдѣлано, посылаю въ кабинетъ репортъ, и симъ окончавъ, предаю себя въ неотъемлемую вашему Высокографскаго Сіятельства, милостиваго государя, отеческую милость, всепокорно прося, самага Бога ради, милостиво меня содержать и

не оставить въ моемъ отлученіи, въ чемъ я, какъ на родителя моего, полагаю мою надежду, и симъ окончавъ, остаюсь со всякимъ почтеніемъ и истинною вѣрностію. Милостивой государь, отецъ, вашего Высокографскаго Сіятельства всепокорной и низжайшій слуга Артемей Волынской.

16.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества всенижайшее доношеніе.

Прошедшаго октября 20 дня получилъ я Ея Императорскаго Величества именной указъ, за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества собственной руки, которымъ повелѣно, въ отсутствіи оберъ-шталмейстера графа фонъ-Левенвольда и генерала-маіора Волынскаго, надъ конными государственными заводами главное надзираніе имѣть мнѣ, и для того надъ опредѣленными при оныхъ заводахъ офицеры и прочими управителями имѣть мнѣ прилежное смотрѣніе, чтобъ они въ положенныхъ на нихъ дѣлахъ поступали, какъ данныя имъ инструкціи и Ея Императорскаго Величества указы повелѣваютъ, и все бы при тѣхъ заводахъ въ исправномъ и надлежащемъ порядкѣ содержаны были, безъ всякаго упущенія. И по тому Ея Императорскаго Величества именному указу во учрежденную комиссію о размноженіи конскихъ заводовъ посланъ былъ отъ меня указъ, и при томъ со онаго именного Ея Императорскаго Величества указа сообщена копія, и велѣно оной комиссіи, учиня, подать обстоятельную ко мнѣ вѣдомость: сколько въ той комиссіи по указомъ какихъ дѣлъ учинено, и зачѣмъ чего не учинено, также въ которыхъ мѣстахъ нынѣ обрѣтаются при тѣхъ заводахъ офицеры, и кто именнно, и что оныя по даннымъ имъ инструкціямъ учинили, и зачѣмъ чего не учинили, росписавъ именно, по которому указу оной комиссіи вѣдомости поданы, и въ которые губерніи и провинціи въ односторонскіе, солдатскіе и казачьи и въ жашныя волости и села, также дворцоваго и конюшеннаго вѣдомства въ города, волости же и села, штабъ и оберъ-офицеры посланы, и что оныя удобныхъ мѣстъ на конскіе заводы пріискали, сообщенъ при тѣхъ вѣдомостяхъ экстрактъ и

объявлено, что о посылкѣ оныхъ офицеровъ, кто куда посланъ, о томъ экстрактъ же въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества посланъ отъ генерала-маіора Волынскаго, а о удобныхъ мѣstech на конскіе заводы, въ которыхъ губерніяхъ и провинціяхъ по осмотру и по описи явились, отъ него же генерала-маіора и, по отбытіи его изъ Москвы отъ комиссіи, въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества прошедшаго октября по 15-ое число репортовано; а по отправленіи тѣхъ репортовъ, по репортомъ же отъ офицеровъ въ комиссію, что удобныхъ мѣstech на конскіе заводы (опричь прежнихъ, о которыхъ уже репортовано) пріискано, поданы же ко мнѣ вѣдомости, изъ которыхъ поданныхъ изъ комиссіи вѣдомостей при семъ всенижайшемъ моемъ доношеніи въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества посылаю.

1. Копію съ инструкціи, какова дана за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества собственной руки генералу-маіору Волынскому.

2. Экстрактъ, учиненной изъ той инструкціи, что исполненіемъ подлежить до комиссіи и исполнено.

3. Въ которыя губерніи, и провинціи, и въ дворцовые конюшенные города, волости и села, и кто именно штабъ и оберъ-офицеры для осмотру и описи удобныхъ мѣstech на конскіе заводы отправлены, и что тѣми посланными офицеры удобныхъ мѣstech пріискано.

4. Что послѣ прежнихъ отправленныхъ въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества отъ генерала-маіора Волынскаго изъ комиссіи о удобныхъ мѣstech репортовъ, по репортамъ же въ комиссію, отъ офицеровъ удобныхъ мѣstech на конскіе заводы пріискано, и сколько каждое мѣсто можетъ по кормамъ содержать лошадей.

5. О деньгахъ, что по именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ въ пріемъ, и куда, и на что въ расходы употреблены, и за расходами въ остаткѣ.

6. Копія съ указа, присланнаго изъ Правительствующаго Сената, о дачѣ, о дворовомъ числѣ, и о душахъ вѣдомостей, и о опредѣленныхъ въ комиссію и къ конюшеннымъ дѣламъ офицеровъ и о прочемъ.

7. Копія съ инструкцій, каковы даны штабъ-офицерамъ, посланнымъ въ губерніи для описи и осмотру мѣстъ.

8. Копія съ инструкціи, каковы даны лейбъ-гвардіи и прочихъ полковъ оберъ-офицерамъ, посланнымъ въ дворцовые и конюшенные города и волости, а что онымъ Ея Императорскаго Величества именнымъ указомъ повелѣно имѣть мнѣ главное надзираніе надъ конскими государственными заводами, и имѣть прилежное смотрѣніе надъ опредѣленными при оныхъ заводахъ управителями, и оныя конскіе заводы еще не заведены, и строенія для конскихъ заводовъ нынѣ никакого нѣтъ, а только по силѣ объявленной данной инструкціи генералу-маіору Волынскому производится одинъ осмотръ и опись и на тѣ заводы удобнымъ мѣстамъ, и оныя мѣста не всѣ описаны. Графъ Салтыковъ. Ноября 19 дня 1733 г.

17.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества доношеніе.

Получилъ я нынѣ изъ Москвы изъ комиссіи экстрактъ, сочиненной изъ репортовъ, присланныхъ изъ губерній и провинцій отъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которые посланы для осматриванія и описи удобныхъ мѣстъ для лошадиныхъ заводовъ и мѣры земель и луговъ, потребныхъ къ содержанію лошадей; и хотя оныя описи еще и не всѣ окончаны, однако жъ сколько по се время осмотрѣно и описано, и на сколько числомъ лошадей, и съ того экстракта я, сочиня краткую табель, и какъ оной присланной изъ комиссіи экстрактъ, такъ и сочиненную изъ онаго табель при семъ моемъ нижайшемъ доношеніи для лучшаго извѣстія въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества прилагаю. Артемей Волынской. 1734 года, іюля 1 дня.

18.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества всенижайшее доношеніе.

Сего августа 1734 г. 7 числа получилъ я отъ оберъ-штальмейстера и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку полковника и Ея

Императорскаго Величества генерала адъютанта и кавалера, графа фонъ-Левенвольда, письмо, въ которомъ ко мнѣ пишетъ, что берейторъ Фирингъ, которой посланъ въ Италію для покупки лошадей, а нынѣ оттуда, слѣдуя со оными заводными Ея Императорскаго Величества собственными Неаполитанскими и прочими со 150-ю кобылами и жеребцами, приближается, которыхъ провождать будетъ прямо до Риги, и что тѣмъ лошадямъ далѣе зимовать невозможно какъ въ Лифляндіи, при которыхъ будетъ принятой въ заводы шталмейстеръ Кишкель, и для того, чтобъ тѣ конюшни, въ которыхъ обрѣтающіяся команды шталмейстера Бахенъ Шванца лошади стоятъ нынѣ въ Керепицахъ, очистить, такожь и построенныя около и въ оной мызѣ отъ конной гвардіи конюшни чтобъ не разломаны были. Того ради, чтобъ я учинилъ слѣдующее:

1. Чтобъ требовалъ изъ кабинета Ея Императорскаго Величества указу, дабы оной посланъ былъ въ Рижскую экономію, чтобъ построенныя въ Керепицахъ и около оной мызы въ ближнихъ мѣстахъ конной гвардіи конюшни заблаговременно были во всякой готовности, и буде что попорчено, чтобъ исправлено было въ скорости починкою. А понеже какъ извѣстно, что здѣшній климатъ противъ Италіи зело студенъ, того ради потребно, чтобъ конюшни для оныхъ лошадей такъ исправлены были, чтобъ въ нихъ зимою отъ стужи лошади не повредились, и для того особливо, чтобъ въ тѣхъ конюшняхъ потолки (ежели вѣтъ) сдѣланы были, также въ окнахъ чтобъ придѣланы были окончины и ставни и двери въ конюшняхъ, и ежели на стѣнахъ есть гдѣ скважни, оныя потребно задѣлать или законопатить, и при томъ на первое время потребно нѣсколько фуража и на подстилку соломы заготовить заблаговременно.

2. Чтобъ вышепомянутому обрѣтающемуся въ Керепицахъ шталмейстеру Бахенъ Шванцу велѣлъ я съ лошадьми въ путь до Москвы быть въ готовности, а мѣста-бы тамъ очистить для слѣдующихъ изъ Неаполя лошадей, а сколько нынѣ при шталмейстерѣ Бахенъ Шванцѣ въ Керепицахъ лошадей, о томъ чтобъ я требовалъ отъ него репорта (о чемъ къ нему Бахенъ Шванцу сего августа 8 числа я уже и писалъ и послалъ для того репорта нарочнаго), а между тѣмъ, чтобъ отъ кабинета Ея Императорскаго Величества требовалъ указу, чтобъ отъ Рижской экономіи до Пе-

черъ прямою дорогою для тѣхъ лошадей, которыя изъ Керепицъ пойдутъ до Москвы, заготовлено было фуража и въ станціямъ мѣста, такожъ и отъ Печеръ до Новагорода и отъ Новагорода до Москвы о заготовленіи фуража чтобъ требовать Ея Императорскаго Величества указовъ, и послалъ бы я отъ себя надежныхъ и и знающихъ людей, и о томъ, чтобъ онымъ дать инструкціи, чтобъ они отъ Пскова до Новагорода и отъ Новагорода до Москвы по дорогѣ для тѣхъ лошадей въ станціямъ назначивали мѣста, такъ и на тѣхъ станціяхъ чтобъ по репортиціямъ заготовляли доброй фуражъ, и чтобъ мнѣ заблаговременно въ томъ прилагать свое стараніе.

3. А когда время придетъ, тогда чтобъ приказать мнѣ помянутому шталмейстеру Бахенъ Шванцу итить съ лошадьми изъ Керепицъ до Москвы, а въ Керепицахъ чтобъ велѣлъ оставить ему Бахенъ Шванцу только однихъ жеребятъ, и ежели мало будетъ для своду оныхъ лошадей конюховъ, то-бъ требовать для скорости изъ Рижскаго горнизона солдатъ, сколько потребно будетъ, а при томъ чтобъ оному шталмейстеру Бахенъ Шванцу, для лучшаго изысканія станцій и фуража и прочихъ потребностей въ дорогѣ, приданъ былъ доброй человѣкъ, кто изъ русскихъ.

Того ради всепокорно прошу, чтобъ изъ кабинета Ея Императорскаго Величества о вышеписанномъ въ надлежащія мѣста посланы были указы. Артемей Волинской.

19.

Ея Императорскому Величеству всенижайшій докладъ.

По именному Ея Императорскаго Величества указу, состоявшемуся въ прошломъ 1732 году, повелѣно учредить въ Москвѣ комиссію и изъ оной послать штабъ и оберъ-офицеровъ въ пристойныя мѣста, въ губерніи, и въ провинціи, въ дворцовыя Вашего Императорскаго Величества волости, такожъ въ солдатскія и казачьи и прочія тѣмъ подобныя, и въ однодворческія слободы, и въ жашныя волости для обысканія и осматриванія и описи удобныхъ мѣстъ, гдѣбъ возможно было заводить и размножить лошадиные

вновь въ государствѣ Вашего Императорскаго Величества заводы, для содержанія конной гвардіи и кирасирскихъ полковъ, и по тому Вашего Императорскаго Величества указу и по инструкціи сыскано и описано въ разныхъ губерніяхъ и провинціяхъ такихъ 104 мѣста, на которыхъ по довольству земель, по разсужденіямъ штабъ и оберъ-офицеровъ, въ репортахъ, присланныхъ изъ коммисіи, назначено, что можно на тѣхъ мѣстахъ содержать въ заводахъ до 36.190 лошадей, о чемъ въ нынѣшнемъ 1734 году въ іюлѣ мѣсяцѣ въ кабинетъ подана тѣмъ мѣстамъ, при доношеніи, табель, а нынѣ для лучшаго разсмотрѣнія сочинена порознь о всѣхъ каждому мѣсту краткая опись, дабы удобнѣе разсудить можно, почему которое мѣсто удобно, и какія гдѣ земли, травы, и какія гдѣ воды, и по какому текутъ грунту, такожъ какіе гдѣ есть годные на строенье лѣса, и въ какомъ разстояніи отъ тѣхъ назначенныхъ на заводы мѣстъ, а при томъ о извѣстномъ камнѣ и удобной къ строенію впредь на кирпичъ глинѣ, и о прочемъ, и сколько гдѣ числомъ мужеска полу душъ, и почему платять какихъ окладныхъ и неокладныхъ податей.

Того ради, чтобъ всемилостивѣйше указомъ Вашего Императорскаго Величества повелѣно было господамъ кабинетнымъ министрамъ и нѣсколькимъ персонамъ изъ сенаторовъ и изъ прочихъ оную, поданную въ кабинетъ, табель и сочиненную мѣстамъ краткую опись разсмотрѣть и о нижеслѣдующемъ имѣть онымъ персонамъ разсужденіе.

1. Потребно-ль заводить въ государствѣ Вашего Императорскаго Величества оныя лошадиныя заводы для содержанія конной гвардіи и кирасирскихъ полковъ или не потребно, и что удобнѣе впредь быть можетъ: своими-ль природными лошадьми довольствоваться и комплектовать оныя полки или впредь покупными въ конную гвардію и въ кирасирскіе выводить нѣмецкихъ лошадей, а драгунскіе полки и впредь содержать на такихъ же татарскихъ и прочихъ лошадяхъ, какія нынѣ въ полкахъ.

2. Ежели указомъ Вашего Императорскаго Величества определено будетъ заводить оныя въ государствѣ заводы, до сколькихъ тысячъ кобылъ потребно заводить и содержать впредь въ заводахъ.

3. Какимъ лучше въ тѣхъ заводахъ кобыламъ быть: нѣмец-

кимъ или иныхъ какихъ породъ, и гдѣ оныхъ кобылъ, и какимъ образомъ покупать, и въ какую цѣну, такожъ въ тѣ заводы какіе потребны жеребцы, и гдѣ оныхъ покупать и въ какую цѣну.

4. На оную покупку кобылъ и жеребцовъ откуда опредѣлить надлежитъ сумму, и по сколько на годъ.

5. Какимъ образомъ оныя заводы строить и содержать, и какое облегченіе потребно учинить въ государственныхъ податяхъ обывателямъ тѣмъ, которые приписаны будутъ къ тѣмъ лошадинымъ заводамъ.

И о томъ о всемъ Ваше Императорское Величество что соизволите. Артемей Волынской.

20.

Ея Императорскому Величеству самодержицѣ всероссійской всеподданнѣйшій докладъ.

Сего іюля 1 дня Ваше Императорское Величество соизволили высочайшимъ изустнымъ указомъ повелѣть мнѣ, чтобъ комиссіи, состоящія подъ дирекцію моею, окончать неотмѣнно въ нынѣшнемъ іюлѣ мѣсяцѣ. А понеже поданнымъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшимъ нашимъ съ оберъ-шталмейстеромъ графомъ фонъ-Левенвольдомъ докладомъ всенижайше представлено, коликое число сыскано удобныхъ мѣстъ для содержанія заводныхъ лошадей, и на сколько числомъ лошадей, и сколько гдѣ по осмотрамъ и по описямъ и по мѣрѣ штабъ и оберъ-офицеровъ земель, луговъ и протчаго, и при томъ всеподданнѣйше требовано: повелѣно-ль будетъ заводить въ государствѣ Вашего Императорскаго Величества оныя лошадиныя заводы для содержанія впредь конной гвардіи и кирасирскихъ полковъ, или не потребно, и что удобнѣе разсуждено будетъ: своими-ль природными лошадьми довольствоваться и комплектовать оныя полки или и впредь покупными изъ нѣмецкихъ краевъ лошадьми; и ежели повелѣно будетъ заводить въ государствѣ оныя лошадиныя заводы, то какихъ породъ въ тѣхъ заводахъ быть заводнымъ лошадямъ, и сколько числомъ кобылъ и жеребцовъ, и какимъ образомъ оныхъ покупать, и изъ какой суммы повелѣно будетъ и прочее.

И по тому нашему всеподданнѣйшему докладу Ваше Императорское Величество соизволили повелѣть кабинетнымъ господамъ министрамъ съ сенаторами и прочими имѣть о томъ въ кабинетѣ разсужденіе о числѣ оныхъ заводахъ и о прочемъ. А прошедшаго марта 15 числа въ кабинетѣ Вашего Императорскаго Величества, по разсужденію, положено: быть въ заводахъ жеребцамъ нѣмецкимъ до 840 жеребцовъ, а кобыламъ русскимъ—украинскимъ, татарскимъ и башкирскимъ, числомъ оныхъ до 7000 кобылъ, и по тому назначенному числу лошадей, определѣно выбрать изъ тѣхъ описныхъ потребное число мѣстъ, и къ нимъ росписать для содержанія и довольства лошадей изъ тамошнихъ обывателей, по препорціи, потребное число мужеска полу душъ, по которому определѣнію на число помянутыхъ на 7000 кобылъ и на 840 жеребцовъ и на приплодныхъ отъ нихъ жеребятъ выбрано въ разныхъ губерніяхъ и провинціяхъ удобныхъ мѣстъ заводныхъ 18, для содержанія приплодныхъ жеребятъ 36, для своду и разбору приплодныхъ лошадей 3 мѣста, всего 57 мѣстъ; къ нимъ къ каждому мѣсту пазначено для содержанія лошадей, для пашни земли, и приуготовленія сѣнъ, и прочихъ потребныхъ работъ изъ тамошнихъ ближнихъ обывателей мужеска полу каждому мѣсту по 1300 душъ, и того ко всѣмъ мѣстамъ приписано 74,638 душъ. А въ которыхъ губерніяхъ и провинціяхъ тѣ удобныя мѣста для тѣхъ учреждаемыхъ заводовъ выбраны, и къ нимъ изъ обрѣтающихся близъ тѣхъ мѣстъ въ поселеніи каковаго званія людей приписано, и что они въ годъ платятъ съ числа переписныхъ душъ государственныхъ податей окладныхъ и не окладныхъ, денежныхъ и прочихъ доходовъ, и какое гдѣ довольство у жителей тутошнихъ, гдѣ назначено быть заводамъ, въ дачахъ пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ во владѣніи ихъ, и что сверхъ того по осмотрамъ офицеровъ и по описи ихъ въ тѣхъ же дачахъ явилось, за довольствомъ обывательскимъ, непашенныхъ земель и покосовъ въ пустѣ десятинь, о томъ при семъ всеподданнѣйшемъ докладѣ приобщается краткой экстрактъ.

И тако оная комиссія, что принадлежало до бочиненія и къ тому надлежащаго основанія и исчисленія, то все окончано. И о томъ Ваше Императорское Величество, что соизволите повелѣть. *Артемей Волынской.*

21.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества изъ конторы
отъ канцеляріи конфискаціи покорнѣйшій репортъ.

По присланному изъ кабинета Ея Императорскаго Величества въ контору конфискаціи, апрѣля 25 дня сего 1737 года, указу, за подписаніемъ господъ кабинетныхъ министровъ, на доношеніе оберъ егермейстера и Ея императорскаго Величества генерала адъютанта господина Волинскаго велѣно: для отправленія его на конгрессу требованные изъ конфискованныхъ пожитковъ вещи отпустить ему за поставленные цѣны, безъ переторжки. И потому Ея Императорскаго Величества указу, отобранное имъ, господиномъ Волинскимъ, изъ конфискованныхъ пожитковъ, по цѣнѣ на 680 рублей на 61 копѣйку, ему отпущено, и тѣ деньги у него приняты, да сверхъ того отдано ему же господину Волинскому изъ конфискованныхъ же пожитковъ кафтанъ дикой атласной, шитъ китайскимъ образцомъ, доха камчатая, шита па бѣльемъ мѣху, доха же шита шелкомъ на бѣльемъ же мѣху, шапка низана бисеромъ, рукавицы якуцкія, шиты по китайски, по цѣнѣ на 10 рублей, отъ которыхъ отъ него оберъ егермейстера и Ея Императорскаго Величества генерала адъютанта Волинскаго вѣдѣніемъ въ контору конфискаціи объявлено, что де оное взято по указу Ея Императорскаго Величества; а понеже по указу Ея Императорскаго Величества, за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки, прошлаго 1735 года іюня 9 дня (которой объявленъ въ присланномъ изъ Правительствующаго Сената въ оную контору указѣ) повелѣно: никакихъ Ея Императорскаго Величества словесныхъ именныхъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки или за руками всѣхъ трехъ Ея Императорскаго Величества кабинетъ министровъ будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить, а ежели отъ кого какіе словесные указы гдѣ объявлены будутъ, то объ оныхъ репортовать въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества немедленно. Того ради въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества контора конфискаціи о вышеписанномъ сямъ покорно репортуетъ. Степанъ Кожинъ. Мая 20 дня 1737 года.

22.

Государь мой, Андрей Яковлевичъ!

При семъ посылаю копію съ именного Ея Императорскаго Величества указу о пожалованіи мнѣ денегъ; прошу пожаловать приказать оной указъ въ кабинетѣ записать въ книгу, въ чемъ благонадеженъ пребывая, остаюсь Вашъ, государя моего, вѣрный слуга. А. Волынской ¹⁾).

23.

Указъ Нашему оберъ-егермейстеру Артемию Волынскому.

Всемиловитѣйше жалуюмъ Вамъ въ награжденіе тысячу рублей, которые деньги и имѣете Вы, прибывъ въ Москву, взять по сему нашему указу изъ конюшенной канцеляріи изъ наличныхъ денегъ, остаточныхъ за годовыми расходами. Данъ въ С.-Петербурѣ мая 21 дня 1737 года. Подлинной указъ за подписаніемъ собственной Ея Императорскаго Величества руки тако: Анна.

24.

Государь мой милостивый, Андрей Ивановичъ, и государь мой милостивый, князь Алексѣй Михайловичъ!

Вашихъ Сіятельствъ писаніе отъ 3 дня сего іюня мѣсяца я исправно получилъ, которымъ соизволите объявлять, что въ репортѣ канцеляріи конфискаціи изъ конторы написано, (что) сверхъ отданныхъ мнѣ, по указу изъ кабинета Ея Императорскаго Величества, по оцѣнкѣ конфискованныхъ пожитковъ, отданы еще кафтанъ дивой атласной, доха камчатая, шита на бѣлѣмъ мѣху, шапка низана бисеромъ, рукавицы якуцкія, по цѣнѣ на 10 рублей, о которыхъ вѣдѣніемъ отъ меня въ контору конфискаціи объявлено, что оное взято во дворъ Ея Императорскаго Величества, а въ кабинетѣ о

¹⁾ Все письмо собственноручно написано А. П. Волынскимъ.

томъ извѣстія нѣтъ, и чтобъ мнѣ объ ономъ въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества отписать. И на сіе Вашимъ Сіятельствамъ всепокорно доношу: оные кафтанъ дикой атласной и прочее по высочайшему Ея Императорскаго Величества изустному указу изъ конфискаціи взяты и отданы во дворцѣ, при присутствіи Ея Императорскаго Величества, князю Михаилу Голицыну, а въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества тогда, за счетами моими, я о томъ подать репортъ запаматовалъ. И тако донесши, пребываю Вашихъ Сіятельствъ, милостивыхъ моихъ государей, всепокорно и низжайшій слуга *Артемей Волинской*. Іюня 13 дня 1737 года.

25.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества репортъ.

Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая государыня соизволила повелѣть около Екатерингофа и Петергофа завести куропатокъ сѣрыхъ, также размножить зайцовъ, и при томъ завести русаковъ, и для того, чтобъ нынѣшнею зимою привезть сюда живыхъ куропатокъ изъ Малороссіи и изъ другихъ мѣстъ нѣсколько сотъ паръ, и впредь оныхъ по вся годы привозить паръ по 200, а зайцовъ чтобъ привезть нынѣшнею зимою до 500 и впредь по вся годы привозить ста по два. И по тому Ея Императорскаго Величества именному указу, о посылкѣ указовъ въ надлежащіе мѣста о ловленіи куропатокъ и зайцовъ и русаковъ и о привозѣ сюды поданы доношенія въ Правительствующій Сенатъ Ноября 18 числа. *Артемей Волинской*. Ноября 24 дня 1736 года.

26.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества репортъ.

Прошедшаго октября 20 дня Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая государыня соизволила повелѣть сдѣлать дворъ для ловленія волковъ, и оной Ея Императорскаго Величества именной указъ о строеніи онаго двора объявилъ я тайному совѣтнику

и сенатору господину Нарышкину. И по тому Ея Императорскаго Величества указу, изъ канцеляріи отъ строенія домовъ и садовъ опой дворъ въ лѣсу, за Невскимъ монастыремъ и Ямскою Смоленскою слободою, разстояніемъ отъ С-Петербурга въ 12 верстахъ, сдѣланъ. Артемей Волинской. Ноября 24 дня 1736 года.

27.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества репортъ.

Прошедшаго февраля 27 дня Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая государыня соизволила повелѣть для ловли и стрѣлянія лосей послать егеровъ и обывателей около С-Петербурга и въ Новгородской губерніи ловить и истреблять лосей наикрѣпчайше запретить. И по тому Ея Императорскаго Величества именному указу, о исполненіи подано отъ меня доношеніе въ Правительствующій Сенатъ того же февраля 28 дня и требовано, чтобъ повелѣно было публиковать печатными указами въ С-Петербургъ и въ Ингемоландіи и въ Кесголмскомъ и въ Выборгскомъ уѣздахъ, такожъ и въ Новгородской губерніи, дабы обыватели лосей никто сами не ловили и не стрѣляли, а присматривали-бъ и объѣзжали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оныя бываютъ; и ежели кто лосей объѣдутъ, то бъ зъ всякой скорости и пріѣхавъ въ С-Петербургъ объявляли при дворѣ Ея Императорскаго Величества, съ которыми немедленно для ловли и стрѣлянія тѣхъ лосей посланы будутъ отъ двора Ея Императорскаго Величества егеры, а имъ, обывателямъ, за объѣздъ и за объявленіе о лосяхъ даваны будутъ въ награжденіе за каждаго лоса за стараго по 5 рублей, а за молодого по 3 рубли. Токмо о томъ публикація учинена-ль, изъ Правительствующаго Сената ко мнѣ не сообщено. Артемей Волинской. Мая 20 дня 1737 года.

28.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества репортъ.

Прошедшаго марта 11 дня Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая государыня соизволила повелѣть въ С-Петербур-

гѣ публиковать: кто изъ обывателей ловить будетъ птицъ соловьевъ, оныхъ по поимкѣ партикулярнымъ людямъ отнюдь не продавали-бъ, и о томъ наикрѣпчайше запретить птичнымъ ловцамъ и въ охотныхъ рядахъ лавочникамъ, чтобъ оныя приносили тѣхъ птицъ и объявляли при дворѣ Ея Императорскаго Величества, за которыхъ даваны будутъ деньги; также чтобъ нынѣшнею весною, наловя въ Москвѣ соловьевъ до 50-ти, да въ Новгородской губерніи и во Псковской провинціи до 50-ти же, и привезть въ С-Петербургъ за добрымъ призрѣніемъ, и впредь изъ тѣхъ мѣстъ по тому же числу повсягдно привозить и объявлять при дворѣ же Ея Императорскаго Величества. И по тому Ея Императорскаго Величества именному указу, о вышеписанной публикаціи и прочемъ исполненіи подано отъ меня доношеніе въ Правительствующій Сенатъ того же марта 12 дня, а изъ Правительствующаго Сената указомъ ко мнѣ объявлено, что о той публикаціи въ надлежащія мѣста указы посланы. *Артемей Волынской*. Маія 20 дня 1737 года.

29.

Ея Императорскаго Величества въ кабинетъ нижайшее
доношеніе.

Обрѣтался здѣсь при дворѣ Ея Императорскаго Величества оружейной мастеръ Яганъ Илингъ, у котораго было въ смотрѣніи Ея Императорскаго Величества ружье, а въ прошедшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ оной оружейной мастеръ Илингъ умре, и по смерти его бывшее у него въ смотрѣніи Ея Императорскаго Величества ружье посланнымъ отъ меня капитаномъ Иваномъ Родіоновымъ при оберъ егерѣ Бемѣ да при караульномъ капралѣ Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку Евдокимѣ Щербиинѣ описано, и тое опись, за рукою капитана Родіонова, въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества при семъ прилагаю, а оное ружье хранится нынѣ за печатью того капитана Родіонова въ домѣ блаженныя памяти благовѣрнаго государя царевича Алексѣя Петровича въ мазанкахъ, а около оныхъ по обѣ стороны жилое строеніе, и опасно, чтобъ отъ незапнаго

пожарнаго времени не учинилось оному ружью траты, понеже неоднократно уже загоралось, такожь и мазанки оныя, въ которыхъ лежить ружье, весьма ветхи и во многихъ мѣстахъ подставлены въ нихъ уже подпоры, и тако не безопасно, чтобъ оныя мазанки не обломились. Того ради, чтобъ повелѣно было оное ружье убрать для безопасности въ каменные палаты и италіанской домъ, или не повелѣно-ль будетъ отпратить въ Москву въ прежнюю палату къ генералу-лейтенанту г-ну Волкову, а нынѣ при томъ ружьѣ Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку капраль Евдокимъ Щербининъ. *Артемій Волинской*. Маія 13 дня 1737.

30.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества отъ
егермейстерскихъ дѣлъ нижайшій репортъ.

Сего іюля 4 дня оберъ-егерь Бемъ объявилъ, что Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая государыня соизволила повелѣть, чтобъ имѣющееся казенное ружье перенести въ италіанской домъ. И по тому Ея Императорскаго Величества именному указу, казенное ружье, которое описано по смерти ружейнаго мастера иноземца Илинга и было подъ охраненіемъ въ домъ блаженной памяти благовѣрнаго государя царевича Алексѣя Петровича, въ италіанской домъ сего іюля 10 дня перенесено, и въ отведенныхъ, по приказу отъ Тайнаго Совѣтника и кавалера господина Нарышкина, въ верхнемъ апартаментѣ въ дву палатахъ положено, за печатью лейбъ-гвардіи капитана поручика Рахманова да за замкомъ лейбъ-гвардіи же капрала Щербинина, которой то ружье принялъ по описи, капитана Родіонова съ роспискою, а для караулу при томъ ружьѣ обрѣтается оной капраль Щербининъ да солдатъ гвардіи опредѣлено 3 человекъ. (Подписи): Гвардіи капитанъ поручикъ Гаврила Рахмановъ. Секретарь Василій Гладковъ. Іюля 13 дня 1737 года.

31.

Въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества нижайшій репортъ.

Сего марта 8 и 9 чисель Ея Императорское Величество на всеподданнѣйшіе доклады мои высочайшими изустными указами соизволила повелѣть: 1. Изъ Москвы изъ Измайловскаго звѣринца привезть въ С.-Петербургъ нынѣшнею зимою одного большого бѣлаго кабана. 2. Бывшую въ домѣ покойнаго князя Ивана Борятинскаго бѣлую галку взять ко двору Ея Императорскаго Величества, и о томъ чтобъ писать къ дѣтямъ его князь Александру и князь Сергію Борятинскимъ. И по тѣмъ Ея Императорскаго Величества высочайшимъ указомъ, для привозу изъ Измайловскаго звѣринца бѣлаго кабана нынѣшнею зимою посланъ варочный егеръ, а объ отдачѣ бѣлой галки писано отъ меня къ помянутымъ князь Александру и князь Сергію Борятинскимъ, а когда она отъ нихъ, князей Борятинскихъ, въ Москву отдана будетъ, то о присылкѣ ея въ С.-Петербургъ посланъ отъ меня къ опредѣленному для надзиранія птичной и звѣриной Ея Императорскаго Величества охотъ капитану Бутурлину ордеръ. Подписи: *Артемей Волинской*. Марта 20 дня 1738 года. Секретарь Василій Гладковъ.

32.

1739 г. іюля 29 дня.

Его Превосходительство оберъ-егермейстеръ и кабинетъ министръ Артемей Петровичъ Волинской приказалъ: когда будетъ требовать канцеляріи отъ строеній совѣтникъ Нееловъ къ строенію покоевъ для привезенныхъ отъ королевскаго прусскаго величества ауроксовъ, или дикихъ быковъ, людей, матеріаловъ и припасовъ, опое все изъ тѣхъ мѣстъ, откуда онъ чего требовать будетъ, по его запискамъ велѣтъ къ нему отправлять.

33.

Въ высочайшій кабинетъ Ея Императорскаго Величества
изъ канцеляріи егермейстерскихъ дѣлъ всенижайшее
доношеніе.

Сего сентября 2 дня въ поданномъ доношеніи въ канцелярію егермейстерскихъ дѣлъ отъ оберъ-егера Бема написано: минувшаго де августа 14 дня Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая государыня изустнымъ своего Величества повелѣніемъ соизволила указать оному оберъ-егеру егеря Василія Завидовскаго, которой былъ при домѣ Волынскаго, опредѣлить въ команду егермейстерскаго правленія, и требовалъ тѣмъ доношеніемъ, чтобъ онаго Завидовскаго, по вышеписанному изустному Ея Императорскаго Величества повелѣнію, опредѣлить въ егерскую должность, а сказкою онъ, Завидовской, въ канцеляріи егермейстерскихъ дѣлъ показалъ, что дѣдъ и отецъ его были польской націи, отъ котораго оной дѣдъ его и отпущенъ, а отецъ его, живучи за нимъ, Волынскимъ, прижилъ его, Завидовскаго, и умре тому лѣтъ съ 20, а онъ де по возрастѣ у него, Волынскаго, обучился стрѣлять, при которомъ служилъ егеромъ лѣтъ съ 15; а по справкѣ въ канцеляріи егермейстерскихъ дѣлъ имѣется нынѣ при охотѣ Ея Императорскаго Величества егерскихъ учениковъ 8 человѣкъ, и имъ производится въ годъ денежнаго жалованья, а именно: одному иноземцу 60 рублевъ, русскимъ: одному 36 рублевъ, четверымъ по 24 рубля, двумъ по 20-ти рублевъ, хлѣбнаго: иноземцу муки 6 четвертей, русскимъ двумъ муки по 10-ти четвертей, крупъ по одной четверти, одному муки 6 четвертей, крупъ 4 четверика, четыремъ муки по 3 четверти, крупъ по 4 четверика. Того ради, по силѣ означеннаго именного Ея Императорскаго Величества высочайшаго изустнаго указа, помянутой *бывшаго Артемья Волынскаго* служитель Василей Завидовской опредѣленъ въ службу Ея Императорскаго Величества эгерскимъ ученикомъ, а денежнаго и хлѣбнаго жалованья опредѣлено ему въ годъ, противъ прочихъ егерскихъ учениковъ средняго оклада, съ вышеписаннаго августа 14 числа сего 740 году, а именно денегъ по 24 рубля, хлѣба муки по

6-ти четвертей, крупъ по 4 четверика, и въ вѣрной Ея Императорскаго Величества службѣ приведенъ къ присягѣ. И о томъ въ высочайшій кабинетъ Ея Императорскаго Величества симъ доносится во извѣстіе. (Подписи): Obrifter von Treskov.

Сентября 5 дня 1740 года. Канцеляристъ Степанъ Самарцовъ.

34.

Указъ нашей придворной конторѣ.

Указали мы лежащей на берегу Мои рѣки, подлѣ Артемья Волинскаго двора, онымъ же Волинскимъ на наши казенные деньги у Карла купленной каменной домъ отдать и отвѣсть для служителей принца Брауншвигскаго Антона Улриха, и для того учинить придворной конторѣ о томъ по сему нашему указу.

Таковъ оригинальной указъ подписанъ Ея Императорскаго Величества собственною рукою тако: Анна. Въ Петергофѣ іюля 21 дня 1740 года. Отосланъ того же іюля 22 дня.

35.

Всемиловѣйшая государыня!

Вашему Императорскому Величеству, всемиловѣйшей государынѣ, всенижайшее доношу. По силѣ Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшаго указа, по требованію и по выбору господина оберъ-шталмейстера князя Куракина, изъ отписныхъ послѣ Артемья Волинскаго лошадей и изъ конюховъ отдано и имъ княземъ Куракинымъ принято, а именно: жеребцовъ 2, кобылъ 3 и при нихъ конюшенныхъ служителей 5, изъ людей онаго Волинскаго конюховъ 9 человѣкъ, да сверхъ того конюшенныхъ же служителей задворной конюхъ 1, стряпчихъ конюховъ 5 человѣкъ; затѣмъ осталось Волинскаго лошадей верховыхъ 2, цуговыхъ 5, жеребчикъ маленькой, меринокъ сходаю, 3 мерина гнѣдыхъ. Итого 12, которыхъ куда соизволено будетъ отдать, всенижайше прошу о всемиловѣйшемъ указѣ.

Вашего Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни, всенижайшій рабъ *Андрей Ушаковъ* (подпись). Іюля 14 дня 1740 года.

36.

Андрей Ивановичъ!

Писали Вы къ намъ, требуя указа объ оставшихъ Волинскаго 12-ти лошадяхъ верховыхъ цуговыхъ и прочихъ, куда ихъ отдать, но понеже напередъ надобно вѣдать, какихъ шерстей и сколькихъ лѣтъ оныя лошади, и сколь велики ростомъ. Того ради велите объ нихъ такую вѣдомость учинить и пришлите къ намъ. Подъ тѣмъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Анна. Въ Петергофѣ іюля 16 дня 1740 г.

37.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни, указъ я всенижайшій рабъ Вашъ получилъ, по которому оставшимъ послѣ Волинскаго 12-ти лошадямъ, каковы оныя въ шерсть, въ лѣты, и въ примѣты, и въ мѣру, вѣдомость учинена и при семъ къ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше прилагаю, изъ которой всемилостивѣйше Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите, яко оныя лошади почти всѣ негодны и только напрасно кормъ имъ тратится. Вашего Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни, всенижайшій рабъ *Андрей Ушаковъ* (подпись). Іюля 18 дня 1740 года.

38.

Къ генералу Ушакову.

Андрей Ивановичъ!

При доношеніи Вашемъ вѣдомость объ оставшихъ Волинскаго лошадяхъ мы получили и оныхъ лошадей велите всѣхъ продавать, дабы на нихъ напрасно корму не исходило. Подлинное подписано

собственною Ея Императорскаго Величества рукою въ Петергофѣ іюля 21 дня 1740 г. и подано того-же числа съ ѣздовымъ.

39.

Указъ нашему Тайному Совѣтнику и Московскому
губернатору князю Юсупову.

Прилагается при семъ къ Вамъ опись лошадямъ Артемья Волинскаго, которыя содержатся въ Москвѣ и въ деревняхъ въ заводахъ, а между оными лошадьми показано нѣсколько въ цукахъ, тако-жъ и не въ цукахъ мериновъ и коней, которыя могутъ употреблены быть для службы подъ драгунъ. Того ради указали мы всѣхъ оныхъ мериповъ и коней, кромѣ такихъ, которые при заводахъ для работы потребны, какъ изъ Москвы, такъ и изъ деревень его, собравъ, отправить вамъ въ С.-Петербургъ обще съ тѣми меринами, которыхъ по посланному къ Вамъ нашему указу, отъ 30 минувшаго іюня, съ Пахринской нашей конюшни отправить велѣно, буде оныя по нынѣ еще не отправлены; а ежели которыя изъ вышеупомянутыхъ Волинскаго лошадей въ дальнихъ отъ Москвы деревняхъ обрѣтаются, то, не ожидая ихъ, отправить вмѣстѣ съ пахринскими тѣхъ, кои въ Москвѣ и ближнихъ деревняхъ обрѣтаются, а потомъ и достальныхъ; однакоже всѣхъ оныхъ лошадей отправить съ добрымъ порядкомъ и велѣтъ дорогою вести съ береженіемъ, чтобъ они изнурены и ничѣмъ испорчены не были, и повелѣваемъ вамъ учинить по сему Нашему указу.

Подъ тѣмъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Анна.

Въ Петергофѣ іюля 16 дня 1740 г.

40.

Опись лошадямъ, которыя содержатся въ Москвѣ и въ
Вороновѣ.

Въ цуку: 1) меринъ карей, грива на лѣво, 5 лѣтъ, вышина росту 2 ар. 2 в.—2) меринъ карей, грива направо, 5 лѣтъ, 2 ар.

1½ в.—3) меринъ карей, грива на лѣво, 5 лѣтъ, 2 ар. 2½ в.—4) меринъ карей, грива направо, 4 л. 2 ар. 2 в.—5) меринъ карей, грива на лѣво, 4 л., 2 ар. 2 в.—6) меринъ карей, грива на право, 5 л., 2 ар. 1½ в.—7) жеребчикъ карей-году, заднія обѣ ноги по щетки бѣлы, отъ темногнѣдой домашней кобылы и отъ красногнѣдого турецкаго аргамака, 1 г. 1 ар, 13 ½ в.—8) иноходецъ свѣтлосѣрой Беклемишевской (которой содержится въ Москвѣ для розѣзду), грива на лѣво, оба уши сверху обрѣзаны, на лѣвомъ окороку тавро, 11 л., 2 ар. 1 в.

Жеребецъ карепѣгой (который содержится въ Вороновѣ для случки съ крестьянскими кобылами), грива на лѣво, во весь лобъ лысыя, верхняя и нижняя губы бѣлы, на лѣвой наздрѣ самое малое черное пятнышко, съ лѣвой же стороны на верхней губѣ черное пятнышко, правая передняя нога выше колѣна, а лѣвая по грудь, заднія обѣ по сальцы,—бѣлы, отъ гнѣдошѣгой домашней кобылы и отъ буропѣгова зимнинскаго жеребца. Итого содержащихся въ Москвѣ и въ Вороновѣ въ цуку мериновъ 6 лошадей.

Жеребчикъ, которому исполнилось годъ—1.

Иноходецъ, которой содержится въ Москвѣ для розѣзду—1.

Жеребецъ, которой содержится въ Вороновѣ для случки съ крестьянскими кобылами—1. Итого 9.

41.

Всепресвѣтлейшей, державнѣйшей, великой государынѣ, Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, самодержавицѣ Всероссійской, всемилостивѣйшей государынѣ, всеподданнѣйшее доношеніе.

По высочайшему Вашего Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни, за подписаніемъ собственныя Вашего Императорскаго Величества руки, іюля отъ 16, а полученному 23 чиселъ, указу повелѣно Артемья Волынскаго изъ содержащихся въ Москвѣ и въ деревняхъ его мериновъ и коней, кромѣ такихъ, которые при заводахъ для работы потребны, какъ изъ Москвы, такъ

и изъ деревень его, собравъ, отправить въ С.-Петербургъ обще съ тѣми меринами, которыхъ, по присланному Вашего Императорскаго Величества указу отъ 30 іюня, съ пахринской конюшни отправить повелѣно, и сколько гдѣ оного Волынскаго лошадей, при томъ Вашего Императорскаго Величества указѣ приобщена опись. И по тому Вашего Императорскаго Величества всевысочайшему указу, по той сообщенной описи имѣющіяся въ Москвѣ и въ подмосковной Артемья Волынскаго вотчинѣ, въ селѣ Вороновѣ, 27 лошадей съ вышепомянутыми пахринскими сообщены и въ С.-Петербургъ отправлены сего августа 7 дня съ капитаномъ Ѳеодоромъ Родіоновымъ, о которомъ посланнымъ съ нимъ доношеніемъ именно объявлено, а другихъ изъ показанныхъ по той же описи 17-ти лошадей не явилось, о чемъ слѣдовано, и его, Волынскаго, дому управитель иноземецъ Филиппъ Борги показалъ, что оныя де лошади еще до описи его, Волынскаго, имѣній въ нынѣшнемъ 740 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, по присланному къ нему Бергѣ отъ него, Волынскаго, указу (а котораго числа оной указъ полученъ того за отсылкою его, Волынскаго, писемъ къ Вашему Императорскому Величеству при описи въ домѣ его, Волынскаго, движимаго имѣнія мая 3 числа 740 года,—нынѣ справится не съ чѣмъ) проданы разныхъ чиновъ людямъ и одна пала, а какія оныя лошади, и кому проданы, и за какую цѣну, и какая же пала, и что по слѣдствію показалось, о томъ къ Вашему Императорскому Величеству при семъ всеподданнѣйшемъ доношеніи посылаю экстрактъ. Вашего Императорскаго Величества *всеподданнѣйшій рабъ Борисъ Юсуповъ*. (подпись). *Въ Москвѣ 11 августа 1740 года.*

42.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой госудынѣ,
императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, самодержицѣ всероссійской,
всемиловѣйшей государынѣ, всеподданнѣйшее
доношеніе.

По высочайшему Вашего Императорскаго Величества, всемиловѣйшей государыни, за подписаніемъ собственныя Вашего

Императорскаго Величества руки, іюля отъ 16, а полученному 25 чиселъ, сего 740 году указу, повелѣно Артемья Волинскаго изъ содержащихся въ Москвѣ и въ деревняхъ его мериновъ и коней, кромѣ такихъ, которые при заводахъ для работы потребны, какъ изъ Москвы, такъ и изъ деревень его, собравъ, отправить въ С.-Петербургъ обще съ тѣми меринами, которыхъ по присланному Вашего Императорскаго Величества указу отъ 30 іюня съ Пахринской конюшни отправить повелѣно, и сколько гдѣ оного Волинскаго лошадей, при томъ Вашего Императорскаго Величества указѣ приобщена опись. И по тому Вашего Императорскаго Величества всевысочайшему указу, по той сообщенной описи, имѣющіяся въ Москвѣ и въ подмосковной Артемья Волинскаго вотчинѣ въ селѣ Вороновѣ 27 лошадей съ вышепомянутыми пахринскими сообщены и въ С.-Петербургъ отправлены августа 7 дня съ капитаномъ Ѳеодоромъ Родіоновымъ, а о не являвшихся лошадехъ слѣдовано, и что по слѣдствію показалось, о томъ къ Вашему Императорскому Величеству при всеподданнѣйшемъ моемъ доношеніи посланнымъ экстрактомъ августа 11 числа донесено, и что къ пополненію оного касалось, нынѣ къ Вашему Императорскому Величеству чрезъ приложенной экстрактъ всеподданнѣйше доношу. Вашего Императорскаго Величества *всеподданнѣйшій рабъ князь Б. Юсуповъ* (подпись).
Сентября 25 дня 1740 года.

43.

Экстрактъ.

По высочайшему Ея Императорскаго Величества, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, полученному іюля 23 дня указу, о проданныхъ изъ содержащихся въ Москвѣ и въ селѣ Вороновѣ Артемья Волинскаго лошадяхъ цукѣ варихъ 8 мериновъ Кирасирскаго полку ротмистру Володимеру Грушецкому за 150 рублей на посланную отъ Тайнаго Совѣтника и губернатора князя Юсупова о допросѣ его, Грушецкаго, что подлинно-ль онъ тѣхъ лошадей, и за какую цѣну, купилъ августа 11 промеморію въ Ревель къ генералу и Ревельской губерніи

19*

губернатору г-ну фонъ-Левендалю сего сентября 16 чиселъ 1740 года отъ него генерала фонъ-Левендала, при промеморіи же, помянутаго Володимера Грушецкаго о вышеписанномъ присланъ допросъ, въ которомъ онъ, Грушецкой, показалъ:

Сего году апрѣля мѣсяца, около половины, въ Москвѣ купилъ онъ у иноземца Гопта цукъ лошадей, въ которыхъ было 8 мериновъ карихъ, цѣною за 150 рублевъ, а Волинскаго-ли оной иноземецъ дому, и тѣ лошади его-ль были, онъ не зналъ, и оныя де у него оставлены въ деревнѣ его въ Юрьевскомъ уѣздѣ Польскаго, въ селѣ Красномъ, изъ коихъ де одна лошадь еще въ бытность его въ Москвѣ пала.

ИЗВѢСТІЯ ДОНЪ ХУАНА ДЕ ПЕРСІЯ,
НАПРАВЛЕННЫЯ КЪ ЕГО КАТОЛИЧЕСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ДОНЪ
ФИЛИППУ III, КОРОЛЮ ИСПАНІИ И НАШЕМУ ГОСУДАРЮ,

раздѣленныя на три книги, въ которыхъ повѣствуется о достопримѣчательностяхъ
Персіи, о генеалогіи ея царей, о войнахъ Персовъ, Турокъ и Татаръ, и о томъ,
что видѣлъ (авторъ) во время своего путешествія въ Испанію, и о его обращеніи
(въ христіанство?) и обращенія двухъ другихъ Персидскихъ кавалеровъ ¹⁾.

Валлядолидъ, 1604 г.

I.

Первое извѣстіе.

Мы прибыли въ христіанскій городъ, который называется Астарканъ; и корабельщики, и одинъ изъ персовъ, а также и одинъ изъ англичанъ, на маленькомъ челновѣ, отправились къ военачальнику этого города, который находился въ тридцати миляхъ отъ стоянки корабля; вода здѣсь была болѣе низкая, и потому корабль нашъ не имѣлъ достаточной глубины для надлежащаго движенія, и при каждомъ вѣтрѣ ему грозила опасность разбиться, такъ какъ удары волнъ были очень сильны. Когда же налетѣла буря, положеніе наше сдѣлалось столь опаснымъ, что всѣ мы сочли себя погибшими, и намъ пришлось бросить въ море тысячу мѣръ зерна и муки, а также много съѣст-

¹⁾ О Москвитинѣ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія въ третьей книгѣ своихъ извѣстій, стр. 123 — 141. Этими свѣдѣніями посвящены конецъ перваго извѣстія, второе и третье цѣликомъ и начало четвертаго.

ныхъ припасовъ, которые были у насъ, и много сундуковъ съ платьями, и драгоценныя вещи, и намъ показалось, что послѣ этого буря затихла. Когда миновала эта опасность, вернулись тѣ, которые (раньше) отправились въ городъ, а вмѣстѣ съ ними прислалъ начальникъ города множество кавалеровъ на четырехъ галерахъ, а также съѣстные припасы и угощеніе. И они повезли насъ въ своихъ галерахъ, а корабль остался свободенъ. И когда мы прибыли и вышли изъ галеръ, намъ была устроена великая торжественная встрѣча, такъ какъ стеченіе народа было очень большое, и тамъ мы нашли другого посла отъ царя Персидскаго, который отправлялся въ Московію, и при которомъ состояло триста человѣкъ слугъ.

Здѣсь мы отдыхали въ теченіе шестнадцати дней, и за нами здѣсь ухаживали и угощали очень хорошо, потому что дѣло было осенью, а въ этой странѣ—великое изобиліе арбузовъ и яблоковъ довольно хорошаго вкуса; эта мѣстность пріятна сама по себѣ, и особенно пріятна была она для насъ, потому что начальникъ, который находится здѣсь отъ великаго князя Московскаго, приказалъ объявить черезъ глашатая, чтобы никто, подъ страхомъ наказанія въ двѣсти ударовъ плетью, не смѣлъ брать отъ насъ денегъ, что бы ни попросили мы у него и что бы ни взяли. Городъ Астарканъ (Astarcan) а не Астраканъ (Astracan), имѣетъ пять тысячъ жителей, всѣ дома изъ дерева, кромѣ хорошо укрѣпленнаго замка, въ которомъ живетъ военачальникъ; этотъ замокъ построенъ изъ камня приличной высоты и толщины. Этотъ замокъ строго и зорко охраняется большимъ гарнизономъ, и безъ особаго позволенія никто туда не можетъ войти.

Церквей много, но онѣ не особенно велики, наполнены живописными изображеніями святыхъ, также очень маленькими, и цѣлый день передъ каждымъ святымъ горитъ свѣча, и въ церкви дозволяется входить лишь мѣстнымъ жителямъ, но входъ иностранцамъ туда возбраненъ.

Астарканъ—одинъ изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ, по извѣстіямъ Ботеро, живутъ татары родами или колѣнами, какъ евреи, хотя настоящіе татары кочуютъ по полямъ, какъ арабы, а въ городѣ живутъ одни только христіане—Московиты.

RELACIONES
DE DON
IVAN DE PERSIA.

DIRIGIDAS A LA Magestad
Catholica de Don Philippe III. Rey
de las Españas, y señor
nuestro.

DIVIDIDAS EN TRES LIBROS. DONDE
se tratan las cosas notables de Persia, la genealogia de sus Re-
yes, guerras de Persianos, Turcos, y Tartaros, y las que vido
en el viaje que hizo à España y su conuersion,
y la de otros dos Caualleros
Persianos.

Año.

. 1604. *

CON PRIVILEGIO.
En Valladolid por Iuan de Bostillo: en la calle de Samano.

Снимокъ съ заглавнаго листа книги --- «Извѣстія Донъ-Хуана де Персія».

Городъ расположенъ на берегахъ рѣки Волги или Эдера, и сюда съѣзжаются многіе купцы изъ Московіи, Арменіи, Персіи и Турціи, и предметъ торговли ихъ по преимуществу соль. Ботеро говорятъ, что городъ находится на разстояніи одного дня пути отъ моря, но я видѣлъ этотъ городъ и по истинѣ говорю, что и при благопріятномъ времени трудно добраться до него въ два дня. Этотъ городъ—тотъ самый, который нѣкогда разрушилъ великій Тамерланъ, да и теперь ему приходится терять не меньше, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ Турками и Персами.

II.

Извѣстіе второе, гдѣ продолжается разсказъ о земляхъ и достопримѣчательностяхъ, которыя мы видѣли, странствуя по Московіи.

Когда прошло шестнадцать дней нашего пребыванія въ Астарканѣ, и когда были достроены пять галеръ, которыя были сдѣланы для насъ и для Персидскаго посла, съ которымъ мы встрѣтились по прибытіи въ Астарканъ, мы сѣли въ эти галеры всѣ: персы, англичане и монахи, и также болѣе ста воиновъ царя московскаго, которые должны были сопровождать и охранять насъ по приказанію царскаго военачальника. Галеры были построены очень хорошо, и въ каждой галерѣ было по сту гребцовъ. Мы сѣли въ галеры на рѣкѣ, которую называютъ Эдеръ, повидимому то же, что Волга; она шириною съ добрую испанскую полъ-милю, и по обѣимъ ея сторонамъ живутъ татарскіе народы, раздѣляющіеся на орды или колѣна, и жизнь свою обыкновенно они проводятъ въ поляхъ со своими стадами, ибо занятіе ихъ заключается большею частью въ этомъ. На этой рѣкѣ много рыбаковъ, и они ловятъ крупную рыбу вродѣ испанской лососины, хотя она и длиннѣе и красивѣе на видъ, и самая мелкая вѣситъ тридцать и сорокъ фунтовъ. Но что удивительно, — никто не рѣшается ѣсть мясо этой рыбы; ее ловятъ, чтобы извлекать икру (яица), которая въ ней находится, вѣсомъ по шести или семи фунтовъ (изъ каждой рыбы); эта икра—чернаго цвѣта, какъ зрѣлыя фиги,

очень пріятна на вкусъ и въ сухомъ видѣ сохраняются годъ или даже два, не портясь, какъ здѣсь айвы или гранаты. Это одно изъ самыхъ лучшихъ угощеній въ той землѣ.

По берегу этой рѣки, съ правой стороны, если идти въ Московію, живутъ татары, которые всѣ торгуютъ верблюдами и лошадьми, а также и другимъ мелкимъ скотомъ; и живутъ они, подобно арабамъ, мѣняя свои жилища, сообразно съ переменною четырехъ временъ года. Это татарское племя называютъ Нокай, и такъ какъ пастбища находятся на другой сторонѣ рѣки, и такъ какъ мостовъ для того, чтобы переправить стада, у нихъ нѣтъ, а переправлять стада приходится однажды въ Августѣ мѣсяцѣ, то для переправы крупнаго скота они пользуются слѣдующимъ приспособленіемъ: связываютъ имъ хвосты и пускаютъ ихъ вмѣстѣ штукъ по тридцати или пятидесяти, и животныя, пособляя одно другому, преодолеваютъ теченіе воды и переплываютъ. Для мелкаго скота они спускаютъ на воду куски хорошо сотканной и просмоленной дерюги, на подобіе корабельныхъ досокъ, и управляя ими при помощи шестовъ, на подобіе токарнаго круга, перевозятъ барановъ и овецъ; но такъ какъ разстояніе велико, то обыкновенно тонетъ половина стада, потому что въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣка имѣетъ милю шириною. Это татарское племя такъ же скоро подчиняется одному государю, какъ и другому, а стадъ у нихъ такое множество, что баранъ стоитъ дешевле реала. Они ужасные варвары въ религіи, и весьма угостительны по отношенію къ иностранцамъ: когда они кого-либо приглашаютъ, то они закалываютъ коня и готовятъ (его) мужскія части и ожидаютъ гостя, въ знакъ того, что они его очень любятъ и уважаютъ. Два мѣсяца странствовали мы по этой рѣкѣ и черезъ каждые десять дней выходили на берегъ въ какое-нибудь селеніе, потому что по берегамъ рѣки находятся маленькія селенія съ домами изъ дерева, и въ каждомъ селеніи мы оставляли гребцовъ и вмѣсто нихъ брали въ свои галеры другихъ, и все это, какъ говорили намъ воины, сопровождавшіе насъ, дѣлалось по приказанію и повелѣнію московскаго царя. Горы, которыя расположены по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, весьма высоки и очень заселены (дикими звѣрьми), и живетъ въ этихъ горахъ много медвѣдей, львовъ и

тигровъ, а также куніцъ всякаго рода, и черезъ каждыя сто миль имѣется поселеніе царя Московскаго, и первое изъ нихъ, къ которому мы подъѣхали, называлось Ямаръ ¹⁾, второе—Сарасенъ ²⁾, третье Симеръ ³⁾, и прочія (съ названіями) въ такомъ же родѣ. Когда на рѣкѣ поднималась непогода, корабельщики выводили на берегъ рѣки лошадей, (которыя) и тянули галеры при помощи канатовъ, и каждую ночь мы спали на землѣ въ полѣ, и сто воиновъ охраняли насъ.

Въ концѣ этихъ двухъ мѣсяцевъ мы прибыли въ очень большой городъ Московскаго царя; называется этотъ городъ Кассанъ, населенъ христіанами, и имѣетъ жителей болѣе 50 тысячъ. Весь этотъ городъ наполненъ церквами, и ихъ такъ много, и въ нихъ такъ много столь огромныхъ колоколовъ, что наканунѣ праздника въ городѣ невозможно оставаться и заснуть.

Въ тотъ день, когда мы прибыли въ этотъ городъ, на встрѣчу намъ вышло такое множество народа, и всѣ они съ такимъ удивленіемъ смотрѣли на насъ, что намъ невозможно было проходить по улицамъ и площадямъ. Мы оставались въ этомъ городѣ восемь дней, и насъ угощали такъ обильно, что остатки приходилось выбрасывать за окно. Въ этой землѣ нѣтъ бѣдныхъ, и сѣбствныя припасы такъ дешевы, что (обладающіе ими) выходятъ въ поле искать людей, которые захотѣли бы ихъ сѣбствъ. Чего здѣсь мало, такъ это хорошихъ винъ, потому что здѣсь имѣется только одинъ сортъ вина, который дѣлаютъ изъ пшеницы и ячменя, и это вино столь крѣпкое, что отъ него можно очень легко опьянѣть; поэтому здѣсь есть законъ и постановленіе, что ни одинъ чиновникъ не имѣетъ права носить съ собою оружія, такъ какъ они ежеминутно убиваютъ другъ друга. Земля эта очень холодная, и потому всѣ здѣсь носятъ одежду изъ куньяго мѣха, котораго здѣсь великое множество. Здѣсь нѣтъ фруктовъ, имѣются только лѣсныя ягоды (сасапуэсас?), и то ихъ мало, и они жестки. Жители страны весьма красивы на видъ; мужчины очень бѣлы, толсты и высоки; женщины обыкновенно очень красивы, и весьма украшаетъ ихъ куній

¹⁾ Т.-е. Самара.

²⁾ Т.-е. Саратовъ.

³⁾ Т.-е. Симбирскъ.

мѣхъ, изъ котораго у нихъ сдѣланы платья и шапки. Здѣсь въ большемъ употребленіи бани; въ каждомъ домѣ есть собака, величиною со льва, потому что здѣсь очень боятся нападенія враговъ ночью. Эти собаки днемъ сидятъ на цѣпи, а въ часъ ночи звонятъ колокола въ знакъ того, что сейчасъ спустятъ собакъ съ цѣпи на улицу—пустъ прохожіе берегутся!—и спускаютъ собакъ, и никто тогда не осмѣливается выйти изъ дому, потому что иначе собаки разорвутъ его въ клочки. Всѣ дома въ этомъ городѣ изъ дерева, но есть большая крѣпость и толстая стѣна изъ камня, и въ этой крѣпости добрый гарнизонъ, солдаты котораго посмѣнно сторожатъ ночью, какъ это дѣлается въ Испаніи, Италіи и Фландріи; и эта бдительность объясняется тѣмъ, что ночью обыкновенно производятъ свои нападенія и зажигаютъ городъ татары и турки.

Изъ этого города мы отправились на семи галерахъ, которыя намъ далъ начальникъ города; сто воиновъ должны были насъ сопровождать до столицы Московскаго царя. Мы продолжали плыть по той же самой рѣкѣ, и чѣмъ далѣе подвигались мы впередъ, тѣмъ сильнѣе начинали мы ощущать суровость (климата) этихъ сѣверныхъ мѣстъ: и въ самомъ дѣлѣ, когда, по прошествіи семи дней, мы приплыли къ городу, расположенному на берегу той же рѣки и называемому Чапуасарь ¹⁾, въ ту самую ночь рѣка Волга или Эдеръ, по которой мы плыли, замерзла такъ крѣпко, что намъ пришлось перемѣнить способъ путешествія; жители этой мѣстности вытащили на берегъ все, что у насъ было въ галерахъ, и приготовили экипажи и лошадей, чтобы сухимъ путемъ отправить насъ въ столицу.

Причина столь сильнаго замерзанія устьевъ, каналовъ или рукавовъ Волги (ихъ, какъ полагаетъ Ботеро, 78, и рѣка эта, какъ думаетъ онъ же, вмѣстѣ съ Бористеномъ и Двиною вытекаетъ изъ озера Ваганно; и кажется, что Ботеро правъ, потому что токъ ея начинается какъ бы отъ послѣднихъ предѣловъ Литвы), и такъ, говорю я, причина замерзанія заключается, повидимому, въ томъ, что страна эта очень мало наслаждается солнечнымъ тепломъ, такъ какъ солнце далеко отъ нея, расположенной въ направленіи съ юга на востокъ, вслѣдствіе чего жесточайшая зима

¹⁾ Т.-е. Чебоксары.

продолжается здѣсь девять долгихъ мѣсяцевъ; и кромѣ того лѣса этой страны густы такъ же, какъ вѣтви Эрсиніи, находящейся на сѣверѣ, и поэтому солнце иногда не можетъ прогрѣть землю въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Но несмотря на то, что холодъ весьма силенъ зимою, и земля покрыта льдомъ и снѣгомъ, это время гораздо болѣе удобно для торговли, странствованій и путешествій, чѣмъ лѣто, потому что въ тотъ короткій срокъ, когда они отдыхаютъ отъ ужасовъ зимы, снѣга и льды распускаются, и земля покрывается озерами и болотами, такъ что почти невозможно путешествовать, пока она вновь не замерзнетъ. Экипажи, которые приготовили намъ въ этомъ городѣ, представляли изъ себя родъ креселъ, на подобіе носилокъ или маленькихъ повозокъ; они были укрѣплены на толстыхъ и гладкихъ доскахъ, такъ что формою своей они напоминали тѣ, которые употребляютъ въ Нидерландахъ Фламандцы, и такъ же въ Италіи—въ Альпахъ, на рукавахъ По, и во Фландріи на Маасѣ и Шельдѣ, когда онѣ замерзаютъ, хотя Московскіе и Волжскіе (экипажи) больше величиною и ѣдутъ очень гладко, не разрѣзая льда, какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе; форма ихъ такова: четырехугольная башенка, и внутри ея два сидѣнія; она оканчивается пирамидально, покрыта и защищена звѣриной шкурой, впереди нея табуретъ или полукресло, на которомъ садится человѣкъ, управляющій лошадыю, которая везетъ это сооруженіе; внутри на двухъ креслахъ сидятъ путешественники; а за спиною креселъ помѣщается родъ желоба ¹⁾, куда кладутъ часть багажа; лошадь бѣжитъ со скоростью отъ двѣнадцати до шестнадцати миль въ день, и такъ какъ въ такомъ экипажѣ можетъ помѣститься очень мало народа, то для насъ, нашихъ слугъ и багажа понадобилось болѣе 500 лошадей. Такимъ то способомъ странствовали мы, пока не прибыли въ городъ, называемый Нешена (Nechena), въ которомъ было около 8000 жителей; дома изъ дерева, какъ и въ остальныхъ городахъ, но этотъ былъ окруженъ каменною стѣною, въ которую ударялись волны Эдера. Когда мы пріѣхали сюда, то въ то же самое время былъ полученъ приказъ Московскаго царя, уже предупрежденнаго о нашемъ вы-

¹⁾ Faledico — какой то архитектурный терминъ, который передается по французски l'armier.

ходѣ, остаться въ этомъ городѣ одинъ мѣсяцъ, и поэтому намъ пришлось прекратить на мѣсяцъ свое путешествіе. Жители этого города христіане, подданные Московскаго царя, но нравы ихъ постыдные, потому что развлеченіе и удовольствіе въ этой странѣ суть бани, и когда мужчины и женщины идутъ въ бани безо всякой одежды, они позволяютъ себѣ постыдныя занятія, выходящія за предѣлы того, что можетъ быть допущено честной нравственностью въ какомъ бы то ни было государствѣ. Предметы продовольствія здѣсь очень дешевы, какъ и въ остальныхъ уже обозначенныхъ частяхъ Московіи и Татаріи. Но одежда очень дорога, хотя намъ, по приказанію царя, во всемъ было великое изобиліе; въ концѣ того мѣсяца, который мы провели тамъ, отъ царя пришелъ приказъ, что (теперь) мы можемъ отправиться въ его столицу.

По этому приказанію, которое передалъ намъ дворецкій царя, прибывшій въ Нешену, мы отправились на другихъ лошадяхъ и въ другихъ экипажахъ, подобныхъ первымъ. Намъ отправился сопровождать начальникъ крѣпости этого города, въ которомъ находится шесть тысячъ войска; каждый день и каждую ночь здѣсь сторожатъ, изъ боязни турокъ и татаръ; и я не знаю, по правдѣ, суть-ли эти татары тѣ же самые, что и Перекопскіе (Pescopenses), потому что, какъ мнѣ кажется, Перекопскіе живутъ гораздо далѣе къ сѣверу, а эти скорѣе напоминаютъ арабовъ и горцевъ. Шестъ дней странствовали мы, все время въ виду береговъ рѣки Эдера, и по истеченіи ихъ прибыли въ городъ, называемый Морло (Муромъ). Это очень большой и хорошо населенный городъ; но такъ какъ мы ѣхали очень скоро, на почтовыхъ, то намъ и не удалось познакомиться съ достопримѣчательностями этой мѣстности, но намъ рассказали и показали одну, которая столь необыкновенна, что я не хочу пройти ея молчаніемъ, хотя въ ней и очень много суевѣрія.

Самый обыкновенный и общій промыселъ въ этомъ городѣ, это—обработка коровьей кожи; и это въ такомъ количествѣ, что этимъ промысломъ занимается тысяча и одинъ домъ; и есть здѣсь колодезь, въ который каждый изъ этихъ ремесленниковъ бросаетъ тысячу и одну кожу; и когда ихъ готовыми вынимаютъ оттуда, то оказывается, что не хватаетъ тысячи и одной кожи какого-

нибудь одного изъ ремесленниковъ; и тогда они собираютъ между собою тысячу и одну кожу и даютъ ихъ тому, которому припадажали исчезнувшія и какъ бы сожженные кожи, о чемъ можно судить по знакамъ и отмѣткамъ, которыя они ставятъ (на кожахъ). Это—ужасный обманъ дьявола и могло бы показаться выдумкой и неслыханной сказкой, если бы мы сами этого не видѣли; вѣдь въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ вода одна и та же, одни и тѣ же и матеріалы, которые они бросаютъ для дубленія и выдѣлки кожъ, то кожи одного человѣка не подвергаются большей опасности сгорѣть, чѣмъ кожи другого; а если бы мы захотѣли сказать, что однѣ болѣе способны поддаваться дѣйствию воды и колодца и потому выдубляются, тогда какъ другія сгораютъ, то все-таки не могло бы повторяться всегда одно и то же число, такъ, чтобы сгорала всегда тысяча и одна кожа; вслѣдствіе чего становится ясно, что это дѣло сатаны, а не воздѣйствіе естественныхъ силъ природы. Мы выѣхали изъ этого города и черезъ три дня прибыли въ другой, который называется „Долина любви“ (Valla de Amor)¹⁾, все время странствуя у истоковъ Волги, и ѣдучи въ другихъ подобныхъ экипажахъ. Этотъ городъ имѣетъ больше народонаселенія, въ немъ двѣнадцать тысячъ жителей, и онъ кажется болѣе благоустроеннымъ и лучше управляется. Здѣсь есть женщины замѣчательно красивыя, но ихъ одежда такъ безобразна, такъ не подходитъ къ нимъ, въ ней такъ мало искусства и изящества, что онѣ много теряютъ отъ этого; мужчины здѣсь очень высоки и толсты; климатъ здѣсь лучше, чѣмъ въ остальныхъ городахъ, которые мы видѣли отъ Каспійскаго моря и до сихъ поръ; но такъ какъ мы остановились здѣсь всего на одинъ день, то намъ и не удалось видѣть другихъ здѣшнихъ достопримѣчательностей. Съ этого мѣста мы начали терять изъ виду рѣку Эдеръ, оставивъ ее вправо и продолжая странствовать въ обозначенномъ порядкѣ, подъ защитою и стражею военачальника и дворецкаго царя; по прошествіи трехъ дней пути, (мы), онъ и воины, которыхъ было уже около 200, прибыли въ столицу великаго князя и царя Московскаго, которая есть весьма населенный городъ, на-

¹⁾ Т.-е. Владиміръ.

зывается Моска (Mosca) или Москао (Moscao), по имени котораго и называются всѣ тѣ царства; самъ же городъ получилъ свое названіе отъ рѣки Моско, которая его орошаетъ и оmyваетъ, начинаясь девяносто миль далѣе, хотя судоходство по этой рѣкѣ весьма затруднительно, вслѣдствіе извилистаго ея теченія, въ особенности между самымъ городомъ Моска и Колона (Colona); и хотя Ботеро утверждаетъ и Поссевинъ также (отъ котораго онъ и заимствовалъ свои свѣдѣнія), что этотъ городъ, послѣ разрушенія и сожженія, которыя учинили ему въ 1570 г. татары и турки, не имѣетъ въ окружности болѣе двухъ жалкихъ миль, однако я съ большимъ стараніемъ обошелъ его, тщательно осматривая, и мнѣ показалось, что въ городѣ будетъ добрыхъ 80 тысячъ жителей, съ банями, домами, на большомъ разстояніи другъ отъ друга, потому что городъ разбросанъ болѣе, чѣмъ это требовалось планомъ, и мнѣ кажется, что въ немъ будетъ болѣе 3 миль въ окружности. Правда, городъ не окруженъ стѣною и есть земля открытая, но его защита состоитъ въ болотахъ, рѣкахъ и лагунахъ, которыя окружаютъ его со всѣхъ сторонъ; окруженъ стѣною только большой дворецъ, занимающій столь большое пространство, что внутри помѣщается порядочный городъ. И все это изъ камня, и тамъ есть великолѣпнѣйшія зданія, въ особенности самый дворецъ, который построенъ на итальянскій ладъ; и пространство, огороженное стѣнами, такъ велико, что внутри его живутъ всѣ кавалеры и слуги царя; число ихъ мнѣ не удалось узнать; но число домовъ превышаетъ шесть тысячъ; касательно же нашего приѣма (у царя) скажемъ слѣдующее.

III.

Извѣстіе третье о приѣмѣ, который былъ намъ сдѣланъ въ столицѣ Московскаго царя, и о томъ, что мы видѣли тамъ, и о томъ, что произошло между нами и царемъ, вплоть до нашего отъѣзда.

Въ пятницу, около десяти часовъ утра, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, мы вступили въ столицу, и намъ на встрѣчу вышло безконечное

множество людей, потому что Москвитяне — любители показной пышности; и въ тотъ день, когда въ столицу царя или въ одинъ изъ главныхъ городовъ вступаетъ какой-нибудь государь или иностранный посланникъ, объявляется приказомъ по народу, чтобы никто не работалъ, и чтобы всѣ въ самыхъ лучшихъ одеждахъ выходили туда, гдѣ совершается въѣздъ. И это очень хорошо, что они отдыхаютъ въ такіе дни и не осмѣливаются работать ни одного мгновенія, а въ обыкновенные праздники года они работаютъ безъ зазрѣнія совѣсти цѣлый день, несмотря на то, что они очень тщательно соблюдаютъ прочія постановленія греческой церкви, которая принята у нихъ.

Число вельможъ, которые, по повелѣнію и приказу царя, вышли намъ на встрѣчу,—и все это были гранды и титулованныя особы, повелители вассаловъ и выдающіеся кавалеры—было, по моему мнѣнію, около 6 тысячъ; а для нашего въѣзда царь прислалъ намъ двѣсти маленькихъ экипажей или носилокъ, и каждый изъ нихъ безъ всякаго затрудненія везла одна лошадь, и всѣ они были покрыты шкурами львовъ и тигровъ, возницы, экипажи и лошади: одно для блеска и пышности, а другое для защиты отъ холода, который очень силенъ въ тѣхъ мѣстахъ. За полъ-мили до города насъ встрѣтила стража царя, которая, по его приказанію, была расположена по обѣимъ сторонамъ нашей дороги; это была все пѣхота и стрѣлки (arcabuzes), и число солдатъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, было около 10 тысячъ, не считая другихъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами; мы и прошли посреди этихъ солдатъ, при чемъ стража государя все время держала фитили зажженными.

И для того, чтобы понять, какъ могущественъ государь, который пребываетъ въ этомъ городѣ (скажу), что великій князь Московскій и дважды царь есть повелитель шестнадцати княжествъ, шестнадцати провинцій (меньшихъ) князей и двухъ царствъ; эти земли къ сѣверу простираются до Сѣвернаго Океана и отъ залива Градуско до рѣки Обію, на югъ онѣ тянутся вдоль всѣхъ береговъ рѣки Эдера до моря Бачу, на западъ онѣ граничатъ съ Ливоніей, и съ этой стороны предѣломъ ихъ служатъ Бористень, какъ съ востока—рѣка Эдеръ; и длина этихъ земель три тысячи

милъ, а ширина—полторы. Этотъ Государь очень богатъ, потому что по собственной волѣ можетъ располагать жизнью и имуществомъ своихъ вассаловъ, которые ему не только служатъ, но воздаютъ божескія почести. Въ своихъ владѣніяхъ онъ не допускаетъ школъ, университетовъ и вообще занятій науками, затѣмъ, чтобы никто не узналъ того, что онъ знаетъ; и поэтому никто изъ его президентовъ, губернаторовъ и секретарей не знаетъ ничего, кромѣ того, что ему прикажетъ великій князь. Они не могутъ лѣчиться у иностранныхъ врачей, не могутъ, подъ страхомъ смертной казни, отправляться въ чужія государства затѣмъ, чтобы не входить въ сношенія съ другими народами. Здѣсь нѣтъ ни бѣдныхъ, ни разбойниковъ, потому что однимъ приказываютъ давать обильное пропитаніе, а другихъ навсегда заточаютъ въ тюрьму, ибо здѣсь никого не казнятъ смертю ни за какое преступленіе, но приговаривать къ смертной казни значитъ приговорить къ вѣчному заключенію, и такимъ образомъ, кто здѣсь сталъ преступникомъ одинъ разъ, второй разъ уже не будетъ, потому что его сажаютъ въ тюрьму на все остальное время его жизни. Во всемъ, что касается религіи, онъ (царь?) очень благочестивъ. Здѣсь нѣтъ никакихъ иныхъ книгъ, кромѣ евангелій, поученій и житій святыхъ, всѣ здѣсь ходятъ увѣшанные крестами. Когда входитъ въ церковь, всегда цѣлуетъ землю: въ правой рукѣ носитъ изображеніе Господа нашего Иисуса Христа. И надъ кресломъ или стуломъ, на которомъ онъ сидитъ, надъ его головою находится изображеніе Богоматери; онъ носитъ митру и посохъ: одежда его напоминаетъ епископскую, а пальцы его обильно украшены кольцами.

Когда мы вошли въ городъ, насъ размѣстили въ большихъ домахъ, которые походили на крѣпость; въ одномъ помѣстили Персидскаго посланника, который былъ отправленъ къ Московскому царю; въ другомъ—нашего посланника и насъ самихъ, а въ третьемъ помѣстили англичанъ; и оставили съ нами триста человѣкъ стражи, и царь тотчасъ повелѣлъ намъ прислать девять человѣкъ, которые понимали нашъ языкъ, по три въ каждомъ домѣ, и приказалъ прислать намъ большіе подарки. И когда мы отдохнули тамъ восемь дней, въ воскресенье прислалъ онъ своего дворецкаго звать насъ,

и мы вышли (изъ своихъ домовъ) въ томъ же порядкѣ, въ какомъ вошли въ городъ, и пѣшая стража стояла такъ же, какъ и въ день нашего въѣзда, вплоть до самаго дворца, и намъ нужно было пройти четверть мили до дворца отъ замка, гдѣ насъ помѣстили. Царскій дворецъ это и есть та самая цитадель, о которой мы говорили, и въ которой около шести тысячъ домовъ, всѣ изъ дерева, за исключеніемъ царскаго дворца и стѣнъ, которыя изъ камня, и построены онѣ и укрѣплены на итальянскій манеръ, какъ мы уже сказали. Внутри этой укрѣпленной окружности находилось много церквей, и въ самой большой изъ нихъ есть колоколъ столь замѣчательный, что въ него зазвонили, чтобы мы услышали это чудо, и тридцать человѣкъ не могли его двинуть; и въ него звонятъ только въ день рожденія и коронаціи государя. Когда мы подошли къ воротамъ дворца, мы нашли тамъ царскаго дворецкаго, ростомъ почти гиганта, который имѣлъ рядомъ съ собою свирѣпѣйшаго пса, привязаннаго на цѣпь, котораго спускаютъ ночью; этотъ дворецкій провелъ насъ до второй двери, гдѣ находился другой, который довелъ насъ до третьей двери, а дворецкій третьей двери довелъ насъ до царской залы, гдѣ мы увидали 500 кавалеровъ, всѣхъ въ платьѣ изъ парчи, подбитой мѣхомъ, и въ шапкахъ, украшенныхъ драгоценными камнями и другими изящными вещами невѣроятной цѣны. Эти кавалеры встрѣтили насъ и проводили до конца залы, гдѣ и находился самъ царь; зала эта такъ велика, что отъ начала ея у дверей съ трудомъ можно различить, что дѣлается на концѣ ея. Своимъ построеніемъ она напоминаетъ галлерей или церковь, но она такъ длинна, какъ это уже было сказано; ея своды и куполы поддерживаются на известномъ разстояніи сорока колоннами изъ позолоченнаго дерева, которыя украшены рѣзьбой и множествомъ листьевъ, а толщину ихъ съ трудомъ обхватятъ двое людей. Когда мы дошли до конца залы, мы увидѣли царя, который сидѣлъ на тронѣ, стоявшемъ на возвышеніи изъ многихъ ступеней, а тронъ былъ изъ массивнаго золота и украшенъ самыми драгоценными камнями. На царѣ была одежда изъ золотой матеріи, подбитой мѣхомъ, со многими пуговицами изъ алмазовъ; на головѣ (у него была) шляпа на подобіе митры, а въ рукѣ скипетръ, на подобіе пастырскаго жезла. Сзади

царя стояло сорокъ кавалеровъ съ серебряными скипетрами, которые суть знаки, носимые царемъ на войнѣ. И когда мы дошли до царя, всѣ мы пали ницъ, а персидскій посланникъ, посланный въ Московію, котораго звали Перголи-Бекъ (Pergoly-Bech), весьма почтенный персидскій кавалеръ, поцѣловалъ письмо, которое онъ принесъ, и передалъ его въ руки царю, и царь поднялся съ своего трона, взялъ письмо и поцѣловалъ его и передалъ его переводчику, который перевелъ письмо на его языкъ, и вслѣдъ затѣмъ подошелъ посланникъ, который отправлялся въ Испанію, и передалъ свое письмо, въ которомъ заключалась просьба, чтобы царь повелѣлъ оказать намъ расположеніе и далъ бы намъ свободный проѣздъ, и онъ согласился на это и приказалъ намъ всѣмъ сѣсть на скамейки или широкіе табуреты, подбитые перьями и покрытые бархатомъ, и тотчасъ послѣ этого царь поднялся и удалился во внутренніе покои съ тѣми же самыми кавалерами, и спустя немного времени царь вернулся и всѣ тѣ, которые ушли вмѣстѣ съ нимъ, одѣтые въ бѣлую одежду, подбитую бѣлымъ мѣхомъ на подобіе испанскихъ горностаевъ; а въ то краткое время, пока царь находился въ отсутствіи, поставили столы, и царь сѣлъ обѣдать и приказалъ намъ всѣмъ садиться, давъ каждому изъ насъ соотвѣствующее, по его (царя) мнѣнію, мѣсто. Обѣдъ былъ чрезвычайно обиленъ и поданъ съ большою роскошью, потому что каждому было предложено болѣе сорока блюдъ, и все, что подавалось, подавалось въ цѣломъ видѣ, и это было — телятина, дичь, баранина, гуси, утки и другія водяныя птицы; хлѣбы, которые были поданы, были такъ велики, что одинъ съ трудомъ несли два человѣка, и (кромѣ того былъ поставленъ) серебряный рукомойникъ, на подобіе очага (brasero) съ ручками; и царь послалъ каждому отвѣдать съ своего блюда, сообразно съ достоинствомъ cadaго гостя, въ особенности же (посылалъ отвѣдать) винограднаго вина, которое есть предметъ всего болѣе цѣнимый въ томъ царствѣ; это вино привозятъ очень издалека для царя и епископовъ, для того чтобы они могли распредѣлить его между своими церквами для совершенія таинства. За небольшой загородкой внутри залы, въ которой мы обѣдали, все время играли на различныхъ инструментахъ и пѣли, и обѣдъ продолжался съ двухъ

часовъ пополудни до восьми вечера, и потомъ мы вернулись въ наше помѣщеніе, въ сопровожденіи той же свиты и той же стражи, съ которыми отправились во дворецъ, при освѣщеніи ста факеловъ, а слугамъ нашимъ было отправлено великое изобиліе яствъ. И всякій день, когда кто-нибудь изъ насъ желалъ отправиться посмотреть городъ, надо было просить позволенія у капитана той крѣпости, и онъ давалъ намъ четыре человѣка стражи; по прошествіи восьми дней намъ стали показывать достопримѣчательности города, въ особенности царскую сокровищницу, въ дверяхъ которой стояли два очень некрасивыхъ изображенія львовъ; одно изъ нихъ было, по-видимому, изъ серебра, другое—изъ золота; а что касается богатства, которое имѣлось тамъ, то трудно этому повѣрить, не то что сказать, и потому я умалчиваю. Гардеробъ царскій также заключалъ въ себѣ неоцѣнимыя драгоцѣнности, а въ арсеналѣ хранилось такъ много оружія, что имъ можно было бы вооружить двадцать тысячъ кавалеровъ. Также показали намъ клѣтку съ дикими звѣрями, и среди нихъ былъ левъ величиною съ лошадь, у котораго грива была чрезвычайной длины, и онъ такъ разсвирѣпѣлъ, увидѣвъ насъ, что сломалъ одинъ изъ брусевъ клѣтки очень большихъ размѣровъ. Затѣмъ мы бродили по городу, видѣли великое разнообразіе ея лавокъ и большую площадь, на которой стояли пушки такой огромной величины, что два человѣка могли войти въ ихъ жерло для того, чтобы чистить ихъ, и каждая изъ нихъ была длиною 7 аршинъ, и для заряда въ нихъ клали по 2 арробы (исп. мѣра = 50 фунтовъ) пороху въ каждую.

Такъ прошло пять мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ мы пробыли въ Московской столицѣ, удерживаемые великими дождями и свѣгами; по прошествіи пяти мѣсяцевъ царь далъ намъ позволеніе отправиться домой, и когда мы откланялись, по возвращеніи въ наше помѣщеніе онъ прислалъ посланнику три богатѣйшія парчевыя одежды, подбитыя куннымъ мѣхомъ, золотой кубокъ, вмѣщавшій асумбре вина (исп. мѣра = 2 литрамъ), и три тысячи дукатовъ на дорогу, а каждому изъ насъ прислалъ по три одежды, одну тонкую, а двѣ простыя, по восьми аршинъ сукна для дорожнаго платья и по кубку изъ позолоченнаго серебра, величиною съ кубокъ посланника, а такъ-же по двѣсти дукатовъ. И мы съ боль-

шимъ сожалѣніемъ распростились съ персидскимъ посланникомъ, который оставался въ Московіи: онъ проводилъ насъ болѣе, чѣмъ на двѣ мили за городъ и затѣмъ отдѣлился отъ насъ съ великою печалью; кромѣ того (въ Москвѣ), у насъ осталось четыре слуги, которые (потомъ) вернулись въ Персію, и доминиканскій монахъ, о которомъ, несмотря на всѣ наши старанія, мы ничего не могли узнать, хотя и подозрѣваемъ, что его спрятали съ глазъ людскихъ донъ Антонію де-Шарлай, потому что, когда мы еще ѣхали въ галерахъ по рѣкѣ Эдеру, онъ держалъ его внизу галеры въ маленькой комнаткѣ, намѣреваясь убить его, откуда его извлекли персы: монахъ говорилъ, что онъ ссудилъ дону Антонію тысячу эскудо и девяносто маленькихъ брилліантовъ; такъ какъ монахъ просилъ заплатить этотъ долгъ, то онъ и хотѣлъ его убить.

Такимъ то образомъ покинули мы столицу Московіи на Пасхѣ, и насъ сопровождалъ капитанъ съ сотней солдатъ. И каждый день мы проѣзжали десять миль, и черезъ три дня прибыли въ большой городъ, который пазывается Парасуальтъ или Параслапъ; въ немъ болѣе 30 тысячъ жителей, всѣ они москвитяне и христіане, и у нихъ много церквей, построенныхъ очень красиво на свой ладъ. Каменные стѣны этого города орошаетъ многоводная рѣка, теченіе которой направляется, повидимому, къ столицѣ, которую мы только что покинули, немного наискось. Удары волнъ этой рѣки были очень сильны, и мы переправились на плотяхъ, которые тянули бичевой на подобіе барокъ, и плоты эти такъ велики, что каждый разъ на нихъ перевозили по сту экипажей. Мнѣ не удалось узнать имени этой рѣки, но она показалась мнѣ притокомъ, который впадаетъ въ Москву. Мы ѣхали еще въ теченіе трехъ дней и прибыли въ другой городъ, который называется Ярославъ, странствуя все время по направленію съ запада на сѣверъ. Въ этомъ городѣ больше населенія, потому что въ немъ больше 40 тысячъ жителей. Они также москвитяне и христіане; городъ украшенъ церквами и монастырями на ихъ ладъ, и кромѣ того, въ немъ одна изъ лучшихъ стѣнъ и крѣпостей, какую мы только видѣли во всей Московіи, и этой крѣпости особую красоту и могущество придаетъ рѣка Баремъ (Barem), волны которой омывають и окружаютъ крѣпость. Изъ этого города самый прямой, вѣрный и без-

опасный путь въ Лотарингію, Саксонію и Германію—а мы вѣдь и намѣревались предпринять именно это путешествіе — былъ, какъ намъ сообщили, слѣдующій: надо было сѣсть на галеры на этой же самой рѣкѣ и плыть до моря, отстоявшаго (отсюда) около сорока миль; это море, по всѣмъ вѣроятіямъ, есть сѣверный океанъ, а другіе говорятъ, что это—Балтійское (Baltico) море, куда, какъ я полагаю, впадаетъ часть рѣки Двины или Борисоена, хотя эти рѣки, по увѣренію хорошихъ космографовъ, впадаютъ въ море Балтійское (Balthico). Какъ бы то ни было, мы плыли сто миль по рѣкѣ Барему, по 15 или 16 миль ежедневно, на двухъ галерахъ, которыя намъ дали, одну для насъ, а другую для англичанъ. По этой рѣкѣ расположено много населенныхъ мѣстностей, и такимъ образомъ, черезъ два дня пути по рѣкѣ мы прибыли къ городу, который называется Хибиска (Рыбинскъ), гдѣ, по моему мнѣнію, около 10 тысячъ жителей, и скорѣе больше, чѣмъ меньше; тамъ мы перемѣнили людей, составлявшихъ экипажъ нашихъ галеръ; намъ дали другихъ (людей) и угощали весьма много. Черезъ два дня мы прибыли въ другое мѣсто по той же самой рѣкѣ, называемое Турмень, въ которомъ, по моему мнѣнію, около 3 тысячъ жителей, но крѣпость одна изъ лучшихъ, какія мы только видѣли. Здѣсь мы опять перемѣнили экипажъ галеръ, и намъ дали другихъ людей. И черезъ день послѣ этого мы прибыли въ другое мѣсто, которое называется Брусиниска, а оттуда черезъ день прибыли въ мѣсто, называемое Рестукъ. Здѣсь намъ прислали много подарковъ, и отсюда черезъ день мы прибыли въ мѣсто, называемое Туравичисъ, и начиная съ этого мѣста для насъ прекратилась ночь, ибо все время былъ день, такъ какъ въ этой землѣ въ теченіе марта, апрѣля и мая не бываетъ ночи; на оборотъ, въ теченіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ, всегда — ночь, а дня не бываетъ. Вслѣдствіе того, что эта земля находится на такомъ отдаленномъ градусѣ, намъ пришлось испытать этотъ странный способъ жизни: ночи не было вовсе, причина чего уже обозначена.

Отсюда мы прибыли въ весьма большой городъ, расположенный вблизи моря; городъ этотъ называется Кормакури ¹⁾, и въ немъ

¹⁾ Т.-е. Холмогоры.

большое населеніе, превышающее тридцать тысячъ, и этотъ городъ расположенъ въ десяти миляхъ отъ впаденія рѣки Барема въ море. Здѣсь мы провели двѣнадцать дней, отдыхая и поджидая англійскихъ и нѣмецкихъ кораблей, а отсюда мы перебрались въ городъ, называемый Арканхеръ, который находится пять миль ниже по теченію рѣки и, какъ я полагаю, имѣетъ около 12 тысячъ жителей: это — извѣстнѣйшій портъ, который посѣщаютъ великое множество французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ кораблей, множество купцовъ, торгующихъ въ сѣверныхъ частяхъ Азіи. Пристань здѣсь великолѣпная, и портъ, обращенный входомъ на полдень, превосходно защищенъ (т.-е. — безопасенъ) и очень великъ: обыкновенно въ этомъ мѣстѣ находится до четырехъ сотъ кораблей, и таможи этого порта приносятъ большую выгоду великому князю московскому. Здѣсь мы пробыли 20 дней, приготовляя все необходимое для пути, такъ какъ у насъ уже былъ (нанять?) фламандскій корабль, вмѣстимостью болѣе 1000 тоннъ, на который было нагружено двадцать пушекъ.

Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ случай, который произошелъ у насъ съ дономъ Антоніо де-Шарлай, разсказомъ о чемъ мы и закончимъ это донесеніе. Этотъ донъ Антоніо обладаетъ великимъ умомъ, хотя и малъ ростомъ; онъ очень любитъ показную роскошь, хотя и на чужія средства, потому что фортуна не дала ему своихъ собственныхъ; и какъ обнаружилось впослѣдствіи, онъ все время хотѣлъ обмануть насъ. И въ самомъ дѣлѣ, — онъ воспользовался приказаніемъ, которое далъ намъ царь Персидскій, всегда слушаться его совѣтовъ, какъ человѣка наиболѣе практическаго; и вотъ, когда пришло время намъ садиться на корабль, донъ Антоніо сказалъ намъ, что было бы неблагоразумно брать съ собою на этотъ фламандскій корабль сундуки съ подарками, главнымъ образомъ потому, что онъ не надѣялся на этотъ корабль, такъ какъ онъ былъ слишкомъ старъ для того, чтобы взять чрезмѣрную тяжесть; вслѣдствіе этого, если бы корабль далъ течь и пришлось бы бросить какія-нибудь вещи въ море, сундуки съ подарками подвергались бы опасности; а здѣсь у него былъ большой другъ, англичанинъ, хозяинъ очень крѣпкаго и легкаго корабля, и онъ передалъ бы ему наши сундуки въ Римѣ. Намъ показалось, что онъ

говорить правду, и мы отдали сундуки англичанину, котораго онъ указалъ; о томъ же, что произошло изъ этого, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ¹⁾.

IV.

Извѣстіе четвертое о томъ, что случилось во время плаванія по этому морю, и о достопримѣчательностяхъ, которыя мы видѣли.

Нѣтъ основанія умолчать о народѣ, населяющемъ этотъ берегъ, потому что мужчины и женщины совершенно подобны своимъ лицомъ, такъ какъ мужчины не имѣютъ ни бороды, ни бровей, и вообще очень маленькаго роста; этотъ народъ можетъ служить доказательствомъ существованія пигмеевъ; этотъ народъ ростомъ менѣе самыхъ маленькихъ карликовъ, какіе только имѣются въ Испаніи. Эти люди ѣздятъ верхомъ на косуляхъ и оленяхъ, и глаза у нихъ такъ малы, что, кажется, они съ трудомъ могутъ видѣть. Они очень суевѣрны и занимаются волшебствомъ, и общаются при помощи своего волшебства дать хорошую погоду тѣмъ, которые плаваютъ по тому морю, и они продаютъ эту хорошую погоду. Они приходили и къ намъ сказать, что продадутъ намъ хорошую погоду, если мы захотимъ. Но посланникъ Персидскій разсмѣялся и спросилъ, какъ же могутъ они продать то, что находится въ рукѣ Божіей, и съ этими словами онъ отпустилъ ихъ. Послѣ этого мы подняли паруса и въ теченіе 40 дней не видѣлиочи, но все время любовались сіяніемъ солнца. По прошествіи этого времени мы увидѣли луну и звѣзды. Въ этой части моря мы встрѣтили много кораблей англійскихъ корсаровъ, и два изъ нихъ хотѣли напасть на насъ и ограбить насъ. Мы приготовились къ защитѣ и привели въ порядокъ артиллерію, и когда они приблизились къ намъ, одни англичане поговорили съ другими и не сдѣлали намъ никакого вреда. И

¹⁾ Здѣсь оканчивается третье извѣстіе Донъ-Хуана де Персіа, которое содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о Россіи; изъ слѣдующаго, четвертаго, къ Россіи имѣютъ отношеніе только начальныя строки, переводъ которыхъ и сообщаемъ.

когда англійскіе корабли находились рядомъ съ нашими, англичане увидали на нашемъ кораблѣ брата Франсиско и спросили насъ, почему не бросили мы этого дьявола въ море, и мы отвѣтили имъ, что царь Персидскій настоятельно приказалъ намъ взять его съ собою, и послѣ этого о немъ уже не было болѣе рѣчи.

РАЗСКАЗЪ ЛОПУХИНА ¹⁾.

(Изъ бумагъ графа Бориса Алексѣевича Перовскаго).

L'Impératrice Catherine II avait eu l'imprudence de donner, par écrit, au comte Orloff, une promesse de mariage. Après la révolution qui éleva cette princesse sur le trône de Russie, le favori réclama, impérieusement l'accomplissement de cette promesse. La Tsarine lui répondit: le trône, que j'occupe, ce que je dois à mon peuple, me défend de remplir une promesse inconsidérée, d'accomplir un acte, qui n'a aucun précédent dans l'histoire de Russie.

Orloff alla trouver ses partisans auxquels il conta l'issue de sa démarche. L'un deux, le comte Worontzoff, vice-chancelier, lui dit: „à cela ne tienne, le précédent existe: tout le monde ne sait il pas, que le maréchal Razoumowsky n'a pas été seulement l'ami de l'Impératrice Elisabeth, mais son mari. Je vais le voir et tâcher d'obtenir de lui la preuve de ce mariage“.

Worontzoff se rend chez le maréchal, au palais d'Anitchkoff, qui est devenu depuis une demeure impériale. Il se fait annoncer; on l'introduit dans le cabinet du comte Razoumowsky. Celui-ci du fond de son fauteuil où le retient la goutte, lui indique un siège et lui demande en même temps le motif, que l'amène chez lui. „Monsieur le maréchal, dit le chancelier, je suis amené chez vous

¹⁾ Событіе, о которомъ передаетъ г. Лопухинъ въ своемъ разсказѣ, уже извѣстно въ исторической литературѣ. Но разсказъ его любопытенъ нѣкоторыми новыми подробностями, которыя могли быть извѣстны Лопухину по его родственнымъ связямъ съ гр. Разумовскимъ.

par une affaire de la plus haute importance. L'Impératrice tient à réhabiliter la mémoire de sa tante, l'Impératrice Elisabeth, qu'on a indignement calomniée; notre gracieuse souveraine a la certitude que vous avez été uni à elle par un mariage secret. Vous devez avoir, entre les mains, les preuves de ce mariage, la tzarine vous les demande. Elle n'attend, que cela pour réhabiliter sa tante en rendant public votre mariage avec elle, et pour vous donner le titre d'Altesse Impériale, auquel vous avez droit". Le chancelier lui montra en même temps un projet d'oukase qu'il avait rédigé avec ses amis.

Le vieux maréchal l'écouta sans l'interrompre et sans qu'on pût lire sur sa figure le moindre signe d'émotion. Puis, lorsque Worontzoff eut fini: „C'est tout, ce que vous aviez à me dire“, lui dit-il froidement.—„Oui, Monsieur le maréchal“. Razoumowsky se leva de son fauteuil, passa dans un cabinet voisin et en revint au bout de quelques minutes, rapportant une cassette, qu'il posa, sans rien dire, sur une table. Il tira de sa poitrine une petite clef qui pendait à son cou, retenue par une chaîne d'or, ouvrit la cassette et en tira une liasse de papiers, qu'il mit sous les yeux de Worontzoff—„Lisez“, dit-il. Worontzoff jeta les yeux sur les papiers, qu'on lui présentait, et bientôt la joie la plus vive se peignit sur ses traits. Il avait en main la preuve, qu'il cherchait, l'acte de mariage du comte Razoumovsky avec l'Impératrice Elisabeth. „Ce sont justement les papiers, qu'il nous faut“, s'écria-t-il, en les déposant sur la table après s'être assuré qu'ils étaient parfaitement en règle. Le maréchal les reprit sans affectation, s'approcha de la cheminée, et, avant que le chancelier eût pu s'opposer à son projet ou même le deviner, il les jeta dans le feu, où ils furent en un instant réduits en cendres. Puis se tournant vers le chancelier: „Allez, Monsieur, dire à l'Impératrice que la fille de Pierre le Grand savait trop bien ce qu'elle devait à son nom et à son peuple, pour avoir jamais consenti à donner sa main à un de ses sujets; elle a été ma bienfaitrice et mon amie, jamais rien de plus“.

(Souvenir d'une conservation chez le comte Serge Ouvaroff. 1-er décembre 1849).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ СТАРИНЫ.

По бумагамъ Остафьевскаго Архива князей Вяземскихъ.

Мать княгини Вѣры Ѳеодоровны Вяземской, Прасковья Юрьевна Кологривова, въ первомъ бракѣ княгиня Гагарина, была дочь князя Юрія Никитича Трубецкаго и княгини Дарьи Александровны, сестры Задунайскаго и дочери графини Марьи Андреевны Румянцовой, внучки боярина Артемона Матвѣева.

Сохранился портретъ ея въ молодыхъ годахъ, работы М-те Vigée Lebrun. Она изображена красавицей, какой и была: въ правой рукѣ она держитъ трость и чертитъ ею на стволѣ дерева имя своего мужа.

Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Гагаринъ — георгіевскій кавалеръ, убитый во время штурма Праги въ 1794 году. Его портретъ чудной кисти Лампрі также сохранился, какъ и портретъ Прасковьи Юрьевны въ старости. Нынѣ оба портрета находятся у правнука ея, князя Петра Павловича Вяземскаго.

Въ полномъ блескѣ молодости и красоты, она лишилась мужа, котораго горячо любила, и осталась вдовою съ многочисленнымъ семействомъ.

Сохранилось письмо, которое даетъ понятіе о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ князь Ѳ. С. Гагаринъ ожидалъ жену свою въ Яссы, во время Турецкаго похода.

Письмо князя Ѳ. С. Гагарина, къ сожалѣнію, безъ года.

„Лагерь между Буга и Днѣстра, Октября 16 дня.

„Какъ я обрадованъ былъ твоимъ посланнымъ, моя милая Парашенька. Весьма мнѣ пріятно было извѣстіе о благополучномъ пріѣздѣ твоёмъ въ Яссы. Теперь мы близко другъ друга и надѣюсь, что скоро будемъ и вмѣстѣ. Мы ожидаемъ пріѣзду Свѣтлѣйшаго всякій день и надѣмся, что скоро, по пріѣздѣ его, насъ отпустить на квартиры; если бы ты пріѣхала нѣсколько прежде въ Яссы, то я бы могъ пріѣхать повидаться съ тобой. Теперь же болѣе нѣтъ возможности, что бы меня болѣе огорчило, если бы не имѣлъ надежды скоро съ тобой соединиться, да и по неволѣ зима насъ скоро выгонитъ изъ лагеря; будь спокойна, Пашенька: Богъ милостивъ къ намъ. Болѣе всего и благодарю Его за сохраненіе здоровья нашего. Вѣрь мнѣ, другъ мой, что нѣтъ возможности любить больше, какъ я тебя люблю; нетерпѣливое желаніе увидаться съ тобой есть столь же велико, какъ и любовь моя къ тебѣ. Я третьяго дня получилъ извѣстіе, что дѣти наши были въ Кишиневѣ. Какже мнѣ жаль было, что я не могъ ихъ видѣть, что ты повѣрить не можешь, а все виновать братъ твой, шалунъ, что не далъ тотчасъ знать, какъ они пріѣхали. Какъ быть? Богъ съ нимъ, я на него не сердить. Онъ пишетъ, что Васинька такъ милъ, что ужасно, а я отъ этого и сердиться пересталъ; ахъ какъ мнѣ хочется ихъ видѣть! Какъ я смѣялся, другъ мой, признаюсь тебѣ, о вашей ссорѣ (ты знаешь съ кѣмъ): мнѣ казалось, когда я читалъ описаніе твое, что я тебя вижу, какъ ты разгорячилась—какіе вы смѣшные, настоящіе шалуны. Правда, она очень нехорошо поступила, но также нехорошо, правду сказать, и гнѣву предаваться. Да и за что же? За то, что другой хочетъ гордиться предо мной,—это дурачество, о которомъ жалѣть должно; позволительнѣе есть смѣяться этому, а сердиться непростительно. Смотри, Пашенька, не сердись на меня, а то мнѣ тебя жаль будетъ; ты знаешь, что я не утерплю, чтобы не сказать правду; не входить ни во что, удаляться, быть холодно со вздорливымъ—есть наилучшій способъ избѣгнуть всякія неудовольствія. Оставимъ сію спорную матерію. Ты мнѣ пеняешь, что я тебѣ не писалъ ни о Иванѣ Никитичѣ, ни о табатеркѣ, ни о чемъ, и что ты болѣе мѣсяца не получала писемъ моихъ. А я, право, часто писалъ обо всемъ. Ивану

Никитичу здѣсь весело показалось, а мнѣ такъ весело, что я бы бѣжалъ отсюда, еслибъ можно. Онъ еще ко мнѣ въ полкъ не опредѣленъ, а надѣюсь, что скоро опредѣлятъ. Онъ такъ доволенъ былъ, когда я его пустилъ маршировать съ полкомъ и далъ ему взводомъ командовать, словомъ онъ забавляется, какъ дитя. Я его очень люблю и чрезвычайно обрадовался первый день, когда я съ нимъ одинъ былъ. Мнѣ казалось, что я въ Очаковѣ со всѣми вами. Ты можешь себѣ представить, какъ я симъ былъ доволенъ. Вчерась я получилъ письмо отъ Александра Николаевича. Онъ у меня спрашивалъ, имѣю ли я извѣстіе о Катеринѣ Сергѣевнѣ, зная, что вы вмѣстѣ выѣхали изъ Елисаветграда. И такъ какъ я извѣстенъ былъ чрезъ письмо отъ M-me Simon, то я радовался, что я могъ его увѣдомить о пріѣздѣ вашемъ въ Яссы. Я ихъ обѣихъ очень люблю и чрезвычайно радъ, что ты съ Екатериной Сергѣевной, я увѣренъ что она имѣетъ наилюбезнѣйшій характеръ. Я бы очень радъ былъ, еслибъ случай сей содѣлалъ васъ друзьями. Пожалуйста свидѣтельствуй ей мое почтеніе и скажи, что Александръ Николаевичъ, слава Богу, здоровъ. Курьеры наши разѣхались; ты ко мнѣ послала Назара, а я къ тебѣ офицера, съ которымъ я послалъ къ тебѣ, съ адъютантомъ К. Репнина, Петромъ Прокофьевичемъ Панкратьевымъ сто пятьдесятъ червонныхъ и удивляюсь, что онѣ ты еще не получила, однакожь будь увѣрена, что ты ихъ вѣрно скоро получишь. Теперь посылаю тебѣ, другъ мой, 100 червонныхъ—право больше нѣтъ, да и тѣ не мои. Надѣюсь, что теперь будемъ получать часто письма другъ отъ друга. Прощай, любезная женушка. Христось со всѣми вами! Онъ да соединитъ насъ въ скорѣйшемъ времени. Цѣлуй отъ меня милыхъ дѣтишекъ. Цѣлую твои милыя ручки. Прощай!

Авдотѣ Семеновнѣ кланяйся; ежели она рѣшится ѣхать прежде твоего пріѣзду, то пиши ко мнѣ, я постараюсь достать нужное для отправленія ея. M-me Simon кланяйся. Прощай, Парашенька! Христось съ тобой!" ¹⁾.

Здѣсь же въ Яссахъ Прасковья Юрьевна родила дочь Вѣру, будущую Княгиню Вяземскую. Прасковья Юрьевна была лично

¹⁾ Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ.

извѣстна Князю Потемкину, который, безъ сомнѣнія, не могъ забыть полученнаго имъ отъ нея урока.

Избалованный лестью и исключительнымъ положеніемъ, Потемкинъ не зналъ границъ,—такъ хвастался онъ въ дамскомъ обществѣ и въ присутствіи княгини Прасковьи Юрьевны, что всякую женщину и всегда можно невозбранно поцѣловать. Это было во время похода, и мужъ ея Князь Гагаринъ находился тутъ же. Прасковья Юрьевна возражала. Тогда Потемкинъ подошелъ къ ней и дѣйствительно ее поцѣловалъ, но вслѣдъ затѣмъ раздалась громкая пощечина. То былъ отвѣтъ Прасковьи Юрьевны. Свидѣтели этой сцены были поражены неожиданностью. Князь Ѳ. С. Гагаринъ, стоявшій за кресломъ, былъ ни живъ, ни мертвъ и до того растерялся, что тихо опустился за спинку. Всѣ ожидали бури. Потемкинъ, озадаченный и мрачный, тотчасъ же удалился. Прошло нѣкоторое время въ томительномъ недоумѣніи — что будетъ? Но вотъ возвращается Потемкинъ, и что же? Онъ подноситъ княгинѣ Прасковьѣ Юрьевнѣ какой-то гостинецъ съ самыми утонченными по вѣжливости приѣмами..

Не разъ объ этой сценѣ рассказывала старшая дочь Прасковьи Юрьевны—Княгиня Вѣра Ѳеодоровна Вяземская.

Овдовѣвъ, Княгиня Прасковья Юрьевна поселилась въ Москвѣ. Она вела свѣтскую жизнь и плѣняла сердца. Однимъ изъ поклонниковъ ея былъ Н. М. Карамзинъ, который воспѣлъ ее въ слѣдующихъ стихахъ:

„Здѣсь въ мысляхъ полная свобода:
Хотя проврешься—не бѣда,
И на чужомъ дворѣ народа
Никто не тронетъ никогда.
Гостей не стая къ ней валится,
Пять, шесть персонъ—бесѣда вся.
Никто, вспотѣвши, не чивится,
Вся тутъ родня, всѣ тутъ друзья.
Хозяйка, сунься, не хлопочеть:
Есть кресла—сядь, не хочешь—стой.
Кому смѣшно—пускай хохочеть,
Кто любитъ пѣть—пожалуй пой.
Она свое пригожество знаетъ,
Но такъ нмѣ мало дорожить.
Что часто даже забываетъ,
Гдѣ зеркало ей стоять.

Парашу вѣчно не забуду,
 Мила мнѣ будетъ навсегда,
 Къ ней всякой вечеръ ѣдять буду,
 А къ Селименѣ—никогда“... ¹⁾

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Карамзинъ охладѣлъ: „милая вѣтренница скатилась съ моего небосклона“ — писалъ онъ Дмитріеву ²⁾.

Мать Прасковьи Юрьевны — Княгиня Дарья Александровна Трубецкая, правнучка боярина Артамона Матвѣева, была женщина крѣпкаго русскаго закала. Она была въ тайномъ постригѣ, о чемъ узнали только послѣ ея смерти, когда нашли на ней вериги, а прибывшія монахини стали поминать ее „сестрою“. Она послѣдніе годы никогда не спала въ кровати, и у нея было множество иконъ, развѣшанныхъ почти до потолка ³⁾.

Сохранилось письмо ея къ дочери отъ 8 октября 1805 года: „Здравствуй, мой вѣрной другъ, жизнь моя, милая моя Пашенька! Боже дай, чтобъ ты, моя душа, милые наши дѣти, были здоровы, спокойны и веселы. Живучи теперь въ деревнѣ въ своей, занимавшись своею экономіею, пишу къ тебѣ, моя милая, именно: здоровы ли вы всѣ, а я не писала къ тебѣ, другъ мой, лихорадка моя ежегодная, нервическая такъ меня томить, изъ рукъ вонъ, и кашель и одышка особливо: есть ли я лишній кусокъ чего съѣмъ, и пуще одышка меня мучить. Вся распоротая и развязанная лежу и вижу, все тѣснить. Очень теперь я тебя, мою жизнь, заочно поздравляю со днемъ ангела твоего. Господь да подастъ тебѣ свою неизреченную милость во всемъ и наградить и утѣшить и успокоить тебя, и милыхъ нашихъ дѣтей поздравляю съ именинами твоими. Чашка все въ комодѣ лежитъ, не могу я достать знающаго хорошаго столяра, чтобы сдѣлалъ на нее футляръ, а безъ этого черепки привезутъ къ тебѣ, вмѣсто кружки чайной ⁴⁾.

¹⁾ Соч. Карамзина.

²⁾ Перереписка Карамзина и Дмитріева.

³⁾ Со словъ Кн. В. О. Вяземской.

⁴⁾ По всей вѣроятности, здѣсь рѣчь идетъ о чашкѣ голубаго севрскаго фарфора, подаренной Императрицею Екатериною Графинѣ Марѣ Андреевнѣ Румянцовой. Отъ нея перешла она къ дочери—Княгинѣ Дарѣ Александровнѣ, которая и передала ее Прасковьѣ Юрьевнѣ. Отъ послѣдней она досталась Княгинѣ Вѣрѣ Феодоровнѣ Вяземской, которая подарила ее своей внучкѣ Графинѣ Екатеринѣ Павловнѣ Шереметевой въ 1868 году. Футляръ краснаго сафьяна сохранился до нынѣ съ надписью: „Подарила И. Екатерина II Гр. М. А. Румянцовой“.

Теперь еще скажу тебѣ, душа моя, что изъ Великихъ Лукъ получила письмо отъ внука моего, отъ Г. П. И. Апраксина, въ которомъ онъ писалъ ко мнѣ, что братъ К. Ф. Ф. Г. ¹⁾, а мой внукъ, благодаря Бога, здоровъ. Боже ихъ сохрани и помилуй въ пути и въ дорогѣ ихъ, и чтобы они здоровы и благополучны бы доѣхали и дошли до настоящаго своего мѣста и равнымъ бы образомъ къ намъ бы скорѣе здоровы бы и благополучны возвратились. Другъ мой, Пашенька! теперь отъ любезной отъ моей Г. П. которая тебя, милую мою, много искренно любить и почитаетъ и милыхъ дѣтей твоихъ, засвидѣтельствуетъ свое искреннее почтеніе и поздравленіе со днемъ ангела твоего, душа моя! желаетъ всѣхъ благъ наилучшихъ отъ Бога, и продлилъ бы твое милое здоровье и вѣку твоего до позднѣйшихъ лѣтъ твоихъ и милыхъ нашихъ дѣтей. Теперь скажи мое искренное почтеніе любезному моему П. А. ²⁾, желаю ему быть здоровому, спокойному и веселому; своей мамзели скажи отъ меня поклонъ, желаю ей здоровой и довольной быть. Простите всѣ, мои друзья, и предпорекаю я васъ всѣхъ въ милость и въ покровительство Творцу моему навсегда, и мое заочное благословеніе будетъ съ вами навсегда, и мысленно я васъ всѣхъ заочно обнимаю и стократно цѣлую. Впрочемъ остаюсь къ тебѣ, душа моя, вѣрная твоя мать, другъ твой по жизни мою.

Свадьба была въ Таврическомъ дворцѣ Графини Васильевой — кажется ее зовутъ Марьей Алексѣвной — съ графомъ Орловымъ-Денисьевымъ. Они съ визитомъ не были у меня; думаю, что она съ нимъ, и одинъ поѣдетъ скоро; будутъ хорошо, а не будутъ они у меня, тоска будетъ очень мнѣ, мой другъ" ³⁾.

Все это еще Екатерининскія поколѣнія русскихъ женщинъ — сильныхъ, бытовыхъ, глубоко русскихъ. Другое, позднѣйшее время дало намъ другихъ женщинъ и матерей, отъ которыхъ и пошла отчужденность, давшая сторичный плодъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Не даромъ одна изъ благороднѣйшихъ женщинъ своего вре-

¹⁾ Кн. Θεодоръ Θεодоровичъ Гагаринъ, сынъ Прасковьи Юрьевны.

²⁾ Петръ Александровичъ Кологривовъ — второй мужъ Прасковьи Юрьевны.

³⁾ Остафьевскій Арх. князей Вяземскихъ.

мени Княгиня „Ночная—la Princesse Nocturne“ (Голицына-Измайлова) на могилѣ своей завѣщала начертать: „Прошу Православныхъ Русскихъ, проходящихъ здѣсь, помолиться за рабу Божию, дабы Господь услышалъ мои теплыя молитвы у престола Всевышняго для сохраненія духа Русскаго“.

Прасковья Юрьевна совершила смѣлый полетъ на первомъ появившемся у насъ воздушномъ шарѣ, еще до 12 года. Ее не смутила опасность, и она увлеклась новизною. Шаръ этотъ благополучно опустился въ подмосковномъ имѣніи Кн. Андрея Ивановича Вяземскаго, въ селѣ Остафьевѣ. Прасковья Юрьевна не могла предвидѣть тогда, что одна изъ ея дочерей будетъ хозяйкою Остафьевскаго дома. Остатки этого воздушнаго шара долго хранились въ Остафьевѣ и еще были цѣлы въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Мы знаемъ, что Прасковья Юрьевна, въ заботахъ о сыновьяхъ своихъ, обращалась къ своему троюродному брату Гр. Н. П. Шереметеву, тогда бывшему во главѣ Пажескаго Корпуса. Видно, однако, что между ними не было близкихъ отношеній, не смотря на обуюдную близость къ общей ихъ теткѣ, Кн. Еленѣ Никитичнѣ Вяземской.

Прасковья Юрьевна не могла пройти не замѣченною, и Вигель посвящаетъ ей нѣсколько страницъ:

„Столь долго въ Москвѣ извѣстная Прасковья Юрьевна, урожденная Княжна Трубецкая, родная племянница Фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго, въ первомъ бракѣ за полковникомъ Княземъ Θεодоромъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ. Неутѣшная молодая вдова, мать нѣсколькихъ малолѣтнихъ дѣтей, взята была въ плѣнъ и въ темницѣ родила меньшую дочь. Вмѣстѣ съ другими была она освобождена Суворовымъ послѣ взятія Праги.

„Долго отвергала она всякія утѣшенія, въ серыѣ носила землю съ могилы мужа своего, но вмѣстѣ съ твердостью имѣла она необычайныя, можно сказать, невиданныя живость и веселость характера: разъ предавшись удовольствіямъ свѣта, она не переставала имъ слѣдовать.

„Она жила въ Москвѣ, въ странномъ городѣ, гдѣ на все смотрятъ, всему подражаютъ, все дѣлаютъ въ преувеличенномъ видѣ.

„Прасковья Юрьевна, которая всему охотно смѣялась, особенно вранью, и такъ не хотѣла разсердиться за то, что про нее распускали.

„Но время шло, дѣти росли, и когда она совсѣмъ почти начинала терять свои прелести, явился обожатель. То былъ Петръ Александровичъ Кологривовъ, отставной полковникъ, служившій при Павлѣ I въ Кавалергардскомъ полку. Утверждаютъ, что онъ былъ въ нее безъ памяти влюбленъ—*ou l'amour va-t-il se nicher?*

„Любовь, куда тебя занесло?—хотѣлось бы сказать. А между тѣмъ оно было такъ. Надобно было имѣть необыкновенную привлекательность, чтобы въ утробѣ этого человѣка распеветь нѣчто нѣжное, пламенное. Во Франціи, говорятъ, какая-то дама, чтобы отвязаться отъ преслѣдованій влюбленнаго, вышла за него; въ Россіи это не водится. Прасковья Юрьевна не безъ причины согласилась отдать ему свою руку. Какъ всѣ знатные у насъ, не однѣ женщины, но и мущины, не думала она о хозяйственныхъ дѣлахъ своихъ, которыя пришли въ совершенное разстройство. Она до безумія любила дѣтей своихъ, мальчики вступали въ тотъ возрастъ, въ который, по тогдашнему обычаю, надобно было готовить ихъ на службу, дѣвочки съ каждымъ годомъ милѣе расцвѣтали. Какъ для нихъ не пожертвовать собою? Какъ не дать имъ защитника, опекуна и опору!

„Кологривовъ имѣлъ весьма богатое состояніе, да сверхъ того, несмотря на военное званіе свое, былъ великій хлопотунъ и дѣлецъ.

„На полдорогѣ между Пензой и Зубриловкой было у него обширное помѣстье, село Мещерское, на три версты растянутое.

„Я написалъ почти исторію этого дома оттого, что онъ сдѣлался моею отрадою; бывало погрузятъ о Москвѣ, а тамъ и примутся за хохотомъ за растабары, и нечувствительнымъ образомъ забудешься, и хотя на время уймется сердечная тоска“ ¹⁾.

Село Мещерское, о которомъ упоминаетъ Вигель и гдѣ жили князь Петръ Андреевичъ и кн. Вѣра Ѳеодоровна Вяземскіе, послѣ смерти П. А. Кологривова досталось родственникамъ его Берновымъ, которымъ принадлежитъ и донныѣ.

¹⁾ Вигель. Воспоминанія.

Гроза 1812 года заставила многихъ изъ Москвы укрыться въ Пензу. Туда перекочевала и часть Московскаго общества. Туда ушелъ Вигель. Тамъ поселился Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ съ своею семьей. Туда же уѣхала съ своими дочерьми и Прасковья Юрьевна.

Въ письмахъ Екатерины Васильевны Шереметевой изъ Пензы къ своимъ подругамъ, сестрамъ Посниковымъ, упоминается Прасковья Юрьевна.

Вотъ что пишетъ Екатерина Васильевна изъ Пензы 7 Октября 1812 года:

„Я уже провела несчастный вечеръ у Губернатора среди большаго общества. Мы были у него, не зная, что это день его именинъ. Не могу вамъ передать всю мѣру страданій, мною тамъ испытанныхъ. Сколько разъ я вздыхала объ избахъ. Роскошь, которою я себя видѣла окруженной, мнѣ совершенно истомила душу. Представляю себѣ Госпожу Кологривову съ своими дочерьми ¹⁾, всѣ въ платьяхъ *Shall*, сама вся *décolletée* и въ пышномъ нарядѣ, и всѣ разодѣтыя. И подумать о томъ, что насъ здѣсь соединило? Увѣряю васъ, что нѣтъ возможности оставаться хладнокровно при этой мысли. Губернаторъ и его жена не желаютъ, чтобы дѣлали много лишнихъ расходовъ. Они стараются оба, по возможности, сдержатъ порывы, и съ мѣстными жителями оно имъ удастся довольно хорошо. Но это вновь пріѣзжіе, которыхъ довольно трудно исправить.

Я видѣла сегодня госпожу Павлову... и жену его, которая беременна, и очень хорошенькую съ ними маленькую. Они меня спрашивали о вашемъ здоровьѣ“ ²⁾.

Въ другомъ письмѣ, тоже изъ Пензы, отъ 23 октября 1812 г., она пишетъ:

„Вы мнѣ говорите, мой вѣрный другъ, что г-жа Кологривова истинное для меня испытаніе. Вы совершенно правы, но къ счастью у меня нѣтъ случая ее видѣть. Не смотря на все ея легкомысліе, она однажды сказала, что она не позволитъ своимъ дочерямъ тап-

¹⁾ Старшая дочь ея, княгиня Вѣра Ѳеодоровна, съ 1811 г. была уже замужемъ.

²⁾ Арх. С. Михайловскаго. Переписка Е. В. Шереметевой.

цовать на балу, на который ихъ пригласили, такъ какъ, сказала она, когда вся Россія въ траурѣ, совершенно неприлично забавлять себя такимъ образомъ.

Бѣдный раненый братъ Эренгроса умираетъ; ему было совсѣмъ хорошо, но сегодня послали нарочнаго изъ деревни, гдѣ они живутъ, чтобы привезти доктора. Его раны вновь раскрылись.

Признаюсь вамъ, что этотъ молодой человѣкъ меня очень интересуетъ, хотя я его и совсѣмъ не знаю; я даже его не видѣла, но достаточно, что вы его знаете, чтобы я приняла въ немъ участіе.

Арина Сидоровна ¹⁾ поручаетъ мнѣ вамъ свидѣтельствовать свое почтеніе.

Прощайте. Обнимаю васъ обѣихъ и молюсь за васъ Богу“.

Кологривовы вернулись въ Москву послѣ 1812 года. Вотъ что говоритъ Вигель, описывая жизнь ихъ здѣсь въ то время:

„Они жили въ такомъ кварталѣ, въ которомъ нынѣ едва-ли сыщется порядочный человѣкъ. Сему мѣсту, между Грузинами и Тверскими воротами, какъ-то дано было пріятное названіе Тишина. Нынѣ называется оно прежнимъ подлымъ именемъ Живодерки. Тутъ находился длинный деревянный одноэтажный, негорѣвшій домъ, принадлежащій г. Кологривову, съ множествомъ службъ, съ обширнымъ садомъ, съ огородами и пр.; однимъ словомъ, господская усадьба среди столичнаго города“ ²⁾.

Въ этомъ домѣ впослѣдствіи Кологривовы имѣли счастье принимать самого Государя Императора.

Описывая Москву того времени, Вигель говоритъ: „Вообще Московская жизнь въ ту зиму напоминала прежнюю ея старинную, беззаботную, шумную веселость.

„Можно еще было видѣть коей-гдѣ слѣды разрушенія, но тутъ старуха предстала мнѣ въ праздничномъ видѣ. Она какъ будто

¹⁾ Арина Сидоровна—старая няня, вынужившая всю семью Вас. Вл. Шереметева; она не покидала ее и, какъ другъ дома, дожила до глубокой старости. Въ Михайловскомъ ея комната была внизу большаго дома у входа въ церковь. Погребена она въ Новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ, тамъ-же, гдѣ семья Шереметевыхъ.

²⁾ Вигель, Воспоминанія, т. IV, стр. 116.

набѣлилась, свѣтъ покрывалъ и изглаживалъ морщины ея и рубцы, нанесенные ей непріятельскимъ вторженіемъ.

„Я встрѣтилъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ. Тутъ находилась Прасковья Юрьевна Кологривова съ своимъ вѣчнымъ смѣхомъ. У нея не было друга финмуша, а „все тотъ шпигъ и тотъ же мужъ“. Ее пріѣхала навѣстить дочь ея изъ Варшавы, гдѣ оставила супруга своего на службѣ.

„У Прасковьи Юрьевны познакомился такъ же съ графиней де-Брогло, урожденной Левашевой, бывшей въ первомъ бракѣ за братомъ ея—Т. Трубецкимъ. Эта женщина, подъ именемъ графини Анны Петровны, была долго слишкомъ извѣстна Москвѣ“.

Мужъ Прасковьи Юрьевны—Кологривовъ былъ человѣкъ богатый. Ему, кромѣ родовой Кологривовской усадьбы, Калужскаго имѣнія, Алексинскаго уѣзда, села Жарковъ, принадлежало въ Пензенской губерніи богатое село Мещерское.

Прасковья Юрьевна подолгу жила въ Мещерскомъ. Здѣсь ее навѣщала дочь и внуки Вяземскіе. Сохранился цѣлый рядъ писемъ отъ нихъ къ кн. П. А. Вяземскому. Въ одномъ изъ нихъ подробно описывается обстановка Прасковьи Юрьевны. Вообще въ письмахъ княгини В. Θ. Вяземской много дорогихъ чертъ, освѣщающихъ помѣщичій бытъ того времени и весьма характерныхъ для княгини и для дѣтей ея. Она говоритъ, что уже 16 лѣтъ какъ замужемъ, а свадьба ея была въ 1811 году; слѣдовательно всю эту переписку можно отнести къ 1827 г. Княгиня В. Θ. проводила въ Мещерскомъ зиму. Съ нею, кромѣ трехъ дочерей, былъ и сынъ ея Павелъ Петровичъ, тогда еще симпатичный мальчикъ. Мы приводимъ и нѣсколько дѣтскихъ строкъ, писанныхъ отцу изъ Мещерскаго, характеризующихъ ихъ отношенія къ родителямъ. Письма эти составляютъ только малую часть переписки и взяты на выдержку.

Вотъ какъ описываетъ княгиня Вѣра Ѳеодоровна одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Мещерское въ письмѣ къ мужу, временно пребывавшему въ Петербургѣ.

„Мы прибыли въ Мещерское 10 Октября ночью. Всѣ спали. Мы потихоньку пробрались въ наши комнаты, и только на слѣдующій день видѣли мы матушку и вотчима. Они приняли меня

съ нѣжностью и продолжаютъ быть къ намъ очень добры. Мы всѣ очень хорошо помѣщены. Я сплю съ тремя маленькими въ одной комнатѣ; съ одной стороны мы отдѣлены отъ учебной комнаты двумя маленькими комнатами, которыя намъ служатъ уборной и складомъ для вещей. Съ другой стороны—огромная комната для дѣвушекъ, въ которой находится углубленіе для Параша и для Анны Павловны, которыя болѣе чѣмъ когда-либо друзья; затѣмъ слѣдуетъ мой кабинетъ, который до сего дня, что я пришла тебѣ писать—обыкновенно пустъ. Единственное собраніе въ немъ—это первый завтракъ дѣтей и пр. Я завтракаю позднѣе съ матушкой. (Большой) завтракъ упраздненъ, потому что мы обѣдаемъ въ три часа. У меня все утро свободно; мы соединяемся къ обѣду, затѣмъ сегодня въ первый разъ мы всѣ прогуливались, одни въ каретѣ, другіе на дрожкахъ, завтра, если будетъ хорошо, мы пойдемъ пѣшкомъ въ 5 ч. до 8. Мы еще займемся нашими уроками, и затѣмъ чай и конецъ вечера у матушки. За кабинетомъ у насъ есть билліардная, которая тебя ожидаетъ, налѣво огромный столъ, гдѣ нашъ клавесинъ; оный же столъ для рекреаций; смежный съ нею прекрасный кабинетъ, гдѣ Толмачева спитъ съ Павломъ и который тебѣ предпозначенъ... Слишкомъ выдвинуть, чтобы сдѣлать каминъ, но мой вотчимъ уступить тебѣ свою комнату, по твоему пріѣздѣ, гдѣ имѣется... равно и... въ каблукѣ. Вотъ что касается внутренности. Увы, что сказать тебѣ о грустной мѣстности, въ которой нахожусь: она ужасна. Я не подхожу къ окнамъ, избѣгая ближайшаго знакомства со всѣмъ, что меня окружаетъ. Нужна добродѣтель здѣсь пока, и если я рѣшаюсь выходить, то чувствую, точно я кому-то дѣлаю услугу, мало меня интересующую, словомъ какъ грустный долгъ. Я уже видѣла въ сборѣ общество нашихъ родителей. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ, не стоящихъ быть названными. Но я съ истиннымъ удовольствіемъ познакомилась съ M-m Soldaine и съ кн. Шаховской. Это одна изъ его родственницъ, урожденная Мерлина. Вдова нѣкоего Есипова, она очень предана Княгинѣ. Это очень умная женщина, немножко слишкомъ учена, потому что она знаетъ по-гречески и по-латыни; но у нея нѣтъ ни малѣйшаго отбѣнка педантизма, и я уже легче дышу, когда я около нее: она меня пой-

метъ; она веселая, живая, игривая, прекрасная мать (ея дѣти ресурсъ для моихъ), очень хорошая хозяйка; не смотря на это, слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ Европѣ, читаетъ все, что появляется, получаетъ газеты, обожаетъ литературу, иностранную болѣе нашей, говоритъ по-французски, по-англійски, по-нѣмецки и пр. Она живетъ въ 25 верстахъ отъ насъ,—что для тебя будетъ истинное сокровище, и я постараюсь не слишкомъ съ ней сблизиться, чтобы это не помѣшало тебѣ, по твоёмъ пріѣздѣ, составить изъ нея свое общество. Одинъ изъ здѣшнихъ господъ говорить, что въ окрестностяхъ есть рафинадный сахаръ. Г-нъ Сабуровъ пишетъ моей матери, что пришлетъ разнаго и вкуснаго; вы выберете, что Вамъ подойдетъ;—третій, у котораго я спросила свѣдѣній объ учителѣ музыки, мнѣ отвѣтилъ: „принужденъ вамъ признаться, что для меня всякая музыка—твар-лоо-тно-тно“! и въ то-же мгновеніе онъ приказываетъ своему сыну, молодому человѣку 16 лѣтъ, играть на клавишнѣ; что со мною было, когда я услышала, какъ онъ коверкалъ à vous dirai je! Въ распlohъ я начала хохотать, но такъ хохотать, что я кончила тѣмъ, что заплакала, при томъ удирая отъ этой выходки, которую я предпочла бы не дѣлать. Въ письмѣ моемъ къ Сиренѣ и къ Окуловымъ я ничего не пишу, ни тѣмъ, ни другимъ, не имѣя, право, на то времени. Пожалуйста возьми у меня Матвѣя, мнѣ онъ совсѣмъ здѣсь не нуженъ; я хотѣла бы также возвратить тебѣ моихъ лошадей и кучеровъ. Прощай, дорогой другъ, цѣлую тебя со всею пѣжностью, къ которой сердце мое способно; тебѣ судить—мало ли это или много. Попроси Варвару Окулову прислать мнѣ, какъ можно скорѣе, музыку французскихъ кадрили. Прощай, прощай“.

16 Октября.

Изъ Мещерскаго же пишетъ Князю Петру Андреевичу старшая дочь его Марія Петровна:

„Милый и добрый папа, гдѣ вы теперь—въ Москвѣ или въ Костромѣ? Пріѣзжайте скорѣе, милый и добрый папа. Мы ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ. Вчера у бабушки были гости, всѣ здѣсь такіе смѣшные. Г. Честилина сказала, что у нея гувернантка Швейцарка, которая дѣлаетъ портреты. Тогда мама спросила, можетъ ли она сдѣлать ее,—а дама эта отвѣчаетъ: „позвольте, чтобы

она прежде мою кривую харю срисовала; если похоже будетъ, тогда и вашъ портретъ можно будетъ срисовать“. Г-жа Сушкова спросила у этой дамы: „что она сухими красками рисуетъ?“ Тогда мужъ г-жи Честилиной отвѣтилъ: „ей Богу, она не сухими красками рисуетъ, она ихъ разбавляетъ водой, а то бы она всю харю расцарапала“. Сынъ увѣряетъ, что чепецъ очень похожъ, но лицо вовсе нѣтъ. Мы были почти на всѣхъ фабрикахъ. Прощайте, цѣлую васъ очень нѣжно. Наденька и Павелъ васъ цѣлуютъ“.

Марія Вяземская ¹⁾.

Писалъ изъ Мещерскаго и князь Павелъ Петровичъ, еще со-всѣмъ ребенкомъ.

„Здравствуйте. У меня нѣтъ п...а, а скрипку скоро-ли пришлете? Володинька мнѣ сказалъ, что у нихъ всѣ здоровы, кромѣ Софиньки, которая очень кашляла, а теперь здорова... Я очень знаю, что у Каразиныхъ въ домѣ Андерсона, а красильщикъ давно вышелъ.“

Что это за Дашковъ, о которомъ вы объявили? Володинька худой въ лихорадкѣ и Параша въ лихорадкѣ. У васъ есть по-сидику. Какой я буду фантъ платить за ошибки? Когда буду цѣловать сестрицъ? Катинька женилась-ли? Если женилась, то попросите, чтобы она пріѣхала и срисовала бы со всѣхъ насъ портреты.

Шарадъ русскій слѣдующій:

Сри—совать отъ П: В.

Къ Петру: В.

Стихи въ Петинькѣ:

Здравствуй, Петинька, мой другъ!
Чтобъ ты выигралъ
Король самъ другъ.

Письма Княгини В. Ѳ. Вяземской изъ Мещерскаго, какъ замѣчено, относятся въ 1827—28 годамъ. Они переносятъ въ давно отжившій бытъ и даютъ объ немъ и обитателяхъ Мещерскаго нѣкоторое понятіе. Сама же Княгиня Вѣра Ѳеодоровна очевидно была притягательнымъ центромъ Мещерскаго. Многіе пріѣзжали туда исключительно для нея. Къ числу ея поклонниковъ принад-

¹⁾ Въ Остафьевѣ хранится ея дневникъ.

лежалъ Ф. Ф. Вигель. Вотъ характеристика его, обличающая, что и онъ испыталъ на себѣ ея чары. „Княгиня Вѣра Ѳеодоровна была существо весьма необыкновенное. Я зналъ трехъ маленькихъ сестеръ ея, милыхъ, скромныхъ, веселыхъ: она не совсѣмъ походила на нихъ. При неистощимой веселости ея права, никто не сталъ бы подозрѣвать въ ней глубокой чувствительности, а я мнѣ, чѣмъ кто другой. Какъ другія любили выказывать ее, такъ она ее прятала передъ свѣтомъ, и только время могло открыть ее передъ нимъ. Не было истинной скорби, которая бы не произвела не только ея сочувствія, но и желанія облегчить ее. Ко всему человѣчеству вообще была она сострадательна, и немилосердна только къ нашему полу. Какая женщина не хочетъ нравиться, и я готовъ прибавить, какой мужчина? Поклонники красоты суть ея подданные. Въ молодости женскій полъ такъ любитъ царствовать и долго не соглашается отказаться отъ престола, воздвигнутаго страстями... Иныя дорого платятъ за успѣхи кратковременнаго своего владычества. Такого рода честолюбія вовсе не было у Княгини Вяземской: всѣ влюбленные казались ей смѣшны, страсти, ею производимыя, въ глазахъ ея были ничтожны, какъ сочиненныя ею комедіи, которыя при ней разыгрывались и ее забавляли. Не служить ли это доказательствомъ, что, при добротѣ ея сердца, то, что мы называемъ любовью, никогда не касалось его; если бы она могла понять ея мученія, то содрогнулась бы. Самымъ прекраснѣйшимъ изъ женщинъ одной красоты недостаточно, чтобы увлечь въ свои сѣти; необходимы нѣкоторое притворство, тонкость, уловки,—однимъ словомъ—вся стратегія кокетства. Отъ нихъ она тѣмъ отличалась, что никогда не прибѣгала къ подобнымъ средствамъ, употребляя, если можно сказать, простые, естественныя чары. Никого не поощряя, она частыми насмѣшками болѣе производила досаду въ тѣхъ, коихъ желала привлекать къ себѣ. Какъ между ископаемыми въ царствѣ животныхъ нѣтъ ли также существъ, одаренныхъ магнитною силою? Не будучи красавицей, она гораздо болѣе ихъ нравилась; не много старше мужа и сестеръ, она всѣхъ ихъ казалась моложе; небольшой ростъ, маленькій носъ, огненный, провзительный взглядъ, невыразимое перомъ выраженіе лица и граціозная непринужденность движеній долго молодили ее.

Смѣлымъ обхожденіемъ она никакъ не походила на нынѣшнихъ львицъ; оно въ ней казалось не наглостью, а остаткомъ дѣтской рѣзвости. Частый и громкій хохотъ ея въ другой казался бы неприличнымъ, а въ ней восхищаль, ибо она скрашивала и направляла его умомъ, которымъ безпрестанно искрился разговоръ ея. Такія женщины иногда рождаются, чтобы населять сумасшедшіе дома; въ это время я самъ годился бы туда, но можетъ быть это и спасло меня. Я не могъ прельститься умомъ, тогда какъ я плѣнялся простодушіемъ, т.-е. глупостью. Увы, и безъ меня сколько было безумцевъ закланныхъ, подобно баранамъ, на жертвенникѣ супружеской вѣрности тою, которая и мужа своего любила болѣе всего, любила иѣжно, но не страстно¹⁾.

„У Вяземскихъ, продолжаетъ Вигель, увидѣлъ я первый разъ Катерину Андреевну Карамзину и былъ ей представленъ. Она обошлась со мною также, какъ и со всѣми незнакомыми и даже со многими знакомыми, не весьма привѣтливо: это не мѣшало мнѣ отдать справедливость ея наружности. Что мнѣ сказать о ней? Она была бѣла, холодна, прекрасна, какъ статуя древности. Если бы въ головѣ язычника Фидіаса могла бы блеснуть христіанская мысль и онъ захотѣлъ бы изваять мадонну, то, конечно, далъ бы ей черты Карамзиной въ молодости... Одно имя, ею носимое, уже освящало ее въ глазахъ моихъ: я любовался ею робко и подобострастно, и хотя ужъ былъ зрѣлый, и едва ли не перезрѣлый юноша, но, какъ пажъ Херубино о Графинѣ Альмавива, готовъ былъ сказать о ней: „qu'elle est belle, mais qu'elle est imposante!“ А душевный жаръ, скрытый подъ этою мраморною оболочкой, могъ узнать я только позже. Послѣ обѣда пріѣхалъ самъ Карамзинъ и разговаривалъ со мною: ему нельзя было узнать человѣка, котораго, вѣроятно, едва запомнилъ онъ мальчикомъ, а я не смѣлъ ему напомнить о себѣ“.

Еще свѣжи въ памяти у многихъ живые рассказы Княгини В. О. Вяземской о временахъ давно прошедшихъ. Сама она была яркою представительницею этого прошлаго, и зная ее, можно себѣ, до нѣкоторой степени, представить и среду, окружавшую Прасковью Юрьевну.

¹⁾ Вигель. Воспоминанія. ч. IV, стр. 118.

Въ своей неизмѣнной, хотя и странствующей, обстановкѣ, среди мягкихъ, старомодныхъ креселъ, съ неизбѣжнымъ столикомъ для вышиванія и съ клубками шерсти, съ шитыми занавѣсями, съ опахаломъ или подушками, съ памятною всѣмъ тростию въ рукахъ и въ старомодномъ чепцѣ, который она охотно снимала среди оживленнаго разговора, полная юношескаго пыла, неподдѣльной веселости и остроумія, съ своею чистою, старо-московскою русскою рѣчью, съ выходками и вспышками рѣзваго и не старѣющаго ума—Княгиня Вѣра Ѳеодоровна была дѣльнымъ типомъ стараго Московскаго допоярнаго общества. Въ ней было рѣдкое сочетаніе памяти, одинаково воспріимчивой къ далекому прошлому и къ животрепещущимъ интересамъ настоящаго. Она кипятилась и негодовала, и въ тоже время заливалась своимъ заразительнымъ хохотомъ, слѣдя за всѣмъ и живя въ постоянномъ и разнообразномъ общеніи съ множествомъ лицъ; она принимала у себя за просто августѣйшихъ посѣтителей разныхъ странъ съ одинаковою непринужденностью и съ своеобразною простотою, не чуждою глубокаго знанія человѣческихъ слабостей и придворнаго быта, и всѣхъ очаровывала блескомъ своего свѣжаго неувядаемаго ума.

Таковою осталась Княгиня В. Ѳ. Вяземская до послѣднихъ лѣтъ десятаго десятка своей многолѣтней жизни. Таковою она запечатлѣлась въ памяти многихъ, ее знавшихъ. Обычнымъ выраженіемъ ея было слово „натурально“; вообще она выражалась образною рѣчью. „У нея брюхо подъ носомъ“—говаривала она о беременныхъ женщинахъ. „Grosse a pleine ceinture“.

Къ прислугѣ обращалась она съ приказаніями отнести то или другое „въ княжью комнату“ и, конечно, иначе не выражалась, какъ: „Кнесъ“ Никита Юрьевичъ, „Кнесъ“ Юрій Никитичъ... Любила она вспоминать о Пушкинѣ, съ которымъ была въ тѣсной дружбѣ, чуждой всякихъ церемоній. Бывало зайдетъ къ ней поболтать, посидитъ и жалобнымъ голосомъ попроситъ: „Княгиня, позвольте уйти на суденышко!“ и, получивъ разрѣшеніе, уходилъ въ ней въ спальню за ширмы. Она иначе не называла его, какъ „Alexandre Pouschkine“.

На Коронаціи Императора Николая I князя Петра Андреевича Вяземскаго не было въ Москвѣ, и онъ не желалъ, чтобы на

ней была Княгиня Вѣра Ѳеодоровна. О себѣ онъ говорилъ, что присутствовать не можетъ на Коронаціи, такъ какъ *les marches du trône sont souillées de sang*. Но Княгиня непремѣнно хотѣла участвовать ради готовящихся увеселеній. Она нарочно заказала себѣ дорогое платье изъ неразрѣзаннаго бархата и, вспоминая объ немъ, всегда приговаривала то, что ей тогда твердили, т.-е. что это платье: „*Valait la rençon d'un roi*“. Отсутствіе Князя Петра Андреевича огорчило многихъ друзей. Къ тому-же дѣла его нѣсколько разстроились, а семья его уѣхала въ имѣніе Кологривова—с. Мещерское, къ Прасковѣ Юрьевнѣ. Позднѣе Кн. Вяземскій вернулся въ Москву, но не на долго. Отъѣздъ Князя Петра Андреевича изъ Москвы, повидимому, состоялся не легко. Его проводили стихами:

„Вы ѣдите!.. въ слезахъ Полянка,
Рыдаетъ Якиманка,
Каретный рядъ унылъ.
О Прѣснѣ я ни слова —
Явитесь снова
Обрадовать друзей и воскресить
Людьмила!..“

Кромѣ Пензенскаго Мещерскаго, Прасковѣ Юрьевнѣ принадлежало и другое старое Кологривовское имѣніе, въ 18 вѣкѣ принадлежавшее Ю. И. Кологривову, пріятелю Князя А. М. Черкаскаго. Оно перешло отъ Княгини Маріи Юрьевны Черкаскаго (Трубецкой) къ племяннику ея Князю Юрію Никитичу Трубецкому, и отъ него къ Прасковѣ Юрьевнѣ. Это с. Жарки, Калужской губ., о которомъ любила вспоминать Княгиня Вѣра Ѳеодоровна. Въ спальнѣ ея неизмѣнно стояли два высокихъ продолговатыхъ комода, краснаго дерева, съ бронзовыми головками сфинксовъ, во вкусѣ конца вѣка: „*les commodes de Жарки*“—она особенно ими дорожила.

Въ Жаркахъ также по временамъ жили Кологривовы. Передъ нами два письма оттуда П. А. Кологривова къ падчерицѣ своей Кн. В. Ѳ. Вяземской отъ 1830 года.

„Любезный Другъ, Вѣра Федоровна! Едва мы успѣли тебя проводить, какъ страхъ и ужасъ къ намъ водворился; чрезъ часъ мѣста явился къ намъ Василій Николаевичъ, который воротился съ Калужской дороги; ему навстрѣчу попался Иванъ Федоровичъ

Похвисневъ, который въ городцкой каретѣ какъ сидѣлъ, такъ изъ Москвы и выѣхалъ; объявилъ ему, что онъ ѣдитъ въ Калугу, въ Могилевъ, а коли обстоятельства потребуютъ, поѣдитъ въ Ригу и далѣе; разумеется Василій Николаевичъ пришолъ отъ таковой неожиданной встрѣчи въ совершенное разстройство духа; имея жену и дѣтей на рукахъ, на другой дѣнь я поскакалъ к нему въ Калугу, ибо онъ, напившись чаю, переменя лошадей, которыхъ съ трудомъ могъ ему набрать, уѣхалъ ночью; я дождавшись отъ тебя лошадей, прежде ѣхать не могъ; нашолъ его въ Калугѣ еще хуже, ибо ежеминутно новости непріятныя приходили отъ пріѣзжающихъ изъ Москвы. Слухъ уже былъ, что къ вечеру прибудетъ пятнадцать фамилій еще; и что вездѣ карантинъ поставится, и что ѣдетъ братъ Губернатора Князь Андрей Петровичъ Оболенскій ¹⁾, котораго я тотже вечеръ и видѣлъ; онъ съ тобою и встрѣтился: но уже Ладамирскаго ²⁾ въ Калугѣ тогда не было; до пріѣзда моего въ Калугу онъ отправилъ эстафетъ къ Ивану Николаевичу, нанялъ лошадей; дожидался только меня; я, найдя его паче въ разстроенномъ состояніи, боялся однако, чтобы тутже не занемогъ; много его неуговаривалъ; онъ, заложивъ лошадей, и уѣхалъ въ Могилевъ; боюсь только одно, чтобъ Иванъ Николаевичъ на него за оное неразсердился бы, ибо онъ сумашедчей; у насъ по сіе время, слава Богу, все еще благополучно, и если въ Калугѣ будетъ тоже благополучно, то я намеренъ нанять въ Калугѣ домъ и переѣхать туда, ибо все будетъ лучше; въ случаѣ какой нибудь болѣзни, свободней можно тамъ имѣть помощь, чѣмъ въ деревнѣ; жена, слава Богу, здорова, но стехъ поръ, какъ ты ея оставила, она еще не выходила изъ дому, окромѣ одинъ разъ на крыльцо, дабы встрѣтить икону Божей Матери Калужской, которую подымали.

Если Государь будетъ въ Москву, слѣдственно и Князь Петръ Андреевичъ долженъ будетъ быть въ Москвѣ; ты обнемъ ничего не пишешь, гдѣ онъ; по надписѣ письма его рукою наверное положить нельзя, чтобъ онъ былъ въ Астафьевѣ, ибо ты могла к нему письмо послать въ Москву; онъ и тамъ его могъ надписать; пожалоста его время пиши регулярно всякую почту, и уведомляй

¹⁾ Князь Андрей Петровичъ Оболенскій—Попечитель Московскаго уч. округа.

²⁾ Ладомирскій женатъ на дочери Прасковьи Юрьевны, Софіи Феодоровнѣ.

насъ окуротно о холерѣ и обо всемъ, что у васъ дѣлается; молимъ Богу обо всехъ васъ, дабы васъ сохранилъ; жена посылаетъ вамъ благословеніе; а я тебя прошу за меня поцаловать князя и всѣхъ дѣтей, а тебя мысленно цалую истинно тебя любящій покорной слуга П. Кологривовъ.

На слѣдующей почтѣ будемъ писать къ Четвертинскимъ ¹⁾. Поцалуй ихъ всехъ за насъ, а теперь спешимъ послать на почту, дабы получить скорей новости.

1 октября 1830 г. Жарки. ²⁾

Второе письмо П. А. Кологривова слѣдующее:

„Письмо твое, милой другъ Вера Федоровна, получилъ, въ которомъ пишешь, что не получаешь нашихъ писемъ. Мы всегда пишемъ чрезъ Антропыча, который всегда пишетъ письма твои; доставилъ твое управителю и всякую недѣлю два раза регулярно пишетъ, что объ васъ имеетъ извѣстіе, что вы здоровы.

Я съ женою говель, буручи болень, и сподобились приабычтся святыхъ тайнъ; послѣ онаго другую неделю никуда не выезжаю, и жена не оченна здорова, простудила голову и цоку, но все таки всякой день ездить кабедни и удержать никакъ нельзя, а я болень кашлемъ и горло болить. Всякая полицейская предосторожность до крайности жену безъпакоить. Холеры у насъ совершенной еще не признато, а бываютъ случаи весьма редки, но по-

¹⁾ Кн. Борисъ Антоновичъ и Кн. Надежда Ѳеодоровна Четвертинскіе — зять и дочь Прасковьи Юрьевны.

²⁾ *Село Жарки*, Калужской губерніи, въ которомъ погребена Прасковья Юрьевна. въ настоящее время принадлежитъ княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Голицыной, урожденной Валуевой, ввучкѣ князя П. А. Вяземскаго.

Жарки было нѣкогда имѣніемъ Трубецкихъ и принадлежало Княгинѣ Марѣ Юрьевнѣ Черкасской, сестрѣ князя Никиты Юрьевича Трубецкаго. Княгиня Вѣра Ѳеодоровна говаривала, что она много знаетъ о своемъ прадѣдѣ, князѣ Никитѣ Юрьевичѣ, но никогда того не расскажетъ. Жарки принадлежали нѣкогда Юрію Кологривову, повидимому, пріятелю семьи Черкасскихъ. Его полевой портретъ нѣтъ въ Кусковѣ. Станный типъ старика съ розовой ленточкой на шеѣ. Об немъ не разъ упоминается въ бумагахъ семейнаго архива. Жарки дошли до вотьчима Княгини Вѣры Ѳеодоровны, женившагося на ввучкѣ Княгини Марьи Юрьевны. Портретъ Прасковьи Юрьевны въ старости. На пей красный капоть, съ мѣховымъ воротникомъ. Выразительное старческое лицо, на которомъ видны остатки прежней красоты. Въ образной нашего дома нѣтъ икона Спасителя древняго письма, на которой вадпись, что она принадлежала Юрію Кологривову.

даютъ сумненіе и называютъ оные случаи случайной, похожей на холеру; таковыхъ случаевъ въ два мѣсяца было случаевъ пять; ихъ и точно нельзя назвать холерой въ томъ городѣ, гдѣ считается жителей 26000 человекъ мужскаго и женскаго полу.

Князь Федоръ ¹⁾ выѣдетъ въ походъ 10 Декабря; мы ни аднаво отъ него письма неимеемъ; я сейчасъ къ нему пишу, а депешъ послать не имею ни гроша, ибо я въ такой крайности отроду и самъ не бывалъ; поцалуй за насъ князя и детей; жена вамъ посылаетъ свое благословеніе и оба тебя мысленно цалуемъ. Истинно тебя любящій покорной слуга Петръ Кологривовъ“.

1830 года ноябрь 28 дни.

На 4-й страницѣ письма адресъ: Ея Сіятельству, Милостивой Государынѣ, Княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Вяземской.

О П. А. Кологривовѣ сохранилось воспоминаніе, какъ о человекѣ мало образованномъ и отчасти самодурѣ. Когда называлъ его имя князь П. А. Вяземскій, то при этомъ всегда улыбался тою самою улыбкой, которую отиѣтилъ Пушкинъ... Княгиня Вѣра Ѳеодоровна не иначе говорила объ немъ, какъ полунасмѣшливо, припоминая его причуды и странности... Въ молодости ея въ ходу были „шарады“, и Кологривовъ, не желая отставать отъ другихъ, предлагалъ шарады своего изобрѣтенія и притомъ на французскомъ языкѣ, которымъ плохо владѣлъ. Такъ предлагалъ онъ отгадать: *mon premier est ce qui pique la langue, mon second est avec — quoi je vois (sic), et mon tout est quoi je vois!* Разгадка „солъ“ — „эль“ глазъ — *soleil!* Онъ предлагалъ также изобразить въ дѣйствіяхъ слова: „*delassements de l'homme sensible*“. И когда ему возражали, что почти невозможно это выполнить, онъ пояснялъ такимъ образомъ: Въ первой картинѣ долженъ проходить кто-нибудь черезъ сцену оттуда — „*de la*“. Во второй человекъ долженъ изобразить сѣющаго — „*semant*“, въ третьей долженъ входить человекъ съ водой (*de l'eau*), въ четвертой входить онъ самъ (*me*), въ пятомъ долженъ стрѣлять безъ мишеніи — „*sans cible*“ ²⁾. Вообще

¹⁾ Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Гагаринъ, сынъ Прасковьи Юрьевны Кологривовой.

²⁾ При этомъ Княгиня Вѣра Ѳеодоровна выражала удивленіе тому, что Кологривовъ знаетъ слово „*cible*“.

Кологривовъ не отличался утонченными чувствами и былъ грубоватъ. Такъ послѣ смерти Прасковьи Юрьевны, онъ потребовалъ, чтобы семья сѣла за тотъ самый столъ, на которомъ только что лежало ея тѣло, что конечно всѣмъ было крайне тяжело.

Послѣ смерти Прасковьи Юрьевны Кологривовъ вскорѣ сошелъ съ ума и взятъ былъ подъ опеку. Такимъ образомъ не осуществилось желаніе ея, чтобы онъ озаботился о ея дѣтяхъ: имъ же досталось ничего. Между вещами ея были старинные часы, пробившіе часъ кончины Задунайскаго ¹⁾.

Одипъ изъ сыновей Прасковьи Юрьевны, Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Гагаринъ, былъ истиннымъ представителемъ своего времени. Сынъ когда-то блестящаго танцора Королевы Маріи-Антуанеты, онъ вступилъ въ Парижъ вмѣстѣ съ войсками нашими въ 1814 году. Совершенный французъ, подобный многимъ его современникамъ, онъ извѣстенъ былъ подъ прозвищемъ: *tête de mort*.

Вскорѣ послѣ взятія Парижа онъ былъ въ театрѣ и до него дошелъ разговоръ въ сосѣдней ложѣ. Говорили тамъ о появленіи съ казаками какого-то русскаго дикаря и баши-бузука, князя Гагарина. Говорили съ недоумѣніемъ и опасливо. Князь Ѳ. Ѳ. не замедлил отрекомендоваться своимъ сосѣдямъ по ложѣ и увлекъ ихъ разговоромъ на отборномъ французскомъ языкѣ. Когда же они пожелали узнать его имя, онъ изумилъ ихъ сообщеніемъ, что онъ тотъ самый баши-бузукъ, о которомъ они толковали ²⁾.

По выходѣ въ отставку, онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и кончилъ свой вѣкъ раздражительнымъ старымъ холостякомъ. Онъ былъ пріятелемъ Графа В. А. Бобринскаго ³⁾. Вообще же, мало доступный, онъ брюзжалъ, курил трубку, и ко всему относился скептически и порицательно. Между нимъ и Княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ не было настоящей близости. Они принадлежали къ различнымъ мірамъ и письма Князя Гагарина мало содержательны. Характерно въ одномъ изъ нихъ чисто практическое выраженіе: „*Mais sacrebleu envoyer moi de l'argent*“ — „Чертъ возьми, пришлите-же мнѣ денегъ“.

¹⁾ Со словъ княгини В. Ѳ. Вяземской.

²⁾ Со словъ княгини В. Ѳ. Вяземской.

³⁾ Остафьевскій архивъ Кн. Вяземскихъ.

Съ легкой руки Грибоѣдова, составилось не вполне точное понятіе о Прасковѣ Юрьевнѣ, легкомысліе которой вѣрнѣе оцѣнено Вигелемъ. Добрыя чувства ее не покидали; она дѣлала добро и находила утѣшеніе въ перепискѣ съ близкими людьми. Съ годами религиозное чувство въ ней усилилось.

Передъ нами письмо къ ней отъ 29 Декабря, но къ сожалѣнію безъ года и безъ подписи. Вотъ это письмо:

„Князь мой, истинный мой другъ, благодаритъ тебя за письмо твое отъ 23 Ноября и за подарокъ Вашъ—200 руб., который мы получили отъ вашего старосты, но полно объ этомъ. Я, другъ мой сердечный Параша, омыль твое письмо слезами благодаренія Спасителю, видя изъ онаго чувства твоего сердца и чрезъ то видя благодать Бога нашего, на тебя изливающуюся со изобиліемъ. Старайся, другъ мой, не упускать ни на мгновеніе ока гласа Его, внутрь тебя непрестанно глаголющаго: *да будетъ свѣтъ*. Не упускай онаго гласа, и что ты ни дѣлала, и въ чемъ бы не упражнялась, но приучай сердце твое *не словами, а въ духъ* непрестанно къ Нему вопіять о помощи, чтобъ тебѣ быть въ истинномъ покореніи Богу и готовой возсіять свѣтомъ Его, подобно тому, какъ въ день первый творенія при словѣ: *да будетъ свѣтъ* — возсіалъ онъ въ мірѣ изъ *невидимости Божіей въ видимость міра*, ибо при изрѣченіи сего слова *еще было ничто*. Такъ и ты, мой другъ, старайся всю надежду на самое себя и никакія-либо то внѣшнія дѣла ни были и какъ бы они святы не казались, старайся не полагать на оныя твоего упованія, а старайся только такъ себя содѣлать, чтобъ ты для самой себя казалась *ничто*: ибо тогда то воистинну возсіетъ въ тебѣ свѣтъ, твое небо и земля, т. е. твой разумъ и твои чувства возгорятся свѣтомъ Божіимъ, понеже Богъ все изъ ничего творилъ, и кто содѣляется *не для человѣковъ внѣшню, а внутренню для самаго себя—ничто*, въ томъ возсіетъ *день первый его духовнаго творенія*.

Но полно объ этомъ. Коли Богъ доведетъ и благословитъ еще намъ другъ съ другомъ увидѣться, то можемъ пространнѣе объ этомъ говорить.

Сверхъ писаннаго, Князь завѣщаетъ тебѣ, какъ другу, ежедневно читать Евангеліе съ молитвою ко Спасителю, да дастъ Онъ

тебѣ уразумѣть *не одну букву, то есть не одно слово Евангелія, но духъ ученія и жизни Иисуса Христа* и просить тебя, чтобы ты запечатлѣла въ памяти и сердцѣ твоемъ въ Матееѣ Гл. 5, 6 и 7, да хорошенько бы при молитвѣ вразумѣла во Іоаннѣ въ 4 гл. отъ стиха 7 до 27.

Еще Князь говоритъ тебѣ, чтобы ты положила воздержаніе на себя поститься во дни страданія Спасителя два дня въ недѣлю; это не худо, только не подумай, что симъ уже совершенно Богу угодила, но знай, что какія бы ты добрыя дѣла ни дѣлала, что это не твое, а Божье милосердіе, и пичего къ себѣ не относи и за все благодари Его, ибо безъ Его милосердія ничего въ тебѣ добраго быть не можетъ. А что ты и когда захочешь помощи дѣлать, тутто и дѣлай ихъ, помня что дѣлая помочь съ желаніемъ удовлетворить бѣдность, удовлетворяешь тѣмъ себя, а безъ желанія и какъ бы съ отвращеніемъ помогаешь, тогда повиннешься воли Божіей и дѣлаешь Ему угодное.

Другую рукою:

Почтеннаго друга моего Петра Александровича въ мысляхъ обнимаю и благодарю за общій вашъ намъ подарокъ на именины; молю Бога, чтобы намъ поскорѣ другъ съ другомъ видится.

Христосъ со всѣми вами!

Другую рукою:

Примите и отъ меня, милые и почтенные мои Петръ Александровичъ и Пашечка, благодареніе за присланныя на именины наши вами деньги, которыя вѣсколько духъ мой успокоили, ибо къ празднику не оставалось у меня ни одной полушки. Я не продолжу письма моего къ вамъ: итакъ большое письмо моею рукою отъ Князя получите, почему, пожелавъ вамъ всевозможныхъ благъ, говорю: прощайте, Христосъ съ вами.

К. в. Т.

Другую рукою приписка:

„D'une foi vive et accompagnée d'amour, qui passe faire penitence des péchés passés et renoncer à Satan et à toutes ses oeuvres“.

„Живою вѣрою, сопровождаемою любовію, искупающею прошлые грѣхи и заставляющею отречься сатаны и всѣхъ дѣлъ его“.

Послѣдніе годы своей жизни Прасковья Юрьевна ¹⁾ провела въ Петербургѣ; она жила въ своемъ домѣ на Конногвардейскомъ бульварѣ, гдѣ и скончалась. Погребена же въ селѣ Жаркахъ.

Передъ смертью послѣднее произнесенное ею слово было: „Я перехожу“ — „Je passe“.

Г. С. Ш.

Михайловское
10 Сент.
1900.

¹⁾ Сохранился литографированный портретъ ея въ гробу; равно находятся въ Остафьевѣ прекрасные портреты сыновей ея—Князей Ѳедора и Василя Ѳедоровичей Гагаринныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Купчая княгини М. Ю. Черкасской на село Жарки, Алексинскаго уѣзда ¹⁾).

1745 года февраля въ 8 день, Полковникъ и Ея Императорскаго Величества Егермейстеръ Петръ Никитіевичъ Хитрово, въ родѣ своемъ не послѣдній, продалъ я, Петръ, покойнаго Великаго канцлера и кавалера князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго женѣ его, Штатсъ-дамѣ княгинѣ Марѣ Юрьевнѣ, дѣтямъ и наслѣдникамъ ея впрокъ безповоротно купленное недвижимое имѣніе, которое я Петръ купилъ у Генераль-маіора и кавалера графа Александра Романова, сына Брюса, что ему Александру досталось по закладной отъ дворянина, что нынѣ Коллежскій ассессоръ, Юрѣя Иванова, сына Кологривова, въ Алексинскомъ уѣздѣ въ сельцѣ Жаркихъ съ деревнями, съ помѣщичьимъ дворомъ, съ дворовыми людьми и крестьяны, съ женами ихъ и съ дѣтьми, съ братьями и племянники, и со внучаты, и съ зятьми, и съ пріемыши, и съ новорожденными, наличными, и съ бѣглыми, и за нихъ съ пожилыми годами, а папешной земли со всѣми угодья, какъ въ той закладной написано. А тѣ крестьяне съ дворовымъ и хороннымъ строеніемъ съ хлѣбомъ помѣщиковымъ и крестьянскимъ, стоячимъ и молоченымъ и въ землѣ посѣяннымъ, и съ лошадьми, и съ скотомъ, и со всѣми

¹⁾ Домашній архивъ Г. Ш.

ихъ крестьянскими пожитки, выключая изъ оной закладной дворовыхъ людей Аѳанасья, Леонтьева сына, Касаткина и дѣтей его Михайла, Андрея, Алексѣя и дочери Аграфены и Михайловы жены Василисы, Ивановой дочери, Тихопа Семенова да крестьянина Кондратья, Тимофеева сына, Попенкова, и жены его Анны Никитиной дочери, пасынка Ѳедора и падчерицы дѣвки Натальи, Яковлевыхъ дѣтей, и племянницы ихъ дѣвки Настасьи, Даниловой дочери, и за него Кондратья и брата его Данилу Тимофеевыхъ, дѣтей Попенковыхъ, и за дѣтей его пожилыхъ денегъ, которыя подлежатъ ему Генераль-маіору и кавалеру графу Александру Брюсу, по той закладной взяты на вдовѣ Аннѣ Шереметевой съ вышеписанными дворовыми людьми и крестьяны обоихъ половъ, о которыхъ выше сего показано по именамъ, быть во владѣніи за нимъ, графомъ Александромъ, какъ явствуетъ въ данной мнѣ Петру отъ помянутого графа Александра Брюса купчей именной, а затѣмъ выговоренными дворовыми людьми и крестьянами, а именно Данилѣ, Тимофееву сыну, Попенкову съ дѣтьми и прочими людьми и крестьянами наличными и бѣглыми и новорожденными, которые слѣдовали мнѣ Петру по упомянутой закладной и по данной отъ него, графа господина Брюса, купчей, не оставляя за собою какъ по оной данной отъ него графа Александра мнѣ купчей, такъ и по означенной отъ Юрья Кологривова закладной, кромѣ вышеписанныхъ выговоренныхъ людей и крестьянъ ничего, безъ остатку.— И оному недвижимому съ людьми и со крестьяны быть во владѣніи за нею княгинею Марьей Юрьевной и за наслѣдниками ея, и подушныя и всякія по нарядамъ деньги съ будущей ревизіей за тѣхъ людей и крестьянъ платить, которыя остались за Генераль-маіоромъ графомъ Александромъ, ему графу господину Брюсу,— и написать за собою въ вотчинахъ своихъ, гдѣ полагаетъ, въ подушный окладъ. А взялъ я Петръ у нея княгини Марьи Юрьевны за то недвижимое мое имѣніе со всѣмъ вышеписаннымъ денегъ 2.000 рублей. А напредъ сего то мое недвижимое имѣніе отъ меня Петра, кромѣ сей купчей, иному не продано и не заложено, и ни въ какія вѣрѣности не укрѣплено, и ни изъ которой коллегіи и канцеляріи ни за что не отписано. А ежели противъ помянутой Кологривова закладной пашенной земли и всякихъ угодій, также людей

и крестьянъ того числа душъ, кромѣ вышеписанныхъ, выговорныхъ не будетъ, или кто учнетъ княгини Марьи Юрьевны въ то недвижимое имѣніе или все, что ни есть будетъ, по какимъ крѣпостямъ или безъ крѣпостей, вступаться, и ей княгинѣ Марьѣ Юрьевѣ и наслѣдникамъ ея по сей моей купчей на мнѣ Петрѣ, на женѣ моей и на наслѣдникахъ очистки и ничего не взыскивать, а взыскивать по означенной закладной на то недвижимое ей княгинѣ Марьѣ Юрьевѣ и наслѣдникамъ ея; всего того въ той закладной написано на помянутаго Юрья Кологривова и на наслѣдникахъ его. Чего ради та отъ Юрья Кологривова подлинная закладная отъ меня Петра ей, княгинѣ Марьѣ Юрьевѣ, при сей моей купчей и выдана.

Къ сей купчей Полковникъ и Ея Императорскаго Величества Егермейстеръ Петръ, Никитинъ сынъ, Хитрово руку приложилъ. У сей купчей Генераль-маіоръ Григорій, Григорьевъ сынъ, Скорняковъ-Писаревъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей купчей Статскій совѣтникъ князь Ѳедоръ, князь Александровъ сынъ, Борятинскій свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей купчей Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку капитанъ князь Сергѣй, князь Ивановъ сынъ, Борятинскій свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей купчей Полковникъ Иванъ, Дмитріевъ сынъ, Колчугинъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей купчей коллежскій совѣтникъ и Суднаго приказа Прокуроръ Михайла, Дмитріевъ сынъ, Комынинъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей купчей Полевой артиллеріи аудиторъ Иванъ Дмитріевичъ Рубцовъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Полковникъ Семень, Ивановъ сынъ, Дашковъ у сей купчей свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей купчей флота лейтенантъ Григорій, Ѳедоровъ сынъ, Карандѣевъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей купчей Полковникъ Ѳедоръ, Ивановъ сынъ, Сафоновъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей купчей Полковникъ Марка, Степановъ сынъ, Скарятинъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей купчей Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку Подпоручикъ Сергѣй, Никитинъ сынъ, Красовскій свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей купчей Коллежскій ассессоръ Иванъ, Демидовъ сынъ, Масловъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

Купчую писалъ Московскій крѣпостной конторы подъячій Павелъ Дружининъ.

Совершить по указу. Секретарь Ѳедоръ Васильевъ.

1745 года февраля 8 дня сія купчая Московской крѣпостной конторы въ книгу перечнемъ записана, пошлинь 200 руб., отъ письма 2 руб., отъ записки 10 коп., за страницу 10 коп., на расходы 1 руб. 1¹/₄ коп., взяты. Надсмотрщикъ Прохоръ Благодацковъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ СЛОВЪ МОИХЪ ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

1-го іюня 1865-го, въ началѣ приготовительныхъ нашихъ
бесѣдъ къ присягѣ.

Позвольте мнѣ, прежде всего, повторить Вашему Высочеству сказанное при первомъ нашемъ свиданіи: именно, что я прошу видѣть во мнѣ не учителя или педагога, чѣмъ я никогда не готовился быть, а стараго 48-ми-лѣтняго слугу трехъ Царей, опытность и практическія свѣдѣнія котораго Государь призналъ не бесполезными для Васъ въ предстоящую торжественнѣйшую минуту Вашей жизни.

Васъ окружать, не сомнѣвайтесь въ томъ, лести и угождичество всякаго рода: такова печальная участь Вашего сана, въ которомъ далеко не однѣ розы; таковъ и печальный удѣлъ чело-вѣчества, всегда болѣе стремящагося къ легкому исканію почестей, нежели къ принесенію на жертву общей пользы своей личности. Но отъ меня Вы услышите только слова правды и искренности. И по лѣтамъ моимъ, и по моимъ предшествіямъ, я живу болѣе въ прошедшемъ, нежели въ будущемъ и въ расчетахъ на общающееся имъ. Если во мнѣ еще сохранилось какое-нибудь честолюбіе, то развѣ только одно: чтобы, по мѣрѣ моихъ силъ, быть полезнымъ, въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ которыя теперь Государь меня къ вамъ поставилъ, способствовать, какъ умѣю и могу, по-

чтеннымъ трудамъ, которые посвящаетъ Вамъ столько уже лѣтъ многоуважаемый Графъ Борисъ Алексѣевичъ.

Ваше Высочество, не скрою, да и собственная Ваша совѣсть конечно давно это сознала: Вамъ предлежитъ трудная задача, одна изъ труднѣйшихъ, можетъ быть, какая когда-нибудь выпадала на долю человѣку. Вамъ должно стараться занять въ народной любви и общественномъ уваженіи ту степень, какую усвоилъ себѣ незабвенный Николай Александровичъ, и которой гласное, живое, чистосердечное заявленіе Вы Сами достаточно видѣли во всѣ послѣдніе дни. Для этого много надо трудиться, много работать надъ собою, для этого, — позвольте мнѣ употребить наше церковнославянское выраженіе, — Вамъ надо „совлечься стараго человѣка“. Потомъ, когда Промыслу угодно будетъ призвать Васъ къ владѣчеству надъ седьмою частью міра, на Васъ лягутъ другія обязанности; но имѣйте всегда передъ глазами и въ памяти, что уже и теперь не только вся Россія, но и вся Европа слѣдитъ съ зоркимъ любопытствомъ за каждымъ Вашимъ шагомъ, за каждымъ, такъ сказать, Вашимъ дыханіемъ: какъ нѣкогда будутъ цѣнить дѣйствія и подвиги Александра III, такъ уже и въ настоящее время вниманіе милліоновъ будетъ обращено на ту роль, которую пріурочить себѣ Великій Князь Наслѣдникъ Александръ Александровичъ. Съ той минуты, какъ закрылись глаза покойнаго Цесаревича, Вы уже принадлежите не себѣ, а исторіи; съ этой горькой минуты, такъ жестоко и неожиданно поразившей Вашихъ Августѣйшихъ Родителей, Васъ лично, всю царственную Вашу семью и всѣхъ насъ, не только каждое Ваше дѣйствіе, но каждая Ваша мысль должны принадлежать Вашему назначенію.

Но въ чемъ же должна состоять упомянутая мною роль Ваша?

Думаю, во 1-хъ, въ томъ, чтобы быть посредникомъ правды, добра и милости между народомъ и Государемъ. Такова была роль Александра I-го у Павла и Александра II-го у Николая; но Вамъ она достается гораздо легче, потому что Александръ II есть уже Самъ по себѣ источникъ правды, добра и милости. Думаю, во 2-хъ, въ томъ, чтобы постоянно, неутомимо, неуклонно развивать Ваши знанія; стараться вознаградить тѣ минуты, которыя прежде, въ другихъ предвидѣніяхъ, были можетъ быть менѣе обращены въ

пользу; стараться степенію Вашихъ свѣдѣній стать въ уровень съ тѣмъ, чего требуетъ Ваше священное призваніе и въ настоящемъ и въ будущемъ: въ настоящемъ — какъ помощника Вашего Августѣйшаго Родителя на многотрудномъ Его поприщѣ, въ будущемъ — какъ Самодержавнаго Монарха, которому Богъ ввѣряетъ счастье и судьбу великаго, добраго народа. Чтеніе полезныхъ книгъ, разумная бесѣда, открытіе доступа къ Вамъ дѣльнымъ людямъ всѣхъ званій вѣрно принесутъ свой плодъ и еще болѣе разовьютъ тѣ прекрасныя качества Вашей души, о которыхъ я слышу отъ всѣхъ Вашихъ приближенныхъ.

Думаю, наконецъ, въ 3-хъ, въ общей ко всѣмъ привѣтливости. Любовью скорѣй уловляются сердца, нежели страхомъ. Покойный Вашъ Братъ ни по лѣтамъ своимъ, ни по кругу дѣйствій еще не успѣлъ ничего сдѣлать для Россіи, а между тѣмъ вся она лежала у Его ногъ, именно вслѣдствіе той ласковой привѣтливости и предупредительности, которую каждый въ немъ находилъ.

Благоволите, Ваше Высочество, сохранить въ Вашей памяти эти прямодушныя слова: въ нихъ выраженіе чувствъ, желаній и молитвъ старика, преизбыточествующаго тѣмъ, чего у Васъ недостаетъ, но отъ чего Вы будете съ каждымъ днемъ исправляться: лѣтами и опытностію ¹⁾).

¹⁾ Архивъ графа Б. А. Перовскаго.

ПИСЬМО

А. А. АРАПОВА КЪ ГРАФУ С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ.

Позвольте глубоко оскорбленному сыновнему чувству обратиться къ Вашему Сіятельству съ симъ письмомъ.

Въ пятой книгѣ историческаго сборника въ память незабвеннаго Императора Александра III напечатаны воспоминанія князя Дондукова-Корсакова. Я помню хорошо, какъ родитель мой ласково и любезно принималъ молодого князя, рекомендованнаго его родными подъ особое его покровительство; тѣмъ болѣе меня удивляютъ, нынѣ уже старца, небывалыя инсинуаціи на моего благороднѣйшаго родителя, друга Вашего отца, отъ котораго у меня хранятся письма самаго лестнаго свойства для его памяти.

Александръ Николаевичъ Араповъ (родитель мой) за его примѣрную службу, а равно какъ инструкторъ военнаго кавалерійскаго устава тогда Цесаревичу, а нынѣ въ Бозѣ почивающему Императору Александру Николаевичу, былъ пожалованъ во Флигель-Адъютанты въ 1837 году, что въ то время считалось необыкновенной Монаршей милостью и особой наградой для избранныхъ.

Разсказъ о подмѣниваніи ординарцевъ, подѣбжавшихъ къ Государю Императору Николаю Павловичу, не токмо смѣшная, но даже исторически ложная небылица. Я, какъ имѣвшій счастье

служить офицеромъ въ Кавалергардскомъ Ея Императорскаго Величества полку съ 1852 года по 1857-й, неоднократно подъѣзжалъ ординарцемъ къ Великому Императору и могу засвидѣтельствовать честью и совѣстью, что такого поступка со стороны моего отца не могло и быть, по благородству и чувству безпредѣльной вѣрнопопданности его; онъ невозможенъ по вымыслу, а главное: кто же не знаетъ феноменальной памяти Императора Николая Павловича, его быстрого орлинаго взгляда, проникающаго въ душу и сердце человѣка, предъ нимъ стоящаго?

Князь Дондуковъ-Корсаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ также затрогиваетъ священную память Государя, Великаго Князя Михаила Павловича. Называя моего отца необразованнымъ, онъ въ разсказѣ своемъ о Великомъ Князѣ набрасываетъ тѣнь и на сего великаго борца правды и непреоборимой преданности братской любви къ своему Державному брату; разсказъ его въ смѣшномъ видѣ о производствѣ въ офицеры юнкера изъ студентовъ не служить ли скорѣе, какъ доказательство безпредѣльной преданности къ царю-брату.

Прошлаго 21 Декабря 1901 года вся Пензенская губернія почтила особою торжественною литургіею столѣтнюю память со дня рожденія моего отца; 18 лѣтъ онъ былъ ея губернскимъ Предводителемъ дворянства, почетнымъ гражданиномъ, начальникомъ ополченія во время Крымской кампаніи, до конца жизни считался по гвардейскимъ запаснымъ войскамъ, имѣлъ высокую честь, по особому къ нему милостивому вниманію Государя Императора Александра Николаевича, носить мундиръ Кирасирскаго Ея Императорскаго Величества полка, которымъ онъ, послѣ Гатчинскаго, командовалъ. Все это блистательно опровергаетъ неправильныя о немъ свѣдѣнія князя Дондукова-Корсакова.

Въ заключеніе скажу, что слова князя: „всѣ условія были не для приготовленія войска къ войнѣ, а для парада и блеску“ — по моему мнѣнію, совершенно несправедливы. Дисциплина въ войскахъ времени незабвеннаго Николая Павловича воспитала героевъ Севастопольской обороны, безсмертной славы русскаго орудія.

Высказавъ Вашему Сіятельству мою душевную отвѣдь въ защиту священной для меня памяти моего дорогаго родителя, я

покоряѣйше прошу, буде найдете возможнымъ, напечатать въ слѣдующей книгѣ Сборника мое письмо; я съ глубокимъ почтеніемъ и нерушимою преданностью сердца имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою

А. Араповъ.

СПбургъ.
23 марта 1902 года.

УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ ЛИЧНЫХЪ И НАЗВАНІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ

въ VI-й книгѣ.

А.

Абавехи, племя — 83.
Абихъ, профессоръ—167, 177.
Аварія—43, 49, 71, 108, 124, 189.
Авдотья Семеновна—317.
Авлабаръ, предмѣстье Тифлиса—168.
Авраамій, Ростовскій чудотворецъ—221.
Австралія—176.
Агаларъ-ханъ—206, 207.
Аггей, пророкъ—228.
Аймакъ—101.
Азалъ, высоты—112.
Азенъ, постъ—195.
Азія—310.
Аксаѣ, рѣчка—86, 115, 120, 121, 123, 132, 133, 134, 135, 148, 150, 151, 153, 157, 160, 211.
Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ—23, 33.
Аксу, рѣчка—186, 187.
Акташъ, рѣчка—86, 93, 101.
Акуши, селеніе—185, 199, 203, 204, 205.
Алазанъ, селеніе—186, 208.
Алатырская губернія—252.
Александръ I, Императоръ—15, 345.
Александръ II Николаевичъ, Императоръ—15, 345, 347.

Александръ III Александровичъ, Императоръ—1, 345, 347.
Александръ Николаевичъ—317.
Александра-Невскаго орденъ—98.
Алексадро-Невскій монастырь—218, 230, 238, 281.
Александрія—226.
Алексѣй, Свят. Митрополитъ Московскій—221, 237.
Алексѣй Михайловичъ, князь—279.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ—282, 283.
d'Albizzé, графъ—172.
Алексинскій уѣздъ—325, 340.
Али-султанъ—87.
Аллерой, крѣпость—135, 139, 140, 145, 146, 148.
Альбрандъ, Левъ Львовичъ, полковникъ—135, 138, 139, 211.
Алпатовъ Васенка, казачка—82, 83.
Альманива графиня—330.
Альпы—299.
Амвросій, епископъ Вологодскій—233.
Америка—176.
Амираджуртъ, укрѣпленіе на Кавказѣ—85, 86, 165.
Амосовъ, конкеръ—115, 119.
Ананія—227.

Анатолій, старецъ Оптинской пустыни—27, 31.
 Англія—176, 179.
 Андерсонъ—328.
 Анди, селеніе—107, 108, 113.
 Андійцы—109.
 Андійскій Кой-су—102, 107, 108, 112, 113, 205.
 Андійскія ворота (Бупуръ)—92, 105, 106, 107, 108, 131, 213, 214.
 Андія—58, 77, 92, 104, 105, 106, 107, 108, 111, 126, 130, 211, 213.
 Андрей Ивановичъ, графъ—268, 269.
 Андрей Яковлевичъ—279.
 Андрей враль (см. Мацѣвичъ)—234.
 Андреевскіе, князья—87.
 Андреевскій аулъ (Внезапная)—93, 98.
 Андріевскій Эрастъ Степановичъ, докторъ—76, 162, 185, 193, 194.
 Андрониковъ Ревасъ Ивановичъ, князь—76, 110.
 Анна Іоанновна, императрица—79, 279, 286, 287, 288, 289, 290.
 Анна Павловна—326.
 Аннибалъ—85.
 Аннингофъ—259, 265.
 Антонъ Ульрихъ, принцъ Брауншвейгскій—286.
 Антропычъ—334.
 Анчимеръ, гора—92, 102, 103, 104, 108, 213, 214.
 Апраксинъ П. И., графъ—320.
 Апшеронскій пѣхотный полкъ—55, 61, 72, 91, 100, 115, 123, 127, 131, 136, 143, 144, 150, 153, 202, 210.
 Аранибурхъ—264.
 Араповъ А. А.—347, 349.
 Араповъ А. Н.—348.
 Араратъ—179.
 Аргунъ—85, 94.
 Аргутинскій Іосифъ, князь—181, 194, 196, 197.
 Аргутинскій-Долгорукій Моисей Захаровичъ, князь—185, 199, 203, 207.
 Арндтъ, врачъ—3.
 Арина Сидоровна, няня Шереметевыхъ—324.
 Аріи—226.
 Арзамасская губернія—252.

Арнаутовъ, Василій Ивановичъ—83.
 Арндтъ—237.
 Агтее de Хегхё—92.
 Армения—295.
 Архангельская губернская канцелярія—234, 235, 239.
 Архангельская епархія—233.
 Архангельскъ (Арканхеръ)—233, 234, 310.
 Архангелогородскій Николаевскій монастырь—238.
 Архивъ Московскій М. Ю.—243, 245.
 Астраханъ (Астарканъ)—67, 96, 293, 294, 295.
 Астраханская губернія—79.
 Ауханское ущелье—93.
 Ахметъ-ханъ—203.
 Ахты, племя—91.
 Ахульго—45, 48, 54, 103.
 Ацалъ, гора на Кавказѣ—92, 107.

В.

Байронъ, поэтъ—17.
 Бальманъ, графъ—140.
 Балтійское море—309.
 Балтугай, аулъ—98.
 Бандура, казакъ—58.
 Барановъ Эдуардъ Трофимовичъ, полковникъ—158.
 Баремъ (Волга)—308, 309.
 Барковъ—13.
 Бароній—229.
 Барсовъ, Николай Ивановичъ—242.
 Барсуковъ, Николай Платоновичъ—3, 25, 34, 60, 61.
 Бартоновъ, Петръ Ивановичъ—16, 23.
 Бартоломей Иванъ Александровичъ, полковникъ—167, 177, 178.
 Бартунай, аулъ—100, 101, 102, 213.
 Барятинскій Александръ Ивановичъ, князь—63, 75, 107, 108, 130, 166, 170, 171, 172.
 Басманная улица—236.
 Баумгартентъ, юнкеръ—126.
 Бахенъ-Шванцъ, шталмейстеръ—273, 274.
 Бахметевъ, поручикъ—152.
 Вачу, море—303.

Башиловъ, юнкеръ—142.
 Баязетскій отрядъ—84.
 Бебутовъ Василій Осиповичъ, князь —
 85, 92, 99, 104, 105, 185, 194, 195,
 200, 201.
 Безобразовъ, генераль—111, 115, 158,
 212.
 Беклемишевъ Николай, ротмистръ—
 115, 129.
 Беклемишевскій конскій заводъ—
 289.
 Бельгардъ, полковникъ—112, 115, 130.
 Белготай, аулъ—94, 123, 124.
 Бемъ, оберъ-егерь—282, 283, 285.
 Бенкендорфъ Александръ Христо-
 форовичъ, графъ—2, 12, 14, 15, 16,
 18, 19, 20.
 Бенкендорфъ Константинычъ, графъ—
 75, 91, 103, 105, 135, 137, 138, 141,
 142.
 Берновы—322.
 Бергъ—290.
 Берлинъ—142.
 Бесѣда, журналъ—26, 33.
 Бибииковъ, полковникъ—37, 132, 157.
 Блумъ, поручикъ—152.
 Бобыкинъ Лаврентій—250.
 Бобринскій В. А., графъ—326.
 Богдановъ Петръ, секретарь—253.
 Болдино—18.
 Болтинъ Иванъ, майоръ—262, 268, 250.
 Борги Филиппъ, иноземець—290.
 Борисъ-Годуновъ, поэма—13.
 Борисовъ Захарій, священникъ—211.
 Борпстенъ (Двина)—298, 303, 309.
 Борятинскій Александръ Ивановичъ,
 князь—284.
 Борятинскій Иванъ князь—284.
 Борятинскій Сергѣй Ивановичъ,
 князь—284, 342.
 Борятинскій Федоръ Александровичъ,
 князь—342.
 Боржомъ—174.
 Ботеро, средневѣковой писатель—294,
 295, 298, 302.
 Блавацкая—167.
 Блавацкій—175.
 Благодацковъ Прохоръ—343.
 Blotte, куаферъ—168, 181.
 Брагуны, аулъ—65.

Брагуны (Жители аула Брагуны)—
 65, 66.
 Бранловъ, крѣпость—21.
 Брестскій полкъ—53.
 Де-Броглю Анна Петровна, графиня—
 325.
 Бронницкая волость—265.
 Броунъ, капитанъ—211.
 Бруснииска—309.
 Брюсъ, графъ—340, 341.
 Бубликъ, полковникъ—196.
 Бугъ, рѣка—316.
 Булгаринъ Фаддей—8, 9, 17, 18.
 Бурковъ—262.
 Буцуръ (см. Андійскія ворота).
 Бѣлая, рѣка—177.
 Вѣлгородская губернія—252, 268.
 Вѣлоруссія—94.
 Вѣлостокскій полкъ—53.
 Вѣлявскій Константинъ Яковлевичъ,
 генераль-маіоръ—115, 117, 118, 131,
 135, 138, 139, 140, 142, 143, 150, 210.
 Вуйнаки, постъ—196, 199.
 Вутурлинъ, капитанъ—284.

В.

Ваганно, озеро—298.
 Валерикъ—48.
 Вальядолидъ, городъ—293.
 Валуева Елизавета Петрова (въ за-
 мужествѣ кн. Голицына)—334.
 Варька, казачка—179.
 Варшава—140, 325.
 Василій Великій, святитель—224.
 Василій, царь греческій—229.
 Василій Николаевичъ—332, 333.
 Виспльевъ Федоръ—343.
 Васильева Марія Алексѣевна, гра-
 финя—320.
 Васильчиковъ Сергѣй Илларионовичъ,
 князь—37, 70, 71, 76, 80, 110, 135,
 144, 148, 151, 157, 163, 165, 167, 180,
 181, 182.
 Вачнадзе Димитрій, князь—211.
 Великентъ, постъ—185, 198.
 Вели-Паша—84.
 Великіе Луки—320.
 Вельяминова, Анна Васильевна—96,
 97.

Вельяминовъ, генералъ—50.
 Вельяминовъ, помѣщикъ 96.
 Венеція—136.
 Веревкинъ Александръ Николаевичъ,
 полковникъ—76, 111.
 Верхнеудинскъ—242.
 Верхнеудинскій острогъ—234.
 Ветчей, капитанъ—61, 62.
 Вигель Ѳ. Ѳ.—321, 322, 323, 324, 329,
 330, 337.
 Викторовъ, генералъ—77, 115, 125,
 126, 212.
 Виленскій округъ—197.
 Virginie m-me—168.
 Витгенштейнъ Эмиль, князь—212.
 Витовскій, полковникъ—132.
 Витте—167, 175.
 Владикавказъ—50, 69, 70, 71, 143,
 185, 188, 189, 190, 192, 194.
 Владикавказская станица—70.
 Владикавказскій аулъ—190, 193, 200.
 Владиміръ Святой—221.
 Владиміръ Каллиграфъ—226.
 Владиміръ городъ—301.
 Владиміровъ, полковникъ—53.
 Визаппная, станица—85, 86, 87, 92,
 93, 96, 160.
 Воздвиженское, селеніе—85, 94.
 Волга (Эдери)—295, 298, 299, 300, 301,
 303, 308.
 Волковъ, генералъ-лейтенантъ—283.
 Волконскій Петръ Михайловичъ,
 князь—10, 35, 39.
 Вологда—234.
 Володиміревскій уѣздъ—247.
 Вольфъ Николай Ивановичъ, полков-
 никъ—75.
 Волинская Авдотья—243, 244.
 Волинскій полкъ—143, 195.
 Волинскій, Артемій Петровичъ—243,
 244, 245, 247, 248, 250, 251, 252, 262,
 263, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 274,
 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283,
 284, 285, 287, 288, 289, 290, 291, 292.
 Волинскій, Петръ Артемьевичъ—243,
 244.
 Воронежская губернія—252, 267, 268.
 Вороново, село—288, 289, 290, 291.
 Воронцова Елизавета Ксаверьевна,
 княгиня—69, 181.

Воронцовъ, Михаилъ Семеновичъ,
 графъ (впослѣдствіи князь) 42, 43,
 49, 53, 58, 72, 75, 76, 77, 85, 91, 92,
 101, 102, 106, 108, 109, 110, 111, 113,
 114, 119, 120, 121, 123, 124, 128, 129,
 130, 132, 135, 137, 143, 144, 146, 148,
 149, 151, 152, 153, 154, 155, 159, 161,
 162, 163, 164, 166, 167, 169, 170, 173,
 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184,
 185, 192, 193, 194, 195, 197, 200, 201,
 203, 206.
 Воронцовъ Семень Михайловичъ,
 князь—187.
 Worontzoff, comte—313, 314.
 Воронцовскій мостъ въ Тифлисѣ—168.
 Врангель Владиміръ, поручикъ—120,
 163, 187.
 Вревскій Ипполитъ Александровичъ,
 командиръ—70.
 Всегодичи, село—247, 265.
 Вѣна—168.
 Вѣстникъ Европы—17.
 Выборгскій уѣздъ—281.
 Вытропскій Ерастъ Кузьмичъ—26,
 27, 31.
 Вяземская Вѣра Ѳеодоровна, княгиня
 —315, 317, 318, 319, 322, 323, 325,
 328, 329, 330, 331, 332, 334, 335, 336.
 Вяземская Елена Никитична, кня-
 гиня—321.
 Вяземская Марія Петровна, княжна—
 327, 328.
 Вяземская Надежда Петровна, княжна
 —328.
 Вяземскій Андрей Ивановичъ, князь
 —321.
 Вяземскій Павелъ Петровичъ, князь—
 325, 326, 328.
 Вяземскій Петръ Андреевичъ, князь
 —2, 13, 14, 21, 322, 325, 327, 331,
 332, 335, 336.
 Вяземскій А. А., князь, генералъ-
 прокуроръ—236.
 Вяземскій Петръ Павловичъ, князь
 —315.
 Вяземскіе, князья—315, 317.

Г.

Гавриліада—2.
 Гавриловская слобода—265.

- Гавръ—176.
 Гагарина Екатерина Андреевна, княжна—167, 173.
 Гагарина Лидія Аркадіевна (рожденная Рахманова) княгиня—173.
 Гагарина Парасковья Юрьевна, княгиня, см. Кологривова.
 Гагарина Софья Андреевна (урожденная Дашкова), княгиня—174.
 Гагаринъ Александръ Ивановичъ, князь—75.
 Гагаринъ Василій Ѳеодоровичъ, князь—316, 339.
 Гагаринъ Павелъ Павловичъ, князь—173.
 Гагаринъ Григорій, князь—167, 173.
 Гагаринъ Юрій, князь—167, 173.
 Гагаринъ Ѳеодоръ Сергѣевичъ, князь—315, 318, 321, 329.
 Гагаринъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, князь—320, 335, 336.
 Гагенмейстеръ—1.
 Галатерси, графъ—75.
 Галафѣевъ, генераль—48.
 Галиція—37.
 Ганъ, сенаторъ—45, 46.
 Ганъ двѣица—167, 175.
 Ганъ-Ганъ, писательница—175.
 Ганзенъ, генераль—170.
 Ганжа см. Елизаветполь.
 Гассафъ-юртъ, укрѣпленіе—178.
 Гатчинскій полкъ—349.
 Гейденъ, графъ Федоръ Логгиновичъ—135, 140, 143, 183.
 Геккеренъ, баронъ—20, 21.
 Геленджикъ—139.
 Генеральный штабъ—179.
 Герасимовъ, генераль—212.
 Гербель, поручикъ—211.
 Гергенидзе, прапорщикъ—211.
 Гервель-аулъ—52, 77, 86, 87, 109, 118, 119, 125, 132, 134, 135, 136, 139, 140, 145, 148, 153, 156, 159, 160, 162, 163, 164, 212, 213, 214.
 Германъ, архіепископъ Архангельскій—233.
 Германия—309.
 Гертма—92, 99.
 Герценъ—23.
 Гессенскій Александръ, принцъ—75, 110, 130, 166, 173, 212.
 Гессиманскій скитъ—29.
 Гиля, постъ—185, 195, 196, 199, 200.
 Гимри, аулъ—45, 139.
 Гиргасъ, профессоръ—31.
 Главный штабъ—183.
 Гладковъ Василій, секретарь—283, 284.
 Глѣбовъ Михаилъ, адъютантъ—70, 75, 76, 89, 90, 110, 122, 135, 144, 148, 151, 163, 165, 182.
 Гоголь Николай Васильевичъ—22, 23, 24, 25.
 Гоготъ, селеніе—107, 108, 111, 115, 122.
 Годаръ, рѣка—107.
 Годлевскій, полковникъ—149, 154.
 Гойтинскій дѣсъ—114.
 Голицына Елизавета Петровна, княгиня—334.
 Голицына-Измайлова—317.
 Голицынъ Александръ Николаевичъ, князь—36, 114.
 Голицынъ Михаилъ, князь—280.
 Голицынъ, князь—114, 119, 171, 172.
 Голицынъ Александръ, полковникъ—75.
 Головинъ, командиръ Кавказскаго корпуса—45, 47, 164, 180.
 Головинъ, генераль-губернаторъ Остзейскій—37.
 Головинскій дворецъ въ Москвѣ—235.
 Головленковъ Василій—243.
 Голостеновъ—39.
 Гончарова Наталія Ивановна—21.
 Гоптъ, иновемецъ—292.
 Горскій полкъ—79.
 Горчаковъ, князь—32.
 Граббе, генераль—49, 134, 135.
 Градуско, заливъ—303.
 Грановскій, историкъ—23.
 Гребенскій казачій полкъ—75, 79, 100, 115, 136, 173, 210.
 Гребенцы—78, 81, 82, 83.
 Греція—224, 229, 230.
 Грибоѣдова, Нина Александровна—170.
 Грибоѣдовъ, писатель—337.
 Григорій Богословъ—224.

Гриммъ Рихардъ Александровичъ—2.
 Грозная, крѣпость—65, 66, 69, 78,
 85, 96, 97, 125, 131, 134, 136, 159,
 195.
 Грузинская милиція—93, 102, 103,
 115, 127, 139, 209, 210, 211.
 Грузинскій Ираклій, князь—117.
 Грузины, улица въ Москвѣ—324.
 Грузинская, княжна—171.
 Грузія—47, 169, 177, 186.
 Грушецкій Владимиръ, ротмистръ—
 291, 292.
 Гуляковъ—208.
 Гумбетъ—101, 102, 108.
 Гурійская милиція—132.
 Гурко Владимиръ Осиповичъ, генераль-
 лейтенантъ—110, 128, 147, 169, 185,
 189, 192, 212.
 Гусарскій полкъ—147.
 Густомясовъ казакъ—137, 157.

Д.

Давидъ царь—241.
 Давыдовъ Ростиславъ, адъютантъ—
 76.
 Дагестанъ—49, 50, 63, 68, 70, 84, 85,
 91, 103, 104, 108, 111, 112, 125, 185,
 194, 198, 199, 200, 201, 202, 203,
 204, 205, 206.
 Дагестанскій полкъ—73, 92, 99, 100,
 103, 200.
 Дагоровая милиція—115.
 Дагорскій полкъ—93, 210.
 Дадьянъ Давидъ, князь—170.
 Дадьянъ, князь—45.
 Дадьянъ Екатерина Александровна,
 княгиня—170.
 Давасаъ, инженеръ-подполковникъ—
 11, 12, 20, 21.
 Данилъ, султанъ Елсуйскій—42,
 46, 47.
 Данилевскій—25.
 Даниловскій—265.
 Даргинская экспедиція—75, 76, 92,
 109, 154, 158, 160, 166, 173.
 Дарго, селеніе—41, 49, 52, 60, 77, 92,
 108, 111, 112, 113, 114, 115, 116,
 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125,

128, 129, 131, 133, 134, 140, 153, 155,
 160, 161, 209, 210, 213.
 Даскаловъ, болгарскій уроженецъ—
 33.
 Дашкова Софья Андреевна—174.
 Дашковъ Семенъ Ивановичъ, полков-
 никъ—342.
 Девіеръ, графъ—182.
 Деятнадцатый вѣкъ, журналъ—16.
 Дельвигъ, капитанъ—140.
 Дельвигъ, баронъ Антопъ Антоно-
 вичъ—13, 18.
 Дербентъ—185, 196, 197, 200.
 Дерптъ—16.
 Джарскій округъ—46.
 Джемаль-Бекъ—185, 198.
 Дженъ-Кутай, аулъ—185, 203.
 Джиморджиза, полковникъ—73.
 Димитріевъ-Мамоновъ, Эммануилъ
 Александровичъ—23.
 Димитрій, Святитель Ростовскій—
 233, 236.
 Димитрій, великій князь Москов-
 скій—221.
 Димитрій Самозванецъ—8, 9, 18.
 Динабургская крѣпость—237.
 Длотовскій, юнкеръ—131.
 Дмитріевъ, поэтъ—319.
 Днѣстръ—316.
 Догадиха Андогья, казачка—165.
 Долгорукій, князь—147.
 Долгорукій Яковъ, князь—244.
 Долгоруковъ Василій Андреевичъ,
 князь—25.
 Дондуковъ-Борсаковъ Александръ
 Михайловичъ, князь—41, 211, 348,
 349.
 Донецкой казачій полкъ—100, 156, 195,
 212.
 Дохтуровъ, маіоръ—267.
 Дружининъ Павелъ, подъячій—343.
 Дружининъ, Николай Яковлевичъ—
 76, 111, 119, 135, 164.
 Дуббельтъ—11.
 Дунай—196.
 Дунька, казачка—179.
 Дурново, Николай Дмитріевичъ—233,
 236, 237, 238.
 Дыдышъ-Кальянъ, князь—75.
 Дѣянія Апостольскія—227.

Е.

- Евгеній Онігінъ—8, 9, 17, 18.
 Евгеній, преосвященный Калужскій—236.
 Евгеньевское укрѣпленіе на Кавказѣ—104, 131, 200.
 Евреямъ посланіе—223, 231.
 Европа—327, 346.
 Евстапова, жена капитана—74.
 Евфимій, мученикъ—220.
 Евфратъ—84.
 Егерскій кн. Чернышева полкъ—115, 210, 212.
 Египетъ—230.
 Едлинскій, Альбертъ Артуровичъ—76, 116, 152, 173.
 Екатерина Великая, Императрица—78, 236, 238, 239, 241, 242.
 Екатерина Сергѣевна—317.
 Екатерингофъ—280.
 Екклезіастъ—225.
 Елагина Авдотья Петровна—23.
 Елагинъ—23.
 Елецкая провинція—267.
 Елецкій уѣздъ—267.
 Елизавета Алексѣевна, Императрица—36.
 Елизавета Петровна, Императрица—236, 238, 313, 314.
 Елизавета,—сестра Н. В. Гоголя—24.
 Елизаветградъ—317.
 Елизаветполь (Ганжа)—73, 74, 208.
 Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ—44, 51, 65, 86, 93, 169, 200, 205.
 Ермолова, Софья Алексѣевна—199.
 Ермоловы, сыновья Алексѣя Петровича—200.
 Ермоловъ, губернаторъ Тифлиса—169.
 Ермоловъ Петръ, капитанъ—249, 250.
 Ермоловскій источникъ на Кавказѣ—166.
 Ершевъ—266.
 Есипова—326.

Ж.

- Жарки, село Калужской губ.—325, 332, 334, 339, 340.
 Живодерка—324.

- Житомирскій егерскій полкъ—99.
 Жмайловичъ, капитанъ—211.
 Journal des Débats—89.
 Жуковскій Василій Андреевичъ—10, 11, 14, 19, 20, 21.

З.

- Забѣлинъ Григорій Ивановичъ—216.
 Завальевскій, полковникъ—105.
 Завидовскій Василій, егеръ—285.
 Загряжская Елизавета Александровна—21.
 Закавказье—68, 73, 108, 178, 184.
 Закаталы—208.
 Замостскій егерскій полкъ—52, 93, 115, 123, 127, 131, 152, 156, 211.
 Зиминскій Василій, адъютантъ—249, 250.
 Златоустъ см. Іоаннъ.
 Змеевъ Андрей, подполковникъ—249, 267.
 Зубовъ, графъ—79.
 Зубриловка, деревня—322.
 Зунумеръ, гора—103.
 Зурма-Кентъ, аулъ—98, 99.
 Зыранъ, укрѣпленіе—71.

И.

- Ибрагимъ—204.
 Иванъ Някитичъ—316, 317.
 Иванъ Николаевичъ—333.
 Ивановъ, подпоручикъ—211.
 Измайловскій полкъ—232, 251, 264, 272, 283, 342.
 Измайловскій звѣринецъ—284.
 Илинъ Ягашъ, оружейный мастеръ—282, 283.
 Илаюртъ, селеніе—137.
 Имеретія—208.
 Ингемоландія—281.
 Индіана—179.
 Исса-юртъ, селеніе—135, 144, 145.
 Испанія—293, 298, 306, 311.
 Истису, укрѣпленіе—86, 87.
 Италія—171, 172, 273, 298, 299.
 Ичкерія—48, 108, 109, 111, 112, 121, 125, 129, 131, 134.

Ичкеринскій хребетъ—145, 150, 165.
Ишкарты, аулъ—200.

I.

Иаковъ, праотець—241.
Иерусалимъ—28.
Иоаннъ, апостолъ—226, 338.
Иоаннъ Златоустъ—224, 227.
Иоаннъ, митрополитъ—221.
Иосифъ, праотець—230.
Иуда Искаріотъ—227.
Иуліанъ отступникъ—220.

К.

Кабарда — 50, 96, 107, 108, 115, 131, 185, 186, 188, 189, 190, 191, 192, 194.
Кабардинскій пѣхотный егерскій полкъ—52, 60, 85, 92, 93, 100, 108, 114, 115, 123, 126, 127, 133, 136, 147, 155, 156, 158, 159, 191, 210.
Кабардинская милиція—93, 115.
Кавалергардскій полкъ—322.
Кавелинъ Леонидъ,—намѣстникъ Тр. Серг. лавры—26.
Кавказъ—8, 17, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 64, 66, 67, 68, 69, 71, 75, 76, 77, 78, 79, 82, 86, 88, 91, 92, 93, 94, 97, 98, 100, 101, 105, 109, 110, 112, 116, 121, 122, 125, 127, 130, 136, 139, 143, 144, 147, 152, 153, 159, 164, 165, 167, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 184, 185, 193, 194, 195, 200, 201, 203, 206, 208, 209, 212.
Кавказскій плѣнникъ, поэма—6, 16.
Кавказскій корпусъ—211.
Кавказскій стрѣлковый батальонъ—93, 100, 115, 123, 131, 210.
Кавказскій линейный батальонъ—156, 211.
Каджентъ, постъ—199.
Казань—234.
Казанская губернія—252, 267, 268.
Казанскій уѣздъ—267.
Казанская община—27.
Казачій полкъ—137.

Казн-Кумухъ—206.
Казикумыкская плоскость—78.
Казн-юртъ, укрѣпленіе—73, 87, 195.
Казн-Мула, иямъ—45.
Калуга—333.
Калужская икона Божіей Матери — 334.
Калужская губернія—332.
Камень вѣры, книга—219, 223.
Камчатка—233.
Камчатская экспедиція—233.
Капнистъ Пелагея Егоровна, графиня—24.
Капнистъ П. Н., графъ—24.
Капони, подполковникъ—211.
Капуи—77, 85, 202.
Кара-Будаентъ, постъ—185, 199.
Карабахъ—61, 89.
Карабинерная рота—116.
Карагачъ—186.
Каразины—328.
Карамзина Екатерина Андреевна—320.
Карамзинъ Н. М.—318, 319, 330.
Карандѣевъ Григорій Ѳеодоровъ, лейтенантъ—342.
Каретный рядъ въ Москвѣ—332.
Карлъ—286.
Кароль (Карлъ Великій)—230.
Catherine II, l'impératrice—313.
Карталинская милиція—137.
Касаткинъ Аѳанасій Леонтьевъ—341.
Касаткина дѣти—341.
Каспійское море—50, 78, 87, 102, 178, 197, 301.
Касанъ (Казань)—297.
Касяновъ, сотникъ—211.
Катковъ М. Н.—33.
Кахановъ, генералъ—96.
Кахетія—171.
Качкалыкскій хребетъ—78, 86, 145, 178.
Кексгольмскій уѣздъ—281.
Кереницы—273, 274.
Керпикія—84.
Керчь—208.
Кизляръ—64, 78, 152, 194, 196.
Кизлярскій полкъ—79, 100.
Кипріянь, Святитель Карѳагенскій—222.

- Бирассирскій полкъ**—120, 152, 291.
Кириллъ, епископъ—221.
Кирилъ, епископъ Мелитопольскій, настоятель русской миссіи въ Іерусалимѣ—28.
Кирилъ VII, патріархъ Константинопольскій—32.
Киселевъ—16.
Кисловодскъ—166, 173.
Кишиневъ—91, 316.
Кишинскій Николай Семеновичъ, маіоръ—75, 87, 91.
Кишкель, шталмейстеръ—273.
Кіевъ—116, 197, 232.
Кіевскій гусарскій полкъ—201.
Климентъ (Зедергольмъ)—26.
Блюка фонъ Блюгенау Анна Егоровна—71, 202.
Блюка фонъ Блюгенау Карлъ Францовичъ, генераль—71, 106, 115, 125, 126, 129, 131, 202, 212.
Блаузенъ, инженеръ—79.
Бнатовъ Федоръ, поручикъ—264.
Бовалевскій, полковникъ—195, 212.
Бовалевскій Е. П., министръ народного просвѣщенія—34.
Божипъ Степанъ—278.
Бозинцевъ капитанъ—96.
Бозловская губерніи—252.
Бозловскій Викентій Михайловичъ, полковникъ—76, 86, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 110, 115, 133, 147, 210.
Бозловскій, князь—182.
Бозляниновъ, генераль-лейтенантъ—167, 170, 212.
Бойсу—203, 205, 206.
Бойтахъ—84, 198.
Бологрина Прасковья Юрьевна—315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 325, 330, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339.
Бологрина Петръ Александровичъ—320, 322, 325, 332, 334, 335, 336, 338.
Бологрина Юрій Ивановичъ—332, 334, 340, 341, 342.
Бологрины—324.
Боложенскій уѣздъ—246.
Болона (Коломна)—302.
Болчугинъ Иванъ Дмитріевъ, полковникъ—342.
Бомынинъ Михаилъ Дмитріевичъ, прокуроръ—342.
Бонногвардейскій бульваръ—339.
Константинополь—28, 30, 32, 176.
Бонхидатъ, аулъ—107, 113.
Бормакури—309.
Бострома—327.
Бостромской уѣздъ—246.
Бостырка, поручикъ—163.
Бохіусъ, генераль-лейтенантъ—234.
Боринянамъ посланіе—219, 223.
Борсаковъ Мстиславъ—63.
Борфъ М. А., баронъ—14.
Бочубей Сергій Викторовичъ, князь—167, 177, 182, 183.
Бочубей Василій Викторовичъ, князь—167, 177.
Браконъ—37.
Красное село—246, 292.
Красовскій Сергій Никитичъ, подпоручикъ—342.
фонъ Брузе, цензоръ—33, 34.
Брузеиштеричъ Алексій Θεодоровичъ—167, 180, 182.
Брюковскій Феликсъ Антоновичъ, генераль—63.
Брюковскій, полковникъ—186.
Брымъ—24.
Брымская кампанія—349.
Бтиторовъ, полковникъ—135, 164.
Кубанъ—83, 177.
Кубанскіе горцы—182.
Кубанскій полкъ—93, 115, 116.
Куки, предмѣстье Тифлиса—168.
Кулебякинъ Николай Петровичъ—152, 182.
Кульманъ, командиръ полка—191.
Кумыки—86, 87, 91, 98.
Кумыцкая плоскость—75, 79, 85, 86, 87, 93, 96, 101, 125, 134, 159, 160, 165.
Кумухъ—185, 206, 207.
Кура—168, 172, 178.
Куракинъ князь, оберъ-шталмейстеръ—236, 286.
Куринскій полкъ—52, 60, 85, 93, 95, 103, 108, 114, 115, 123, 127, 132, 136, 137, 141, 155, 156, 163, 191; 210, 211.
Курская провинція—252.
Кусково—334.

Кутанссь—75, 143.
 Кутайсовъ, графъ—171.
 Кыркъ, переваль—92, 102, 104.

Л.

Лабинцевъ Иванъ Михайловичъ, генераль-маюръ—53, 60, 115, 123, 124, 131, 133, 135, 140, 144, 146, 147, 150, 154, 155, 158, 212.
 Ладинскій, генераль—167, 169.
 Ладомирскій—333.
 Ладомирская Софья Θεодоровна—333.
 Ладыженскіе—336.
 Лазаревъ—135.
 Лашрі, художникъ—315.
 Ларсъ, станція—188.
 Lebguin m-me Vigée, художница—315.
 Левашева см. графиня де Брогю.
 фонъ Левенвольдъ, графъ—248, 250, 252, 253, 256, 257, 260, 261, 270, 273, 276.
 Левитскія книги—219.
 Левъ, царь греческій—229.
 фонъ Левондаль, Ревельскій губернаторъ—292.
 Левисонъ, полковникъ—116, 211.
 фонъ Лейнъ, полковникъ—53.
 Лембергъ—37.
 Ленцъ, виноторговецъ—180.
 Леонтьевъ, К. Н.—26, 31.
 Ливонія—303.
 Лидерсъ А. Н. генераль-адъютантъ—53, 110, 119, 128, 135, 140, 142, 143, 212.
 Лиза, дочь генерала Каханова—96.
 Лисаневичъ, генераль-маюръ—76, 151, 161.
 Литва—298.
 Литовскій егерскій полкъ—92, 93, 114, 115, 116, 117, 127, 131, 209, 210, 211.
 Лифландія—249, 251, 273.
 Лихачевъ, поручикъ—152.
 Лобановъ-Ростовскій А. Б., князь—32, 33, 75, 91.
 Ловчій, полковникъ—196.
 Лонгиновъ, Александръ Николаевичъ—76, 110, 114, 135, 140, 142, 144, 145.

Лопухинъ Иванъ Владимировичъ, сенаторъ—234, 235, 236, 237, 312.
 Лотарингія—309.
 Лука Евангелистъ—223.
 Лука іеромонахъ—238.
 Лукьяновъ С. М.—3.
 Люблинскій егерскій полкъ—93, 115, 123, 127, 131, 138, 139, 140, 156.

М.

Маасъ—299.
 Мавринъ, офицеръ—233, 234, 236.
 Майковъ Аполлонъ Николаевичъ—14.
 Макаровъ, капитанъ—116.
 Мальсагъ, кавказецъ—190.
 Малороссія—249, 251, 280.
 Марія Антуанета, королева—336.
 Марья Юрьевна см. княгиня Черкасская.
 Масловъ Иванъ Демидовъ, коллежскій ассесоръ—342.
 Масловъ Михаилъ, адъютантъ—76.
 Масловъ, офицеръ—63.
 Матвѣй, апостолъ—223, 226, 229, 338.
 Матвѣй, слуга кн. Вяземскихъ—327.
 Матвѣевъ Артамонъ, бояринъ—315, 319.
 Машка (Марія Александровна),—дочь А. С. Пушкина—20.
 Мацѣевичъ Арсевій, митрополитъ Ростовскій—216, 217, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242.
 Маяртуръ, селеніе—134, 135.
 Мейендорфъ Александръ Казимировичъ, баронъ—167, 178, 179.
 Меликовъ Леванъ, князь—103.
 Мельдскій соборъ—230.
 Меллеръ-Закомельскій, баронъ—115, 132, 149, 185, 190, 191, 192, 210.
 Мельниковъ, юнкеръ—111, 114, 115, 117, 118, 162.
 Мерлина—326.
 Метлисская переиравъ—98, 99.
 Мехти-Кули-Ханъ Карабахскій—89.
 Мехтулинское ханство—49, 203, 204.
 Михайлова Василиса Иванова—341.
 Михайловское село—13, 14, 15, 323, 324, 339.

Мецкерское село 322, 325, 327, 328, 332.
 Минаретскій постъ на Кавказѣ—190, 191.
 Минаретскій хребетъ—190.
 Мингегауръ, селеніе—178.
 Мингрелія—170.
 Мингрельскій полкъ—61.
 Минскій егерскій полкъ—99, 195.
 Минквицъ, баронъ—76, 182.
 Мирковичъ—37.
 Миснитъ, урочище—135, 159, 160.
 Мискинджи—91.
 Михайлъ Павловичъ, великій князь—39, 40, 348.
 Михайлъ, митрополитъ Кіевскій—221.
 Мичкалъ—60, 101, 102, 103, 104, 105, 213.
 Могилевъ—333.
 Модлинскій пѣхотный полкъ—156.
 Моздокъ—79, 94.
 Моздокскій полкъ—79, 93, 115, 173, 210.
 Monirail—168.
 Моно, французъ—172.
 Морошкинъ М. Я.—242.
 Морло (Муромъ) 300.
 Моска (Москва-рѣка)—302.
 Моска (Москва)—302, 308.¹
 Москва—13, 16, 17, 19, 24, 143, 171, 173, 233, 234, 235, 236, 243, 245, 248, 250, 251, 252, 253, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 266, 267, 268, 269, 270, 272, 273, 274, 279, 282, 283, 284, 288, 289, 290, 291, 292, 307, 303, 318, 321, 323, 324, 325, 327, 331, 332, 333, 336.
 Московскія Вѣдомости—27.
 Московская губернія—245.
 Московскій уѣздъ—246.
 Московская крѣпостная контора—343.
 Московскій Телеграфъ, журналъ—17.
 Московія—293, 294, 295, 296, 300, 306, 308.
 Мой (Мойка), рѣка—286.
 Муравьевъ Андрей Николаевичъ—177, 179, 185.

Мусинъ-Пушкинъ Иванъ, графъ—222, 223, 244, 245.
 Мусса-Хассай см. Уцмиевъ.
 Мухранская Анна Ивановна, княгиня—167, 171, 172, 173, 182.
 Мухранскій Александръ, князь—172.
 Мыловъ, полковникъ—189.

Н.

Навагинскій полкъ—70, 93, 115, 123, 127, 132, 138, 156, 157, 158, 163.
 Надеждинъ, профессоръ—17.
 Назаръ, курьеръ—317.
 Назимовъ Владиміръ Ивановичъ—22.
 Назранъ, крѣпость—192.
 Нальчикъ—185, 190.
 Нарышкинъ—242, 281, 283.
 Наумовъ, тайный совѣтникъ—249.
 Наумовъ Иванъ, маіоръ—249, 250.
 Науръ, станица—79.
 Неаполь—273.
 Невскій, см. Александро-Невскій монастырь.
 Нееловъ, совѣтникъ—284.
 Нейдгартъ Александръ Ивановичъ, командиръ Кавказскаго корпуса—47, 76, 100, 110, 164, 167, 169, 179.
 Нейманъ, штабсъ-капитанъ—108.
 Неклюдовъ, камеръ-юнкеръ—28.
 Нессельроде, графъ—10.
 Нестеровъ, генералъ—188, 189, 192.
 Нечаевъ, адъютантъ—76, 110, 201.
 Нешена (Нижній-Новгородъ)—299, 300.
 Нидерланды—299.
 Николай Александровичъ, Наслѣдникъ-Цесаревичъ—345.
 Николай Павловичъ, Императоръ—2, 3, 4, 6, 7, 11, 14, 15, 35, 36, 37, 38, 42, 45, 47, 49, 331, 348, 349.
 Николай Александръ Павловичъ, баронъ—76, 137, 141, 170, 181.
 Николаевскій Корельскій монастырь—233.
 Николаевская станица—97, 190.
 Нижегородскій драгунскій полкъ—186.
 Нижегородская губернія—252.
 Нижегородская ярмарка—202.

Никифоръ Каллистъ, историкъ—226.
 Нины Св. пансіонъ въ Тифлисѣ—69.
 Новоглидовская станица—78.
 Новгородъ—274.
 Новгородская губернія—281, 282.
 Новоспаскій монастырь—324.
 Новороссійскій край—41, 195.
 Нолькенъ, офицеръ—234.
 Ноган (Нокай) племя—65, 296.
 Ногайскія кочевья—79, 80.
 Норденштамъ, генералъ—186.
 Нохъ-Бике—203.
 Ночная (la Princesse Nocturne) см.
 Голицына-Измайлова.
 Нухинская провинція—46.

О.

Объ (Обіо)—233, 303.
 Оболенскій Андрей Петровичъ, князь
 —333.
 Оглы, селеніе—203, 204, 205.
 Одесса—41, 75, 76, 119, 168, 176, 193.
 Окулова Варвара—327.
 Окуловы—327.
 Олаторская провинція—268.
 Ольга (Гоголь), сестра Н. В. Гого-
 ля—24.
 Ольдекопъ, статскій совѣтникъ—16.
 Опочинина Варвара Яковлевна—71.
 Оптина пустынь—27, 31.
 Орбеліанъ Димитрій, князь—167, 170,
 210.
 Орбеліанъ Елизавета Димитріевна.
 княжна—170.
 Орбеліанъ Марья Ивановна княги-
 ня—170.
 Орбеліани Григорій Димитріевичъ,
 князь—185, 203, 209.
 Орда, татарская—221.
 Орловъ-Денисовъ, графъ—320.
 Орловъ Григорій Григорьевичъ графъ,
 —235.
 Orloff, comte—313.
 Орловская провинція—267.
 Осетины—210.
 Осетинскія горы—208.
 Осетинская милиція—102, 115.
 Остафьево, село—321, 328, 333.

Остафьевскій архивъ—315, 320, 336.
 Очаковъ—317.

П.

Павелъ, аностоль—219, 224, 262.
 Павелъ I, императоръ—14, 322, 346.
 Павлова—323.
 Павлодольская станица—137.
 Пажескій корпусъ—179.
 Панкратьевъ Петръ Прокофьевичъ—
 317.
 Панинъ Никита Ивановичъ, графъ—
 235.
 Пановъ Николай Захаровичъ—23.
 Парасуальтъ или Парасланъ (Пе-
 реславль)—308.
 Параша—326, 328.
 Парижъ—35, 60, 168, 176, 336.
 Парѣеній, преосвященный Архангель-
 скій—234.
 Паскевичъ Ѳеодоръ Ивановичъ, князь
 —51, 75, 117, 129.
 Пассекъ Діомидъ Васильевичъ—71,
 102, 103, 105, 125, 115, 125, 127, 212.
 Пахрино, село—246.
 Пахринская волость—265.
 Пахринская конюшня—288, 291.
 Пелагея Преподобная—226.
 Пенза—322, 323.
 Пензенская губернія—252, 268, 325,
 348.
 Перголя-Бекъ, посоль персидскій—
 306.
 Перекопскіе татары—300.
 Пересвятовъ, поручикъ—211.
 Перовскій Борисъ Алексѣевичъ, графъ
 —35, 37, 38, 345, 346.
 Перовская В. Б., графиня—35, 37.
 Персія—78, 139, 179, 243, 244, 245,
 293, 295, 308.
 де-Персія донъ Хуанъ—293, 311.
 Петербургъ—13, 18, 36, 42, 44, 45,
 48, 51, 60, 75, 76, 77, 87, 94, 96, 98,
 100, 101, 107, 109, 110, 111, 139, 148,
 168, 172, 173, 174, 182, 184, 189, 232,
 233, 238, 239, 261, 264, 269, 245, 249,
 251, 279, 281, 282, 284, 288, 290, 291,
 325, 349.

Петергофъ—39, 280, 286, 287, 288.
 Петинька—328.
 Петръ, апостолъ—236.
 Петръ, митрополитъ-Московский—221.
 Петръ царевичъ Ордынский, святой—221.
 Петръ I, императоръ—14, 78, 197, 222, 230. *Pierre le Grand*—314.
 Петръ II, императоръ—244.
 Петръ III, императоръ—236.
 Печера—273.
 Пироговъ—173.
 Плацъ-Бекъ-Какутъ, майоръ—46.
 По, рѣка—299.
 Погодинъ М. П.—14, 18, 25, 34.
 Подольскій егерскій полкъ—196, 200.
 Познанскій, полковникъ—123.
 Полевой—17, 21.
 Полозовъ, полковникъ—262.
 Полтава, поэма—10, 17, 24.
 Полтавская губернія—197.
 Полтининъ Михаилъ Петровичъ, полковникъ—185, 193.
 Польша—232.
 Польскій уѣздъ—292.
 Полянка, улица въ Москвѣ—332.
 Попенкова Анна Никитина—341.
 Попенковъ Ковдратій Тимофеевъ—341.
 Попенковы, дѣти—341.
 Поплинъ (Пипинъ), король французскій—230.
 Посниковы—323.
 Посевинъ—302.
 Постельсъ, генераль-майоръ—212.
 Потѣшный дворъ въ Москвѣ—263.
 Похвисневъ Иванъ Ѳеодоровичъ—333.
 Потемкинъ, князь—318.
 Правила Апостольскія и Св. Отецъ—219, 220.
 Прага—315, 321.
 Пражскій пѣхотный полкъ—93, 112, 155, 156.
 Прасковья Юрьевна см. Кологривова.
 Преображенскій полкъ—112.
 Преображенское, село—236.
 Пружановскій, капитанъ—157, 162.
 Прѣсна, улица въ Москвѣ—332.
 Псковская губернія—12, 153, 282.
 Псковъ—274.

Пулло, командиръ—136.
 Пустозерскій острогъ—233.
 Пушкинъ Александръ Сергѣевичъ—2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 331, 335.
 Пушкинъ Сергѣй Львовичъ—16.
 Пятигорскъ—96, 135, 165, 166, 196.

Р.

Раевскій, генераль—50.
 Разумовскій А. К. графъ—313, 314.
 Ранжевскій, полковникъ—115, 126, 127, 210.
 Растопчина Е. П., графиня—22.
 Раутенбергъ, капитанъ—153.
 Рахмановъ Гаврила, поручикъ—283.
 Рахмановъ, крестьянинъ—24.
 Рачинскій Владиміръ Александровичъ—22, 23.
 Рачинскій Сергѣй Александровичъ—23, 25.
 Ревель—16, 234, 235, 237, 291.
 Ревельская крѣпость—237.
Révue des deux mondes—89.
 Регель, переваль—92, 112, 115, 124, 125.
 Регламентъ Духовный—225.
 Рейнъ—172.
 Репнинъ, князь—317.
 Рестукъ—309.
 Рига—273, 333.
 Рижскій гарнизонъ—274.
 Римъ—310.
 Родіоновъ Иванъ, капитанъ—282, 283.
 Родіоновъ Ѳеодоръ—290, 291.
 Ровень, баронъ—44, 45, 83, 139.
 Россійская имперія—90.
 Россія—16, 17, 21, 30, 51, 52, 53, 54, 58, 60, 61, 69, 96, 139, 165, 166, 170, 184, 194, 197, 208, 212, 220, 221, 233, 241, 244, 311, 322, 324, 345, 346.
Russie—313.
 Романовъ—247.
 Ростовъ—233, 235, 237.
 Ростовъ на Дону—68.
 Ростовская епархія—231.
 Ростовская митрополія—239.
 Рошня, рѣчка—63.
 Ртищевъ—44.

Рубцовъ Иванъ Дмитріевичъ—342.
 Рудановскій Леонидъ Платоновичъ,
 полковникъ—185, 196, 197.
 Румянцева Марья Андреевна, гра-
 финя—315, 319.
 Румянцевъ-Задунайскій, фельдмар-
 шаль—314, 321, 336.
 Русланъ и Людмила, поэма — 6, 16,
 17.
 Русскій Архивъ—21.
 Русскій Вѣстникъ—26, 33.
 Русская Старина — 14, 19, 21.
 Рязанскій пѣхотный полкъ—211.
 Рязанское подворье—236.

С.

Сабуровъ—327.
 Савва, архимандритъ—26.
 Саксонія—309.
 Салалакскіе сады Тифлиса—182.
 Салатавія—99, 101, 108, 200.
 Салты, селеніе—70, 76, 173, 182.
 Салтыковъ, прапорщикъ—74.
 Салтыковъ, графъ—272.
 Самаринъ Михаилъ—244.
 Самарцовъ Степанъ, чиновникъ—286.
 Самашки—192.
 Самсоновъ, полковникъ—75.
 Самуръ, рѣка—177.
 Самурскій полкъ—56.
 Саперный батальонъ — 93, 100, 105,
 123, 131, 133, 165, 210.
 Сапфира—227.
 Сарасенъ (Саратовъ)—297.
 Сафоновъ Федоръ Ивановичъ, полков-
 никъ—342.
 Сашка (Александръ Александровичъ),
 сынъ А. С. Пушкина—20.
 Свіяжская губернія—252, 268.
 Святогорскій монастырь—21.
 Севастопольская оборона—348.
 Сеймуръ, англичанинъ—167, 179.
 Семеновъ Тихонъ—341.
 Семеновъ полковникъ—135, 152, 211,
 Семеновскій полкъ—250.
 Сенатъ—243, 249, 250, 251, 252, 253,
 278, 280, 281, 282.
 Сербиновичъ К. С.—21.
 Сергій Преподобный—28, 29.

Сибирь—234, 242,
 Сибирскій приказъ—248.
 Сибирская провинція—268.
 Сидоровское, село—246, 265.
 Симбирская губернія—252.
 Симерь (Симбирскъ)—297.
 Simon m-me—317.
 Сионскій соборъ въ Тифлисѣ—174.
 Скарятинъ Маркъ Степановичъ, пол-
 ковникъ—342.
 Сколковъ Иванъ Григорьевичъ, фли-
 гель-адъютантъ—75.
 Скопинъ—247, 265.
 Скорняковъ-Писаревъ Григорій Гри-
 горьевичъ, генераль-маіоръ—342.
 Смоленскъ—262, 268.
 Soldaine m-me—326.
 Соллогубъ, графъ—167, 174, 175.
 Сори—99.
 Софинька—328.
 Спасо-Ярославскій монастырь—231.
 Ставрополь—67, 69, 72.
 Старый Юртъ, сел.—136.
 Староглидовская станица—78.
 Стейнбоксъ, графъ—135, 136, 152, 162,
 163.
 Степановъ, маіоръ—116, 211.
 Стрешневъ Тихонъ—244.
 Строгановъ Александръ Григорье-
 вичъ, графъ—21.
 Строгановъ Александръ Сергѣевичъ,
 графъ—75, 143.
 Строгановъ Александръ—11.
 Строгановъ Григорій Александро-
 вичъ, графъ—26.
 Строгановъ Сергѣй Григорьевичъ,
 графъ—21.
 Стюрлеръ А. Н.—1.
 Суворовъ А. В. генералиссимусъ—321.
 Суворовъ, князь-генераль-губернаторъ
 Остаетскій—37, 38.
 Суздальскій уѣздъ—246.
 Сулакъ, рѣка—87, 98, 99, 101, 186,
 195.
 Султанъ-юртъ, аулъ—87.
 Сунжа, рѣка—65, 78, 86, 95, 112, 185,
 192.
 Сунжинскій казачій полкъ—131.
 Сусловъ, полковникъ—75, 83, 84.
 Сушкова—328.

Сѣверный океанъ—303.
 Сѣверная Пчела, журналъ—17.
 Сѣвская губернія—252.
 Сѣменовъ Димитрій—238, 239, 242.
 Синодъ Святѣйшій Правительству-
 ющій—217, 218, 232, 233, 234, 236,
 238, 239, 241.

Т.

Таганрогъ—35, 68, 69.
 Тамбовская провинція—252, 268.
 Тамерланъ—295.
 Татарія—300.
 Таузиновъ, маіоръ—234.
 Ташки-чу, укрѣпленіе—53, 75 85, 86,
 87, 88, 89, 90, 91, 92.
 Тверскія ворота въ Москвѣ—324.
 Темвръ-ханъ-Шура—50, 53, 71, 73,
 85, 104, 109, 111, 125, 131, 185, 189,
 194, 195, 196, 197, 199, 200, 201,
 202, 203.
 Тенгинскій полкъ—70, 101, 103.
 Теренгуль—92, 101, 103.
 Теренгульскій оврагъ 100, 101.
 Терекъ—41, 70, 75, 78, 79, 80, 82, 85,
 86, 87, 89, 90, 112, 136, 160, 165, 190,
 191, 192.
 Технучалъ, аулъ—112, 113, 213.
 Тимашевъ, Министръ Внутреннихъ
 Дѣлъ—202.
 Тифлисъ—46, 68, 69, 75, 77, 89, 96,
 110, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173,
 174, 175, 177, 178, 179, 181, 182,
 184, 185, 187, 188, 203.
 Тифлисская дружина—139.
 Тифлисская пѣшая милиція—211.
 Тѣвскій—17.
 Тобольскъ—233.
 Тлохъ, аулъ—107.
 Толмачевы—326.
 Толстой Александръ Петровичъ, графъ,
 оберъ-прокуроръ Свят. Синода—26,
 31, 32, 33.
 Толстой П. А., графъ—2.
 Толстой Петръ—152, 153.
 Транковский, прапорщикъ—211.
 von-Treskov—286.
 Трубецкая Дарья Александровна,
 княгиня—315, 319.

Трубецкіе князья—334, 338.
 Трубецкой, князь—76.
 Трубецкой Юрій Никитичъ, князь—
 315, 331, 332.
 Трубецкой Никита Юрьевичъ, князь—
 331, 334.
 Трубецкой Т., князь—325.
 Туравичнсъ—309.
 Тургеневъ А. И.—12, 21.
 Тумановы, князья—170.
 Турмень—309.
 Турскій дворъ—243.
 Турція—50, 73, 84, 99, 143, 295.
 Турецкая война—143.
 Турецкій походъ—315.

У.

Uvaroff Serge, comte—314.
 Удачное, укрѣпленіе—104, 131.
 Уланскій полкъ—211.
 Улубей, старшина—148.
 Умаканъ-юртъ, укрѣпленіе—65, 95.
 Урдали, аулъ—135, 136.
 Урусъ-Мартанъ, рѣка—63.
 Ушаковъ Андрей Ивановичъ—287.
 Ушаковъ, капитанъ—163.
 Ушаръ, поручикъ—165.
 Уцмиевъ Мусса-Хассай, князь—75, 87,
 88, 89.
 Уцмиевы, князья—87, 198.

Ф.

Фадеевъ Ростиславъ, поручикъ—175.
 Фадеевы—167, 175.
 Фалъ, мѣстечко близъ Ревеля—5.
 Фидіасъ (Фидій)—330.
 Филаретъ, митрополитъ Москов-
 скій—26, 28, 29, 30, 32, 33.
 Филипповъ Тертіи Ивановичъ—26,
 31, 216, 242.
 Филипповъ Сергѣй Тертіевичъ—34.
 Филиппъ III, король Испаніи—293.
 Фирингъ, берейторъ—273.
 Фландрія—298, 299.
 Florence—182, 322.
 Фокъ, генералъ—77, 115, 118, 211.
 Форсалесъ, поручикъ—135, 149.
 Франциско, монахъ—312.

Франція—229, 322.
 Фрейтагъ Робертъ Карловичъ—65,
 66, 78, 91, 96, 106, 131, 135, 153, 154,
 155, 156, 157, 158, 159, 160, 185, 188,
 189, 190, 191, 192, 195, 213, 214.
 Фуадъ-паша—32, 33.

Х.

Хаджи-Муратъ—72.
 Ханкенды урочище—61, 62.
 Ханыковъ Николай Владиміровичъ—
 177.
 Хосташовъ Акимъ Акимовичъ, пол-
 ковникъ—90.
 Хитунская волость—260.
 Херубино, пажъ—330.
 Хибиска (Рыбинскъ)—309.
 Хитрово Петръ Никитичъ, егер-
 майстеръ—340, 341, 342.
 Хлюпинъ, полковникъ—193.
 Ходзько, генералъ—167, 177.
 Ходумъ-Батъ, гора—99.
 Хомяковъ А. С.—23.
 Хонкальское ущелье—65.
 Хорошово, село—246.
 Хрещатицкій, генералъ—131, 212.
 Христиничъ—181.
 Хрущовъ, капитанъ-поручикъ гвар-
 діи—262.
 Хубарали—99.
 Хубарскія высоты—213.

Ц.

Царскосельскій лицей—14, 21.
 Царскосельскіе маневры—101.
 Цицятль, селеніе—105.
 Циціановъ, князь—44, 203.
 Цонтери, аулъ—115, 123, 133, 134,
 213.
 Цудахаръ, селеніе—185, 205, 206.

Ч.

Чавчавадзе Александръ Герсевано-
 вичъ, князь—167, 170, 171.
 Чавчавадзе Давидъ Александровичъ,
 князь—171.
 Чепуасаръ (Чебоксары)—298.

Червленная, станица—41, 42, 75, 77,
 78, 79, 82, 84, 85, 89, 90, 135, 165,
 173, 179.

Черединъ—236.

Черекъ, ущелье—190, 191.

Черепановъ, полковникъ—189, 190.

Черводарскій транспортъ—93, 100.

Черкасскій А. М., князь—332, 340.

Черкаская Марья Юрьевна, кня-
 гиня—332, 334, 340, 341, 342.

Черкасскіе, князья—334.

Черныя горы—78, 190.

Чернышевъ Александръ Ивановичъ,
 князь, военный министр—48, 100.

Честилина—327, 328.

Четвертинскій Борисъ Антоновичъ,
 князь—334.

Четвертинская Надежда Фёдоровна,
 княгиня—334.

Чечни—41, 48, 49, 63, 78, 79, 94, 112,
 114, 126, 128, 134, 141, 185.

Чеченцы—80, 86, 92, 93, 103, 211,
 212.

Чиръ-юртъ—99, 186, 200.

Чичеринъ Василій, поручикъ—250,
 262, 268.

Чугуевъ—36.

Ш.

Шамиль—41, 45, 47, 48, 49, 63, 71,
 98, 103, 105, 107, 108, 109, 112, 113,
 121, 122, 123, 124, 131, 134, 135,
 136, 154, 160, 171, 185, 186, 188,
 189, 190, 191, 192, 194, 199, 200,
 205, 206, 207, 211, 213.

Шамхальскія владѣнія—207.

Шарлай донъ Антонио—308, 310.

Шаухальскія владѣнія—148.

Шаухаль-Верды—135, 136, 146, 148,
 150, 152, 153, 155, 157, 158, 160.

Шаховская, княгиня—326.

Шацкая провинція—268.

Шевыревъ Степанъ Петровичъ—23.

Шекинская плоскость—186.

Шекшино—246.

Шелковая станица—78, 90.

Шельда—299.

Шеляга—84.

Шемаха—135, 186, 187.

Шеппингъ, баронъ—135, 137, 141.
 Шереметова Анна—341.
 Шереметова Екатерина Павловна,
 графиня—319.
 Шереметова Екатерина Васильевна—
 323.
 Шереметовы—324.
 Шереметовъ Н. П., графъ—321.
 Шереметовъ Сергѣй Дмитриевичъ,
 графъ—2, 216, 338, 339, 347.
 Шереметовъ Сергѣй Васильевичъ—
 323.
 Ширванскій полкъ—56, 76.
 Ширванская плоскость—186.
 Ширванское ханство—186.
 Шишковскій, генералъ-прокуроръ—
 235, 236, 237.
 Шмиссельбургъ—108, 139.
 Шостаки, полковникъ—184.
 Шуань, селеніе—134.
 Шура см. Темиръ-Ханъ Шура.
 Шуша—89.

Щ.

Щедринская станица—78, 84, 165.
 Щепкина-Буперникъ—25.
 Щербининъ Евдокимъ, капралъ—282,
 283.
 Щербининъ Михаилъ Павловичъ—
 76, 110, 182.
 Щербининъ, маіоръ—267.

Ю.

Юрьевскій уѣздъ—292.
 Юсуповъ Борисъ, князь—288, 290, 291.

Э.

Эдери, см. Волга.
 Эндери, аулъ—93.
 Эренгроссъ—324.
 Эрпели, аулъ—148, 185, 200.
 Эрнелинская милиція—115.
 Эриванъ—69, 139, 175, 176, 179, 208.
 Эриванская площадь—182.
 Эриванскій полкъ—56.
 Эристовъ Захарій, князь—138.
 Эристовъ Николай, князь—175.
 Эристовы, князья—170.
 Эреннія—299.
 Эссенъ, поручикъ—60, 65, 66.

Я.

Языковъ, поэтъ—16.
 Якиманка, улица въ Москвѣ—332.
 Яковлевскій монастырь—235.
 Ямаръ (Самара)—297.
 Ямвель, князь—147, 148.
 Ямская Смоленская слобода—281.
 Ярославъ (Ярославль)—308.
 Яссы—315, 316, 317.

Ө.

Өеодора, царица—229.
 Өедосѣевскій толкъ—84.

ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕ-
НІЯ ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

- 1) Сборникъ „Старина и Новизна“. 1, 2, 3, 4, 5 книги. Цѣна 2 р. каждой книги, для членовъ Общества по 1 р. *).
- 2) I выпускъ. „Заявъ Наря-Миротворца“. Рѣчь протоіерея П. А. Смирнова, произнесенная 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества. Изданіе бесплатное.
- 3) II выпускъ. 1) Рѣчь гр. С. Д. Шереметева, 2) Стихотвореніе А. Н. Майкова, 3) Стихотвореніе гр. А. А. Голенничева-Кутузова. произнесенныя 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества. Изданіе бесплатное.
- 4) III выпускъ. Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ. Валерія Лясковаго. Цѣна 80 к., для членовъ Общества 40 к.
- 5) IV выпускъ. Біографія генерала Котляревскаго. Соч. гр. В. Соллогуба. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.
- 6) V выпускъ. Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ И. С. Бѣляева. Цѣна 40 к., для членовъ Общества 25 к.
- 7) VI выпускъ. Рѣчь Предсѣдателя Общества, произнесенная въ засѣданіи Совѣта 21 апрѣля 1902 г. въ двенадцатый день по кончинѣ Дмитрія Сергѣевича Сипигина. Изданіе бесплатное.
- 8) VII выпускъ. Рѣчь Предсѣдателя Общества, произнесенная въ засѣданіи Совѣта 12 мая 1902 г. по поводу кончины Сергѣя Александровича Рачинскаго. Изданіе бесплатное.
- 9) VIII выпускъ. С. А. Рачинскій, съ портретомъ. Н. М. Горбова. Цѣна 40 коп.
- 10) IX выпускъ. Памяти С. А. Рачинскаго. † 2 мая 1902 г. Валерія Лясковаго. Цѣна 20 коп.
- 11) Татевскій Сборникъ С. А. Рачинскаго. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Цѣна 1 р. 50 к., для членовъ Общества 1 р.
- 12) Бесѣды о древней русской литературѣ. И. П. Хрущова. Цѣна 1 р. 25 к., для членовъ Общества 65 к.
- 13) Переводы. Выпускъ I. „Константинополь“. Соч. Ф. Маріона Крауфордъ. Переводъ съ англ. гр. Е. Н. Шереметевой, подъ редакц. проф. Помяловскаго. Цѣна 50 к., для членовъ Общества 25 к.

Цѣна VI книги „Старины и Новизны“ — 2 руб., для гг. членовъ Общества — 1 руб.

Силадь изданій Общества: 1) С.-Петербургъ, Фонтанка, 34. 2) Москва, Воздвиженка, д. 8, гр. С. Д. Шереметева.

*) Гг. Члены Общества могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ лишь по одному экземпляру каждой книги, требующе же сверхъ сего экземпляры оплачиваются по цѣнѣ, установленной для постороннихъ лицъ.